

история / география / этнография

Антон Горский

Москва и Орда

Ломоносовъ
издательство

Антон Горский

Москва
и Орда

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43
Г70

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

О тношения Московского княжества и Золотой Орды всегда привлекали большое внимание как исследователей, так и всех интересующихся русской средневековой историей. Это неудивительно, поскольку становление Московской Руси, предшественницы Российской империи и в конечном счете — современного Российского государства, происходило именно тогда, когда Северо-Восточная Русь соседствовала с Ордой¹ — государством, в зависимости от которого находились с середины XIII в. русские земли. Само возникновение Московского княжества, его территориальный рост и усиление, выдвижение на ведущие позиции в Северо-Восточной Руси, объединение под властью московских великих князей значительной части северных русских земель происходили на фоне отношений с Ордой и в тесной связи с ними. Отношения эти не отличались однозначностью: полярно проти-

воположными выглядят участие Ивана Калиты в ордынском карательном походе на Тверское княжество в 1328 г. и разгром его внуком Дмитрием Ивановичем войска Мамаю на ордынской территории в 1380 г. Еще разительней контраст между положением Московского княжества и Орды в начале и в конце их одновременного существования. В конце XIII в., с одной стороны, — небольшое княжество в бассейне реки Москвы, с другой — огромная держава, раскинувшаяся в степях от Дуная до Иртыша. В начале XVI столетия, с одной стороны, — крупнейшее государство Европы, занявшее примерно половину территории Руси домонгольской эпохи, с другой — несколько десятков тысяч мечущихся по степи людей.

В свете общепризнанной важности темы отношений Московского княжества с Ордой парадоксально выглядит тот факт, что она до сих пор не становилась предметом специального исследования, которое бы охватывало весь период одновременного существования этих государственных образований. Московско-ордынские отношения рассматривались в историографии вкуче с другими вопросами: во-первых, в обобщающих трудах — по русской истории в целом² или по истории Северо-Восточной Руси³; во-вторых, в работах по истории Золотой Орды⁴; в-третьих, в исследованиях русско-ордынских отношений или международных отношений в Восточной Европе в целом⁵. Специальные работы по истории именно отношений Москвы с Ордой посвящались только двум коротким историческим периодам: времени княжения Дмитрия Донского до 1380 г. включительно⁶ и эпохе Ивана III до 1480 г. включительно⁷, то есть внимание исследователей было сконцентрировано лишь на двух ключевых эпизодах — Куликовской битве и ликвидации зависимости от Орды.

Задача данной книги — проследить развитие отношений Московского княжества с Ордой с 70-х гг. XIII в. (когда появилось Московское княжество) до первых лет XVI в., когда фактически прекратила свое существование так называемая Большая Орда, считавшаяся главной наследницей распавшейся в XV столетии единой ордынской державы. Тематически исследование ограничивается политическими отношениями, а также их отображением в общественном сознании. Отношения с Ордой других русских княжеств затрагивают-

ся постольку, поскольку проливают свет на основную тему исследования — московско-ордынские отношения. Это же ограничение распространяется на отношения Москвы с выделившимися из Орды в XV в. политическими образованиями — Крымским, Казанским, Астраханским ханствами, Ногайской Ордой: в центре внимания будут контакты Московской Руси с Большой Ордой. Отношения с Ордой русской церкви специально не изучаются, рассматриваются только факты конкретного воздействия ее деятелей на политику Московского княжества.

Книга состоит из девяти глав, построенных по хронологическому принципу — каждая из них соответствует времени правления одного из московских князей⁸.

Из отечественных источников наибольшее количество информации о московско-ордынских отношениях содержат летописи⁹.

Наиболее ранним памятником летописания Северо-Восточной Руси изучаемого периода является Лаврентьевская летопись (дошла в списке 1377 г.)¹⁰. Ее основной текст завершается известием от 23 июня 6813 г., поэтому традиционно протограф Лаврентьевской летописи определяется как «свод 1305 г.». Но 6813 г. от С. М. в данном случае — ультрамартовский, то есть соответствует 1304/05 г. от Р. Х.¹¹ Следовательно, вернее говорить о «своде 1304 г.». Лаврентьевский список имеет две лакуны в тексте за вторую половину XIII в. — 6771–6791 и 6795–6802 гг. Создание свода связывается с переходом великокняжеского стола во Владимире к князю Михаилу Ярославичу Тверскому; обработка великокняжеской летописи в Твери в 1304 г. обусловила включение в нее ряда тверских известий.

Следующим по времени памятником северо-восточного летописания является Троицкая летопись начала XV в. Ее протографами были тот же свод 1304 г. (благодаря чему она сохранила фрагменты летописания конца XIII в. там, где в Лаврентьевской наличествуют лакуны) и так называемый общерусский свод начала XV в., созданный в Московском великом княжестве (возможно, Троицкая летопись передавала его текст непосредственно). Текст Троицкой летописи

за XIV столетие содержал главным образом московское летописание. Рукопись летописи погибла в московском пожаре 1812 г., и текст частично восстанавливается по выпискам, сделанным из нее Н. М. Карамзиным¹².

Рогожский летописец (список середины XV в.)¹³ имеет своими источниками тверскую обработку свода начала XV в. и тверской свод второй половины XIV в.

В относительно поздней (конец XV в.) Симеоновской летописи¹⁴ в части до 1391 г. непосредственно отразилась тверская редакция свода начала XV в., благодаря чему ее тексты за конец XIII—XIV в. дают возможность в значительной мере реконструировать утраченные известия Троицкой, а частично — и Лаврентьевской летописей¹⁵.

Новгородская Карамзинская¹⁶, Новгородская IV¹⁷ и Софийская I летописи¹⁸ восходят к общему протографу — своду (вероятнее всего, митрополичьему), датируемому, по разным оценкам, от конца 10-х до 30-х гг. XV в.¹⁹ Он имел в основе общерусский свод начала XV в., новгородский и ростовский своды той же эпохи. В последнем источнике, отразившемся также в Московской Академической летописи²⁰ и сокращенном своде второй половины XV в.²¹, содержится ряд уникальных известий за конец XIII столетия.

Московское великокняжеское летописание середины — второй половины XV в. (имеющее в основе Софийскую I летопись) представлено памятниками конца этого столетия — Никаноровской²² и Вологодско-Пермской²³ летописями и Московским сводом конца XV в. (дошел в двух редакциях — 1479 г. и начала 90-х гг.)²⁴, а также сводами 1497 г. (Прилуцкая летопись)²⁵ и 1518 г. (Уваровская летопись)²⁶. Великокняжеское летописание вошло также в Ермолинскую²⁷ и Типографскую²⁸ летописи конца XV в., но в первой отразился также особый (ростовский или белозерский) свод 70-х гг. (он лег в основу также Сокращенных сводов 1493 и 1495 гг.)²⁹, а во второй — ростовский владычный свод.

Ряд известий о московско-ордынских отношениях в конце XV в., восходящих к источнику 80-х гг., содержат Львовская³⁰ и Софийская II³¹ летописи XVI в. Сведения о событиях 90-х гг. XV и первых лет XVI в. дают также Софийская I летопись по списку Царского³² и Иоасафовская летопись³³.

В некоторых летописных памятниках XVI и XVII вв. имеются уникальные известия об отношениях с Ордой в XIV—XV вв. Это известия (тверские), содержащиеся в Тверском сборнике³⁴ и так называемом Музейском фрагменте³⁵, отдельные записи Никоновской³⁶ и Воскресенской³⁷ летописей, Устюжской летописи³⁸, Новгородской летописи Дубровского³⁹ и Архивской, или так называемой Ростовской, летописи⁴⁰ (две последние восходят к общему протографу — своду 1539 г.).

Новгородское летописание конца XIII — первой половины XV в. представлено Новгородской I летописью старшего и младшего изводов⁴¹. Старший извод доводит изложение до 30-х гг. XIV в. (с лакуной за 1273—1298 гг.), младший — до 40-х гг. XV в. Новгородский свод начала XV в., отразившийся в НЛ младшего извода, был использован также при составлении протографа Новгородской IV и Софийской I летописей.

К исследуемой теме имеют также отношение ряд известий псковского⁴² и вольнского⁴³ летописаний.

Прямые или косвенные данные об отношениях Москвы и Орды содержатся, помимо летописания, и в других памятниках русской средневековой литературы (некоторые из них дошли — полностью или частично — в составе летописей). Это «Повесть о Михаиле Тверском» (начало 20-х гг. XVI в.)⁴⁴, «Житие митрополита Петра» (1327)⁴⁵ «Задонщина» (конец XIV в.)⁴⁶, «Житие митрополита Алексея» (первая, краткая, редакция конца XIV в.⁴⁷, вторая — середины XV в.)⁴⁸, «Житие Сергия Радонежского» (1418)⁴⁹, «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню» (1461—1462)⁵⁰, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (начало 70-х гг. XV в.)⁵¹, «Повесть о убиении Батыя» (70-е гг. XV в.)⁵², «Житие Ионы, архиепископа Новгородского» (70-е гг. XV в.)⁵³, послания на Угру архиепископа Вассиана Рыло и других представителей духовенства (1480)⁵⁴, «Сказание о Мамаевом побоище» (начало XVI в.)⁵⁵, послание Сильвестра Ивану IV (середина XVI в.)⁵⁶, «Казанская история» (вторая половина XVI в.)⁵⁷.

Богатую информацию о московско-ордынских отношениях дают акты: в первую очередь духовные и договорные (между собой, с князьями других русских земель и Литвой) грамоты московских князей⁵⁸, а также договоры Новгорода (с русскими князьями и международные)⁵⁹, жалованные грамоты⁶⁰, грамота духовенства Дмитрию Шемяке (1447)⁶¹.

Отношения Москвы и Орды на последнем этапе их одновременного существования (последняя четверть XV в. и первые годы XVI в.) освещены в посольских книгах по сношениям с Крымским ханством⁶² и Польско-Литовским государством⁶³, а также в разрядных книгах⁶⁴. На отдельные аспекты московско-ордынских отношений проливает свет информация родословных книг⁶⁵.

Использованные в книге иностранные источники могут быть подразделены на:

литовские (в смысле созданные на территории Великого княжества Литовского) — Супрасльская летопись (середина XV в.)⁶⁶, «Хроника Литовская и Жмойтская» (XVI в.)⁶⁷, послания великих князей Литовских Витовта⁶⁸ и Александра Казимировича⁶⁹; польские — книги расходов королевского двора⁷⁰ и «История» Яна Длугоша (ум. 1480)⁷¹;

ордынские — ярлыки⁷² ханов русским митрополитам (XIV в.)⁷³, послания: Едигея великому князю Василию Дмитриевичу⁷⁴, Махмуда — турецкому султану⁷⁵, Ахмата — Ивану III⁷⁶, Муртозы — Ивану III и касимовскому хану Нурдовлату⁷⁷; Ших-Ахмета и Тевекеля — Александру Казимировичу⁷⁸;

крымско-татарские — ярлыки крымских ханов великим князьям Литовским⁷⁹ и их послания в Москву и Литву⁸⁰;

арабские — сочинения Рукн-ад-дина Бейбарса (конец XIII — начало XIV в.)⁸¹, Ибн Халдуна (конец XIV в.)⁸², Ибн Арабшаха (первая половина XV в.)⁸³;

персидские — труды Рашид-ад-дина (начало XIV в.)⁸⁴, Кашани (начало XIV в.)⁸⁵, Низам-ад-дина Шами (начало XV в.)⁸⁶, Шереф-ад-дина Йезди (начало XV в.)⁸⁷; «Муизз» (первая половина XV в.)⁸⁸; сочинение продолжателя Рашид-ад-дина (первая половина XV в.)⁸⁹;

византийские — патриаршие послания на Русь⁹⁰;

немецкие — хроники⁹¹, сочинения И. Шильтбергера (начало XV в.)⁹² и С. Герберштейна (первая половина XVI в.)⁹³;

венгерские — хроники⁹⁴ и акты⁹⁵;

итальянский — «Путешествие в Тану» И. Барбаро (вторая половина XV в.)⁹⁶.

Помимо материалов письменных источников, привлекались также нумизматические данные — монеты русской⁹⁷ и ордынской⁹⁸ чеканки.

Глава первая
Между Сараем и Исакчой:
Даниил Александрович
(70-е гг. XIII в. — 1303)

Московское княжество как самостоятельное политическое образование в пределах Северо-Восточной Руси (Владимиро-Суздальской земли — территории, находившейся под властью потомков Всеволода Большое Гнездо) появилось в 70-е гг. XIII в., то есть в эпоху, когда система власти Орды над русскими землями, основными проявлениями которой были взимание дани (с XIV в. она обозначалась термином «выход») и право ордынского хана (именуемого на Руси «царем») утверждать русских князей на их столах путем выдачи ярлыков на княжение, уже давно сформировалась, а сама Орда, бывшая вначале западным улусом Монгольской империи, раскинувшейся от Дуная до Тихого океана, приобрела (в 60-е гг.) независимость от великоханского престола в Каракоруме. Первым московским князем стал младший сын Александра Невского Даниил (родился в 1261 г.)⁹⁹. Начало его правления пришлось на время царствования в Орде хана Менгу-Тимура, когда, по выражению Волынской летописи, «бяху вси князи в воли в тотарьской»¹⁰⁰. Но после смерти Менгу-Тимура и воцарения в 1281 г. Туда-Менгу¹⁰¹ произо-

шло обострение ситуации. Старший брат Даниила и младший — великого князя Владимирского и князя Переяславского Дмитрия Александровича — городецкий князь Андрей Александрович отправился в Орду и привел оттуда войско против Дмитрия. Летописание Северо-Восточной Руси датирует это событие 6789 (1281/82) г., а согласно новгородскому летописанию оно имело место в 6790 г. Целью похода являлся Переяславль. К татарам, возглавляемым Ковадьем и Алчедаем, присоединились князья Федор Ростиславич Ярославский, Михаил Иванович Стародубский и Константин Борисович Ростовский. Были опустошены Муром, окрестности Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова и Твери. Дмитрий Александрович покинул Переяславль, и 19 декабря город был взят. Великий князь отправился в Новгородскую землю, думая укрепиться в Копорье, где двумя годами ранее он построил каменную крепость. Но новгородцы воспрепятствовали Дмитрию, и он был вынужден отказаться от этого замысла¹⁰². Союзником великого князя выступил Довмонт, князь Псковский, вывезший из Копорья «товар» Дмитрия¹⁰³; поэтому можно полагать, что Дмитрий нашел убежище именно в Пскове¹⁰⁴. Андрей Александрович, отпустив татар в Орду, приехал в феврале в Новгород, где был посажен на новгородский стол¹⁰⁵. К нему, таким образом, переходили прерогативы великого князя Владимирского, то есть верховного правителя княжеств Северо-Восточной Руси, чей сюзеренитет признавал Новгород Великий¹⁰⁶.

Но вскоре Андрей уезжает из Новгорода во Владимир, а оттуда отправляется в свой удельный Городец и затем в Орду; в то же время в Торжок (город, находившийся под совместным управлением Новгорода и великого князя) пытаются войти наместники Дмитрия. Против последнего выступают походом новгородцы в союзе с тверским (им был тогда Святослав Ярославич) и московским князьями. Войска встречаются у Дмитрова, и стороны приходят к мирному соглашению¹⁰⁷.

Это первое известие о самостоятельных действиях Даниила Александровича¹⁰⁸. Можно ли считать, что Даниил выступил как союзник Андрея Александровича, наведшего на Северо-Восточную Русь татар? Оснований для этого нет. Московский и тверской князья выступают как особая группи-

ровка, отличная от Андрея и его союзников (ими были князья Ярославский, Ростовский и Стародубский). Кроме того, во время татарского похода были разорены окрестности Твери, то есть владения одного из князей данной группировки.

Даниил Александрович примирился с братом Дмитрием, а тем временем Андрей, вынужденный покинуть Владимир, вновь отправился в Орду. Здесь ему была придана новая рать — на сей раз под командованием Туратемира и Алыня¹⁰⁹. В условиях второго подряд вторжения Дмитрий Александрович принял решение, имевшее долгосрочные последствия: он «съ своею дружиною отъѣха в Орду к царю татарскому Ногаю»¹¹⁰. Ногай, внук одного из младших братьев Батыя — Буваля, являлся фактически самостоятельным правителем западной части улуса Джучи — от Нижнего Дуная до Днепра (ставка его находилась в районе города Исакчи в низовьях Дуная)¹¹¹. Приезд к нему великого князя Владимирского был, по-видимому, первым серьезным контактом с князьями Северной Руси, позволившим Ногаю начать создавать там собственную сферу влияния.

В следующем (6791 — согласно северо-восточному летописанию, 6792 — по НЛ) году Дмитрий вернулся на Русь. Андрей, несмотря на поддержку его новгородцами, вынужден был уступить великое княжение («съступиися брату своему»). Боярин Семен Тонильевич, один из зачинщиков и руководителей обоих татарских походов против Дмитрия, был убит по его приказу в Костроме. В конце года «приде Дмитрии князь с братомъ своимъ Андрѣемъ, ратью к Новугороду и с татары и со всею Низовьскою землею, и много зла учиниша, волости пожгоша... и створиша мирь; и сѣде Дмитрии в Новѣгородѣ на столе своемъ»¹¹². Из этого сообщения прямо следует, что Дмитрий вернулся от Ногая с татарским отрядом, присутствие которого и вынудило Андрея отказаться от борьбы с братом и даже демонстрировать показное единство с ним, выступив против сочувствующего Андрею Новгорода. Ногай в то время еще не вступал в конфронтацию с саранскими ханами; можно полагать, что за время длительного пребывания Дмитрия в его улусе Ногаю удалось, используя свое влияние при дворе Туда-Менгу (который вскоре после воцарения отошел от государственных дел¹¹³), добиться под-

тверждения ярлыка на великое княжение, полученного Дмитрием прежде от Менгу-Тимура.

Разная датировка событий начала 80-х гг. в северо-восточном и новгородском летописании вызвала разногласия по поводу их хронологии. Н. Г. Бережков исходил из предположения, что Симеоновская летопись датирует эти события по мартовскому стилю, а НЛ младшего извода — по ультрамартовскому¹¹⁴; в этом случае первый татарский поход следует относить к концу 1281 — началу 1282 г., второй — к 1282 г., а возвращение Дмитрия от Ногая — к 1283 г. Другое мнение высказал В. Л. Янин; в НЛ обозначение лет от Сотворения Мира на единицу ниже мартовского. Соответственно первый поход Андрея и татар он отнес к концу 1283 — началу 1284 г., а второй — к 1284 г. При этом В. Л. Янин основывался на наблюдениях над текстом Никоновской летописи: в ней статья 6787 г. начинается с сообщения о лунном затмении 24 февраля и указания, что в ту же зиму «бысть знамение в солнце». Сочетание лунного и солнечного затмений могло иметь место только в конце февраля 1281 г.; отсюда вывод, что статья 6787 г. в Никоновской летописи повествует о событиях 1281 г., а последующие статьи, 6788—6790 гг. (которым в НЛ соответствуют статьи 6789—6791 гг.), — о событиях 1282—1284 гг. (то есть их обозначение в Никоновской летописи двумя единицами ниже мартовского)¹¹⁵.

В Симеоновской летописи в статье 6787 г. имеются два сообщения о небесных явлениях: «Тое же весны бысть знамение въ лунѣ и въ солнци» и (в конце статьи) «тое же зимы бысть знамение в лунѣ, ноши погиге вся и не бысть ее долго, и явися до зори, и осветонь исполнися»¹¹⁶. Симеоновская летопись была непосредственным источником Никоновской¹¹⁷. В этой последней приведены оба известия о небесных явлениях, одно — в начале статьи 6787 г., другое — в конце: «Бысть знамение в лунѣ и погиге вся, и не бысть ея долго, и явися до зори и о свѣтъ не исполнися, мѣсяца февраля въ 24 день. Тое же зимы бысть знамение в солнцѣ... Того же лѣта бысть знамение въ лунѣ въ ноши, и погиге вся, и не бысть ея до зори, и освѣло не исполнися»¹¹⁸.

Очевидно, что описания обоих лунных затмений — и датированного Никоновской летописью 24 февраля, и того, что

помещено в конце статьи 6787 г., — основаны на известии Симеоновской летописи о затмении, происходившем в конце года, обозначенного как 6787-й. Перенесение его описания в Никоновской в начало статьи 6787 г. — результат работы редактора XVI в. Симеоновская же летопись (данные которой как сохранившей текстологически наиболее ранний дошедший до нас рассказ о событиях начала 80-х гг. XIII в. из летописания Северо-Восточной Руси и следует анализировать) указывает на два лунных затмения — весной и в конце 6787 г. Весной 6787 г. (в конце марта) лунное затмение действительно имело место¹¹⁹. Но зимой 1279—1280 гг., в конце 6787 мартовского года, затмения не было, оно произошло только 18 марта 1280 г. Не было затмения луны и зимой 1280—1281 гг., в 1281 г. это явление имело место 7 марта. На 24 февраля лунное затмение приходилось не в 1281 г., а в 1282 г. Но и это затмение, и затмение 7 марта 1281 г. были частными, а в Симеоновской летописи под 6787 г. описывается явно полное затмение — луна «погибе вся». Полным же было затмение 18 марта 1280 г.¹²⁰ Остается полагать, что статья 6787 г. завершается сообщением именно об этом затмении, в действительности имевшем место уже не зимой, а в начале весны и в первый месяц 6788 мартовского года. Статья 6787 г., таким образом, содержит небольшое «забегание» в следующий год¹²¹, но хронологического сдвига в ней не наблюдается, и в дальнейшем тексте Симеоновской летописи мартовский стиль, скорее всего, сохраняется. Точку зрения Н. Г. Бережкова на хронологию событий начала 80-х гг. следует признать наиболее вероятной. Первый поход татар и Андрея нужно в таком случае датировать зимой 1281—1282 гг., второй поход и отъезд Дмитрия к Ногаю — 1282 г., а возвращение Дмитрия от Ногай — 1283 г.

Новое обострение борьбы Александровичей произошло в 1285 г.: «...князь Андрѣи приведе царевича, и много зла сътворися крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братьею, царевича прогна, а боляры Андрѣевы изнима»¹²². По вероятному предположению А. Н. Насонова, «братьями», выступившими в союзе с Дмитрием, были его единственный кроме Андрея родной брат Даниил Александрович Московский и двоюродный брат Михаил Ярославич Тверской¹²³.

Таким образом, хотя первое прямое известие о союзе Даниила с Дмитрием относится к 1293 г., есть основания полагать, что еще ранее, с 1282—1285 гг., московский князь стал союзником своего старшего брата и вошел в силу этого в группировку князей — вассалов Ногая. Пик успехов этой коалиции пришелся на 1291 г., когда Ногай устранил сарайского хана Телебугу, посадил на престол своего ставленника (Тохту)¹²⁴ и достиг апогея своего могущества. Как показывает анализ событий, происходивших в Ростовском и соседних с ним княжествах, к этому времени следует относить переход под власть Дмитрия Александровича Углицкого княжества, ставшего в середине 80-х гг. выморочным и бывшего поначалу предметом спора между ростовскими и ярославскими князьями¹²⁵.

В 1293 г. Андрей Александрович, Федор Ростиславич¹²⁶, Дмитрий и Константин Борисовичи Ростовские отправились в Волжскую Орду, после чего хан Тохта послал на Дмитрия Александровича и его союзников (главными из которых были Даниил Александрович Московский и Михаил Ярославич Тверской) войско во главе со своим братом Туданом (Дюдением). Великий князь бежал в Псков. Были взяты города Владимир, Суздаль, Муром, Юрьев, Переяславль, Коломна, Москва, Можайск, Волок, Дмитров, Углич¹²⁷. К Москве Дюдень и Андрей подошли после взятия Переяславля — столицы собственного княжества великого князя Дмитрия — «и Московского Данила обольстиша, и тако въѣхаша въ Москву и сътвориша такоже, якоже и Суждалю, и Володимерю, и прочим городом (которые были разграблены. — А. Г.), и взяша Москву всю и волости, и села»¹²⁸. По-видимому, татары и Андрей пообещали Даниилу (оставшемуся, в отличие от Дмитрия, в своем городе) не разорять Москву, и он, видя невозможность сопротивляться превосходящим силам, согласился на капитуляцию, после чего обещание было нарушено.

Обращает на себя внимание упоминание в списке взятых Дюдением городов Можайска. Традиционно считалось, что он был присоединен к Московскому княжеству в 1303 г., а до этого входил в состав Смоленской земли¹²⁹. Но смоленским князем в 1293 г. был тот же Федор Ростиславич, союзник Дюдены, шедший вместе с татарским войском. Если исходить из

принадлежности Можайска Смоленскому княжеству, придется признать, что Федор навел татар на подвластный ему город, при том что целью похода были, естественно, владения князей — противников Федора и Андрея¹³⁰.

Основанием для мнения о присоединении Можайска к Московскому княжеству в 1303 г. служит летописная запись под 6812 ультрамартовским годом: «И тое же весны князь Юрьи Данилович съ братьею своею ходилъ къ Можаску и Можаскъ взялъ, а князя Святослава (брата тогдашнего смоленского князя Александра Глебовича. — *А. Г.*) ялъ и привель къ собѣ на Москву»¹³¹.

Весна 1303 г. — это время сразу же после смерти Даниила Александровича (5 марта)¹³². В конце предыдущего, 1302 г. Даниил занял Переяславль, ставший выморочным столом после смерти князя Ивана Дмитриевича (сына Дмитрия Александровича)¹³³. Поскольку выморочные княжества должны были отходить в состав Великого княжества Владимирского, действия Даниила (изгнавшего успевших войти в Переяславль великокняжеских наместников) противоречили норме. Тогдашний великий князь Владимирский Андрей Александрович еще до захвата московским князем Переяславля отправился в Орду за ярлыком на Переяславское княжество. Он возвратился только осенью 1303 г.¹³⁴ Таким образом, весной того же года первой заботой Юрия Даниловича и его братьев, только что потерявших отца, был Переяславль — они ожидали возвращения Андрея с ханским решением и татарскими послами; ситуация была настолько напряженной, что Юрий, находясь в момент смерти отца в Переяславле, даже не приехал на его похороны¹³⁵. И вот в такое время, ожидая угрозы с востока, московские князья отправляются в западном направлении и захватывают (согласно традиционной версии) соседнее княжество, входившее в состав другого, очень крупного (в несколько раз большего, чем Московское) княжества — Смоленского, то есть резко усложняют свое и без того тяжелое положение. Трудно найти более неблагоприятный момент для такой акции.

Сопоставление этих наблюдений с фактом упоминания Можайска в числе взятых Дюденем городов позволяет выдвинуть предположение, что Можайск вошел в состав Мо-

сковского княжества не в 1303 г., а еще до 1293 г. В 1303 г. имел место не захват его Москвой, а попытка смоленских князей, воспользовавшись сложным положением в Московском княжестве (смерть Даниила, сосредоточенность Даниловичей на проблеме удержания за собой Переяславля), вернуть себе Можайск. Поход московских князей был вынужденной акцией, после которой статус-кво на западных границах Московского княжества был восстановлен.

Отторжение Можайска от Смоленского княжества и присоединение его к владениям Даниила Александровича Московского произошли, вероятно, примерно в то же время, что и переход Углича под власть Дмитрия Александровича, — около 1291 г., в момент наивысшего могущества Ногая. Подобно тому как в начале 1294 г. Тохта награждал своих вассалов владениями сторонников Ногая¹³⁶, так двумя годами ранее Ногай наделял своих вассалов владениями сторонников Телебуги.

Зимой 1293—1294 гг. в Северо-Восточной Руси побывало еще одно татарское войско: «тое же зимы цесарь татарский приде въ Тфѣрь, имя ему Токтомѣрь, и много тягости людем учинивъ, поиде в своя си»¹³⁷. Обычно поход Токтомера трактуется как военная акция Волжской Орды против Тверского княжества¹³⁸. Это, казалось бы, логично: ведь Тверь не была взята Дюденем. Когда войско последнего находилось в Москве, в свою столицу вернулся пришедший из Орды Ногай Михаил Тверской: узнав о его возвращении, татары и Андрей, уже собиравшиеся напасть на Тверь, не решились этого сделать¹³⁹. Для приведения тверского князя в покорность был нужен еще один поход. Но по времени появление Токтомера практически совпадает с уходом из Северо-Восточной Руси Дюденя: войско последнего отправилось восвояси от Волока через Переяславль в феврале (Андрей, поехавший из Волока в противоположном направлении, в Новгород, был возведен на новгородский стол 28 февраля)¹⁴⁰, поход Токтомера состоялся еще зимой, то есть не позднее того же февраля. Таким образом, невозможно предположить, что это была акция, организованная Волжской Ордой после получения вести о неполном выполнении Дюденем поставленной задачи. Вряд ли отряд Токтомера мог быть и частью войск Дюденя: в этом

случае у летописца не было бы оснований говорить, что татары не решились напасть на Тверь¹⁴¹. Сомнительна и точка зрения, что Токтомер ходил на Тверь для взимания побора, которым Михаил оплатил ярлык на тверское княжение, добытый в Волжской Орде¹⁴²: если тверской князь был лоялен к Тохте, непонятно, почему Дюдень и Андрей намеревались напасть на Тверь, а Михаил, проезжая в свою столицу через Московское княжество, вынужден был скрываться от находившихся там татар¹⁴³ (тем более что возвращение князя с ярлыком должно было происходить в сопровождении ханского посла). В то же время В. С. Борзаковский и Э. Клюг справедливо замечали, что указаний на военные действия Токтомера в Тверском княжестве («овѣхъ посече, а овѣхъ в полонъ поведе») ранние летописи не содержат¹⁴⁴. Действительно, Лаврентьевская летопись говорит лишь о «тягости»¹⁴⁵, а так именовалось не военное разорение, а поборы¹⁴⁶. Кроме того, если бы речь шла о военном походе против тверского князя, следовало бы ожидать предлог «на» или «к»¹⁴⁷, а в летописном известии говорится о приходе Токтомера «в» Тверь. Следовательно, остается полагать, что войско Токтомера пришло не из Волжской Орды, а из Орды Ногая. Оно двигалось вслед за поехавшим вперед Михаилом Тверским; именно приближение Токтомера заставило Дюденя отказаться от похода на Тверь (судя по хронологии, Токтомер продвигался на тверскую территорию практически одновременно с отходом Дюденя от Волока), а на плечи населения Тверского княжества легла «тягость» — обязанность содержать отряд Токтомера (а также, возможно, побор в счет платы за оказанную военную помощь).

Имя «Токтомер» Н. И. Веселовский трактовал как Токтемир¹⁴⁸. Это соответствует монгольскому Тук-Тимур или Тука-Тимур. Так звали четверых потомков Джучи, чья деятельность приходится на рассматриваемый период: правнука Орды (старшего брата Батыя), внука Беркечара (младшего брата Батыя) и двух внуков еще одного из младших братьев Батыя — Шибана¹⁴⁹. Возможно, один из них и есть «Токтомер» (поскольку Токтомер назван «цесарем» (=царем), искать его следует именно среди представителей ханского рода). Но в древнерусской транскрипции тюркских имен с состав-

ной частью «Темир» первая гласная обычно не искажалась (ср. «Туратемерь» похода 1282 г.). Поэтому вероятным кажется другой вариант. Одного из внуков Шибана звали Токта-Муртад (он же Нама-Токта, Тама-Токта). Его кочевья располагались близ Дербента, на границе Орды с Хулагуидским Ираном¹⁵⁰. Во второй половине 90-х гг., когда между Тохтой и Ногаем шла дипломатическая борьба, последний по какой-то не названной в источнике причине требовал выдать ему Токта-Муртада¹⁵¹. В приводимом Рукн-ад-дином Бейбарсом в рассказе о последней битве Тохты с Ногаем на исходе 90-х гг. перечне военачальников Тохты (в том числе принадлежащих к ханскому роду) первым назван «отступник Токта»¹⁵². Это, несомненно, Токта-Муртад: во-первых, еще одного Джучида с таким именем в то время не было, во-вторых, согласно Рашид-ад-дину, перед последним сражением с Ногаем Тохта вызвал к себе Токта-Муртада из Дербента. По-видимому, «отступником» он именован потому, что ранее служил Ногаю (в период вражды Ногая с Тохтой переходы представителей ордынской знати от одного к другому были частым явлением¹⁵³), и именно поэтому последний требовал его выдачи. Имя Токта-Муртад на Руси вполне могло трансформироваться в «Токтомер» — путем сокращения за счет последнего слога и мены у (которое при «русификации» в конечных слогах, как правило, не сохранялось — ср. трансформацию тюрк.-монг. *bagatur* в богатырь¹⁵⁴) на е.

Дмитрий Александрович в марте 1294 г. попытался переехать из Пскова в Северо-Восточную Русь. Андрей с отрядом новгородцев приехал из Новгорода в Торжок с целью перехватить брата. Обоз Дмитрия достался нападавшим, но сам князь добрался до Твери. Отсюда он отправил в Торжок посольство, заключившее мирное соглашение между противоборствующими сторонами. В источниках зафиксирован лишь один его пункт: «А Волокъ опять Новугороду»¹⁵⁵. Исследователи, однако, уверенно делают вывод, что Дмитрию был возвращен Переяславль, а за Андреем осталось великое княжение (не комментируя при этом пункт о Волоке)¹⁵⁶. Действительно, Федор Ростиславич в том же году сжигает Переяславль явно в отместку за вынужденное оставление города, Дмитрий из Твери отправляется в Переяславль, а Анд-

рей как будто бы сохраняет права новгородского князя (после заключения мира посадник Андрей Климович возвращается в Новгород по его повелению)¹⁵⁷, которые были составной частью великокняжеских прерогатив. Однако источники не дают оснований утверждать, что Дмитрий в 1294 г. перестал считаться великим князем. Летописи, восходящие к «своду 1304 г.», в рассказе о поездке из Пскова в Тверь и в сообщении о смерти Дмитрия в том же году близ Волока по пути из Твери в Переяславль наделяют его великокняжеским титулом (при том что Андрей выступает как просто «князь»)¹⁵⁸. Рогожский летописец также именует Дмитрия под 1294 г. великим князем, указывая, что Андрей стал таковым после смерти брата: «преставися великий князь Дмитрии Александровичь, и по нем бысть князь великий братъ его Андреи»¹⁵⁹. Новгородская IV и Софийская I летописи тоже увязывают начало великого княжения Андрея со смертью Дмитрия, указывая при этом, что Дмитрий княжил 18 лет, то есть с 1277 (когда он получил великое княжение) по 1294 г. включительно¹⁶⁰. Эти свидетельства, непонятные в свете традиционного представления о полной победе Андрея (благодаря поддержке Волжской Орды), вполне объяснимы, если принять предположение, что пришедший в Тверь отряд Токтомера был послан Ногаем.

Очевидно, в марте Токтомер находился в Твери. В руках противников Андрея, Даниила Московского и Михаила Тверского, оказался Волок — город, находившийся в совместном владении Новгорода и великого князя и в географическом отношении отделенный от Новгородской земли тверской территорией. Дмитрий Александрович попытался соединиться со своими союзниками; как законный, по старшинству, великий князь, он намеревался возглавить «контрнаступление» против Андрея. Последний после неудачной попытки не допустить проезда Дмитрия был вынужден, ввиду присутствия на стороне его противников татарских сил, пойти на заключение мира: он вернул Дмитрию великое княжение и Переяславль, сохранив взамен за собой новгородский стол; князья «проногаевской» коалиции возвратили также Новгороду Волок. Таким образом, вопреки обычному взгляду, поход Дюденыя имел, по-видимому, ограниченный конечный ус-

пех — из-под власти Дмитрия Александровича удалось изъять только Новгородскую землю. На скорая смерть Дмитрия сделала Андрея «законным», по старшинству, великим князем Владимирским. Территория великого княжества оказалась в его руках и тем самым перешла в сферу влияния Волжской Орды; противники Андрея, только что испытывавшие татарское разорение, не решились сразу же выдвинуть ему конкурента, но потенциально таковым должен был стать Даниил Московский. Среди внуков Ярослава Всеволодича, за которыми закрепилось с конца 40-х гг. XII в. Великое княжение Владимирское, он был теперь вторым по старшинству после брата Андрея (Михаил Тверской приходился Александровичам младшим двоюродным братом, будучи сыном младшего брата Александра Невского — Ярослава).

И в 1296 г. произошло новое обострение борьбы двух княжеских группировок. Осенью этого года новгородцы изгнали наместников Андрея Александровича и пригласили на княжение Даниила. Московский князь прислал в качестве своего наместника сына Ивана (будущего Калиту)¹⁶¹. После этого был заключен договор о союзе между Новгородом и Михаилом Тверским¹⁶². В том же году Андрей пришел из Волжской Орды в сопровождении татарского отряда, возглавляемого Олексой Неврюем¹⁶³. Поездка великого князя в Орду не была, однако, реакцией на лишение его новгородского стола¹⁶⁴, поскольку он отправился туда еще в 6803 г., то есть до 1 марта 1296 г.¹⁶⁵; наоборот, противники Андрея воспользовались его отсутствием, чтобы начать наступление. Переход новгородского стола к Даниилу означал, что последний предъявил претензии на великое княжение или по крайней мере на овладение частью великокняжеских прерогатив.

О событиях, происшедших в 6804 мартовском году по возвращении Андрея из Орды, повествуют два летописных известия. Одно из них имеется в Лаврентьевской летописи: «Приде Андрѣи князь ис татарь и совокупи вои и хотѣ ити на Переяславль ратью, да от Переяславля к Москвѣ и ко Тѣфѣри; слышав же князь Михаиле Тѣфѣрьскыи и Данило Московьскыи князь, и совокупивъ вои и пришедше и стапта близъ Юрьева на полчищи, Андрѣи в Володимери, и тако не даста поити Андрѣю на Переяславль; бѣшеть Иван князь сынъ

Дмитриевъ, идя в Ворду, приказаль Михаилу князю блюсти очины своее и Переяславля; и за мало бою не бысть промежи ими, и взяша миръ и придоша в своя си»¹⁶⁶. Второго известия в Лаврентьевской нет, и наиболее ранний его вариант представлен Троицкой и Симеоновской летописями: «Бысть рать татарская, приде Олекса Неврюи, и бысть съѣздъ всѣмъ княземъ русскимъ въ Володимери и сташа супротив себя, со единой стороны князь великии Андрѣи, князь Феодоръ Черныи Ярославскыи Ростиславичъ, князь Костянтинъ Ростовскыи со единого, а съ другую сторону противу сташа князь Данило Александровичъ Московскыи, брат его князь Михаиле Ярославичъ Тѣмьскыи, да съ ними Переяславци съ единого. И за малымъ упасль Богъ кровопролитья, мало бою не было; и подѣлившеся княжениемъ и разѣхашася въ свояси»¹⁶⁷. При этом Симеоновская летопись содержит и первое известие, помещая его после рассказа о съезде во Владимире¹⁶⁸. Исследователи, комментируя эти данные, говорят о двух конфликтах княжеских группировок в 1296 г.¹⁶⁹. Однако есть основания полагать, что перед нами две записи об одном и том же событии. Во-первых, в них обнаруживаются две общие черты: Владимир в качестве места пребывания Андрея с войсками и оценка ситуации как близкой к кровопролитию («мало бою не бысть»). Во-вторых, если учесть, что занятие Даниилом новгородского стола произошло, скорее всего, в ноябре¹⁷⁰, то оставшиеся три месяца 6804 мартовского года — довольно сжатый срок для того, чтобы в него уместились приход Андрея с татарской ратью, приезд князей во Владимир, возвращение их после съезда «восвояси», уход Неврюя, сбор Андреем войск и поход на Переяславль. Наконец, согласно Лаврентьевской летописи, наиболее раннему источнику, Андрей двинулся на Переяславль сразу по приходе из Орды. Скорее всего, речь идет об одном конфликте: Лаврентьевская летопись передает известие о нем «свода 1304 г.», а в Троицкую вошла также запись из другого источника; поскольку внимание в ней было сфокусировано на иных деталях (татарский предводитель, перечень участвовавших в переговорах князей), сводчик решил, что речь идет о разных событиях.

Таким образом, в конце 1296 г. Андрей Александрович пришел из Волжской Орды с татарской ратью и двинулся

к Переяславлю. Между тем Иван Переяславский находился в это время в Орде¹⁷¹. Следовательно, его пребывание там частично совпадало по времени с пребыванием Андрея. Если считать, что Иван ездил в Волжскую Орду (то есть считал себя вассалом Тохты), трудно объяснить, почему в то время, когда он находится у хана, Андрей и Неврюй пытаются захватить Переяславль. Скорее всего, речь идет, как и в случае с поездкой Михаила Ярославича 1293 г., о разных Ордах: Иван ездил не к Тохте, а к Ногаю за поддержкой против Андрея в условиях, когда враждебная великому князю группировка готовилась к схватке с ним¹⁷². В отсутствие переяславского князя его союзники Даниил Александрович и Михаил Ярославич выступили навстречу Андрею и Неврюю. Завязавшиеся между сторонами переговоры приняли форму княжеского съезда во Владимире — стольном городе Андрея. Обсуждались, вероятно, в первую очередь судьбы переяславского княжения, на которое претендовал Андрей (очевидно, за ярлык на Переяславль он и ездил в Волжскую Орду), и новгородского, отнятого у великого князя его противниками.

В Софийской I и Новгородской IV летописях под 6806 г. стоит следующее сообщение: «Великий князь Андрѣй Александровичъ поѣха въ Переяславль, великий же князь Данило Московский и братъ его князь Михаило не съступишася Переславля ему; онъ же ѣха въ Новѣгородъ»¹⁷³. Вряд ли речь здесь идет о еще одной попытке Андрея овладеть Переяславлем¹⁷⁴; скорее всего, известие сообщает о тех же событиях 6804 мартовского года — Даниил и Михаил действуют в отсутствие Ивана (сомнительно, чтобы переяславский князь отсутствовал на Руси два года). В то же время данное сообщение явно попало в протограф Новгородской IV — Софийской I летописей не из Троицкой¹⁷⁵: от читающегося в восходящих к последней (или ее протографу) летописях рассказа о походе Андрея на Переяславль оно отличается текстуально и содержит дополнительное известие об отъезде Андрея в Новгород. По-видимому, это третье, новгородское, сообщение о событиях 6804 мартовского года¹⁷⁶. Оно свидетельствует, что во Владимире была достигнута договоренность о возвращении Андрею новгородского княжения.

Что касается Переяславля, то поскольку Иван Дмитриевич княжил там до своей смерти в 1302 г., очевидно, Тохта признал в конце концов его права на отчинное княжество. Поэтому кажется вероятным, что именно в конце 1296 или начале 1297 г. во Владимире старшие князья «проногаевской» группировки «отступились» от своего сюзерена, не оказавшего им на сей раз своевременной помощи (возможно, Ногай не смог этого сделать, поскольку уже готовился к непосредственному военному столкновению с Тохтой и не хотел отправлять часть сил в далекий рейд), признали себя вассалами Тохты и обязались не оспаривать великокняжеских прерогатив Андрея (что выразилось в возвращении ему новгородского стола); благодаря этому волжский хан по приезде их младшего союзника от Ногая не стал отнимать у него княжение.

Не исключено, что одним из пунктов соглашения, заключенного во Владимире зимой 1296–1297 гг., было сохранение за московским, тверским и переяславским князьями права на самостоятельный сбор дани, которое, по убедительному выводу А. Н. Насонова¹⁷⁷, они приобрели, будучи вассалами Ногая. А. Н. Насонов полагал, что такое соглашение с Тохтой заключил Михаил Тверской при получении им ярлыка на великое княжение в 1305 г., после смерти Андрея Александровича¹⁷⁸. Но в этом случае остается непонятным, как собиралась дань с Московского, Тверского и Переяславского княжеств в период 1297–1305 гг.? Если сбор (как в «доногаевскую» эпоху) осуществляли ордынские чиновники, то что заставило Тохту в 1305 г. пойти на уступку (ведь Ногай давно не было в живых, Орда вновь стала единым государством, Михаил последние годы был союзником Андрея Александровича; на уступки мог тогда идти скорее тверской князь, так как у него был серьезный соперник в борьбе за великое княжение — Юрий Данилович Московский)? Вероятнее, что Тохта пошел на сохранение принятого в этих княжествах порядка сбора дани зимой 1296–1297 гг. в качестве одной из уступок за признание его сюзереном. С княжением во Владимире Михаила можно лишь связывать распространение этого порядка на всю территорию Северо-Восточной Руси.

В 699 г. хиджры (28. IX.1299–15. IX.1300) Ногай потерпел окончательное поражение от Тохты и погиб¹⁷⁹. Это сразу же

сказалось на соотношении сил в Северо-Восточной Руси: в 1300 г. состоялся княжеский съезд в Дмитрове, на котором рассорились Михаил Тверской и Иван Переяславский — «Михаиле с Ъваном не докончаль межи собою»¹⁸⁰. С этого времени Михаил стал союзником великого князя Андрея¹⁸¹.

Даниил же осенью того же 1300 г. двинулся походом в Рязанское княжество: «Данило князь московьскый приходиль на Рязань ратью и билися у Переяславля (Рязанского. — А. Г.), и Данило одолѣль, много и татарь избито бысть, и князя рязанского Костянтина нѣкакою хитростью яль и приведь на Москву»¹⁸². По-видимому, результатом этого похода стало присоединение к Московскому княжеству Коломны¹⁸³. Каковы причины данной акции Даниила?

Под 6808 ультрамартовским (то есть 1299) годом в Лаврентьевской летописи читается фраза, в которой пропущено сказуемое: «Того же лѣта рязаньскый князи Ярославичи у Переяславля»¹⁸⁴. Ярославичи — это Михаил и Иван, сыновья умершего в предыдущем году Ярослава Романовича, старшего брата Константина, на которого в 1300 г. ходил Даниил Московский¹⁸⁵. Очевидно, после смерти Ярослава в Рязанском княжестве возник конфликт между его сыновьями и их дядей; в Переяславле-Рязанском вокняжился Константин, и после того, как в 1299 г. подступившие к столице Ярославичи не смогли его одолеть, они обратились за помощью к Даниилу Александровичу. Поход последнего имел успех. Константин оказался в московском плену, а рязанским князем стал, видимо, Михаил Ярославич (в качестве такового он выступает в выписи из жалованной грамоты, предположительно датированной 1303 г.¹⁸⁶). Коломну Даниил, вероятно, получил в качестве платы за поддержку, оказавшуюся определяющей для решения судьбы рязанского стола.

Примечательно, что московского князя не смутило присутствие на стороне Константина татарского отряда. Между тем на рубеже XIII–XIV вв. такое присутствие является несомненным свидетельством поддержки князя правящими кругами Орды. Тем не менее Даниил нападает на такого князя на его земле и наносит удар по отряду ордынцев. Факт этот беспрецедентен: ранее только Дмитрий Александрович разбивал татарский воинский контингент (в 1285 г.), но, во-пер-

вых, это было действие, предпринятое в защиту своей территории, во-вторых, за Дмитрием стоял Ногай.

15 мая 1302 г. умер племмянник Даниила, бездетный переяславский князь Иван Дмитриевич¹⁸⁷. После этого великий князь Андрей послал в Переяславль своих наместников, а сам осенью того же года отправился в Орду за ярлыком на Переяславское княжество¹⁸⁸. Но в конце 1302 г. Переяславль был занят Даниилом¹⁸⁹. Это являлось нарушением прав великого князя, под чью власть должны были по традиции отходить выморочные княжества.

Таким образом, несмотря на то, что Даниил лишился могущественного покровителя в Орде (1299—1300), князей-союзников — Михаила Тверского, перешедшего на сторону Андрея (1300) и умершего Ивана Переяславского (1302), именно в последние годы своей жизни он предпринимает активные самостоятельные действия, в том числе нелояльные по отношению к хану Тохте (нападение на князя, пользующегося поддержкой Орды, с разгромом выступающего на его стороне татарского отряда), и действует успешно. Что способствовало таким успехам? Есть основания полагать, что важным фактором мог быть приход на службу к Даниилу значительного числа служилых людей из других княжеств.

В летописных известиях о событиях конца XIII — начала XIV в. московские бояре не упоминаются. По более поздним же источникам выявляются имена лишь семи представителей знати, в отношении которых можно с достаточной степенью уверенности полагать, что они служили московским князьям уже в первой четверти XIV столетия. Это Протасий (родоначальник Вельяминовых), Федор Бяконт (родоначальник Плещеевых), Нестер Рябец (родоначальник Квашниных), Окатий (родоначальник Валуевых), Мина (родоначальник Софроновских и Простевых)¹⁹⁰, а также Василий Кочева и Терентий Ртищ (упоминаемые в «Житии Сергия Радонежского» в качестве соответственно воеводы, посланного Иваном Калитой в начале 30-х гг. в Ростов, и радонежского наместника того же времени)¹⁹¹. О происхождении четырех последних данных нет. Протасий, возможно, вел свой род от бояр, издревле живших во Владимир-Суздальской земле¹⁹². Что касается Федора Бяконта

и Нестера Рябца, то они выступают в источниках как выходы из других земель.

Согласно родословным книгам XVI в., Федор Бяконт пришел на службу в Москву из Чернигова¹⁹³. Наиболее ранний источник, упоминающий этого боярина, — первая редакция Жития его сына, митрополита всея Руси Алексея, составленная вскоре после его смерти (1378), скорее всего между 1379 и 1382 г.¹⁹⁴ Этот памятник (так называемый рассказ «О Алексее митрополите») сохранился в составе летописей, восходящих к общерусскому своду начала XV в. Фрагмент о происхождении Алексея встречается в них в двух вариантах. Один представлен в Московском своде конца XV в., Владимирском летописце и Ермолинской летописи: «Сеи убо иже въ святых отецъ нашъ Алексѣи митрополитъ бѣ родомъ отъ славныхъ и нарочитыхъ бояръ Черниговскихъ. Преселшу же ся отцю его именемъ Феодору и с женою своею Мариєю и съ всемъ домомъ своимъ въ славный и преименитыи градъ Москву, ту же и родиша сего освященнаго отрока»¹⁹⁵. Другой вариант читается в Рогожском летописце и Симеоновской летописи: «Сии убо преподобный отецъ нашъ Алексии митрополитъ бѣаше родомъ боляринъ, славныхъ и нарочитыхъ бояръ (в Симеоновской добавлено — “литовскихъ”) отъ страны Русскыя, отъ области Московскыя, благородну и благовѣрну родителю сыну отъ отца нарицаемого Феодора и матери именемъ Марии»¹⁹⁶. Какой из этих вариантов первичен?

Рогожский летописец и Симеоновская летопись имели общий протограф — тверскую редакцию общерусского свода начала XV в.; общий протограф был и у Московского свода и Ермолинской летописи, а Владимирский летописец испытал влияние этих летописей. Следовательно, возможны два объяснения расхождения: 1. Первично чтение Рогожского летописца и Симеоновской летописи, а чтение «Черниговскихъ» и указание на переселение родителей Алексея в Москву появились в протографе Московского свода и Ермолинской летописи под влиянием второй редакции Жития Алексея, составленной в 50-е гг. XV в. Пахомием Сербом¹⁹⁷ (о происхождении Алексея в этой редакции говорится так: «Случися судомъ божиимъ на градъ Черниговъ частаа варварская находения, грѣхъ ради челоувѣчьскихъ бывающихъ,

тѣм же и мнози мужи благочестивии по различнымъ странамъ нужди ради преселения творяху, в них же бяше нѣкто мужь благоверень Федоръ именемъ, сѣи убо въ дни благочестивого великаго князя Ивана Даниловича, тогда тому великое княжение дръжаху, сѣи предпомянутыи Федоръ приде съ женою своею, Марьею именем, и ту пребывающе, родиста сынъ...»¹⁹⁸). 2. Первичным является чтение Московского свода — Ермолинской летописи — Владимирского летописца, а в протографе Рогожского летописца и Симеоновской летописи произошла замена «черниговскихъ» на «отъ страны Русскыя, отъ области Московскыя» и было опущено сообщение о выезде Федора в Москву.

Второе объяснение представляется более вероятным по двум причинам. 1. Пахомиева редакция Жития, в целом не содержащая прямых текстуальных заимствований из рассказа «О Алексее митрополите»¹⁹⁹, имеет след вторичности по отношению именно к тому варианту последнего, который читается в Московском своде и Владимирском летописце: в редакции Пахомия говорится, что Федор и Мария родили сына «*ту* пребывающе»; имеется в виду Москва, между тем выше она не названа, в отличие от упомянутых летописей («Преселшу... въ славныи и преименитыи град *Москву*, *ту* же и родиша...»); в Ермолинской летописи текст подвергся редактированию: вместо этой фразы сказано коротко — «родился на Москве»). Раз Пахомий исходил из текста «О Алексее митрополите», читающегося в Московском своде, Ермолинской летописи и Владимирском летописце, значит, в 50-е гг. XV в. вариант с чтением «отъ бояр Черниговскихъ» уже существовал; между тем общий протограф Московского свода и Ермолинской летописи был создан не ранее 60-х гг. XV в.²⁰⁰

2. Эпитет «московский», часто употребляющийся в Рогожском летописце и Симеоновской летописи²⁰¹, в выписках Н. М. Карамзина из Троицкой летописи (напомним, передававшей текст свода начала XV в.)²⁰², за период с начала XIV столетия (когда прекращается использование в Троицкой ее общего с Лаврентьевской летописью источника) практически не встречается (исключение — упоминание «протопопа московского» среди членов посольства в Константинополь претендента на митрополию Митяя²⁰³). При этом есть слу-

чай, когда в Симеоновской летописи это определение стоит там, где в Троицкой его точно не было: под 6811 г. в Троицкой — «благослови въ свое мѣсто князя Данила», в Симеоновской — «благослови въ свое мѣсто князя Данила Московского»; под 6812 г. в Троицкой — «князь Юрии Даниловичъ съ братьею своею»; в Симеоновской — «князь Юрьи Даниловичъ Московскый съ братьею своею», под 6813 г. в Троицкой — «князя Юрья Суждалѣ переимали да не изнимали», в Симеоновской — «князя Юрья Московскаго въ Суждалѣ переимали да не изнимали», под 6878 г. в Троицкой — «князь великий пославъ на Тѣрь», в Симеоновской — «князь великий Дмитреи Ивановичъ Московский пославъ на Тѣрь»²⁰⁴. Очевидно, эпитет «Московский» не был характерен для общерусского свода начала XV в. (составленного в московских кругах) и появился только в его тверской редакции. Изменение под пером ее составителя текста о происхождении митрополита вполне понятно: тверичей не интересовали черниговские корни Алексея, для них было важно, что митрополит родился в семье московских бояр²⁰⁵.

Таким образом, указание на черниговское происхождение отца Алексея, скорее всего, содержалось в первоначальном тексте рассказа «О Алексее митрополите», и нет оснований подозревать эту версию в недостоверности.

Время приезда Федора Бяконта может быть определено, исходя из даты рождения Алексея. Все тексты рассказа «О Алексее митрополите» говорят, что родился он уже в Москве, но дают для определения даты рождения противоречащие друг другу данные. Сначала говорится, что Алексей родился «въ княжение великое тѣрьское Михайлово Ярославича при митрополитѣ Максимѣ, до убиения Акинфова»²⁰⁶, что указывает на период до весны—лета 1305 г. (так как Акинф погиб в 6814 ультрамартовском году до осени)²⁰⁷. Затем приводится свидетельство, что Алексей «старѣе сыи князя великого Семена 17 лѣтъ»²⁰⁸. Поскольку Семен Иванович родился 7 сентября 1317 г.²⁰⁹, это указание позволяет датировать появление на свет Алексея 1300 г.²¹⁰ Но ниже сказано, что Алексей «въ чернцы пострижесе 20-ти летъ, а въ чернецствѣ поживе 40-те лѣтъ, а въ митрополиты поставлень бысть 60-те лѣтъ, а пребысть въ митрополитѣхъ 24 лѣта, и бысть всѣхъ

дней и жития его лѣтъ 85»²¹¹. Исходя из этих данных, годом рождения Алексея следует признать 1292 или начало 1293 г. (так как умер он в начале 1378 г. — 12 февраля). Однако в приведенном расчете лет вызывает подозрение преобладание круглых цифр: очевидно, все они приблизительны (в отличие от указания на срок пребывания Алексея в сане митрополита, продолжительность которого была хорошо известна); следовательно, приблизительно дается и общее количество прожитых Алексеем лет²¹². Указание же на 17-летнюю разницу в возрасте Алексея с великим князем Семеном Ивановичем, скорее всего, передает наблюдение, сделанное при жизни этих людей (несомненно, тесно общавшихся друг с другом) и услышанное автором от самого митрополита или от кого-то из близких к нему лиц; иными причинами его появление объяснить трудно. Поэтому 1300 г. как дата рождения Алексея и, следовательно, *terminus ante quem* приезда его отца в Москву, выглядит более предпочтительным²¹³. С какими событиями может быть связан отъезд Бяконта с Черниговщины?

Во второй половине XIII в. черниговский стол занимали князья сильнейшего в ту пору в Черниговской земле Брянского княжества — Роман Михайлович, затем его сын Олег. Однако после пострижения последнего в монахи брянский и черниговский столы остались вакантными, и Брянск перешел под власть смоленских князей²¹⁴. Прямых сведений о причинах этого перехода нет. Но рассмотрение «брянских событий» в контексте русско-ордынских отношений 80–90-х гг. XIII в. позволяет полагать, что вокняжение смоленских князей в Брянске произошло при деятельном участии Орды; Роман и Олег были сторонниками Ногая, передача Брянска в руки представителей смоленского княжеского дома (лояльных к Сараю) являла собой составную часть наступления Тохты на сферу влияния Ногая в русских землях, начатого в конце 1293 г. (в Северо-Восточной Руси это наступление проявилось в походах Дюдены зимой 1293–1294 гг. и Неврюя 1296 г.) и имела место между 1294 и 1297 г.²¹⁵ Можно полагать, что отъезд видного черниговского боярина был связан именно с этой «сменой власти» в Черниговской земле²¹⁶ и, следовательно, датируется 1294–1297 гг. Даниил Александрович был в это время главой «проногаевской»

группировки князей Северо-Восточной Руси, и естественно поэтому, что боярин князя-вассала Ногай перешел на службу именно к нему.

Московские князья в XIV в. не раз проявляли особый интерес к Черниговской земле, особенно к Брянску. Очень вероятно, что Юрий Данилович в 1309–1310 гг. поддерживал (еще не будучи великим князем Владимирским) князя Святослава Глебовича в его борьбе за брянский стол с племянником Василием Александровичем; еще вероятнее поддержка Иваном Калитой в 1339–1340 гг. в аналогичной борьбе сына Святослава Глеба²¹⁷. В 1379 г. группа бояр Черниговской земли перешла на московскую службу (с князем Дмитрием Ольгердовичем)²¹⁸. По-видимому, Федор Бяконт был не единственным представителем черниговско-брянской знати, отъехавшим в Москву в последние годы XIII в., и наличие у московских князей постоянных интересов в центральной и южной части Черниговской земли во многом обуславливалось тем, что часть московских служилых людей имела тесную связь с этим регионом.

Известие о приезде в Москву родоначальника Квашниных сохранилось в двух вариантах. Согласно ранним редакциям родословных книг (40-х гг. XVI в.), Нестер Рябец пришел из Литвы к Ивану Калите²¹⁹. Второй, пространный, вариант содержит предание о начале рода Квашниных. Оно изложено (в виде нескольких вставок в погодные статьи) в так называемом летописном своде 1539 г. (дошедшем в списке Дубровского Новгородской IV летописи и в Архивской летописи), в составлении которого принимали участие представители этого рода²²⁰. События здесь описаны следующим образом.

В 6840 (1332) г. киевский «вельможа» Родион Нестерович с сыном Иваном и двором численностью в 1700 человек пришел на службу к Ивану Калите. Великий князь дал ему «в вотчину» половину Волока Дамского. Через год Родион подчинил великому князю весь Волок. Иван пожаловал Родиону село на реке Восточне. Боярин Калиты Онкиф (Акинф) Гаврилович «не восхоте быти подъ Родиономъ в меншихъ» и убежал в Тверь. По его наущению тверской князь отнял у Ивана переяславскую волость Вьюлки. В 6843 г. великий князь посылал находившегося тогда в Торжке Родиона вое-

вать против Литвы. В 6845 г. «подведе рать многу Онкифъ на великого князя Ивана Даниловича подъ Переяславль и осади великого князя во граде Переяславле, бе бо тогда князь велики со княгинею во граде Переяславле, а граду малу сушю и не тверду. Онкифъ же стоя тогда по [д] градомъ 3 дни; нелзе бяше собрати воиско великому князю Ивану, понеже вести из града некуды послати. Тверичи облегоша градъ. Въ 4 же приспе тогда Родион Нестеровичъ с воискомъ своимъ и посла к великому князю отъ своихъ домочадецъ верныхъ ему сушу Свербея глаголемаго и втораго Сарачю, и идоша ношю в градъ Переяславль сквозе полки тверския и ска [за] ша великому князю, яко Родионъ присла на помощь и ста отъ града за 5 версть, а с ним его дворъ, а иного воиска мало присовокупишася, понеже вскоре не бе собратися. Князь же велики, слышавъ, радъ бысть и то же ноши отосла к Родиону единого Сарачю, а Свербея у себя остави, и повеле Родиону заутро, ополчася, прити ззади на тверичь, а самъ же заутра высла весь свои двор, кои с нимъ обретошася во граде. И поидоша противу себя, и сступиша [о] бои, а Родионъ тогда приспе ззади на тверичи. И бысть тогда подъ градомъ сеча зла, яко никогда тако бысть. И поможе Богъ великому князю Ивану, и побьены быша тверичи въ конецъ, яко ни одинъ отъ нихъ остася; а самого Окинфа Родионъ руками своима уби, а главу его отсекъ привезе, взотнувъ на копие, к великому князю и рекъ: “се, господине, твоего изменника, а моего местника глава”. Князь же великий боярина своего многими дары отдаривъ его и почтивъ, и рече, яко “подобаетъ ти и всегда у меня начальникомъ быти, яко толико дръзнове-ние и подвить по мне показа, яко никто отъ моихъ воинъ”»²²¹. Как можно оценить степень достоверности составных частей этого предания?

Пожалование великокняжеской половины Волока в вотчину невозможно: не исключена лишь передача ее в кормление²²². Новгородская половина Волока оставалась за Новгородом до середины XV в.²²³ Но как раз в 1332–1333 гг. Иван Калита «възверже гнѣвъ» на новгородцев и занял ряд новгородских волостей²²⁴; захват в этой ситуации его волоцким наместником новгородской части Волока вполне вероятен. Сообщение о пожаловании села на Выходне выглядит вероят-

ным, так как известно, что сын Родиона, Иван, и его потомки имели там вотчину²²⁵. Местнический конфликт Родиона и Акинфа вряд ли мог иметь место, так как для XIV в. местничество еще не характерно²²⁶. Кроме того, несколько более ранний источник свидетельствует, что Акинф был боярином великого князя Андрея Александровича и отъехал к Михаилу Тверскому вместе с другими великокняжескими боярами после смерти Андрея в 1304 г.²²⁷. По-видимому, указания на местническую подоплеку столкновения Акинфа с Родионом и на измену Акинфа Ивану Калите были включены в родословную легенду для обоснования большей знатности Квашниных перед потомками Акинфа²²⁸. Волость Вьюлки (Юлка) соседствовала с тверскими землями²²⁹ и, следовательно, могла быть захвачена тверским князем; но вряд ли это имело место в 1333 г., поскольку тогдашний тверской князь Константин Михайлович соблюдал лояльность к Ивану Калите²³⁰. В 1335 г. Иван Данилович действительно посылал войска на литовские владения и именно из Торжка²³¹.

Бой Ивана Даниловича с Акинфом под Переяславлем имел место в 1305 г., когда Юрий Данилович Московский и Михаил Ярославич Тверской находились в Орде, где оспаривали великое княжение, а Иван сел в Переяславле, с 1303 г. находившемся в руках московских князей: «Тогда бысть ему бои съ Акинфомъ Тферскимъ, съ княземъ же с Ываномъ съ единого переяславская рать, къ тому же приспела и московская рать и бишася зело крепко, и поможе Богъ князю Ивану и уби Акинфа у Переяславля, и зятя его Давыда, и множество тферичь, и погнашася за ними и юстигающе, много тферичь побиша. Дети же Акинфовы, Иванъ да Федоръ, одна убежали въ Тферь»²³². Родословная легенда, таким образом, ошибаясь в датировке, верно передает общий ход событий: пребывание Ивана в Переяславле, предводительство Акинфа тверской ратью, своевременный подход московских сил на помощь Ивану, сокрушительность поражения тверичей. В тексте свода 1539 г. подробный рассказ об этом бое отсутствовал²³³, поэтому данные о нем не могли быть почерпнуты из основного летописного текста. Не мог рассказ родословной легенды восходить и к тексту летописей, родственных Троицкой-Симеоновской, так как он не содержит текстуаль-

ных совпадений с ними (кроме традиционной формулы «поможе Богъ»).

Следовательно, этот рассказ можно считать в основе достоверным²³⁴: очевидно, он восходит к родовому преданию, согласно которому родоначальник Квашниных возглавлял московскую рать в битве под Переяславлем и лично убил Акинфа. А это значит, что в 1305 г. он уже находился на московской службе. Поскольку сын Родиона Нестеровича, Иван, умер в 1390 г.²³⁵, вряд ли в событиях 1305 г. мог участвовать именно Родион; скорее всего, с его именем связаны те элементы родословной легенды, которые могут быть приурочены к 30-м гг. XIV в. (захват новгородской половины Волока, поход на Литву), а предводителем московской рати в бою с Акинфом был Нестер Рябец, который и приехал, согласно ранним родословцам, на московскую службу²³⁶.

Нет оснований усматривать противоречие в указаниях на выезд родоначальника Квашниных из Литвы или из Киева. Термин «Литва» уже в XV в. служил обобщенным названием для русских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского²³⁷, а Киев с 60-х гг. XIV в. (то есть в течение почти двух веков до времени составления родословных книг) находился в составе этого государства. Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности полагать: боярин Нестер Рябец пришел на московскую службу из Киева до 1305 г.

История Киева второй половины XIII — начала XIV в. крайне скудно освещена источниками, но известно, что в 1299 г. там произошли трагические события: «митрополить Максимъ, не терпя татарьского насилья, оставя митрополью и збежа ис Киева, и весь Киевъ разбежался, а митрополить иде ко Брянску, и оттоле иде в Суждальскую землю и со всем своимъ житьем»²³⁸. «Татарское насилие» над Киевом явно связано с происходившей в 1299 г. войной между Тохтой и Ногаем, поэтому исследователи не без оснований полагают, что Киев входил в сферу влияния Ногай и стал жертвой похода войск Тохты²³⁹. В этой связи логично предположить, что видный киевский боярин после перехода Киева под сюзеренитет Волжской Орды ушел в Северо-Восточную Русь (возможно, вместе с митрополитом) и стал служить Даниилу Александровичу, главе «проногаевской» коалиции.

Но существует известие, которое правомерно считать самым ранним (собственно, единственным прижизненным) упоминанием Нестера Рябца. В рассказе Ипатьевской летописи о событиях 1285 г.²⁴⁰ говорится, что галицкий князь Лев Данилович послал на польского князя Болеслава «воеводы... Тюйма, и Василька Белжянина, и Рябца»²⁴¹. Крайне маловероятно, чтобы одновременно в Южной Руси были два боярина с одинаковым прозвищем (ни ранее, ни позже аналогий ему не встречается)²⁴². отождествление Рябца — боярина Льва Даниловича Галицкого с Нестером Рябцом, выходцем из Киева, ставит вопрос, каким образом он оказался в конце XIII в. в Киеве.

Не исключено, что Рябец мог просто перейти на службу к киевскому князю еще при жизни Льва Даниловича. Существует точка зрения (подкрепленная, правда, только косвенными соображениями), что галицко-волынские князья после окончания конфликта Тохты с Ногаем в качестве платы за поддержку сарайского хана получили контроль над Киевом²⁴³. Если это так, то можно думать, что Рябец не хотел возвращаться на службу ко Льву и ушел к сильнейшему из бывших вассалов Ногая в Северной Руси. Но возможно и другое объяснение: Нестер стал в 1299 или 1300 г. наместником Льва Даниловича в Киеве, а уход его был связан со смертью этого князя, которую исследователи, исходя из косвенных данных, датируют концом 1299, 1300 или (самое позднее) 1301 г.²⁴⁴ Возможно, Рябец не желал почему-либо служить его сыну, Юрию Львовичу, и ушел к Даниилу Московскому.

В любом случае (даже если допустить, что было два Рябца — галицкий и киевский) уход Нестера из Киева следует относить к периоду 1299–1301 гг., то есть как раз ко времени, когда наблюдается военное усиление московских князей²⁴⁵. Можно полагать, что в условиях, когда «весь Киевъ розбежался», на службу к Даниилу из Киевской земли пришли и другие служилые люди: им было естественно искать покровительства именно московского князя, так как другой бывший союзник Ногая — Михаил Тверской — в 1300 г. помирился с Андреем Александровичем (главой «просарайской» коалиции), а третий — Иван Переяславский — явно уступал по своему политическому весу московскому и тверскому князьям.

Итак, из трех представителей московского боярства первой четверти XIV в., чье происхождение можно проследить по источникам, два выехали из Южной Руси на рубеже XIII — XIV вв. Помимо того что каждый из них, несомненно, привел с собой воинский контингент, косвенные данные позволяют полагать, что в это время выезжали в Москву и другие представители южнорусской знати. Таким образом, усиление военной мощи Московского княжества на рубеже XIII — XIV вв. во многом, по-видимому, было связано именно с приходом в это время на службу к Даниилу Александровичу значительного количества служилых людей из Южной Руси — Черниговского и Киевского княжеств. Численное увеличение двора московского князя и дало ему возможность вести активную внешнюю политику. Необходимость обеспечить содержание возросшего числа служилых людей, в свою очередь, явилась, очевидно, одной из причин активных экспансионистских устремлений Даниила (а позже и Юрия) в начале XIV в. (борьба за присоединение Коломны, Переяславского, а позже Нижегородского княжеств) — территории Московского княжества было недостаточно для удовлетворения их потребностей.

Таким образом, в княжение Даниила Александровича были заложены первые камни в фундамент могущества Москвы. Пользуясь поддержкой Ногай и великого князя Дмитрия Александровича, Московское княжество стало заметной силой, а обстоятельства, связанные с внутриордынской борьбой и противостоянием ориентировавшихся на разных ханов княжеских группировок, способствовали резкому усилению московского служилого слоя. Это, в свою очередь, стимулировало тенденции к расширению подвластной московскому князю территории. В первые годы XIV в. Даниил хорошо подготовился к продолжению борьбы с братом Андреем за первенство в Северо-Восточной Руси. Но смерть 41-летнего московского князя 5 марта 1303 г.²⁴⁶ разрушила эти планы.

Глава вторая
Ослушник двух ханов:
Юрий Данилович (1303—1325)

Первым деянием нового московского князя Юрия, старшего из пяти сыновей Даниила Александровича, стал поход на Можайск. Как говорилось выше, Можайск перешел под власть Москвы, скорее всего, еще в 1291 г. После смерти Даниила смоленские князья (возможно, в союзе с Михаилом Тверским) попытались вернуть это владение; в Можайске обосновался Святослав Глебович (княживший тогда, скорее всего, в Ржеве, то есть на границе с московскими и тверскими землями)²⁴⁷. Юрий с братьями занял Можайск, Святослав был взят в плен и отвезен в Москву²⁴⁸.

Осенью того же года возвратился из Орды великий князь Андрей Александрович, после чего в Переяславле состоялся княжеский съезд. По его итогам Переяславль остался за Юрием, но, по-видимому, с условием, что после смерти Андрея Александровича он отойдет к его преемнику на великокняжеском столе²⁴⁹. Такой итог съезда позволяет предполагать, что Даниил Александрович попытался каким-то образом подкрепить в Орде свои притязания на Переяславль и это имело успех, хотя и ограниченный; возможно, Тохта не захотел чрезмерно усиливать Андрея.

Великий князь Андрей скончался 27 июля 1304 г.²⁵⁰. Если бы Даниил Московский пережил брата, он, как следующий по старшинству среди князей Северо-Восточной Руси, имел бы преимущественные права на владимирский стол. В сложившейся же ситуации старейшим был Михаил Тверской: он остался единственным внуком князя Ярослава Всеволодича. Юрий Данилович правами на великое княжение не обладал: по родовому принципу он был младше не только Михаила Тверского, своего двоюродного дяди, но и сына Андрея Александровича Михаила — своего двоюродного брата, а по отчинному даже в перспективе не имел оснований претендовать на Владимир, так как Даниил, его отец, великим княжением не владел. Ранее были случаи, когда князь, не являвшийся «старейшим» среди потомков Ярослава Всеволодича, оспаривал великое княжение. Но во всех случаях это был *второй* по старшинству князь (имевший к тому же права на великое княжение «по отчине»): с Ярославом Ярославичем (1264—1271) боролся его младший брат Василий, с Василием (1272—1276) его старший племянник Дмитрий Александрович, с Дмитрием (1277—1294) его младший брат Андрей, с Андреем — младший из Александровичей Даниил. Другие князья, независимо от того, насколько сильны они были, в борьбу за великое княжение не вступали. Теперь же Юрий нарушил традицию, предъявив претензии на великокняжеский стол.

Михаил в том же 1304 г. отправился в Орду, и следом за ним двинулся Юрий с братьями²⁵¹. Оба соперника при этом активно противодействовали друг другу. Юрия по пути в Орду пытались «переимать» в Суздале, но безуспешно²⁵². Московский князь послал своего брата Бориса в Кострому (входившую в территорию Владимирского великого княжества), но там последнего схватили и привели в Тверь²⁵³. Тверичи послали наместников своего князя в Новгород, однако новгородцы их не приняли: дело едва не дошло до военного конфликта, но в конце концов было заключено перемирие «до приезда князей», то есть до возвращения Михаила и Юрия из Орды с ханским решением о судьбе великокняжеского стола²⁵⁴. Брат Юрия Иван Данилович (будущий Калита) приехал из Москвы в Переяславль, судьба которого в связи с предсто-

явшим появлением нового великого князя оказывалась неясной. Из Твери к Переяславлю подступило войско во главе с боярином Акинфом. Московская и переяславская рати разбили тверичей, Акинф погиб в бою²⁵⁵.

Хан Тохта решил вопрос о великом княжении в пользу Михаила. Осенью 1305 г. тверской князь вернулся на Русь и еще в том же году ходил походом «къ Москвѣ на князя на Юрья и на его братью»²⁵⁶; результатом этого похода стало, очевидно, признание московским князем прав Михаила на Переяславль²⁵⁷.

Под 6815 г. в Симеоновской летописи (и судя по выписке начала статьи Н. М. Карамзиным — в Троицкой) читается: «князь Юрьи выѣха на Москву съ Рязани, а на осень бысть Таирова рать. Тое же осени князь Александр и Борисъ (младшие братья Юрия Даниловича. — *А. Г.*) отѣхали въ Тферь съ Москвы. Тое же зимы князь Юрьи князя Костянтина убиль Рязанского. Тое же зимы въ Филипово говѣнье преставися пресвященныи архиепископъ Максимъ, митрополить всеа Руси, мѣсяца декабря въ 6, на память святого отца Николы»²⁵⁸. В отношении «Таировой рати» исследователи обычно отмечают, что направление ее и цели неясны²⁵⁹; лишь Дж. Феннелл предположил, что «Таирова рать» была связана с визитом Юрия в Рязань и имела целью усилить его позиции на переговорах о присоединении к Московскому княжеству Коломны²⁶⁰. Это предположение подразумевает поддержку Ордой Москвы; однако ни в последующие, ни в предшествующие годы факты такой поддержки не известны: наоборот, известно, что в 1305 г. Тохта поддержал противника Юрия Михаила Тверского. Сразу после «Таировой рати», «тое же осени», отъехали в Тверь братья московского князя — факт беспрецедентный, могущий свидетельствовать только о крайней непрочности положения Юрия (и непонятный, если допустить его поддержку ханом); зимой того же года Юрий убил рязанского князя, в 1300 г. тесно сотрудничавшего с Ордой. Скорее всего, «Таирова рать» имела как раз антимосковскую направленность.

Статью Симеоновской летописи 6815 г. принято датировать по ультрамартовскому стилю, то есть 1306/07 г.²⁶¹ Но последнее ее сообщение — о смерти митрополита Макси-

ма — говорит о событии, имевшем место в декабре 1305 г.²⁶² Поэтому правомерно поставить вопрос — не относятся ли и предшествующие события к 1305 г.?²⁶³ В первом из известий, помещенных под 6815 г., обращает на себя внимание, что ничего не сказано о самом походе или поездке Юрия в Рязань, а упоминается только его возвращение. Этой неувязки не будет, если признать, что речь идет о возвращении Юрия через Рязань из Орды (про отъезд в которую говорилось выше, под 6813 г.). Но Юрий возвращался из Орды не в 1306, а в 1305 г., так как Михаил тогда ходил на Москву «на князя на Юрья». В этом случае следует предположить, что события, распределенные между статьями 6814 (возвращение Михаила с ярлыком на великое княжение и его поход к Москве) и 6815 гг., являют собой перечень происшедшего в конце 1305 — начале 1306 г. (перечень, возможно сложившийся в результате компиляции сведений двух источников — московского и тверского). «Таирова рать» тогда — это действия приданного возвращающемуся с ярлыком Михаилу татарского отряда во главе с ханским послом. Скорее всего, Юрий, уехав из Орды ни с чем, задумал сопротивляться стремлению Михаила овладеть Переяславлем и постарался заручиться поддержкой рязанских князей — Ярославичей (которым в 1300 г. помог его отец). Ответом Михаила стал поход на Москву вместе с татарским послом, в результате которого Юрию пришлось поступиться Переяславлем.

Однако в последующие годы Юрий предпринял попытку спорить с Михаилом за княжение в Новгороде Великом: в 1307 г. Михаил с Юрием воевали по поводу новгородского княжения²⁶⁴, а окончательно великий князь сел в Новгороде только 14 июля 1308 г.²⁶⁵ После этого он еще раз ходил походом на Москву. По-видимому, теперь Михаил рассчитывал окончательно сокрушить своего соперника и, возможно, посадить на московский стол одного из отъехавших в Тверь братьев Юрия²⁶⁶. Но бой у стен Кремля 25 августа 1308 г. («на память святого апостола Тита») не принес Михаилу успеха²⁶⁷.

Вскоре Юрий Данилович сумел овладеть Нижегородским княжеством, ставшим выморочным после кончины князя Михаила Андреевича (сына Андрея Александровича)²⁶⁸. Тем самым московский князь вновь покусился на велико-

княжеские права. В 1311 г. старший сын Михаила Ярославича Дмитрий двинулся на Нижний Новгород «на князя на Юрия» походом, но эта попытка была парализована митрополитом всея Руси Петром, «не благословившим» Дмитрия во время его нахождения во Владимире (месте пребывания митрополита)²⁶⁹.

Митрополит Петр был поставлен в Константинополе в 1308 г., причем патриарх предпочел его другому кандидату — ставленнику Михаила Ярославича Геронтию. Вскоре по приезде в Северо-Восточную Русь (1309) Петр был обвинен союзником Михаила тверским епископом Андреем в симонии (поставлении на церковные должности за мзду). Обвинение разбиралось в присутствии посланника патриарха на соборе в Переяславле; Петр был оправдан, по-видимому, во многом благодаря поддержке московских князей²⁷⁰. «Житие» Петра свидетельствует, что великий князь Михаил находился во время Переяславского собора в Орде²⁷¹. Очевидно, он был там и во время похода своего сына на Нижний Новгород: в противном случае необъяснимо, почему это предприятие возглавил не Михаил (это было бы естественно, так как в Нижнем находился сам Юрий), а 13-летний княжич²⁷². Переяславский собор датируется временем от конца 1309 до начала 1311 г.²⁷³, а поход Дмитрия имел место в начале 1311 г.²⁷⁴ Очевидно, что речь следует вести об одном и том же визите Михаила в Орду. Скорее всего, он был связан с освобождением нижегородского стола: выморочное княжество должно было отойти под власть великого князя Владимирского, и Михаил отправился к Тохте за ярлыком. Но, как и в случае с Переяславлем в 1302 г., московский князь в отсутствие великого князя овладел пустующим столом. Основанием для этого был, разумеется, тот факт, что Даниловичи являлись ближайшими родственниками — двоюродными братьями умершего Михаила Андреевича. Поскольку Нижегородское княжество (бывшее Городецкое) было отчиной дяди Юрия и политического противника его отца — Андрея Александровича (предшественника Михаила Ярославича на великокняжеском столе), несомненно, что московский князь придавал большое значение такому приобретению. Очень вероятно, что он сам правил в Нижнем Новгороде не только в 1311 г.

(когда его присутствие там прямо засвидетельствовано летописным известием о походе Дмитрия Михайловича), но и в течение всего периода 1310—1312 гг.²⁷⁵. Пребывание Михаила в Орде затянулось²⁷⁶, и правящие круги Тверского княжества совершили в 1311 г. попытку своими силами изгнать московского князя из Нижнего Новгорода.

В 1312 г. Михаил был уже на Руси²⁷⁷, и данных о том, чтобы он получил военную помощь Орды против Юрия, нет. Но все же можно полагать, что безрезультатной поездка великого князя не была. В 1312 г. митрополит Петр «сня санъ» с саранского епископа Измаила²⁷⁸. Измаил известен как проводник политики Тохты: в 1296 г. он приезжал на Русь вместе с Неврюем и участвовал в княжеском съезде во Владимире²⁷⁹. В Сарай Петр в 1312 г. не ездил, следовательно, его конфликт с Измаилом имел место на Руси. Возможно, саранский епископ приехал в качестве посланника хана с целью оказать воздействие на Юрия и лишение его сана дружественным Москве митрополитом было вызвано антимосковской позицией Измаила²⁸⁰.

В августе 1312 г. умер хан Тохта²⁸¹. В следующем году, после восшествия на престол нового хана — Узбека, великий князь Михаил отправился в Орду²⁸² (как это было принято в подобных случаях). Для Юрия появился, казалось бы, шанс оспорить в данной ситуации великое княжение, но московский князь в Орду не поехал²⁸³; очевидно, он опасался расправы за свое неподчинение прежнему хану.

Михаил вновь задержался в Орде надолго. Трудно судить, было ли это связано с какими-то разногласиями при ханском дворе по поводу того, вручать ли ярлык на великое княжение именно тверскому князю, и если да, то были ли эти разногласия связаны с действиями ордынских вельмож, сочувствовавших московским князьям, но бесспорно то, что задержка «переутверждения» Михаила великим князем оживляла надежды Юрия. И он возобновил борьбу за Новгород Великий (где имел немало сторонников). В 1314 г. Юрий прислал туда своего подручного князя Федора Ржевского (сына погибшего у Брянска в 1310 г. Святослава Глебовича²⁸⁴): наместники Михаила были схвачены, а новгородцы с Федором двинулись к Волге. Навстречу им выступил Дмитрий Михайло-

вич. Войска простояли друг против друга «до замороза», после чего был заключен мир, по которому Новгород отходил к Юрию: зимой 1314–1315 гг. московский князь приехал туда «на столь» с братом Афанасием²⁸⁵.

Новое покушение Юрия на права великого князя привело к тому, что он был вызван ханом в Орду и 15 марта 1315 г. выехал из Новгорода²⁸⁶. С Юрием отправились и его сторонники из числа новгородских бояр²⁸⁷, очевидно рассчитывавшие добыть в Орде для московского князя ярлык на новгородское княжение (а может быть, и на владимирский стол). Между Михаилом и Юрием в Орде «бывши прѣ велице»²⁸⁸. Узбек принял решение в пользу Михаила: осенью 1315 г. великий князь после двухлетнего пребывания в Орде пришел на Русь в сопровождении посла Таитемера, возглавлявшего сильный татарский отряд. 10 февраля 1316 г. Михаил и Таитемер разбили под Торжком новгородцев, возглавленных Афанасием Даниловичем. Приступив после этого к городу, Михаил потребовал: «Выдайте ми князя Афанасья и Федора Жревьского (Ржевского. — *А. Г.*), а язъ с вами миръ dokonчаю». Новгородцы ответили: «Не выдаемъ Афанасья, но измремъ вси честно за святую Софью». Тогда Михаил потребовал выдачи одного Федора. Это было исполнено, и стороны заключили мир. Затем Михаил призвал к себе «по миру» Афанасия и новгородских бояр, вероломно захватил их и отправил в Тверь в качестве заложников («в тали»). Новгородцы были вынуждены принять к себе посадников Михаила²⁸⁹.

Победа великого князя казалась полной. Но в том же 1316 г. новгородцы вновь выступили против него. На этот раз поход Михаила окончился неудачей²⁹⁰. А на следующий год ситуация коренным образом изменилась: Юрий, женившийся за время пребывания в Орде на сестре Узбека Кончаке (принявшей православие под именем Агафьи), получил ярлык на Великое княжение Владимирское и двинулся на Русь с послом Кавгадыем²⁹¹. Лишение князя владимирского стола при жизни в отсутствие каких-либо признаков неподчинения с его стороны — факт почти исключительный²⁹². Можно полагать, что сыграли роль влияние на хана его сестры и поддержка (в первую очередь материальная) Юрия новгородцами. Но главным было, по-видимому, стремление не

допустить чрезмерного усиления Михаила, идущее в русле традиционной монгольской политики поддержания «баланса сил» между вассальными правителями²⁹³.

Михаил встретил Юрия и Кавгадыя у Костромы. Здесь после переговоров он признал переход великого княжения к Юрию («сстъупися великаго княжения Михаилъ князь Юрию князю») и уехал в Тверь²⁹⁴. Но подобно тому, как в 1308 г. Михаил стремился добить побежденного соперника и ходил на Москву, так и теперь Юрий не удовлетворился достигнутым. В конце 1317 г. он вместе с Кавгадыем стал разорять Тверское княжество²⁹⁵. Целью этого мог быть сбор средств на расплату с кредиторами, давшими ссуду для покупки великокняжеского ярлыка; не исключено, что Юрий подумывал и о том, чтобы лишить Михаила тверского стола, вынудить его бежать за пределы Северо-Восточной Руси. Переговоры Михаила с Кавгадыем были безуспешны: послы от последнего приезжали «все съ лестию (неискренне. — А. Г.) и не бысть межи ими мира». В конце концов тверской князь вынужден был оказать сопротивление. 22 декабря 1317 г. у села Бортенево (в 40 верстах от Твери)²⁹⁶ он нанес Юрию полное поражение: новый великий князь бежал в Новгород, его жена и брат Борис попали в плен. Кавгадыю пришлось пойти на почетную капитуляцию: он «повелѣ дружинѣ своей стяги поврѣщи», а наутро заключил мир с Михаилом и отправился вместе с ним в Тверь²⁹⁷. Тверской князь не желал ссориться с ханом: он «почтил» Кавгадыя и отпустил²⁹⁸.

Юрий сразу же (в начале 1318 г.) выступил на Михаила вместе с новгородцами. Был заключен мир, по которому князья договорились, что оба пойдут в Орду²⁹⁹.

Вскоре жена Юрия Кончака-Агафья умерла в тверском плену, и появилась версия, что она была отравлена³⁰⁰. Вряд ли это было так на самом деле³⁰¹: Михаил не стремился создавать себе новые сложности в отношениях с Ордой; хватало и того, что ему пришлось биться с войском, в состав которого входил татарский отряд. В том же 1318 г. Юрий и Кавгадый отправились в Орду. Прибыл туда по требованию хана и Михаил. В Орде ему были предъявлены обвинения в невыплате дани, сопротивлении ханскому послу и смерти Кончаки. 22 ноября 1318 г. Михаил Ярославич с санкции Узбека

был казнен³⁰². Юрий Данилович выступал одним из обвинителей Михаила, однако не был, по-видимому, самым активным участником трагедии³⁰³. Даже пространная редакция «Повести о Михаиле Тверском», созданная в Твери вскоре после описываемых событий (скорее всего, духовником Михаила игуменом Александром)³⁰⁴ и изображающая Юрия в исключительно черных красках, называет главным виновником случившегося не его, а Кавгадыя³⁰⁵. Казнь Михаила была, скорее всего, предопределена не утайкой дани (о справедливости этого обвинения данных нет³⁰⁶), а оскорбительными для Узбека фактами смерти в тверском плену его сестры и пленения ханского посла (последнего, разумеется, не мог простить и сам Кавгадый).

В одной из статей недавно вышедшего сборника, посвященного Михаилу Ярославичу, высказывается мнение, что главной причиной казни был разгром Михаилом крупного татарского войска. В качестве аргумента, что под началом Кавгадыя были многочисленные силы, называется упоминание в Никоновской летописи еще двух предводителей — Астрабала и Острева, трактуемых как начальники туменов — десятитысячных отрядов³⁰⁷. Некритическое восприятие известий Никоновской летописи о событиях, далеко отстоящих от времени ее составления (20-е гг. XVI в.), породило и, к сожалению, продолжает порождать немало необоснованных суждений. Они отпадают, если учесть историю создания текста этого памятника (обстоятельно изученную Б. М. Клоссом). Имя второго, помимо Кавгадыя, предводителя впервые фиксируется (в форме «Астрабыл») в Новгородской IV и Софийской I летописях³⁰⁸, следовательно, оно содержалось уже в их общем источнике — своде 20-х гг. XV в. Имя «Острев» ранее Никоновской встречается в Сокращенных сводах 1493 и 1495 гг.: там это также имя *второго*, помимо Кавгадыя, предводителя³⁰⁹. Очевидно, что следует говорить о двух вариантах одного и того же имени (при этом «Острев» — его искаженный вариант, так как текст Сокращенных сводов испытал влияние протографа Новгородской ГУ — Софийской I летописей, а не наоборот). Составитель Никоновской скомбинировал известия двух имевшихся у него источников — Московского свода конца XV в. (он восхо-

дит к Софийской I летописи и там читается «Астрабыл»³¹⁰ и текста, близкого к Сокращенным сводам³¹¹, посчитав, что речь идет о разных лицах, в результате чего из двух предводителей стало три.

Известие протографа Новгородской IV — Софийской I летописей о наличии второго военачальника, скорее всего, достоверно. Но есть ли основания полагать, что Кавгадый и Астрабыл предводительствовали крупным войском, исходя из самого рассказа о Бортеневской битве? В нем говорится, что после бегства Юрия Кавгадый «повелѣ дружинѣ свои стяги поврѣщи, а сам не любоуя поиде въ станы»³¹². Отдать приказ сложить стяги можно было только в случае, если у татар не был нарушен строй. Между тем русские силы, сражавшиеся на стороне Юрия, в это время находились в состоянии беспорядочного бегства. Такой контраст заставляет полагать, что татарский отряд непосредственного участия в битве не принимал³¹³, рассчитывая, что Юрий справится своими силами (после чего можно будет заняться грабежом). Все это говорит об относительно небольшом воинском контингенте. В пользу того же свидетельствует и терминология, употребляемая при упоминании отряда Кавгадыя. Крупные татарские силы, приходившие на Русь, именовались «ратями» — «рать» Туратемира и Алыня 1282 г., «Дюденева рать», «рать» Неврюя 1296 г., «великая рать», посланная на Тверь зимой 1327—1328 гг.³¹⁴ Про отряд Кавгадыя этого не сказано, а сам он определен как «посол». Имеющиеся сведения о численности отрядов, сопровождавших ордынских послов, дают цифры в 30, около 1000, 700, 600, 50 человек³¹⁵. Поскольку Кавгадый именуется «сильным» послом³¹⁶, можно полагать, что в его отряде было более тысячи воинов³¹⁷.

После возвращения Юрия из Орды в 1319 г. два года прошли для великого князя относительно спокойно. В 1320 г. умер его брат Борис, находившийся тогда на княжении в Нижнем Новгороде³¹⁸. Очевидно, в связи с этим фактом стоит отъезд в этом году в Орду Ивана Даниловича³¹⁹ — необходимо было закрепить Нижегородское княжество за московской династией.

В следующем, 1321 г. вышли из повиновения тверские князья-сыновья Михаила. Юрий двинулся на Тверское кня-

жество походом, и Михайловичи согласились уплатить великому князю «серебро выходное» (то есть дань, предназначенную в Орду) в размере 2000 рублей, а старший из них, тверской князь Дмитрий Михайлович, обязался не оспаривать у Юрия великое княжение³²⁰. Поскольку еще в предыдущем году Юрий поддерживал с Тверью мирные отношения (его дочь вышла тогда замуж за третьего из сыновей Михаила — Константина), а весной 1321 г. татары взимали какие-то долги со второго по значению города Тверского княжества — Кашина³²¹, надо полагать, что тверские платежи за предыдущие годы были собраны и эти 2000 рублей являлись данью за один год, которую тверские князья отказывались отдать Юрию³²².

Но вместо того, чтобы отправиться навстречу ханскому послу и передать ему собранную дань, Юрий зимой 1321—1322 гг. уехал в Новгород³²³. В историографии нет однозначного мнения о мотивах поступка великого князя. А. Е. Пресняков полагал, что Юрий стремился соблюсти свое право непосредственно выплачивать «выход» Орде³²⁴. Это мнение разделил А. Н. Насонов³²⁵. Л. В. Черепнин, напротив, предположил, что Юрий «сделал попытку освободиться от тягостной опеки Орды»³²⁶. По мнению Э. Ключа, Юрий скрылся в Новгороде от посла, которым был Ахмыл, дружественно настроенный к Твери³²⁷. Последнее наименее вероятно, так как Ахмыл был послан на Русь позже; имени посла, навстречу которому не поехал Юрий, источники не называют³²⁸ (к тому же кем бы ни был посол, идущий к великому князю за «выходом», угрозы для последнего он не представлял). Что касается самостоятельного сбора дани, то Юрия никто не намеревался лишать этого права: посол должен был только взять уже собранный «выход» и отвезти в Орду. По-видимому, великий князь осознанно пошел на неподчинение Орде, стремясь использовать полученное «серебро» по своему усмотрению.

Поступком Юрия воспользовался Дмитрий Михайлович Тверской. Уже в марте 1322 г.³²⁹ он поехал в Орду³³⁰. Узбек сначала отправил «по Юрия князя» посла Ахмыла; с ним был вынужден пойти по-прежнему находившийся в Орде брат Юрия Иван. Ахмыл «много створи пакости... много посъче

христьянь, а иных поведе въ Орду»³³¹. Юрий отправился из Новгорода в Северо-Восточную Русь, но по дороге на него напал брат Дмитрия Александр Михайлович: обоз великого князя достался нападавшим, а сам Юрий бежал в Псков, откуда вернулся в Новгород³³². Целью возвращения Юрия в Северо-Восточную Русь явно была встреча с Ахмылом³³³: очевидно, что он не ожидал столь быстрой негативной реакции и, задерживая у себя «выход», не предполагал полностью разрывать вассальные отношения с ханом. Тверские же князья стремились воспрепятствовать встрече Юрия с послом, в результате которой он мог оправдаться, отдав «выход» (или заверив посла в скорой его передаче). Ахмыл вернулся в Орду, не встретившись с Юрием, и тогда, осенью 1322 г., Узбек отдал великое княжение Дмитрию Михайловичу³³⁴. Зимой Дмитрий пришел на Русь с послом Севенчбугой и занял владимирский стол³³⁵.

В 1322–1324 гг. Юрий Данилович пребывал в Новгороде. 12 августа 1323 г. он заключил со Швецией Ореховецкий договор, определивший шведско-новгородскую границу. Примечательно, что в этом договоре Юрий именуется «великим князем»³³⁶. О передаче великого княжения Дмитрию было, несомненно, уже давно известно. Следовательно, московский князь пошел на то, на что не решился Михаил Ярославич в 1317–1318 гг.: вопреки воле хана он продолжал считать себя великим князем и выступал в этом качестве в международных переговорах. Юрий явно не намеревался расставаться с новгородским столом и тем самым самовольно сохранял за собой часть великокняжеских prerogatives.

В 1324 г. Юрий с новгородцами совершил поход на Устюг. Город был взят, и устюжские князья вынуждены были заключить мир³³⁷. Мнение, что Юрий действовал в ордынских интересах³³⁸, основано на словах Никоновской летописи: «и докончаша мир по старинѣ и выхоть давати по старинѣ во Орду»³³⁹. Согласно ранним летописным источникам, стороны «докончаша миръ по старой пошлине»; об ордынском выходе ничего не говорится³⁴⁰. Термин «пошлина» в новгородских памятниках употреблялся для обозначения договорных обязательств, в которых одной из сторон выступал Новгород³⁴¹. Следовательно, речь шла о защите интересов

Новгорода, а не Орды. Вызван поход был тем, что в предыдущем году устюжане схватили и ограбили новгородцев, ходивших на Югру³⁴².

С Двины Юрий, не возвращаясь в Новгород, по Каме отправился в Орду. Туда же в 1325 г. прибыли Дмитрий и Александр Михайловичи³⁴³. В том же году «приде из Орды князь Олександръ Михайловичъ, а татарове с ним должници, и много бысть тягости на Низовьской земли»³⁴⁴ (то есть в Северо-Восточной Руси). Александр, таким образом, выполнял поручение хана, как бы замещая брата, задержанного вместе с Юрием при ханском дворе.

Несмотря на то что вина Юрия перед ханом была очевидной (налицо были невыплата дани и неподчинение ханскому решению о передаче великого княжения Дмитрию), Узбек медлил; возможно, его удерживало то обстоятельство, что Юрий был прежде его зятем. Тогда Дмитрий Михайлович «безъ цесарева слова» убил Юрия. Это случилось 21 ноября 1325 г.³⁴⁵, накануне седьмой годовщины гибели Михаила Тверского. Узбек не простил Дмитрию самосуда и 15 сентября 1326 г. (по-видимому, после долгих колебаний) казнил великого князя³⁴⁶.

Распространенный взгляд на Юрия Даниловича как пособника Орды³⁴⁷ критики явно не выдерживает: он является следствием оценки деятельности этого князя сквозь призму одного эпизода — гибели в Орде Михаила Тверского. Рассмотрение же всей политики Юрия в отношении Орды открывает совсем иную картину.

В 1304—1305 гг. Юрий, как и Михаил Тверской, старался добиться милости хана и получить великое княжение, но, потерпев поражение в соперничестве с Михаилом, повел себя отнюдь не как верный слуга Орды. В то время как в период великого княжения Михаила Ярославича Тверского последний не совершил ни одного действия, имевшего прямую или косвенную антиордынскую направленность, Юрий Данилович косвенно постоянно нарушал ханскую волю, ведя борьбу с Михаилом путем оспаривания части его великокняжеских прав: княжения в Новгороде Великом (до 1308 и 1314—1315 гг.) выморочного Нижегородского княжества (1310—1311). Конфронтация с Михаилом повлекла за собой

враждебность ханов: в данный период против московских князей были организованы две ордынских военных акции — в 1305 («Таирова рать») и 1315–1316 гг. (поход Таитемера). Московский князь не пытался домогаться в Орде ярлыка на великое княжение: он не поехал туда при воцарении нового хана, а в 1315 г. отправился не по своей воле, а по требованию Узбека. В сложившейся ситуации, однако, Юрий предпринял все, чтобы заслужить ханскую милость. Но данных о поддержке Ордой Москвы до получения Юрием в 1317 г. ярлыка на великое княжение нет (исключая временное оставление за ним Переяславля в 1303 г.). Другое дело, что у Юрия еще до 1317 г. могли быть в Орде благожелатели: согласно «Повести о Михаиле Тверском», во время первого, 1305 г., приезда московского князя в Орду часть ордынских вельмож была склонна поддержать его претензии на великое княжение³⁴⁸. Возможно, союзнические отношения Юрия с Кавгадыем берут начало с этого времени³⁴⁹.

В 1317–1318 гг. Михаил Ярославич подчинился ханскому решению о передаче Юрию Даниловичу великого княжения, но оказал сопротивление (как и Юрий в 1305 и 1308 гг.) вторжению в свое собственное княжество. «Слишком» решительная победа, одержанная им при этом, унижение, испытанное ордынским послом, и смерть в тверском плену ханской сестры решили судьбу Михаила. Вина Юрия состояла в том, что он поддерживал обвинение. Исходя из нравов княжеской среды того времени, вряд ли можно было ожидать от московского князя иного: Михаил был его злейшим врагом, изменившим союзу с его отцом в 1300 г., не раз наводившим на Юрия с братьями татарские войска, добивавшимся его свержения в 1308 г.

Тот факт, что Юрий способствовал убийству русского князя врагами Руси, в начале XIV в. не имел звучания, свойственного позднейшим представлениям о постоянном непримиримом противостоянии Руси и Орды. Иноземная власть считалась в то время злом, посланным Богом за грехи³⁵⁰. Ордынский хан рассматривался как в определенной мере законный сюзерен русских князей; он именовался «царем», то есть более высоким титулом, чем кто-либо из них (подробно об отношении на Руси к власти хана см. в гл. 6). Примеча-

тельно, что «Повесть о Михаиле Тверском» осуждает Юрия не за пособничество «поганым», а за то, что он, вопреки традиции, выступил против «старшего» в роду князя, не имея законных, по старшинству, прав на великое княжение³⁵¹.

Говоря об ордынской политике Михаила Ярославича, можно утверждать, что характеристика его как борца с игом³⁵² ошибочна — тверской князь оказал сопротивление только однажды, когда попал в безвыходную ситуацию, в которой альтернативой была гибель³⁵³; при этом он сделал все возможное, чтобы не обострять отношений с ханом. Действия Михаила в 1317 г. были не более «антиордынскими», чем действия Даниила Александровича в 1300 г. (когда тот осмелился биться с татарами, не угрожавшими его владениям) и Афанасия Даниловича в 1316 г. Торжок является своего рода аналогом Бортенева: как и год спустя, великий князь Владимирский с «сильным» татарским послом идет на князя-соперника (отличие состояло в том, что ситуация для Москвы в 1316 г. была более драматичной в силу того, что главный московский князь, Юрий, находился в это время при ханском дворе на положении фактического заложника). Мученическая смерть Михаила и панегирическое изображение этого князя в сочинении, написанном его духовником, не должны заслонять того факта, что Михаил не только никогда не помышлял о ликвидации ордынской власти над Русью, но и в течение 12 лет своего великого княжения ни разу не противился ханской воле³⁵⁴.

Что касается Юрия Даниловича, то, став великим князем, он вскоре, в 1322–1323 гг., идет сначала на неуплату собранной дани, а затем на непризнание ханского решения о лишении его великокняжеских прав (Михаил Ярославич таких проступков против сюзерена не совершал). Говоря о деятельности Юрия за весь период 1303–1325 гг., следует тем не менее отметить, что в ней не просматривается осознанного стремления сбросить иноземную власть. Ханский сюзеренитет Юрием под сомнение не ставился (в этом отношении политика московских и тверских князей принципиально не отличалась). Борясь в период великого княжения Михаила за первенство среди князей Северо-Восточной Руси, Юрий не пытался самостоятельно полностью овладеть великим кня-

жением, право распоряжения которым принадлежало хану: он старался отнять у великого князя *часть* его прерогатив (княжение в Новгороде, право на выморочные княжества). Когда предоставилась возможность получить в Орде все великое княжение, Юрий ее использовал. Однако вскоре он пошел на неподчинение воле хана, а утратив ярлык, продолжал считать себя великим князем и княжить в Новгороде. Элементы сопротивления воле (именно воле, а не власти в принципе) Орды в деятельности Юрия Даниловича просматриваются в намного большей степени, чем в деятельности его современников — тверских князей.

В целом благодаря твердости и решительности (часто граничившей с безрассудством) Юрия Московское княжество сумело выстоять в неблагоприятных обстоятельствах. Поддержкой ордынских правящих кругов Москва пользовалась при Юрии только в 1317–1322 гг., в остальное же время ситуация была взрывоопасной. Однако судьба до известного времени благоволила к Юрию Даниловичу: в 1305 и 1308 гг. ему удавалось избежать военного поражения и замирился с Михаилом ценой уступок, в 1312 г. разрешение конфликтной ситуации отсрочила смерть хана Тохты, в 1316 г. главный удар приняли на себя новгородцы, а затем Юрий обрел благосклонность хана. Переход к московскому князю Великого княжения Владимирского создал прецедент, после которого потомки Даниила Александровича уже могли с полным основанием претендовать на первенство в Северо-Восточной Руси.

Глава третья
Расчетливый вассал:
Иван Данилович
(1325—1340)

В 1326 г., вскоре после гибели Юрия, Иван Данилович Калита приехал в Орду³⁵⁵. Поездка, по-видимому, была связана с получением ярлыка на московское княжение³⁵⁶. Возможно, Калита каким-то образом сумел повлиять на решение Узбека о судьбе Дмитрия Михайловича Тверского, хотя никаких данных на этот счет нет. Великое же княжение Владимирское хан отдал брату казненного — Александру Михайловичу³⁵⁷. Этот шаг был вполне логичен: если брат Ивана Юрий дважды пошел на неподчинение хану, то брат Александра Дмитрий, будучи великим князем, выполнял свои обязанности перед Ордой, а сам Александр продемонстрировал свою покорность в предыдущем году, собирая дань в Северо-Восточной Руси.

Александр Михайлович вернулся на Русь, а вскоре произошло событие, резко изменившее соотношение сил в пользу Москвы. 15 августа 1327 г. в Твери поднялось восстание против татар, пришедших туда с послом Шевкалом (Чолханом, сыном Тудана-Дюдены, двоюродным братом Узбека); татарский отряд был перебит. Это событие отражено в нескольких разнящихся между собой летописных расска-

зах (так называемые «Повести о Шевкале») и в фольклорном произведении — «Песни о Щелкане»³⁵⁸. Источниковедческие исследования этих памятников³⁵⁹ показали, что в них наличествуют поздние наслоения. Это касается, во-первых, представления об экстраординарности миссии Чолхана, якобы имевшего целью погубить «князя великаго Александра» и «всѣхъ князей Рускихъ», «разорить христианство» (тверская версия)³⁶⁰, самому сесть в Твери на княжении, посадить в других русских городах татарских князей, а население обратить в мусульманскую веру (вторая версия, восходящая к своду — протографу Новгородской IV и Софийской I летописей)³⁶¹; во-вторых, изображение восстания как регулярного сражения с татарами войска, возглавляемого князем Александром (вторая версия)³⁶². Ранние достоверные свидетельства о восстании содержат Новгородская первая летопись старшего извода³⁶³ и вторая часть «тверской» версии, дошедшая в составе Рогожского летописца и Тверского сборника³⁶⁴.

Прибытие на Русь отряда Чолхана не представляло ничего необычного. Сопоставление даты восстания (15 августа 1327 г.) со временем появления на Руси Александра Михайловича в качестве великого князя (не ранее зимы 1326—1327 гг., так как Дмитрий был казнен 15 сентября 1326 г.) заставляет предполагать, что Чолхан либо был тем послом, который пришел вместе с Александром для утверждения нового великого князя на столе, либо прибыл несколько позже для взимания поборов в счет уплаты за великокняжеский ярлык Александра. Что касается характера восстания, то, согласно тверской версии, оно носило стихийный характер, будучи ответом на чинившиеся татарами притеснения³⁶⁵, а по новгородской — инициатива избиения татар исходила от великого князя³⁶⁶. Последнее может быть интерпретацией новгородского летописца — современника событий, сделанной в начале 30-х гг. XIV в., когда Александр сел в Пскове в качестве вассала великого князя Литовского Гедимина и Псков, таким образом, вышел из-под влияния Новгорода (признававшего своим сюзереном тогдашнего великого князя Владимирского Ивана Калиту, а следовательно, и ордынского хана)³⁶⁷. Но не исключено, что данное известие отображает

тот факт, что Александр в условиях вспыхнувшего восстания, поняв необратимость случившегося (и так же, как и его подданные, будучи оскорблен поведением ордынцев), поддержал тверичей.

Иван Калита, узнав о случившемся, отправился в Орду. Узбек послал на Тверь зимой 1327–1328 гг. крупное войско; московский князь шел вместе с ним. Тверское княжество подверглось сильному разорению. Александр Михайлович бежал в Новгород; новгородцы его не приняли, и бывший великий князь отправился в Псков³⁶⁸. По вопросу о великом княжении Узбек принял неординарное решение: оно было поделено между двумя князьями. Ивану Калите достались Новгород и Кострома, а суздальскому князю Александру Васильевичу — Владимир и Поволжье³⁶⁹. Очевидно, имевшие место акты неповиновения великих князей Владимирских (Юрия Даниловича и Александра Михайловича) привели хана к мысли о нежелательности резкого усиления одного князя, которое неизбежно происходило при получении всего великого княжения.

В 1329 г. Иван Калита двинулся походом на Псков против Александра Михайловича³⁷⁰. Последний вынужден был бежать в Литву, но спустя два года вернулся оттуда и сел в Пскове «из руки» великого князя Литовского Гедимина³⁷¹. Здесь он княжил шесть лет.

После смерти в 1331 г. Александра Васильевича Иван Калита вновь отправился в Орду³⁷². Здесь путем щедрых даров и обещания больших выплат ему удалось получить все великое княжение и вдобавок половину Ростова³⁷³. В следующем году Иван для выполнения взятых обязательств запросил крупную сумму у Новгорода (что привело к конфликту с новгородцами)³⁷⁴.

Зимой 1332–1333 гг. Калита был вызван послом Сараем в Орду. В 1333 г. он благополучно вернулся, но о каком-либо «пожаловании» Ивану не говорится³⁷⁵. Очевидно, вызов был связан с погашением долга и великий князь выполнил свои обязательства.

Следующая поездка Ивана Даниловича к Узбеку имела место в 1336 г. Зимой 1336–1337 гг. он «прииде изо Орды съ пожалованиемъ въ свою отчину»³⁷⁶. Как мы видели, вся-

кий визит князя к ханскому двору имел конкретную причину, и указание на «пожалование», скорее всего, свидетельствует, что результатом было приращение владений Ивана. Поэтому осторожное предположение В. А. Кучкина³⁷⁷, что Иван ездил для того, чтобы купить ярлык на Галицкое княжество (одна из так называемых «купель» Калиты), князь которого Федор умер в предыдущем, 1335 г.³⁷⁸, выглядит вполне правомерным. Более того, представляется, что тогда же Калите удалось овладеть и Дмитровским княжеством.

Князь Борис Дмитровский умер в 1334 г., находясь в Орде³⁷⁹. Его сын Дмитрий в 1360—1362 гг. княжил в Галиче, который тогда вновь был сделан Ордой центром отдельного княжения³⁸⁰. В. А. Кучкин посчитал, что Дмитров перешел под власть московских князей в 1360 г., так как в духовной грамоте сына Калиты великого князя Ивана Ивановича (1359) он не упомянут³⁸¹. Но в духовной Ивана Красного оговаривалась судьба земель, входивших в Московское княжество³⁸²; если Дмитровское княжество было включено в состав Великого княжества Владимирского, оно никак не могло быть упомянуто в этом завещании (московский князь в 1359 г. не передавал Великое княжение Владимирское по наследству). Между тем до слияния при Дмитрии Донском Московского и Владимирского княжеств иного варианта быть не могло: во всех случаях присоединения к владениям московских князей цельных княжеств они включались в состав Великого княжества Владимирского, а не собственно Московского княжества (Переяславское княжество в 1303—1305 гг. и Нижегородское княжество в 1310—1320 гг. оставались отдельными под властью князей московского дома, непосредственно к Московскому княжеству не присоединялись): духовная Ивана Ивановича не упоминает ни Юрьева, ни Галича, ни Переяславля, хотя эти бывшие центры княжений несомненно находились в 1359 г. под властью великого князя. Следовательно, хронологические рамки присоединения Дмитрова расширяются на период от 1334 до 1360 г. и наиболее вероятной датой выглядит именно 1336 г. Если это так, то примечательно, что Калите удалось (впервые) добиться присоединения к великокняжеским владениям княжества, не являвшегося выморочным.

Тем временем у Ивана Даниловича появилась новая забота — на политическую сцену Северо-Восточной Руси вернулся Александр Михайлович Тверской. Еще в 1335 г. он посылал из Пскова в Орду своего сына Федора (а Иван Калита в том же году думал идти походом на Псков, но не смог заручиться согласием новгородцев). На следующий год Александр сам наведлся в Тверь и забрал в Псков вернувшегося от Узбека сына. Наконец, в 1337 г. Александр из Пскова приехал в Орду и повинился перед ханом: «Господине царю, аще много зло сътворих ти, во се есмь предъ тобою, готовъ есмь на смерть. И отъвѣща ему царь, аще тако еси сотворилъ, то имаши животь полоучити, много бо послы слахъ, не приведоша тя. И приать пожалование отъ царя, въсприимъ отчину свою». В результате Узбек вернул Александру тверской стол³⁸³.

Под следующим, 6846 г. в Рогожском летописце и Музейском фрагменте упоминается вторая поездка Александра в Орду: «Князь Александръ Михайлович Тфѣрьскыи поиде во Орду. На ту же зимоу прииде князь великий Александръ изъ Орды во Тфѣрь, а съ нимъ послы силны Киндякъ и Авдуль, бѣяше въ годину осеннюю и много сътворишеться тягости християномъ»³⁸⁴. Между тем Троицкая и Симеоновская летописи говорят только об одной поездке, датируемой как раз 6846 г.: «Князь Александр Михайлович Тферьскыи поиде въ Орду, а не укончавъ съ княземъ съ великимъ с Ъваномъ съ Даниловичемъ. На ту же зиму выиде изъ Орды в Тферь князь Александръ, пожалованъ животомъ отъ царя, а с нимъ прииде посоль, именемъ Киндыкъ, а другии Авдуля»³⁸⁵. Поскольку «пожалование живота» в Рогожском летописце упоминается в известии о поездке 6845 г., следует предположить, что под 6845 и 6846 гг. в этом источнике перед нами два сообщения об одном и том же визите. В пользу этого можно истолковать и известия НЛ: под 6845 г. там говорится об отъезде Александра в Орду из Пскова, а под 6846 г. — о его возвращении из Орды в Тверь с «пожалованием»³⁸⁶.

Явно в связи с возвращением Александра из Орды зимой 1338—1339 гг. туда отправляется Иван Калита с двумя старшими сыновьями Семеном и Иваном; третьего сына, Андрея, он направил в Новгород³⁸⁷. В том же году «приде изъ Орды

князь великий Иванъ, а въ свою отчину, пожалованъ Богомъ и царемъ»³⁸⁸. Можно полагать, что «пожалование» заключалось в подтверждении более высокого статуса Ивана по отношению к Александру.

После визита Ивана последовало резкое изменение отношения Узбека к тверскому князю: он был вызван в Орду, одновременно туда по требованию хана отправились князья Василий Давыдович Ярославский и Роман Михайлович Белозерский (оба, кстати, женатые на дочерях Калиты). Первый из них, видимо, был союзником Александра Михайловича — Калита попытался (безуспешно) «переимать» его по дороге в Орду³⁸⁹.

Вслед за ними Иван Данилович послал в Орду всех трех своих сыновей³⁹⁰, очевидно, чтобы еще раз подчеркнуть в критической ситуации свою лояльность хану. Согласно сохранившемуся в тверском летописании пространному рассказу о гибели тверских князей, судьба Александра Михайловича во время пребывания в Орде долгое время была неясна: одни татары говорили, что «княжение ти великое дасть царь», а другие, что «оубиту ти быти»³⁹¹. Вероятно, здесь отразилась реальная закулисная борьба группировок ордынской знати, поддерживавших тверского и московского князей. «Промосковская» партия пересилила, и 28 октября 1339 г. Александр Михайлович и его сын Федор были казнены³⁹². Калитовичи же были отпущены «и приидоша изъ Орды на Русь пожалованы Богомъ и царемъ»³⁹³. Видимо, и здесь упоминание «пожалования» — не штамп: могло иметься в виду пожалование Семену Нижнего Новгорода (через пять месяцев, в момент смерти Калиты, Семен находился там³⁹⁴) или обещание передать ему Великое княжение Владимирское после смерти отца.

Зимой 1339—1340 гг. приближенный Узбека Товлубий, руководивший казнью тверских князей, возглавил поход на Смоленск. Русская часть отправившегося в это предприятие войска была послана Иваном Калитой, с ней шли князья Суздальский, Ростовский, Юрьевский, Друцкий и Фоминский³⁹⁵. Поход был связан с признанием смоленским князем Иваном Александровичем сюзеренитета великого князя Литовского Гедимина³⁹⁶. Очевидно, и судьбу тверских князей решили литовские связи Александра, подчеркнутые Калитой

(с 1338 г. Орда находилась в состоянии войны с Великим княжеством Литовским)³⁹⁷. Во время смоленского похода Калите, по-видимому, удалось осуществить смещение со стола брянского князя Дмитрия Романовича (двоюродного брата смоленского князя) и посадить на его место Глеба Святославича, также князя из смоленской ветви (владевшего, скорее всего, Вязьмой)³⁹⁸. Смоленский поход (окончившийся безрезультатно) стал последним политическим деянием, в котором участвовал Иван Калита: 31 марта 1340 г. он скончался³⁹⁹.

К последним годам жизни Калиты относятся две его духовные грамоты, составленные «ида въ Ворду»⁴⁰⁰. Скорее всего, первая из них появилась перед поездкой 1336 г., а вторая — 1339 г.⁴⁰¹ В завещаниях упоминается возможность отнятия татарами каких-то волостей: «А по моимъ грѣхомъ, ци имуть искати татарове которых волости, а отымутъся, вамъ, сыномъ моимъ, и княгини моей поделити вы ся опять тыми волостми на то мѣсто»⁴⁰². Поскольку речь в духовных грамотах идет только о Московском княжестве, имеются в виду, по-видимому, Можайск и Коломна с окрестностями: великий князь допускал возможность, что Орда захочет вернуть их смоленским и рязанским князьям.

Иван Калита в историографии традиционно оценивается как верный вассал Орды. При этом одни авторы смотрят на это с осуждением, другие «оправдывают» такую политику, считая, что она объективно способствовала усилению Москвы (что в перспективе вело к освобождению от ига)⁴⁰³.

Действительно, Иван Данилович в период своего княжения соблюдал полную лояльность к хану (резко отличаясь в этом отношении от старшего брата). Но следует учитывать, что реальной альтернативы признанию ордынской власти в то время не видел никто. Тверское восстание 1327 г. не было продиктовано сознательным стремлением Александра Михайловича свергнуть власть хана, в 30-е гг. не было даже стихийных проявлений непокорности. Вообще сопротивление иноземной власти в первой половине XIV в. вовсе не шло по нарастающей. Скорее наблюдается обратное: если до 1327 г. сильнейшие князья Северо-Восточной Руси время от времени позволяли себе неподчинение ханской воле, то позже этого не наблюдается. Очевидно, своеволие Даниила

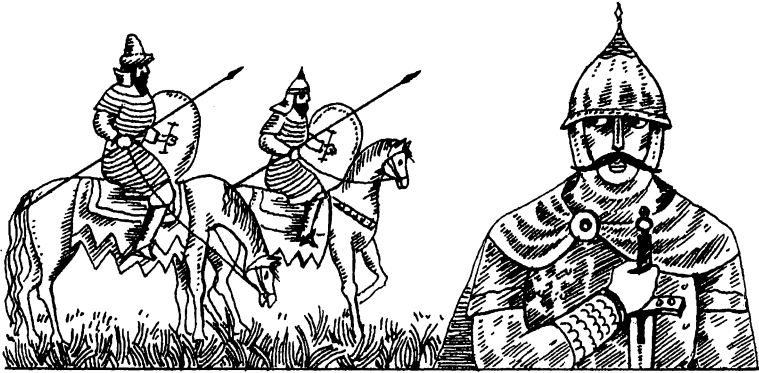
и Юрия (как и тверских князей) в какой-то мере было наследием эпохи двоевластия в Орде конца XIII в., когда князья могли выбирать себе сюзерена и оказывались соответственно в конфронтации с его противником. С укреплением единовластия в Орде при Узбеке это своеволие сошло на нет.

Что касается общей оценки эпохи Калиты в московско-ордынских отношениях, то полагать, что именно в его правление была заложена главная основа будущего могущества Москвы (а так традиционно считается в историографии, в том числе и в работах, где ордынская политика Калиты оценивается негативно), — значит впадать в преувеличение⁴⁰⁴. Иван Данилович стал первым московским князем, который до конца своих дней сохранил за собой Великое княжение Владимирское. Но это не означает, что оно уже закрепилось за московскими князьями. Семен Иванович получил в Орде по смерти отца великокняжеский стол, но с утратой Нижнего Новгорода, а в 1360 г. ярлык на Владимир был передан иной княжеской ветви. Нельзя сказать, чтобы территориальный рост владений московских князей при Калите намного превзошел сделанное его предшественниками. Даниил присоединил к собственно Московскому княжеству Можайск и Коломну; Юрий овладел Нижегородским княжеством и (впервые) Великим княжеством Владимирским; Иван закрепил достижения брата и расширил территорию великого княжества за счет Дмитрова, Галича, половины Ростова и, возможно, Углича⁴⁰⁵; но эти приобретения не были прочны: они зиждились на зыбкой основе принадлежности великого княжения московским князьям, основе, которая в любой момент могла рухнуть по воле хана. При Калите усилился приток в Москву служилых людей из других княжеств⁴⁰⁶, но он шел и ранее, и особенно важный прилив такого рода произошел на рубеже XIII—XIV вв. (см. гл. 1).

Родоначальником династии московских великих князей с большим основанием следует считать Даниила Александровича. Юрий Данилович был тем князем, при котором Московское княжество стало одним из двух (наряду с Тверским) сильнейших в Северо-Восточной Руси. При Иване Калите ситуация сложилась благоприятно по отношению к Москве, но нельзя сказать, что за относительно небольшой

срок — 12 лет его великого княжения — Московское княжество окончательно вышло на первенствующие позиции. Едва ли меньше было сделано для этого в почти двадцатилетний период правления сыновей Калиты, а окончательное закрепление за Москвой главенствующей роли (когда последняя уже не зависела от воли того или иного ордынского правителя) произошло при Дмитрии Донском.

Глава четвертая
Приращение сил:
Семен Иванович
(1340—1353)

Семен Иванович является «рекордсменом» среди московских князей по частоте поездок в Орду: за тринадцать лет своего княжения он побывал там шесть раз. Цели первых трех визитов ясны: в 1340 г. Семен ездил по смерти отца за ярлыком на Великое княжение Владимирское, в 1342 г. — за подтверждением своих прерогатив после вступления на ордынский престол нового хана Джанибека и в 1343 г. — чтобы оспорить права на нижегородское княжение. В отношении же причин остальных поездок (1344, 1347—1348 и 1350 гг.) единственное предположение было высказано Л. В. Черепниным: «Семен Иванович систематически ездил в Орду, очевидно, для внесения в ханскую казну дани и для выражения своего подданства хану»⁴⁰⁷. Такое объяснение явно неудовлетворительно. Во-первых, для отвоза дани совершенно не обязательно совершать вояж самому великому князю (в противном случае надо было бы допустить, что он должен был ездить в Орду ежегодно). Во-вторых, во всех трех случаях Семен и его братья возвращались «с пожалованием»⁴⁰⁸. Как было видно из изложенного выше (гл. 3), такая летописная формулировка говорит о конкретных приобретениях, кото-

рые получал ездивший в Орду князь. Следовательно, целью московских князей были не привоз дани и не некое абстрактное выражение покорности, а определенные владельческие притязания.

В момент смерти отца Семен находился в Нижнем Новгороде. 2 мая 1340 г. он отправился в Орду вместе с обоими братьями, Иваном и Андреем; одновременно и «все князи тогда въ Орде были» — кончина верховного правителя Северо-Восточной Руси вызвала необходимость переутверждения владельческих прав. В Орде Семен получил ярлык на Великое княжение Владимирское и 1 октября взошел на владимирский стол⁴⁰⁹. Ярлык, очевидно, стоил московскому князю дорого. Вскоре после возвращения он попытался собрать с входившей в Новгородскую землю Новоторжской волости ордынскую подать — «черный бор», что вызвало возмущение новгородцев⁴¹⁰. Одновременно вспыхнуло восстание в Брянске против московского ставленника Глеба Святославича: 6 декабря 1340 г. брянский князь был убит; очень вероятно, что эти действия также находились в связи с побором в пользу великого князя⁴¹¹. С помощью военной силы и при поддержке митрополита Феогноста Семен привел Новгород в покорность⁴¹². Брянск же вышел из-под контроля, вернувшись в зависимость от Смоленска и через него — Литвы⁴¹³.

Передачу Семену Ивановичу великого княжения Узбек сопроводил урезанием подвластной ему территории: в 1341 г. из Великого княжества Владимирского было выделено особое Нижегородское княжество, переданное суздальскому князю Константину Васильевичу⁴¹⁴. Таким образом хан стремился избежать чрезмерного усиления московских князей; использовать для этого Тверское княжество оказалось опасным ввиду литовских связей его правителей, и тогда был выведен на сцену другой князь.

В конце того же года Узбек умер, и на ордынский престол взошел, устранив двух своих братьев, его сын Джанибек. В мае 1342 г. Семен Иванович отправился в Орду, куда еще ранее выехали суздальско-нижегородский, тверской и ярославский князья. В том же году «выиде из Орды князь великий Семень Ивановичъ»⁴¹⁵; о «пожаловании» его не упоми-

нается, следовательно, в Орде лишь был подтвержден status quo.

Но в следующем году Семен предпринял попытку вернуть под свою власть Нижегородское княжество: «Князь великий Семень Иванович сперья съ княземъ Костянтиномъ Василиевичемъ Суждальскимъ о княжении Новогорода Нижнего и поидоша во Орду и яшася бояре Новогородскыи и Городечьскыи за князя Семена Ивановича, да съ нимъ и въ Орду поидоша. И бысть имъ въ Ордѣ судъ крѣпокъ и достася княжение Новогородское князю Костянтину и выдаша ему бояръ, и приведени быши въ Новьгородъ въ хомольствѣхъ и имѣние ихъ взя, а самѣхъ повелѣ казнити по торгу вода»⁴¹⁶. Таким образом, попытка Семена полностью провалилась — новый хан не пожелал резко усиливать великого князя.

В 1344 г. «поиде въ Орду князь великий Семень Ивановичъ, а съ нимъ братья его, князь Иванъ да Андрѣи, и вси князи тогды въ Ордѣ были... Тое же осени мѣсяца октября въ 26, на память святого мученика Димитриа, выиде изъ Орды князь великий Семень Ивановичъ, а съ нимъ братья его, князь Иванъ, князь Андрѣи, пожалованы Богомъ да царемъ»⁴¹⁷. За каким «пожалованием» мог ездить великий князь? Естественно предположить, что его поездка, подобно поездкам Ивана Калиты 1331 и 1336 гг., стоит в связи с проблемой наследия каких-то умерших князей. В 1344 г. умер князь Ярослав Александрович Пронский, а годом ранее был убит другой представитель рязанской династии — Иван Иванович Коротопол⁴¹⁸. В 1342 г. между этими князьями имел место конфликт: Ярослав пришел от Джанибека с ярлыком на рязанское княжение в сопровождении посла Киндыка, Иван сначала затворился было в Переяславле-Рязанском, но затем бежал из города⁴¹⁹. Не вполне ясно, владел ли все последующие два года Ярослав рязанским княжением, так как в сообщении о его смерти этот князь назван «пронским». Может быть, поездка Семена в Орду была связана с приобретением каких-то владений рязанских князей? Такое предположение подкрепляется рядом обстоятельств. В 1350 г. умирает брат Ярослава Василий Александрович, и «тое же весны поиде въ Орду князь великий Семень Иванович, а съ нимъ братья его Иванъ, Андрѣи. Того же лѣта выиде изъ Орды на

Русь князь великий Семень съ своею братьею и съ пожалованиемъ»⁴²⁰. В духовной грамоте Ивана Ивановича, младшего брата Семена, сменившего его на великокняжеском столе, упоминаются «отъменьныя мѣста Рязаньская» — территории на левом берегу Оки, находившиеся в составе Московского княжества⁴²¹. Часть этих земель досталась Семену от его тетки княгини Анны⁴²². Как убедительно обосновал В. А. Кучкин, Анна была дочерью Даниила Александровича, выданной за одного из рязанских князей⁴²³. Не были ли поездки Семена в Орду после кончин князей рязанского дома связаны именно с утверждением в какой-то форме его прав на рязанские левобережные земли Поочья, входившие в Московское княжество при его преемниках?

В духовной грамоте Ивана Ивановича «отъменьныя мѣста Рязаньская» упоминаются без конкретизации. Они названы в договоре Дмитрия Донского с Олегом Рязанским (1381). Здесь же упомянуты и бывшие московские владения («что доселе потягло къ Москвѣ») на правом берегу Оки, из чего следует, что именно на них были обменены («отъменьныя» — значит «обменные») левобережные территории. К этим последним отнесены Новый Городок (в устье Протвы), Лужа, Верея, Боровск, а к бывшим московским владениям за Окой — Лопасня, уезд Мстиславль, Жадень городок, Жадемль, Дубок, Броднич; согласно тексту грамоты, эти земли были уступлены тарусскими князьями Федору Святославичу⁴²⁴. Федор Святославич — это князь Вяземский и Дорогобужский, бывший в 1345–1346 гг. тестем Семена Ивановича, покинувший свое княжение, ушедший на службу к великому князю и получивший от него Волок⁴²⁵. Очевидно, что получить от тарусских князей указанные территории Федор мог только в бытность свою владетельным князем. После его ухода на службу к Семену контроль над этими землями перешел к великому князю, и они были обменены на рязанские территории на Левобережье. Хотя не все указанные в грамоте 1381 г. заокские территориальные единицы локализируются с уверенностью⁴²⁶, не вызывает сомнений, что земли, полученные московскими князьями в обмен на них на левом берегу Оки, были во всех отношениях значительнее. Следовательно, обмен был неравноценным, по сути дела, являлся

уступкой рязанских князей Семену и его братьям. Чем могла быть вызвана такая уступка?

Поскольку поездки Семена и его братьев были связаны со смертью рязанских Александровичей, наиболее вероятным кажется, что Анна Даниловна, которой принадлежала часть заокских рязанских земель, была женой их отца Александра Михайловича Пронского, убитого зимой 1339—1340 гг. Иваном Коротополом⁴²⁷. Такое предположение хорошо укладывается в контекст отношений Даниила Александровича с рязанскими князьями (см. гл. 1). В результате вмешательства Даниила в 1300 г. в рязанские дела на стороне пронских Ярославичей в Переяславле-Рязанском вокняжился Михаил Ярославич; союз Даниила и Михаила мог быть тогда скреплен браком их детей. Подобно тому как платой Даниилу за помощь против Константина Романовича Рязанского стала Коломна, так платой Семену за помощь против Ивана Ивановича Коротопола могла стать договоренность об обмене заокских владений Рязани, включавших удел тетки великого князя — матери Ярослава и Василия Александровичей — по смерти этих князей на менее значительные земли, входившие в состав Московского княжества. Возможно, при жизни Александровичи управляли двумя частями этого удела, чем и была вызвана двукратность обращения в Орду для утверждения перехода «мест Рязанских» к Москве — после смерти каждого из них⁴²⁸.

Остается неясной причина одной поездки Семена в Орду — в 1347—1348 гг. («Того же лета (6855. — А. Г.) князь великий Семень ходилъ въ Орду... В лѣто 6856 прииде изо Орды на Русь князь великий Семень Ивановичъ с пожалованиемъ, а с нимъ брать его князь Андрѣи») ⁴²⁹. Известно, что в предшествующие два года умерли три князя — Василий Давыдович Ярославский (1345), Василий Ярославич Муромский (1345) и Константин Михайлович Тверской (1346)⁴³⁰. Но каких-либо данных о приращении владений московских князей за счет ярославских, муромских или тверских территорий для данного периода не существует. В то же время есть основания предполагать, что при Семене к Великому княжеству Владимирскому был присоединен Юрьев-Польской. Последний раз самостоятельный юрьевский князь Иван Яро-

славич упоминается под 6747 г. в качестве участника ордынско-русского похода на Смоленск (зима 1339—1340 гг.)⁴³¹. Не исключено, что поездка 1347—1348 гг. была связана именно с получением санкции на включение Юрьевского княжества в состав Великого княжества Владимирского.

Самая острая ситуация в отношениях Москвы с Ордой при Семене Ивановиче имела место в 1348 г. Тогда великий князь Литовский Ольгерд «послалъ въ Орду ко царю Чанибеку брата своего Корьяда и просилъ рати у царя себе въ помочь. И то слышавъ князь великий Семень, погадавъ съ своею братьею и съ бояры, и посла въ Орду Федора Глебовича, да Аминя, да Федора Шубачеева ко царю жаловатися на Олгерда. И слышавъ царь жалобу, оже Олгерд съ своею братьею царевъ улусъ, а князя великаго отчину испустошилъ, и выдалъ царь Корьяда, Михаила и Семена Свислочьскаго, и Аикша килечею князя великаго, и даль посла своего Тотуя, и посоль Тотуи выдалъ Корьяда и дружину его князю великому»⁴³². На следующий год Ольгерд «прислалъ послы свои къ князю великому Семену Ивановичю бита челомъ за своего брата Корьяда и за боярь и за его дружину за Литву со многими дары, просяще мира и живота своей братии. Князь же великий Семень Ивановичъ многое серебро отложивъ и приз любовь и миръ многоъ вземъ отпусти Корьяда и его дружину Литву восвояси. Того же лѣта прислал князь Любортъ (брат Ольгерда. — А. Г.) изъ Вельня своихъ боярь къ князю великому Семену бити челомъ о любви и испросити сестричну его за себя оу князя Костянтина Ростовьскаго. И князь великий Семень Ивановичъ приять въ любовь его челобитье, пожаловалъ и выдал свою сестричну въ Волынь. Того же лѣта князь литовськый Олгордъ прислалъ свои послы къ князю великому Семену Ивановичю бити челомъ и просити за себе свести княжи Семеновы княжны Ульяны княжи дчери Александровы Михайловича Тфѣрьскаго. И князь великий Семень Ивановичъ, доложя Фегнаста митрополита, и выда свою свестъ за Олгорда князя Литовьскаго»⁴³³.

Ситуация 1348—1349 гг. связана с событиями 40-х гг. в западной части Восточной Европы. После смерти в 1340 г. галицко-волынского князя Болеслава-Юрия Тройденевича развернулась борьба за юго-западные русские земли между

Литвой и Польшей. В 1340 г. войска хана Узбека, призванные галицкими боярами, отразили попытку польского короля Казимира III завладеть Галичиной. В Галицко-Волынской земле стал править брат Ольгерда Люборт Гедиминович⁴³⁴. В 1345 г. Ольгерд в союзе с братом Кейстутом захватил литовский великокняжеский стол; свергнутый великий князь Явнута Гедиминович бежал через Смоленск в Москву⁴³⁵. В 1346 г. Ольгерд с братьями разорил пограничные с Литвой новгородские волости; поводом, по словам великого князя Литовского, послужило то, что новгородский посадник Остафий «лаял» его, назвал его «псом». Новгородцы посчитали Остафия виноватым в разорении их территории и убили на вече⁴³⁶. В начале 1348 г. литовцы потерпели поражение от крестоносцев на реке Стреве, а в начале следующего года Казимир III заключил с Ордой антилитовский союз; во второй половине 1349 г. польские войска начали наступление на Волынь и Подолию⁴³⁷.

Таким образом, посольство Ольгерда в Орду было направлено в ситуации, когда Литве угрожала опасность как от Ордена, так и от Польши. Ранние летописи не содержат указания, против кого просил Ольгерд у хана «рать»; лишь в сводах второй половины XV в. появляется уточнение — «на князя великого на Семена»⁴³⁸. Поэтому в литературе высказывались предположения, что в действительности великий князь Литовский хотел получить помощь против Польши⁴³⁹ или Ордена⁴⁴⁰. Но в этих случаях проявленное Семеном беспокойство было бы неоправданным: занятость Ольгерда войной на Западе ничем Москве не угрожала. По-видимому, речь шла действительно о провоцировании татарского похода на Северо-Восточную Русь⁴⁴¹. Но чтобы просить хана начать военные действия против собственного вассала, выполняющего свои вассальные обязательства (напомним, Семен только что вернулся из Орды «с пожалованием», то есть явно пользовался благосклонностью Джанибека), нужны были веские основания. Не исключено, что таковыми могли быть какие-то контакты Семена с Орденом или с Казимиром III, которые литовская сторона представила хану как действия, враждебные Орде. Реальные же опасения Ольгерда были, скорее всего, связаны с пребыванием в Москве Явнута, чьи претензии

на возвращение к власти в Литве, вероятно, поддерживались Семеном⁴⁴².

В ответ великий князь использовал факт похода Ольгерда в 1346 г. на новгородские владения (тогда резкой реакции Москвы не вызвавший, возможно, потому, что сами новгородцы оценили действия литовского князя как в определенной мере справедливую реакцию на нанесенное оскорбление): он был представлен как разорение «царева улуса и отчины великого князя», то есть территории, находящейся под юрисдикцией Семена и таким образом опосредованно подвластной хану. Джанибек принял антилитовское решение. После же заключения в начале 1349 г. ордынско-польского союза и обострения конфликта с братом Кейстутом Ольгерду пришлось срочно искать мира с Москвой. То, что Ольгерд и Люборт испрашивали разрешение на браки с княжнами немосковских домов у Семена, показывает, сколь прочным было в этот период положение московского князя.

Новое обострение московско-литовских отношений пришлось на 1352 г. Тогда Семен с братьями и «всеми князьями», «в силѣ тяжцѣ и велицѣ», пошел на Смоленск. На Протве его встретили послы от Ольгерда. Семен заключил с Ольгердом мир, а сам двинулся к Угре, куда к нему приехали уже послы смоленского князя, с которым также было заключено мирное соглашение⁴⁴³. Как убедительно показал Б. Н. Флоря, результатом этого похода Семена было признание Литвой сюзеренитета великого князя Владимирского над Смоленским и Брянским княжествами, ранее входившими (с 30-х гг.) в сферу влияния Великого княжества Литовского⁴⁴⁴. Весной 1352 г. польские войска вели военные действия на Волыни, а Орда как раз в это время приняла в литовско-польском конфликте сторону Литвы⁴⁴⁵. Маловероятно, чтобы Семен действовал вопреки целям политики Джанибека; скорее можно предположить обратное: столь быстрое согласие Ольгерда на мир и уступка сюзеренитета над Смоленском и Брянском были обусловлены позицией Орды, став своего рода платой за поддержку против Польши. Орда была заинтересована в возвращении этих земель под верховенство великого князя Владимирского, так как в этом случае они опосредованно оказывались под властью хана⁴⁴⁶.

Оценивая деятельность Семена Ивановича и его отношения с Ордой в целом, следует отметить, что он старался, как и отец, соблюдать полную лояльность к «царю», и под ее прикрытием добился значительных успехов: к Московскому княжеству были присоединены рязанские владения на левом берегу Оки, к Великому княжеству Владимирскому — Юрьевское княжество, под сюзеренитет Великого князя Владимирского перешло Смоленское княжество (вместе с Брянским), наконец, была нейтрализована Литва. Неудача постигла Семена только при попытке вернуть Нижний Новгород.

Глава пятая
Сохранение позиций:
Иван Иванович
(1353—1359)

После смерти Семена Ивановича 26 апреля 1353 г.⁴⁴⁷ встал вопрос о его преемнике на владимирском великокняжеском столе. Помимо следующего по старшинству сына Калиты — Ивана, занявшего московский стол, претендентом выступил князь Нижегородский и Суздальский Константин Васильевич. Оба соперника отправились в Орду, причем с целью поддержки Константина туда прибыла делегация от Великого Новгорода⁴⁴⁸. Джанибек принял, однако, решение в пользу московского князя, и 25 марта 1354 г. Иван Иванович взошел на владимирский стол⁴⁴⁹.

В отсутствие Ивана молодой рязанский князь Олег Иванович захватил Лопасню⁴⁵⁰. Лопасня входила в число московских территорий, которые позже признавались отошедшими к Рязани взамен земель по Протве и Луже. Очевидно, после обмена, совершенного Семеном Ивановичем с рязанскими князьями, она по каким-то причинам была удержана Москвой. Иван Иванович, вернувшись из Орды, не стал пытаться вернуть Лопасню. Поскольку военной силы у великого князя для решения такой задачи было, без сомнения, достаточно, следует полагать, что в данном случае имела место бла-

гожелательная в отношении возвращения Лопасни в состав Рязанского княжества позиция Орды.

В 1355 г. произошли бурные события в жизни Муромского княжества. Оно, как и Рязанское княжество, не входило в систему княжеств Северо-Восточной Руси, во главе которой стояло Великое княжество Владимирское, а издревле (с XII в.) управлялось особой династией. Муромское княжество было невелико по размерам, но с ним непосредственно граничило на юго-востоке Владимирское великое княжество, и владимирские князья всегда заинтересованно относились к муромским делам. В 1355 г. «князь Феодоръ Глѣбовичъ и собравъ воя многы иде ратию къ Мурому на князя Юрья Ярославича и согна его съ города съ Мурома, а самъ князь Феодоръ съде на княжении въ Муромъ. А муромци яшася за него и поидоша съ нимъ въ Орду. А князь Юрьи Ярославичъ приеха въ Муромъ за недѣлю после князя Феодора и собравъ останочныя люди муромци и поиде за нимъ въ Орду. И бысть имъ судъ великъ предъ князми ординьскими и досталося княжение Муромское князю Феодору Глѣбовичю, а князь Юрьи выданъ бысть ему и съ истомы у него оумре»⁴⁵¹. Дж. Феннелл отождествил князя Федора Глебовича с главой посольства в Орду 1348 г. по поводу Корьяда⁴⁵²; высказавший затем аналогичное предположение В. А. Кучкин сделал на основе его вывод о вокняжении Федора как акции, направленной из Москвы⁴⁵³. Мне представляется, кроме того, возможным, что князь Федор Глебович не принадлежал к династии муромских князей, а был сыном Глеба Святославича Брянского, союзника Москвы, убитого в 1340 г. Имя Федор было распространено в смоленской княжеской ветви: в частности, так звали родного брата Глеба Федора Святославича, тестя Семена Ивановича. Но такая идентификация Федора Глебовича остается, разумеется, не более чем догадкой: нельзя исключить, что это мог быть и князь муромской ветви, поскольку о представителях этой династии и их именованье мы почти не имеем сведений.

В 1357 г. в Орде вспыхнула междоусобица — «замятня», по выражению русских источников. Джанибек был убит своим сыном Бердибеком, который и занял престол. После этого великий князь Иван «и вси князи Роусьскыи» вынуждены были ехать в Орду к новому хану⁴⁵⁴.

Иван Иванович пришел из Орды в начале следующего года. В Орде к нему вернулись московские бояре, бежавшие в предыдущем году в Рязань⁴⁵⁵. Их бегство было связано с убийством 3 февраля 1357 г. в Москве фаворита великого князя — московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста (Босоволкова), вызванным борьбой московских боярских группировок⁴⁵⁶. Поскольку бояре вернулись к Ивану именно в Орде, вероятно, что они приехали туда с Олегом Рязанским, бывшим у хана в числе «всех князей русских»⁴⁵⁷.

В том же 1358 г. «выиде посоль из Орды царевъ сынъ именемъ Мамать Хожа на Рязаньскую землю и много въ нихъ зла сотвори и къ великому князю Ивану Ивановичю присылалъ о розезде (то есть размежевании. — А. Г.) земля Рязаньская. Князь же великий не въпусти его во свою очину въ Роуськую землю и потомъ наборзе отъ царя въ Орду позванъ бысть Мамоть Хожа, зане же къ царю въ коромолу вниде и ввъ Орьдѣ царева любовника оубиль и самъ побѣжалъ ко Орначю и гонъци постигоша его и яша и тамо оубьенъ бысть повелѣниемъ царевымъ»⁴⁵⁸. Предположение, согласно которому Иван Иванович знал о том, что действия Мамат-Хожи предприняты без ханской санкции⁴⁵⁹, вполне вероятно, тем более что буквально накануне великий князь побывал в Орде. Скорее всего, во время этого визита он и Олег Рязанский урегулировали перед ханом свои пограничные разногласия (в частности, Лопасня, видимо, была закреплена за Рязанью, а Коломна и левобережные «места Рязанские» — за Москвой), поэтому инициатива Мамат-Хожи вызвала подозрения. Тем не менее Иван Иванович ощущал непрочность приобретений своих предшественников на южных рубежах, связанную с изменчивостью ханской воли: в своей духовной грамоте (1359) он оговаривает возможность отнятия Ордой Коломны, «Лопастенских мест» и «отменных мест Рязанских»⁴⁶⁰.

В целом за время своего короткого правления Ивану Ивановичу удалось, продолжая политику в отношении Орды отца и брата, сохранить приобретенные предшественниками позиции. Утрата Лопасни компенсировалась установлением контроля над Муромским княжеством.

Глава шестая
К победам военным и дипломатическим:
Дмитрий Иванович
(1359—1389)

Кончина Ивана Ивановича 13 ноября 1359 г. совпала с началом новой, теперь продолжительной, «замятни» в Орде⁴⁶¹. По смерти хана Бердибека сменивший его Кульпа царствовал всего пять месяцев и был убит Наврузом. К последнему и отправились «все князи Роусьскыи»⁴⁶². К этому их вынуждала как смена хана, так и кончина великого князя Владимирского: требовалось подтвердить свои владельческие права. Главным же вопросом была судьба великого княжения. Новому московскому князю, сыну Ивана Ивановича Дмитрию, было всего девять лет (родился 12 октября 1350 г.), и Навруз предпочел ему нижегородского князя Андрея Константиновича (сына Константина Васильевича). Андрей (не имевший склонности к государственной деятельности) отказался от ярлыка в пользу своего младшего брата Дмитрия, князя Суздальского; 22 июня 1360 г. Дмитрий Константинович занял владимирский стол⁴⁶³.

Потеря великого княжения означала, что из-под власти московского князя уходит обширная территория Великого княжества Владимирского (с городами Владимиром, Переяславлем, Костромой, Юрьевом-Польским, Дмитровом, Яро-

полчем). Одновременно Галицкое княжение было передано ханом Дмитрию Борисовичу, сыну последнего дмитровского князя, а Сретенская половина Ростова, которой завладел еще Иван Калита в 1332 г. (когда к нему отошло все великое княжение), была возвращена ростовским князьям⁴⁶⁴. Фактически владения князей Московского дома вернулись почти к границам 1327 г. — времени до получения Иваном Калитой ярлыка на Великое княжение Владимирское (за исключением юго-запада — «мест рязанских», вошедших в состав именно Московского, а не Великого княжества Владимирского).

Тем временем (еще до прихода Дмитрия Константиновича во Владимир) Навруз был убит другим претендентом на ордынский престол Хызром (Хидырем). В 1361 г. его посетили Дмитрий Московский, Дмитрий Константинович с братом Андреем и Константин Ростовский. Дмитрий Иванович уехал из Орды ранее других князей (о каких-либо пожалованиях летописные известия молчат — очевидно, новый хан только подтвердил существовавшее положение) и тем самым избежал участи быть свидетелем новой вспышки «замятни»: Хызр был убит и появилось сразу несколько претендентов на престол; сильнейшими из них стали Мюрид (Мурат) и Абдулла, от имени которого действовал эмир («князь ордынский») Мамай. Кроме того, два представителя ордынской знати, не принадлежавшие к ханскому роду, стали фактически независимы от центральной власти: Болактемир начал править в Волжской Булгарии, а Тагай в Наручади (район современного Наровчата)⁴⁶⁵.

В следующем, 1362 г. Дмитрий Иванович и Дмитрий Константинович «сперлись о великом княжении», отправив каждый своих послов к Мурату. На этот раз московское влияние взяло верх «и принесоша ярлык княжение великое по отчинѣ и по дединѣ князю великому Дмитрею Ивановичю Московскому»⁴⁶⁶. Суздальский князь, однако, не собирался оставлять великого княжения, видимо надеясь на перемену конъюнктуры в Орде. Но военное превосходство было явно на стороне Москвы — 30-летний период великого княжения Калиты и его сыновей не прошел даром. Дмитрий Константинович вынужден был удалиться в отчинный Суздаль, и в начале января 1363 г. Дмитрий Московский въехал

во Владимир⁴⁶⁷. Московское правительство (в котором ведущую роль играли, по-видимому, тысяцкий Василий Вельяминов и митрополит Алексей⁴⁶⁸) подстраховалось, получив ярлык и от другого хана — Абдуллы⁴⁶⁹. Не исключено, что именно факт обращения Москвы к сопернику Мурата привел к перемене настроения последнего — в 1363 г. он выдал ярлык на великое княжение Дмитрию Константиновичу⁴⁷⁰. Тот занял было Владимир в отсутствие там Дмитрия Ивановича, но вновь был вынужден отступить перед военной силой и, будучи осажден в своем Суздале, признать переход великого княжения к московскому князю⁴⁷¹. Тогда же были возвращены половина Ростова и Галицкое княжество⁴⁷². Таким образом, за три года, используя собственный накопленный потенциал и «неустройство» в Орде, Москва восстановила позиции, существовавшие до смерти Ивана Ивановича.

В Орде к 1363 г. ситуация несколько прояснилась: отныне в ее западной части — от Днепра до Волги правил, используя ханов-марионеток, Мамай. До 1370 г. ханом считался Абдулла, затем его сменил Мухаммед-Булак (Бюлек)⁴⁷³. В заволжской же части⁴⁷⁴ (со столицей Сараем) происходила частая смена ханов (от восьми до тринадцати с 1363 по 1380 г., согласно разным мнениям); Мамаю несколько раз удавалось захватить Сарай (1363, 1367–1368, 1372–1373), но удержать его он не смог⁴⁷⁵.

Зимой 1364–1365 гг. сын Дмитрия Константиновича Василий пришел от сарайского хана Азиза с ярлыком отцу на Великое княжение Владимирское. Суздальский князь, однако, отказался от ярлыка в пользу Дмитрия Московского и попросил за это у последнего военной помощи против своего младшего брата Бориса⁴⁷⁶. Борис взшел на нижегородское княжение после того, как старший Константинович — Андрей — окончательно устранился от политической деятельности⁴⁷⁷. Дмитрий Константинович в это время был великим князем Владимирским. Будучи в 1363 г. вынужден капитулировать перед Москвой, он отправился в Нижний, рассчитывая вступить на нижегородский стол. Но Борис «не съступился ему княжения». Москва в лице митрополита Алексея выступила было в поддержку Дмитрия Константиновича, но, когда его сын Василий «изнима бояр», посланных Бори-

сом на переговоры в Москву, «мирный процесс» прервался; военной же силой Москва Дмитрия тогда не поддержала⁴⁷⁸. Очевидно, после этого Василий Дмитриевич и был отправлен в Сарай с жалобой на действия Бориса и за ярлыком на Нижний Новгород⁴⁷⁹. Но хан Азиз не захотел лишать Бориса нижегородского княжения и решил, по-видимому, в пику Мамаю выдать собственный ярлык на Великое княжение Владимирское. Дмитрий Константинович не собирался возобновлять борьбу с Москвой за Владимир и предпочел, используя ярлык как козырь, добиться теперь от нее более реальной поддержки в возвращении отчинного нижегородского стола. Такая поддержка была оказана. Борис оказался вынужден под угрозой нападения превосходящих воинских сил капитулировать и удалился на княжение в свой удельный Городец⁴⁸⁰.

В последующие три года контакты Москвы и Орды не засвидетельствованы источниками. Но именно в это время рязанские и нижегородские князья наносят военные поражения ордынским князьям-«сепаратистам», напавшим на их владения: в 1365 г. Олег Рязанский с Владимиром Пронским разбивают Тагая, а в 1367 г. Дмитрий Константинович Нижегородский прогоняет Болактемира⁴⁸¹. Это первые после 1327 г. случаи разгрома татарских воинских контингентов и первые вообще за все время ордынской власти на Руси факты победы над «чисто татарскими» войсками в открытом сражении⁴⁸².

В 1368 г. обострились московско-тверские отношения. Князь Михаил Александрович, закрепившийся к этому времени на тверском столе, был приглашен в Москву на переговоры и «поиман». Но когда в Москве узнали о предстоящем приезде ордынского посла, с Михаилом было заключено окончание и его отпустили в Тверь⁴⁸³. По-видимому, посол шел от Мамаю и его ставленника Абдуллы, так как в конце 1367 — начале 1368 г. они овладели Сараем⁴⁸⁴ и других реально властвующих правителей в Орде не было. В этой ситуации в Москве не хотели обострять отношения с Ордой. В том же году Дмитрий Иванович «посылал рать» на Михаила Тверского, последний бежал в Литву и инициировал поход Ольгерда (женатого на его сестре) на Москву, окончивший-

ся трехдневной безуспешной осадой только что отстроеного каменного Кремля⁴⁸⁵.

В 1370 г. Дмитрий Константинович Нижегородский совершил поход на княжившего «в Болгарех» Асана. Но это было действие, совершенное с ведома Мамаю, — войско сопровождал «царев посол» Ачихожа. Асан капитулировал, и на его место был поставлен ставленник Мамаю⁴⁸⁶. Обострение в том же году отношений Москвы с Тверью привело к новому отъезду Михаила Александровича Тверского в Литву (в августе). В его отсутствие ордынские послы привезли в Тверь ярлык Михаилу на тверское княжение⁴⁸⁷. Необходимость обновления ярлыков была связана с тем, что в 1370 г. Мамаю посадил на престол нового хана — Мухаммед-Бюлека⁴⁸⁸. В сентябре великий князь Дмитрий повоевал тверские волости, и, узнав об этом, Михаил из Литвы отправился в Орду, «прииде к Мамаю, печалую и жалуя, и тамо многы оукоры изнесе и многы вины изложи, паче же всего въсхотѣся ему самому княжения великаго и многы дары раздавъ и многы посулы рассуливъ княземъ ордынскимъ и рядцам (сановникам. — *А. Г.*)»⁴⁸⁹. Мамаю пошел навстречу Михаилу и выдал ему ярлык на Великое княжение Владимирское; поводом для недовольства московским князем могла быть неявка его послов к новому хану. Однако москвичи не дали Михаилу возможности вернуться в Тверь: «не тъкмо же не приаша его, но и переимали его по заставамъ и многыми пути гонялися за нимъ, ищуще его, и не стигоша его. И тако едва утече не въ мнозѣ дружине и прибѣже паки въ Литву»⁴⁹⁰. Тверской князь вынужден был вновь прибегнуть к помощи Ольгерда. Великий князь Литовский опять сумел подступить к стенам Москвы и после восьмидневной осады пошел на заключение мира⁴⁹¹.

Не добившись успеха с литовской помощью, Михаил снова поехал в начале 1371 г. в Орду и 10 апреля пришел в Тверь с ярлыком на Великое княжение Владимирское в сопровождении посла Сарыхожи. Сарыхожа послал Дмитрию Ивановичу требование приехать во Владимир «к ярлыку». На это московский князь ответил: «Къ ярлыку не еду, а въ землю на княжение на великое не пушаю (Михаила. — *А. Г.*), а тебѣ послу путь чист»⁴⁹². Тем не менее Сарыхожу звали в Москву. После переговоров здесь с послом Дмитрий отправился 15

июня в Орду: настойчивость, с которой Мамай пытался лишить его великого княжения, требовала ответных мер и решено было прибегнуть к испытанному средству. Ценой богатых даров Дмитрий добился того, что Мамай вернул ему великое княжение, одновременно передав Михаилу следующее: «княжение есмы тебѣ дали великое и давали ти есмы рать и ты не поняль (то есть не взял. — *А. Г.*), рекль еси своею силою състи, и ты сяди съ кѣмъ ти либо»⁴⁹³. Михаил отказался взять вспомогательное татарское войско, очевидно опасаясь непопулярности такого шага: ведь с зимы 1327—1328 г. земли Северо-Восточной Руси татарскими войсками не разорялись, а в условиях жесткого противостояния с Москвой военный конфликт был неизбежен. Но своих сил и поддержки Литвы для закрепления на великом княжении было недостаточно.

Осенью 1371 г. Дмитрий вернулся из Орды «съ многими длѣжники»⁴⁹⁴ — ярлык стоил дорого. Михаил продолжал удерживать за собой часть территории Великого княжества Владимирского, и московско-тверской конфликт продолжался. Весной 1372 г. союзные Михаилу литовские войска повоевали Переяславль и Новоторжскую волость. В конце мая Михаил учинил разгром Торжку (городу, в котором имелись новгородская и великокняжеская половины), а в июле вместе с Ольгердом двинулся на Москву. На сей раз московские войска не пропустили Ольгерда к столице. Войска сошлись у Любутска (на Оке, между Калугой и Алексином), и здесь был заключен мир⁴⁹⁵. Текст перемирной грамоты сохранился⁴⁹⁶. Договор содержит примечательную черту: великое княжение именуется «очиной» Дмитрия Ивановича⁴⁹⁷. Великий князь Литовский признавал права московского князя на Владимирское великое княжество, отказываясь от поддержки претензий своего шурина Михаила Тверского. Таким образом, впервые великое княжение было оценено как политическое образование, статус которого не зависит от воли ордынского хана.

Однако отношения Москвы с Мамаевой Ордой в 1372 г. были вполне дружественными. Послам Дмитрия удалось выкупить находившегося там сына Михаила Тверского Ивана, и его стали держать в Москве «в истоме»⁴⁹⁸. Князь Михаил

Васильевич Кашинский, двоюродный брат Михаила Александровича, еще в 1371 г. перешедший на сторону Дмитрия, а в начале 1372 г. в условиях литовского наступления вновь подчинившийся тверскому князю, после Любутского мира приехал в Москву и оттуда отправился в Орду⁴⁹⁹, очевидно, для закрепления своего независимого от Твери статуса.

Таким образом, Дмитрию Ивановичу в конце 60-х — начале 70-х гг. удалось с успехом выйти из сложного положения. Поначалу его наступление на тверского князя едва не привело к тяжелым последствиям: Михаил заручился поддержкой двух могущественных правителей — Ольгерда и Мамая и стал реально претендовать на Великое княжение Владимирское. Правда, Ольгерд и Мамай тогда напрямую не сотрудничали⁵⁰⁰, а Михаил не решился прибегнуть к военной помощи татар, рассчитывая в этом отношении на литовцев. Дмитрию удалось отбить наступление Ольгерда и вновь обрести поддержку со стороны Мамая. Мир с Литвой в последующие годы сохранялся, а вот отношения с Ордой вскоре изменились.

В 1373 г. татары «отъ Мамая» напали на владения Олега Рязанского. Дмитрий в связи с этим стоял на Оке «со всею силою», а его двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховский специально приехал из Новгорода⁵⁰¹. Олег Иванович был в это время союзником Дмитрия. Ранее, в декабре 1371 г., московские войска разгромили Олега под Скорнищевом, и на рязанский стол был возведен Владимир Пронский⁵⁰². Но вскоре Олег вернул себе власть, а в московско-литовском договоре июля 1372 г. и Олег, и Владимир выступают как союзники Дмитрия Ивановича⁵⁰³. Известно, что во время похода Мамая на Русь 1380 г. Олег согласился платить Орде дань⁵⁰⁴; следовательно, ранее он этого не делал. Возможно, как раз междоусобица в Рязанской земле 1371—1372 гг. вызвала приостановку сбора дани в Орду и поход татар Мамая был следствием прекращения выплат.

Зимой 1373—1374 гг. произошло примирение с Михаилом Тверским: в обмен на возвращение из московского плена сына Михаил отказался от претензий на Великое княжение Владимирское; тогда же новый кашинский князь Василий Михайлович признал себя вассалом Твери⁵⁰⁵. А в 1374 г. «князю

великому Дмитрию Московскому бышетъ розмирие съ тотары и съ Мамаемъ»⁵⁰⁶.

Никогда ранее термин «розмирие» не употреблялся при характеристике русско-ордынских отношений — он использовался только при описании конфликтов между русскими князьями. Не вызывает сомнений, что «розмирие» сопровождалось отказом от уплаты выхода⁵⁰⁷. Но следует подчеркнуть, что это явно не было пассивное уклонение от поддержания даннических отношений (что случалось, как увидим, впоследствии): слово «розмирие» указывает на то, что разрыв был открытым. Что могло привести к этому?

В 1374 г. Мамай и Мухаммед-Бюлек потерпели поражение в войне с одним из претендентов на ордынский престол и потеряли Сарай, которым овладели в 1372 г.⁵⁰⁸ По вероятному предположению В. Л. Егорова, в связи с этой войной Мамай послал Дмитрию «запрос» — требование экстраординарной выплаты, на что великий князь ответил отказом⁵⁰⁹. Представляется, что факт требования Мамаем, «нелегитимным» правителем, средств для борьбы с Чингисидом мог сыграть роль последней капли, переполнившей чашу. Здесь уместно нарушить хронологическое изложение и обратиться к вопросу, как вообще воспринималась на Руси иноземная власть.

После похода Батыея и установления зависимости русских княжеств от монголо-татар к их правителю в русских источниках начинает применяться титул «царь» («цесарь»). Первоначально так именуется преимущественно великий хан в Каракоруме, а с 60-х гг. XIII в., после утверждения полной самостоятельности западного улуса Монгольской империи — Орды, хан, правящий в этой последней⁵¹⁰. Факт этот примечателен, поскольку никогда прежде царский титул не применялся на Руси к предводителям кочевников; со времени принятия христианства «царством» в глазах образованных кругов Древней Руси была Византийская империя, именно к византийскому императору в русских источниках последовательно применяется титул «царь» («цесарь»)⁵¹¹. Только силой монгольского государства и присвоением его правителем верховной власти над Русью перенос царского титула на ордынского хана объяснить трудно: вполне могло бы подойти и тюрко-монгольское слово «хан», тем более что в первые го-

ды ордынского владычества оно встречается в русских источниках (как обозначение великого хана)⁵¹². Очевидно, решающим для присвоения монгольским ханам хорошо известного на Руси титула было другое обстоятельство.

В 1204 г. столица Византии Константинополь — «Царьград» — была захвачена крестоносцами. На Руси это событие было расценено как «погибель царства»: «И тако погыбе царство богохранимого Костянтиняграда и земля Грѣчьская въ свадѣ цесаревъ, ею же обладают фрязи», — завершает свой рассказ автор «Повести о взятии Царырада»⁵¹³. Нет данных, чтобы Никейская империя, наследовавшая Византийской в период, когда Константинополь находился в руках латинян (1204—1261), рассматривалась на Руси как полноценный преемник последней — для русских людей «царствующим градом» был Константинополь. Именно на этот период «отсутствия царства» пришлось монголо-татарское завоевание. Перенос царского титула на правителя Орды, по-видимому, свидетельствует о том, что Орда определенным образом заполнила лауну в мировосприятии, заняла в общественном сознании место «царства» (на момент завоевания пустующее).

Восстановление Византийской империи в 1261 г. не только не изменило положения, но скорее закрепило сложившуюся ситуацию: императоры и константинопольский патриарх вступили тогда с Ордой в союзнические отношения и тем самым как бы легитимировали положение этого государства в Восточной Европе, в том числе зависимость от него русских земель, подчинявшихся Константинополю в церковном отношении⁵¹⁴.

С появлением татарского «царства» появляются новые черты в применении термина «царь» к русским князьям. В домонгольский период он не использовался как официальный титул, но употреблялся иногда при прославлении князя (причем не обязательно верховного правителя Руси) с использованием византийских образцов красноречия, для подчеркивания политического престижа умершего князя, в связи с главенством князя в церковных делах и с культом князя — святого⁵¹⁵. Всего известно десять достоверных случаев употребления термина «царь» непосредственно к русским

князьям⁵¹⁶. После нашествия картина меняется: в период середины XII—XIV в. современные русские князья поименованы «царями» всего три раза⁵¹⁷. Примечательно употребление термина «царь» галицким летописцем в рассказе об унижениях, которые пришлось испытать Даниилу Романовичу в ставке Батые: «Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братом си, инѣми странами, нѣне сѣдить на колѣну и холопом называется, и дани хотять, живота не чаеть, и грозы приходять. О злая честь татарская! Его же отецъ бѣ царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны всѣ. Сынъ того не прия чести»⁵¹⁸ — то есть Роман Мстиславич, отец Даниила, был «царем», а Даниил, несмотря на все свое могущество, им не является, так как он стал вассалом хана. Утверждается, таким образом, представление о царе как правителе, не имеющем над собой сюзерена, а русские князья теперь не подходят под это определение.

До второй половины XIV столетия сюзеренитет Орды над Северо-Восточной Русью не оспаривался ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли. Акты сопротивления татарам, как мы видели, были связаны с междукняжескими конфликтами на Руси (князья могли оказываться в конфронтации с ханом, поддерживавшим их соперников), а не с осознанной борьбой за полное уничтожение зависимости. Лишь в «Повести о Михаиле Тверском» (1319—1320) можно усмотреть мысль о временном характере татарского господства над Русью, но проводится она крайне завуалированно, в виде намека, путем использования примеров из истории Древнего Рима и Византии⁵¹⁹.

В произведениях русской письменности второй половины XIII — первой половины XIV в. почти нет уничижительных эпитетов по отношению к законным правителям Орды — «царям». При этом в литературе Северо-Восточной Руси встречается всего два исключения из этого правила: в «Повести о Михаиле Тверском» хан Узбек именуется «беззаконным», «законопреступным» и «окайнным», а в тверском рассказе о восстании 1327 г. и последующем походе на Тверь — «беззаконным»⁵²⁰; два первых эпитета — достаточно мягкие, всего

лишь констатирующие, что Узбек (сделавший государственной религией в Орде мусульманство) не знает истинного Закона, то есть не является христианским «царем».

Но с началом в Орде «замятни» сложилась принципиально новая ситуация. Во-первых, обычным стало положение, когда в Орде было два «царя» (а временами и более). Во-вторых, самым могущественным политиком в этом государстве стал (впервые) человек, не принадлежавший к «царскому» роду. «Цари» при нем превратились в марионеток, которых Мамай менял по своему усмотрению. На Руси такая ситуация осознавалась очень четко. Хан, от лица которого правил Мамай, мог быть пренебрежительно назван «Мамаевым царем»⁵²¹, прямо говорилось, что Мамай «у себе въ Ордѣ посадил царя другаго»⁵²². Полновластие Мамаю особо подчеркнуто в следующих летописных характеристиках: «...царь ихъ не владѣяше ничимъ же, но всяко старѣишинство держаше Мамай»⁵²³; «Некому убо у них худу цѣсарюющу, но все дѣюшу у них князю Мамаю»⁵²⁴.

Таким образом, к 1374 г. уже более десятилетия государственное устройство Орды находилось в «ненормальном» состоянии: цари реальной властью не обладали, она принадлежала узурпатору. После того как к этому факту добавилось стремление Мамаю передать великое княжение Михаилу Тверскому и, наконец, потеря им Сарая, в Москве решились, вероятно в ответ на денежный «запрос», пойти на разрыв и не соблюдать с незаконным, ненадежным в плане поддержки великого князя и к тому же не контролирующим всю территорию Орды правителем вассальных отношений.

В том же году Мамай отправил в Нижний Новгород тысячный отряд во главе с Сары-акой (Сарайкой). Очевидно, правитель рассчитывал, что нижегородский князь будет более сговорчив в отношении выделения средств в Орду. Но Дмитрий Константинович проявил солидарность с московским князем (с января 1367 г. являвшимся его зятем): татарский отряд был перебит, а Сарайка и его окружение взяты в плен⁵²⁵.

В ноябре 1374 г. в Переяславле состоялся княжеский съезд. Считается, что на нем русские князья договорились о совместной борьбе с татарами⁵²⁶. Вероятно, что решения съез-

да касались все же более широкого круга вопросов, речь шла о совместных действиях вообще, в том числе и против Орды. Отношения с последней при этом, скорее всего, строились так, как это зафиксировано в следующем году в договоре Дмитрия с Михаилом Тверским: «А с татары оже будет нам миръ, по думъ. А будет нам дати выход, по думъ же, а будет не дати, по думъ же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с одного всъмъ противу их. Или мы поидем на них, и тобъ с нами с одного пойти на них»⁵²⁷. С одной стороны, здесь допускается возможность мирных отношений с Ордой и уплаты выхода. С другой, это первый дошедший до нас факт договорного закрепления обязательств о совместных военных действиях против Орды, причем как оборонительных, так и наступательных.

В марте 1375 г. состоялся еще один княжеский съезд, место проведения которого неизвестно⁵²⁸. Во время него Василий, сын Дмитрия Нижегородского, попытался ужесточить содержание Сарайки и его людей; татары оказали сопротивление (у них не было отнято оружие) и были перебиты. Во время схватки Сарайка выстрелил в епископа Дионисия, но стрела лишь задела мантию⁵²⁹.

В ответ на избиение посольства отряды Мамая повоевали нижегородские волости — Киш и Запьянье⁵³⁰.

Тем временем к Михаилу Тверскому перебежали Иван Васильевич, сын последнего московского тысяцкого Василия Вельяминова (умершего в 1374 г.), и Некомат Сурожанин. Михаил отправил их в Орду, и вскоре оттуда пришел посол Ачихожа (тот самый, что ходил с Дмитрием Нижегородским на Булгар в 1370 г.) с ярлыком тверскому князю на Великое княжение Владимирское⁵³¹. В ответ на Тверь двинулось невиданное по масштабам войско. Перечень участвовавших в походе князей дает возможность определить круг участников Переяславского съезда, то есть князей, договорившихся о совместных действиях и признававших верховенство Москвы. Это (помимо самого Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского) суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович, его сын Семен и братья — Борис и Дмитрий Ноготь, ростовские князья Андрей Федорович и Василий и Александр Константи-

новичи, князь Иван Васильевич из смоленской ветви (правившей, в Вязьме⁵³²), ярославские князья Василий и Роман Васильевичи, белозерский князь Федор Романович, кашинский князь Василий Михайлович (перешедший на сторону Москвы), моложский князь Федор Михайлович, стародубский князь Андрей Федорович, князь Роман Михайлович Брянский (Брянском он тогда уже не владел, тот был в руках Ольгерда), новосильский князь Роман Семенович, оболенский князь Семен Константинович и его брат тарусский князь Иван⁵³³. Таким образом, сюзеренитет Дмитрия Ивановича признавали не только все княжества Северо-Восточной Руси (кроме Тверского, за исключением его кашинского удела), но также князья трех верховских княжеств Черниговской земли (Новосильского, Оболенского и Тарусского), Роман Михайлович, считавшийся великим князем Черниговским⁵³⁴, и вяземский князь. Последний перешел под руку Дмитрия еще в 1371 г., когда его дядя и сюзерен — великий князь Смоленский Святослав Иванович был союзником Литвы⁵³⁵. Но в 1375 г. Святослав уже являлся союзником Дмитрия⁵³⁶, поэтому если Иван и терял на некоторое время контроль над Вязьмой, к середине 70-х гг. он его наверняка вернул⁵³⁷.

В результате похода Михаил Тверской признал себя «младшим братом» Дмитрия Ивановича, а великое княжение — его «отчиной»: «А вотчины ти нашии Москвы, и всего великого княженья, и Новагорода Великого, блюсти, а не обидѣти. А вотчины ти нашии Москвы, и всего великого княженья, и Новагорода Великого, под нами не искати, и до живота, и твоим дѣтем, и твоим братаничем». Он также отказался от сюзеренитета над Кашинским княжеством, взял на себя обязательство по совместным с Москвой действиям в отношении Орды (см. выше) и отказался впредь принимать ярлыки от татар на великое княжение (в обмен на обязательство Дмитрия не делать того же в отношении Твери)⁵³⁸.

Ответом Мамай был удар по союзникам Москвы: в конце 1375 г. его отряды вновь повоевали Запьянье и разорили Новосиль — столицу князя Романа Семеновича. В 1376 г. великий князь «ходилъ за Оку ратию, стерегася рати тотарское»⁵³⁹. Выход с войском за Оку, то есть за пределы московских владений, — серьезная акция: очевидно, Дмитрий имел

тогда основания ожидать ордынского похода на Москву и хотел встретить противника вне своей территории (как он сделал затем и в 1378, и в 1380 г.).

В начале 1377 г. соединенные силы Московского и Нижегородского княжеств (московскую рать возглавлял сын Корьяда-Михаила Гедиминовича Дмитрий Боброк, перешедший на службу в Москву, нижегородскую — сыновья Дмитрия Константиновича Василий и Иван) отправились в поход «на Болгары». Здесь правителями были тот же Асан, на которого был направлен поход 1370 г., и некий «Махмат-Солтан». Остается неясным, тождествен он «Салтан Бакову сыну», посаженному Дмитрием Константиновичем и Ачихожей в 1370 г., или самому хану Мухаммед-Бюлеку (который в сообщении о его воцарении в 1370 г. назван в летописи практически идентично — «Мамат Солтан»), и, соответственно, были ли Асан и Махмат-Солтан в 1377 г. зависимы от Мамаея или самостоятельны⁵⁴⁰. Булгарские правители вынуждены были капитулировать, выплатить контрибуцию (2000 рублей двум великим князьям и 3000 — «воеводам и ратемъ») и принять даругу (сборщика дани) и таможенника⁵⁴¹. Волжская Булгария, таким образом, оказывалась в зависимости от Нижнего Новгорода и Москвы.

Очевидно, что в отношении ордынских «князей» великий князь Московский действовал так же, как в отношении русских князей. Фактически он попытался как бы занять в отношении первых место, какое занимал правитель Орды. Однако видеть здесь стремление Дмитрия стать равным «царю» было бы рискованно — скорее подобными действиями великий князь ставил себя на один уровень с Мамаем, семью годами ранее приведшим Волжскую Булгарию к покорности.

Летом того же года московско-нижегородское войско (московскую часть возглавляли воеводы, нижегородскую — Иван Дмитриевич), ожидая нападения пришедшего из Заволжья «царевича» Арабшаха (Арапши), пропустило удар татар из Мамаевой Орды и потерпело поражение на реке Пьяне (Иван Нижегородский погиб), вслед за чем ордынцы разорили Нижний Новгород. В том же году Арабшах повоевал Засурье⁵⁴².

Воодушевленный успехом, Мамай летом 1378 г. решил нанести удар непосредственно по Московскому княжеству, на-

правив на Дмитрия Ивановича сильное войско под командованием Бегича. 11 августа на реке Воже, в пределах Рязанской земли, московско-рязанское войско нанесло Мамаевым татарам сокрушительное поражение. Несколько ранее, в конце июля, ордынцам вновь удалось разорить Нижний Новгород⁵⁴³. Остается, впрочем, неясным, были ли это татары из Мамаевой Орды⁵⁴⁴.

В отместку за поражение на Воже Мамай напал в том же году на Рязанскую землю. Ее столица Переяславль-Рязанский была сожжена, а великий князь Рязанский Олег Иванович спасся, бежав за Оку⁵⁴⁵.

Летом 1379 г. Мамай «ял» проезжавшего через степь на рукоположение в митрополиты в Константинополь Митяя — ставленника Дмитрия Ивановича. Вскоре, однако, Митяй был отпущен, причем Мамай (точнее, хан⁵⁴⁶ «мыслию» Мамаю) выдал ему ярлык по типу тех, что предоставлялись ханами прежним митрополитам⁵⁴⁷.

Относительно недавно в отечественной историографии имела место дискуссия по поводу того, какие позиции в вопросе об отношениях с Ордой занимали церковные партии, вступившие в конфликт в связи с вопросом о новом митрополите. Г. М. Прохоров высказал мнение, что митрополит Киприан (он был поставлен в 1375 г., еще при жизни Алексея, умершего 12 февраля 1378 г., в митрополиты русских земель, входивших во владения Великого княжества Литовского, с тем чтобы по смерти Алексея распространить свою юрисдикцию на всю Русь), не принятый Дмитрием Ивановичем, и поддерживавшие его епископ Дионисий Суздальский, троицкий игумен Сергей Радонежский и игумен Феодор Симоновский были сторонниками решительных антиордынских действий, а ставленник Дмитрия недавний священник Митяй выступал за соглашение с Мамаем. В начале 1379 г. великий князь под влиянием Митяя пошел на компромисс с Ордой, согласился платить ей дань в размерах, существовавших до «замятни» (почему перед Куликовской битвой Мамай и требовал того выхода, что шел при Джанибеке), но осенью (в отсутствие Митяя) под влиянием Сергия и Феодора вернулся к антиордынской политике⁵⁴⁸. Это мнение было подвергнуто критике А. С. Хорошевым, который, наоборот,

посчитал, что именно Киприан, Сергей, Дионисий и Феодор стояли за покорность Орде, а Митяй поддерживал освободительную борьбу Дмитрия⁵⁴⁹. Насколько убедительно аргументированы эти точки зрения?

Аргументы Г. М. Прохорова следующие: 1) Дионисий Суздальский участвовал в редактировании Лаврентьевской летописи, во время которого в рассказ о нашествии Батыя было вставлено прославление погибших князей как павших за православную веру; 2) в Дионисия послал стрелу в 1375 г. посол Сарайка; 3) Митяй, оказавшись у Мамаю, получил от него ярлык, не отличавшийся от прежних ханских ярлыков митрополитам, следовательно, признал власть Орды над Русью, и, продолжает Г. М. Прохоров, это, скорее всего, было сделано с санкции Дмитрия, желавшего мира с Ордой ввиду обострения отношений с Литвой; 4) указание раннего летописного рассказа о Куликовской битве, что Дмитрий отправился в поход «за всю землю Русскую», свидетельствует, что он принял программу Киприана — Сергия — Дионисия — Феодора, подразумевавшую единую русскую митрополию (включавшую русские земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского), отказавшись от плана создания митрополии только для Северной и Восточной Руси (что было бы реализовано, если бы митрополитом стал Митяй, — западнорусские земли остались бы тогда под юрисдикцией Киприана)⁵⁵⁰.

Все эти аргументы представляются несостоятельными. Гипотеза о вставках в Лаврентьевскую летопись сомнительна, скорее всего, дошедший до нас текст рассказа о нашествии Батыя был уже в своде 1304 г.⁵⁵¹ Сарайка и его люди стреляли не только в Дионисия; к тому же для людей, пытающихся спасти или хотя бы дорого отдать свои жизни, естественно желание вывести из строя наиболее заметные фигуры противоположной стороны. Если Митяй и принял от Мамаю ярлык, находясь в Орде (не исключено, что ярлык был выдан ранее поездки Митяя, в феврале 1379 г.⁵⁵²), то это было вызвано его желанием освободиться от плена, никаких указаний на то, что он специально ехал к Мамаю с политической миссией, источники не содержат; после успеха на Воже у великого князя не было причин идти на уступки, отношения с Литвой не носили в начале 1379 г. угрожающего для Моск-

вы характера. Летописное «вся земля Русская» не имеет никакого отношения к проблеме единства митрополии: еще со второй четверти XIV в. это понятие стало (в литературе Северо-Восточной Руси и Новгорода) прилагаться не ко всем землям, входившим до Батыева нашествия в Киевскую Русь, а только к территориям, находившимся под властью великого князя Владимирского, то есть к Северо-Восточной Руси и Новгородской земле⁵⁵³.

Оснований для того, чтобы предполагать в период между сражением на Воже и Куликовской битвой два резких поворота в политике Дмитрия Ивановича — от противостояния Мамаю к признанию его власти и затем вновь к борьбе с Ордой, — у нас нет. 30 августа 1379 г. в Москве был казнен Иван Васильевич Вельяминов⁵⁵⁴. По сообщению Никоновской летописи (источник которого неизвестен), Вельяминов был схвачен в том же году в Серпухове по пути из Орды⁵⁵⁵. Возможно, он был послан в Тверь с целью, как и в 1375 г., посеять рознь между русскими князьями.

Но нет оснований и полагать, что Митяй был сторонником активной борьбы с Ордой, а его противники склонялись к необходимости ей покориться. А. С. Хорошев ссылается на «Сказание о Мамаевом побоище», в котором митрополит Киприан советует Дмитрию умиловить Мамаю дарами⁵⁵⁶. Но во-первых, митрополит, согласно тексту «Сказания», в конце концов все же благословил великого князя «противиться» татарам⁵⁵⁷. Во-вторых (и главное), «Сказание о Мамаевом побоище» создано (в дошедшем до нас виде, во всяком случае) не ранее конца XV в., скорее всего, в начале XVI в.⁵⁵⁸ Наиболее же ранние источники, свидетельствующие о позиции одного из противников Митяя в московско-ордынском конфликте — «Житие Сергия Радонежского» (первоначальная редакция создана Епифанием Премудрым в 1418–1419 гг.⁵⁵⁹) и «Повесть о Куликовской битве» Новгородской IV и Софийской I летописей (конец 10-х или 20-е гг. XV в.), — говорят о благословении Сергием великого князя на сопротивление Мамаю⁵⁶⁰.

В целом можно заключить, что водораздел между Митяем и его противниками проходил не по вопросу об отношении к Орде и нет данных для предположений, что великий

князь в конце 70-х гг. принимал решения о действиях против Мамаю под решающим влиянием тех или иных лиц духовного звания — он продолжал политику в отношении правителя Орды, определившуюся ранее (еще при жизни митрополита Алексея).

К лету 1380 г. Мамай основательно подготовился к решающей схватке с Москвой. Не надеясь после Вожи только на собственные силы, он заключил союз с новым великим князем Литовским Ягайлой Ольгердовичем. Власть Мамаю признал Олег Иванович Рязанский, видимо желая избежать нового разгрома своего княжества (в то же время он предупредил Дмитрия Ивановича о выступлении Орды)⁵⁶¹. Поход Мамаю по своей масштабности не имел прецедентов в XIV столетии⁵⁶².

В начале кампании, когда Мамай с войском кочевал за Дном, а Дмитрий находился в Коломне, Мамаевы послы привезли требование платить выход как при Джанибеке, «а не по своему dokonчанию. Христоролюбивый же князь, не хотя кровопролиться, и хотѣ ему выход дати по крестьяньской силѣ и по своему dokonчанию, како с ним dokonчалъ. Он же не въсхотѣ»⁵⁶³. Под «своим dokonчением» имеется в виду определенно соглашение, заключенное Дмитрием с Мамаем во время личного визита в Орду в 1371 г. Но тогда Дмитрий преследовал цель задобрить Мамаю, чтобы вернуть себе ярлык на великое княжение. По мнению В. А. Кучкина, с начала «замятни» русские княжества вовсе перестали платить дань⁵⁶⁴. Это вряд ли возможно: лояльность к Орде сохранялась и во время «замятни», в 1368 г. в Москве отнесли с почтением к ордынскому послу. Скорее всего, выход платился, но в условиях наличия одновременно нескольких ханов и борьбы между ними выплаты были нерегулярными и размеры их сократились. В 1371 же году Дмитрий обещал постоянную выплату выхода в Мамаеву Орду, но оговоренный размер дани все же уступал тому, который существовал при Джанибеке. С 1374 г. Москва перестала соблюдать это dokonчание; теперь, в условиях приближения Мамаю в союзе с Ягайлой, Дмитрий соглашался вернуться к его нормам. Но Мамай, рассчитывая на перевес в силах, не уполномочил своих слов идти на уступки, и в этом была его ошибка.

Остается не вполне ясным вопрос, какие князья принимали участие в Куликовской битве. Помимо Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича Серпуховского, из ранних источников (к которым относятся «Задонщина» и летописные повести Рогожского летописца — Симеоновской летописи и Новгородской IV — Софийской I летописей) следует, что в поход отправились белозерские и тарусские князья, а также братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи (перешедшие на службу к великому князю Московскому соответственно в 1378 и 1379 гг.)⁵⁶⁵. Подробные перечни князей (и воевод) — участников сражения содержат поздние источники — «Сказание о Мамаевом побоище», а также Новгородская летопись Дубровского (середина XVI в.) и Архивская летопись (дошедшая в списке XVIII в.). «Сказание» содержит много недостоверных подробностей, в том числе явные анахронизмы в перечне князей⁵⁶⁶. Иное дело — летопись Дубровского и Архивская летопись, восходящие к новгородскому своду 1539 г. В них содержится, по сути дела, разрядная роспись военачальников, участвовавших в битве⁵⁶⁷. Происхождение этой росписи неясно, и в литературе высказывались разные мнения по поводу ее достоверности⁵⁶⁸.

Перечень князей, сражавшихся на Куликовом поле, в летописях Дубровского и Архивской очень близок к перечню участников похода на Тверь 1375 г. (восходящему к Троицкой летописи). С одной стороны, это порождает подозрение, не сконструирован ли он на основе этого последнего (тем более что в летописях Дубровского и Архивской перечень 1375 г. имеется)⁵⁶⁹. С другой стороны, отличия перечня летописей Дубровского и Архивской от списка участников похода 1375 г. довольно хорошо объясняются политической ситуацией 1380 г. Не названо все семейство суздальско-нижегородских князей, которые после двукратного разорения Нижнего Новгорода в 1377 и 1378 гг. должны были быть озабочены в первую очередь охраной своих владений. Не названы два из трех князей ростовской ветви — сыновья Константина Васильевича. Именно этого князя свели москвичи с ростовского стола в 1363 г. и заменили Андреем Федоровичем; Константин вынужден был довольствоваться княжением в Устюге, здесь же правили его потомки⁵⁷⁰. В походе

1375 г. на Тверское княжество Константиновичи участвовали, а при нашествии Мамаю могли воздержаться от выступления в силу отдаленности своих владений от театра военных действий. Отсутствует также один из двух ходивших на Тверь ярославских князей (какой — неясно, так как в списке фигурирует лишь отчество — «Васильевич»), и вместо Романа Новосильского в походе, согласно летописям Дубровского и Архивской, участвовал его сын. Последнее весьма правдоподобно, так как Новосильское княжество лежало на пути Ягайлы (двигавшегося с запада к верховьям Дона на соединение с Мамаем) и Роману Семеновичу было естественно остаться оборонять свою землю⁵⁷¹, отправив в помощь Дмитрию отряд во главе с сыном.

Если перечень князей в летописях Дубровского и Архивской достоверен⁵⁷², можно констатировать, что возглавляемый великим князем Московским союз князей Северо-Восточной Руси с участием части верховских и смоленских князей, оформившийся в 1374—1375 гг., продолжал существовать, но в Куликовской битве приняли участие несколько меньшие силы, чем в походе на Тверь. В войну с Мамаем, помимо великокняжеских войск и отрядов Ольгердовичей, вступили: Федор Романович Белозерский с сыном, Иван Васильевич Вяземский, Андрей Федорович Ростовский, Андрей Федорович Стародубский, один из ярославских князей Васильевичей, Федор Михайлович Моложский, Семен Константинович Оболенский, Иван Константинович Тарусский, Роман Михайлович (бывший князь Брянский), Василий Михайлович Кашинский и сын Романа Семеновича Новосильского.

Русское войско, стремясь не допустить соединения Мамаю с Ягайлой, выдвинулось в верховья Дона и 8 сентября 1380 г. полностью разгромило силы Мамаевой Орды⁵⁷³. Бежав с поля битвы, Мамай собрал «останочную свою силу, еще въсхотѣ ити изгономъ паки на великаго князя Дмитрея Ивановича и на всю Русскую землю», но вынужден был выступить против воцарившегося (с помощью Тимура) в заволжской части Орды Тохтамыша⁵⁷⁴. Эмиры Мамаю перешли на сторону нового хана, временщик бежал в Крым и был вскоре убит⁵⁷⁵.

Противостояние Московского великого княжества с Мамаевой Ордой завершилось крахом последней. Дмитрий

Донской не позволил Мамаю восстановить власть над русскими землями. Но другим, невольным результатом Куликовской победы стало нарушение существовавшего почти двадцать лет неустойчивого равновесия между двумя частями Орды: разгром Мамаю способствовал объединению их под властью законного хана. Объективно более всего конкретной политической выгоды от поражения Мамаю на Куликовом поле получил Тохтамыш.

* * *

События, имевшие место в московско-ордынских отношениях в начале 80-х гг. XIV в., в историографии всегда были как бы в тени Куликовской победы. Традиционно принято считать, что успешный поход Тохтамыша на Москву 1382 г. восстановил зависимость Северо-Восточной Руси, ликвидированную при Мамае⁵⁷⁶. Поскольку до разрыва Дмитрием Ивановичем вассальных отношений с Мамаем зависимость от Орды существовала около 130 лет, а после похода Тохтамыша — еще без малого сто, этот последний выглядит при таком подходе, по сути дела, событием, сопоставимым по своим последствиям с нашествием Батыя. Между тем слабое исследовательское внимание к конфликту 1382 г. привело к тому, что недостаточно выясненными остались два комплекса вопросов: 1) каковы были отношения русских князей с Тохтамышем до похода и чем была вызвана военная акция хана; 2) почему последствия поражения оказались такими мягкими для Москвы — Тохтамыш не попытался лишить Дмитрия великого княжения Владимирского (Мамай делал это трижды и, сумей он победить, наверняка реализовал бы на практике свое неотмененное решение об отнятии великого княжения у московского князя).

В самом конце 1380 г. Тохтамыш прислал послов к Дмитрию и другим русским князьям, «повѣдая имъ свои приходъ и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ врага Мамаю побѣди». Зимой и весной 1381 г. русские князья, отпустив послов «съ честию и съ дары», «отпустиша кождо своихъ киличеевъ со многими дары ко царю Тохтамы-

шю»; в том числе Дмитрий Иванович «отпустилъ въ Орду своихъ киличеевъ Толбугу да Мохшѣя къ новому царю съ дары и съ поминки»⁵⁷⁷. Что означал этот акт? Свидетельствовал ли он о признании вассальных отношений с Тохтамышем? Положительный ответ давали А. Е. Пресняков, Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин⁵⁷⁸, отрицательный — Н. М. Карамзин, А. Н. Насонов, И. Б. Греков⁵⁷⁹. Полагаю, что посылка «даров и поминков» означала констатацию факта восстановления законной власти в Орде и формальное признание Тохтамыша сюзереном. Но вопрос о выплате задолженности по выходу, накопившейся за годы противостояния с Мамаем, московская сторона не собиралась поднимать (дары и «поминки» — не выход). Очевидно, после разгрома Мамая Дмитрий не спешил восстанавливать даннические отношения с Ордой, но в то же время не имел оснований не признать царское достоинство (и, следовательно, формальное верховенство) нового правителя Орды, к тому же только что добившего его врага. Великий князь занял выжидательную позицию, решив посмотреть, как поведет себя хан.

В Никоновской летописи сообщается, что 1 ноября 1380 (6889 сентябрьского) г. «все князи Руссии, сославшеся, велию любовь учиниша между собою»⁵⁸⁰. Источник этого свидетельства неизвестен; если оно достоверно, следует полагать, что после смены власти в Орде произошло подкрепление того союза русских князей, который сработал в 1375 и 1380 гг.

Отношение московских правящих кругов к Орде в период между Куликовской битвой и столкновением с Тохтамышем отражено в договорной грамоте Дмитрия Донского с Олегом Рязанским. После поражения Мамая Олег, опасаясь удара со стороны Москвы, бежал, и Дмитрий посадил на рязанском княжении своих наместников⁵⁸¹. Но к лету 1381 г. союзнические отношения Москвы и Рязани восстановились, что было закреплено договором⁵⁸². В нем имеется специальный пункт об отношениях с Ордой. При его сопоставлении с аналогичной статьей московско-тверского dokonчания 1375 г. (договор 1381 г. в целом является соглашением того же типа — Олег, как и Михаил, признает себя «младшим братом» Дмитрия и «братом», то есть равным, Владимиру Андреевичу Серпуховскому) выявляются расхождения.

Договор 1375 г.

А с татары оже будет нам мирь, по думѣ. А будет нам дати выход, по думѣ же, а будет не дати, по думѣ же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с одиного всѣмъ противу их. Или мы поидем на них, и тобѣ с нами с одиного пойти на них⁵⁸³.

Договор 1381 г.

А с татары оже будет князю великому Дмитрию мирь и его брату, князю Володимеру, или данье, ино и князю великому Олгу мирь или данье с одиного со княземъ с великимъ з Дмитреемъ. А будет немирь князю великому Дмитрию и брату его, князю Володимеру, с татары, князю великому Олгу быти со княземъ с великимъ съ Дмитриемъ и съ его братомъ с одиного на татарь и битися с ними⁵⁸⁴.

Договоренность по поводу дани при некотором словесном отличии принципиально не различается: возможность ее выплаты допускается, но не выглядит обязательной. А вот договоренность по поводу совместных военных действий сформулирована в московско-рязанском договоре по-иному: не оговорены отдельно оборонительные и наступательные действия, вместо этого применена формулировка общего характера «быти... с одиного... и битися с ними» (последние слова в договоре 1375 г. относились к оборонительным действиям). Вероятно, предусматривать наступательные действия против Орды, возглавляемой законным правителем, казалось недопустимым.

Летом 1381 г. на Русь отправился посол «царевич» Акхожа с отрядом в 700 человек. Он дошел до Нижнего Новгорода «и возвратися воспать, а на Москву не дрзнуть ити»⁵⁸⁵.

Вряд ли миссия Акхожи имела цель вызвать русских князей в Орду⁵⁸⁶. Представляется, что наиболее естественной причиной появления посольства было то, что пришло время получить «выход» за 1380 г. (в котором Тохтамыш, владея заволжской частью Орды, уже был вправе считать себя ханом). Однако в Нижнем к Акхоже поступила, по-видимому, информация, что Дмитрий Иванович не настроен выплачи-

вать дань, посол вернулся и доложил Тохтамышу о сложившейся ситуации, после чего хан и стал готовиться к военным действиям. Его поход нельзя расценивать как месть за поражение Мамаю на Куликовом поле (хотя среди бывших Мамаевых татар, вошедших в войска Тохтамыша, такой мотив наверняка имел место), поскольку, разгромив узурпатора, Дмитрий фактически оказал (не желая того, разумеется) Тохтамышу услугу, облегчив ему приход к власти, и гневаться хану было не на что. Только когда Тохтамыш понял, что воодушевленные Куликовской победой москвичи не собираются выполнять вассальные обязательства (при том, что формально великий князь признал хана сюзереном), он решил прибегнуть к военной силе, чтобы заставить Дмитрия соблюдать их.

Тохтамышу удалось обеспечить внезапность нападения. Дмитрий Константинович Нижегородский, узнав о приближении хана, отправил к нему своих сыновей Василия Кирдяпу и Семена. Олег Рязанский указал Тохтамышу броды на Оке. Дмитрий Иванович покинул Москву и отправился в Коломну. Тохтамыш взял и сжег Серпухов и подошел 23 августа 1382 г. к столице. Оборону возглавлял литовский князь Остей, внук Ольгерда (он сумел прекратить беспорядки, возникшие в Москве после отъезда великого князя). После трехдневной безуспешной осады Тохтамышу удалось 26 августа обманом выманить Остея из города (ханские послы поклялись, что Тохтамыш не собирается разорять Москву, что его цель — найти Дмитрия; справедливость этих слов подтвердили находившиеся в войске хана суздальско-нижегородские князья), после чего он был убит, а татары ворвались в Москву и подвергли ее разгрому. После этого Тохтамыш распустил свои отряды по московским владениям: к Звенигороду, Волоку, Можайску, Юрьеву, Дмитрову и Переяславлю. Но взять удалось только последний. Отряд, подошедший к Волоку, был разбит находившимся там Владимиром Андреевичем Серпуховским. После этого Тохтамыш покинул Москву и двинулся восвояси, по дороге взяв Коломну. Переправившись через Оку, он разорил Рязанскую землю; Олег Рязанский бежал⁵⁸⁷.

В трактовке событий лета 1382 г. сохраняются два спорных вопроса. Первый — относительно «розни в русских князьях»

как причине поражения. Она упоминается ранее всего в так называемой пространной Повести о нашествии Тохтамыша, дошедшей в составе Новгородской IV и Софийской I летописей. Попытка на основе этого известия говорить о распаде возглавляемой Дмитрием Донским княжеской коалиции⁵⁸⁸ вызывает сомнение. Указание на «рознь» являет собой вставку в текст более ранней краткой Повести о событиях 1382 г. (дошедшей в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи), на основе которой была создана Повесть Новгородской IV -Софийской I летописей⁵⁸⁹. Скорее всего, перед нами попытка объяснения хода событий, появившаяся в протографе этих летописей⁵⁹⁰. Быстрота продвижения Тохтамыша исключала возможность какого-то широкого совета князей Северо-Восточной Руси⁵⁹¹.

Другой вопрос — мотивы поведения Дмитрия Донского, точнее — оставления им столицы. Здесь мнения колеблются от признания отъезда необходимым тактическим маневром, имеющим целью сбор войск⁵⁹², до объявления его позорным бегством⁵⁹³.

Если рассматривать действия великого князя на широком историческом фоне, так сказать, «истории осад», то его поведение оказывается типично. Известно немало случаев, когда правитель княжества в условиях неизбежного приближения осады его столицы покидал ее и пытался воздействовать на события со стороны⁵⁹⁴. Очевидно, существовало представление, что правитель должен по возможности избегать сидения в осаде — наиболее пассивного способа ведения военных действий⁵⁹⁵. Дмитрий действовал в соответствии с этими тактическими правилами. Белокаменный московский Кремль выдержал две литовские осады, и великий князь явно рассчитывал на его неприступность (собственно, расчет был верным — штурмом татары не смогли взять город).

На пути из Москвы в Кострому Дмитрий останавливался в Переяславле⁵⁹⁶. Этот город в 1379 г. получил в держание перешедший на службу московскому князю Дмитрий Ольгердович⁵⁹⁷. Внук Ольгерда Остей, возглавивший оборону Москвы, появился в столице уже после отъезда великого князя⁵⁹⁸. Скорее всего, он был сыном Дмитрия Ольгердовича, которому Дмитрий Донской, находясь в Переяславле, пору-

чил организацию обороны столицы⁵⁹⁹ (в самой московской династии кроме Дмитрия был тогда только один взрослый князь — Владимир Андреевич, перед которым была поставлена другая задача). Возможно, факт взятия татарами именно Переяславля после овладения Москвой связан с ролью Остеев в ее защите.

Но есть другая сторона вопроса — как мотивировали отъезд Дмитрия современники после того, как его тактический план не удался, — Москва была разорена, и кампания проиграна.

Наиболее раннее повествование следующим образом объясняет поведение великого князя: «Князь же великийи Дмитрии Ивановичь, то слышавъ, что сам царь идетъ на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня руки противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому»⁶⁰⁰. Это суждение летописца верно лишь в том смысле, что Дмитрий не стал принимать открытого генерального сражения, а не в том, что он вообще отказался от сопротивления: великий князь не поехал на поклон к хану, не пытался с ним договориться; Владимир Андреевич разбил татарский отряд у Волока; по словам того же летописца, Тохтамыш «въскорѣ отиде» из взятой им Москвы, «слышавъ, что князь великийи на Костроме, а князь Володимеръ у Волока, поблюдашеся, чая на себе наезда»⁶⁰¹. Фактически московские князья «стали на бой» и «подняли руку» против «царя». Они отказались только от встречи с ним в генеральном сражении. Как же понимать летописное объяснение действий Дмитрия Донского?

Мнение, что данная характеристика содержит обвинение великого князя в малодушии (поскольку принадлежит, возможно, сводчику, близкому к митрополиту Киприану, враждовавшему с Дмитрием)⁶⁰², не представляется убедительным. Весь тон летописного рассказа о нашествии Тохтамыша — сочувственный к московским князьям. Автор с симпатией говорит о победе Владимира Андреевича, о месте Дмитрия принявшему сторону хана Олегу Ивановичу Рязанскому, пишет даже фактически о страхе Тохтамыша перед московскими князьями, заставившем его быстро уйти из Северо-Восточной Руси («чая на себе наезда, того ради не много дней стоявше у Москвы»); сочувственно изображено

и возвращение Дмитрия и Владимира в разоренную Москву («князь великий Дмитрий Иванович и братъ его князь Володимиръ Андреевичъ съ своими бояры въехалша въ свою отчину въ градъ Москву и видѣша градъ взятъ и огнемъ пожженъ, и церкви разорены, и людии мертвыхъ бесчисленное множество лежащихъ, и о семъ зѣло сжалишася, яко расплакатися има...») ⁶⁰³. Поэтому характеристику мотивов поведения Дмитрия Донского нельзя считать уничижительной. Речь может идти о том, что объяснение отказа от открытого боя нежеланием сражаться с «самим царем» было лучшим в глазах общественного мнения оправданием для князя, более предпочтительным, чем констатация несомненно имевшего место недостатка сил после тяжелых потерь в Куликовской битве ⁶⁰⁴. Заметим, что поход Тохтамыша был первым случаем после Батыева нашествия, когда в Северо-Восточную Русь во главе войска явился сам хан улуса Джучи; а если учесть, что Батый в современных русских известиях о его походах 1237—1241 г. царем не называется, то это вообще первый приход на Русь «самого царя». Отношение русских авторов — современников событий к Тохтамышу — совсем иное, нежели к Мамаю ⁶⁰⁵. Последний, в отличие от прежних правителей (законных «царей»), щедро награждается уничижительными эпитетами: «поганый», «безбожный», «злочестивый» ⁶⁰⁶. По отношению к Тохтамышу такие эпитеты отсутствуют (причем не только в рассказе Рогожского летописца и Симеоновской летописи, но и в Повести Новгородской IV — Софийской I). Очевидно, что представление об ордынском царе как правителе более высокого ранга, чем великий князь Владимирский, как о его законном сюзерене, не было уничтожено победой над узурпатором Мамаем.

Взятие столицы противника — несомненно победа, и Тохтамыш выиграл кампанию. Однако факт разорения Москвы несколько заслоняет общую картину результатов конфликта. Тохтамыш не разгромил Дмитрия в открытом бою, не продиктовал ему условий из взятой Москвы, напротив, вынужден был быстро уйти из нее. Помимо столицы татары взяли только Серпухов, Переяславль и Коломну. Если сравнить этот перечень со списком городов, ставших жертвами похода Едигея 1408 г. (тогда были взяты Коломна, Переяславль,

Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец), окажется, что без учета взятия столицы масштабы разорения, причиненного Тохтамышем, выглядят меньшими. А события, последовавшие за уходом хана из пределов Московского великого княжества, совсем слабо напоминают ситуацию, в которой одна сторона — триумфатор, а другая — униженный и приведенный в полную покорность побежденный.

Осенью того же 1382 г. Дмитрий «посла свою рать на князя Олега Рязанского, князь же Олегъ Рязанский не во мнозѣ дружинѣ утече, а землю всю до остатка взяша и огнемъ пожгоша и пусту створиша, пуше ему и татарьские рати»⁶⁰⁷. Но главной проблемой был Михаил Тверской; поражение Дмитрия оживляло его, казалось бы, похороненные в 1375 г. претензии на Великое княжение Владимирское.

Опасность союза Михаила с Тохтамышем осознавалась в Москве уже в самый момент нападения хана: вряд ли случайно Владимир Андреевич Серпуховский находился со своими войсками не где-нибудь, а у Волока, то есть на пути из Москвы в тверские пределы; скорее всего, его целью было препятствовать ордынско-тверским контактам. Серпуховский князь только частично справился с этой задачей: подошедшие к Волоку татары были разбиты, но посол Михаила сумел добраться до Тохтамышя и возвратиться⁶⁰⁸; после этого тверской князь выехал к хану, «ища великого княжения»⁶⁰⁹, но двинулся «околицею, не прямицами и не путма»⁶¹⁰. Поскольку отправился Михаил в путь 5 сентября⁶¹¹, очень вероятно, что он не знал об уходе хана из Москвы, и, уж во всяком случае, рассчитывал застать его еще в русских пределах⁶¹², но, будучи вынужден из опасения перед москвичами идти окольным путем, не сумел этого сделать.

Той же осенью к Дмитрию от Тохтамышя пришел посол Карач⁶¹³. Целью этого посольства, несомненно, был вызов великого князя в Орду, естественный в сложившейся ситуации. Таким образом, Дмитрий после ухода Тохтамышя не только не поехал в Орду сам, но не отправил туда первым даже посла — фактически это означает, что великий князь продолжал считать себя в состоянии войны с Тохтамышем и ждал, когда хан сделает шаг к примирению. Не торопился Дмитрий и после приезда Карача — только весной следующе-

го, 1383 г. он отправил в Орду своего старшего сына Василия, «а съ нимъ бояръ старѣиших»⁶¹⁴.

Этот ход был политически точен. Если бы великий князь отправился сам, во-первых, его жизнь была бы в опасности — если не от хана (что, впрочем, должно было представляться вполне реальным — Михаил и Александр Тверские были казнены за куда меньшие провинности, им и в голову не приходило воевать с «самим царем»), то от бывших Мамаевых татар, желающих отомстить за позор Вожи и Куликова поля, или находившихся в Орде людей Михаила Тверского. В случае гибели Дмитрия Московское княжество попало бы в сложную ситуацию: его старшему сыну было одиннадцать лет. В убийстве же Василия заинтересованных не было: для хана оно означало бы усугубление конфронтации с Дмитрием, для Мамаевых татар не имело смысла, так как княжич не участвовал в Куликовской битве, для тверичей означало бы навлечь на себя месть Дмитрия, от которой, как показал пример Олега Рязанского, покровительство Орды не спасет. Во-вторых, поехав в Орду лично, Дмитрий поставил бы себя вровень с Михаилом Тверским и признал бы свое полное поражение. С другой стороны, послать кого-либо рангом ниже великокняжеского сына было бы в данной ситуации чрезмерной дерзостью.

Михаил Тверской, несмотря на личную явку, Великого княжения Владимирского не получил, оно было оставлено за Дмитрием Ивановичем⁶¹⁵. В качестве причин такого решения хана в историографии назывались богатые дары, полученные от москвичей, и реалистическая оценка Тохтамышем соотношения сил на Руси⁶¹⁶. Исходя из общих соображений подобного рода, можно еще вспомнить, что Тохтамыш уже готовился к войне с Тимуром⁶¹⁷ и ему невыгодно было иметь в тылу сильного врага. Но представляется, что сложившуюся в 1383 г. ситуацию можно рассмотреть более детально, обратив должное внимание на известие Новгородской IV летописи, что «Василья Дмитреевича приа царь въ 8000 сребра»⁶¹⁸. Что означает эта сумма? Известно, что в конце правления Дмитрия Донского дань с его владений (то есть с территорий собственно Московского княжества и Владимирского великого княжества) составляла 5000 рублей в год⁶¹⁹, в том числе

с собственно Московского княжества 1280 рублей (960 с владений Дмитрия и 320 с удела Владимира Андреевича)⁶²⁰ или (если в этот расчет не входит дань с самой Москвы) несколько больше — около 1500 рублей⁶²¹. Цифра 8000 рублей близка к сумме выхода за два года за вычетом дани с собственно Московского княжества; последняя была равна за этот срок 2560 рублям или около 3000, а без учета дани с удела Владимира Андреевича — 1920 или немного более 2000. Следовательно, очень вероятно, что Василий привез в Орду дань за два года с Московского княжества (может быть, за исключением удела Владимира, особенно сильно пострадавшего от ордынских войск и потому малоплатежеспособного), а уже в Орде была достигнута договоренность, что Дмитрий заплатит за те же два года выход и с территории Великого княжества Владимирского (8000 рублей). Таким образом, Москва признала долг по уплате выхода с Московского княжества за время правления Тохтамыша после гибели Мамаю (6889—1381/82 и 6890—1382/83 мартовские годы). Выплата же задолженности выхода с Великого княжества Владимирского была поставлена в зависимость от ханского решения о его судьбе: в случае оставления великого княжения за Дмитрием Ивановичем он гарантировал погашение долга, а если бы Тохтамыш отдал Владимир Михаилу Тверскому, Москва считала себя свободной от этих обязательств — выполнять их должен был бы новый великий князь Владимирский. Тохтамыш предпочел не продолжать конфронтацию с сильнейшим из русских князей: передача ярлыка Михаилу привела бы к продолжению конфликта и сделала бы весьма сомнительными шансы хана получить когда-либо сумму долга. Настаивать на уплате выхода за 1380 г. и тем более за период правления в Орде Мамаю Тохтамыш не стал. Таким образом, в 1383 г. был достигнут компромисс: Тохтамыш сохранил за собой позу победителя, но Дмитрий оказался в положении достойно проигравшего.

Произошло ли в 1383 г. возвращение к нормам выплаты дани, принятым при Джанибеке и Узбеке? Имеется единственное свидетельство о ее размере в «дотохтамышеву» эпоху: дань с Тверского княжества в начале 20-х гг. составляла 2000 рублей, причем, скорее всего, это сумма вы-

хода за один год (см. гл. 2). Московское княжество было примерно одних размеров с Тверским, следовательно, вряд ли с него требовались меньшие выплаты. А это значит, что около полутора тысяч рублей, причитавшихся с Московского княжества при Тохтамыше, были меньшей суммой, чем та, которая поступала в Орду при Узбеке и Джанибеке. По-видимому, это сумма, которую обязался платить Дмитрий по докончанию с Мамаем 1371 г., или несколько большая, о которой договорились Дмитрий и посол Тохтамыша в конце 1382 г. Вероятно, и дань с территории великого княжения уступала в размерах той, что выплачивалась до «замятни» в Орде.

Осенью 1383 г. во Владимире побывал «лют посол» Тохтамыша Адаш⁶²². Очевидно, он и привез Дмитрию ярлык на великое княжение. Михаил Тверской тогда еще находился в Орде: он вернулся 6 декабря⁶²³, и вскоре после этого был убит Некомат Сурожанин, в 1375 г. добывший тверскому князю от Мамаея великокняжеский ярлык: «тое зимы убьень бысть некии брехъ, именем Некомать, за нѣкую крамолу бывшую и измѣну»⁶²⁴. По-видимому, эти два события связаны между собой: в Москве санкционировали устранение Некомата (из летописного известия неясно, была это казнь или убийство) тогда, когда стало окончательно ясно, что Михаил не получил в Орде желаемого.

Впрочем, тверской князь вернулся все же не с пустыми руками. 6 мая 1382 г. умер кашинский князь Василий Михайлович⁶²⁵, а в 1389 г. в Кашине скончался сын Михаила Тверского Александр⁶²⁶; следовательно, между 1382 и 1389 г. Кашин оказался под властью тверского князя. Это противоречило одному из пунктов договора 1375 г.: «А в Кашин ти (Михаилу. — А. Г.) ся не въступати, и что потягло х Кашину, вѣдает то вотчичъ князь Василеи. Ни выходом не надобѣ тобѣ ко Тфери Кашину тянути. А его ти не обидѣти. А имешь его обидети, мнѣ его отъ тебе боронити»⁶²⁷. В грамоте не оговорена судьба Кашина в случае бездетной смерти Василия Михайловича; но, поскольку его отчина высвобождалась из-под юрисдикции Твери и кашинский князь становился непосредственным вассалом Дмитрий Ивановича, в такой ситуации должно было действовать древнее право великого князя Владимир-

ского на выморочные княжества. Тем не менее Кашин достался не ему, а тверскому князю.

1399 г. датируется дошедший до нас текст dokonчания Михаила Александровича с Василием Дмитриевичем Московским⁶²⁸. Здесь, в отличие от договора 1375 г., тверской князь именуется просто «братом», а не «молодшим братом» московского; сохранено обязательство тверских князей не претендовать на Великое княжение Владимирское, даже если татары будут им его «давати»⁶²⁹. Поскольку дошедшая до нас грамота адресована Василием Михаилу, обязательства московских князей по отношению к тверским не сохранились. Но в договоре 30-х гг. XV в. Василия II с Борисом Александровичем Тверским (в этом случае имеется, наоборот, грамота тверского князя московскому) теми же словами, какими в грамоте 1399 г. говорится об отказе тверских князей от претензий на Москву, великое княжение и Великий Новгород, декларируется отказ московских князей претендовать на «Тфърь и Кашин»⁶³⁰; поэтому можно полагать, что несохранившаяся грамота 1399 г. с перечнем обязательств московских князей также содержала признание принадлежности Кашина Тверскому княжеству.

Таким образом, dokonчание 1399 г. касалось, по-видимому, обоих пунктов соглашения 1375 г., нарушенных Тверью после похода Тохтамыша. В отношении Великого княжения Владимирского была подтверждена договоренность 1375 г., пункт же о Кашине был сформулирован прямо противоположным образом. Кроме того, московский князь признавал независимость Твери: это выражалось в именовании Михаила Александровича «братом» и признании за ним права самостоятельных сношений с Ордой⁶³¹. Однако можно ли считать, что урегулирование московско-тверских отношений новым договором состоялось только в 1399 г.? Есть основания для отрицательного ответа на этот вопрос.

В dokonчании 1399 г. имеется пункт: «А что есмя воевал со царем, а положит на нас в том царь виноу, и тобъ, брате, в том намъ не дати ничего, ни твоим дѣтем, ни твоим внучатом, а в том намъ самимъ вѣдатися»⁶³². У Василия было в XIV столетии лишь одно столкновение с Ордой — поход его брата Юрия Дмитриевича «на Болгары». Но во-первых,

это не была война с самим ханом, а договор 1399 г. в другом своем пункте четко разделяет вообще «рать татарскую» и рать, возглавляемую «царем»: «А по грѣхомъ, поидет на нас царь ратию, или рать татарская...»⁶³³. Во-вторых, и главное, этот поход имел место в конце 1399 г.⁶³⁴, уже после смерти Михаила Александровича (26 августа 1399 г.)⁶³⁵. Очевидно, что упоминание «войны с царем» может иметь в виду только события 1382 г., когда действительно «сам царь» явился с войском в Северо-Восточную Русь и московские князья, хотя и не приняли генерального сражения, оказали ему вооруженное сопротивление. Следовательно, пункт договора 1399 г. о возможных последствиях войны московского князя, от лица которого исходит грамота, с царем взят из dokonчания Михаила Александровича и Дмитрия Ивановича, заключенного после похода Тохтамыша⁶³⁶. Нарушение Михаилом обязательства не претендовать на великое княжение и неясная после смерти Василия Михайловича судьба Кашина требовали обновления договора. Датировать это не дошедшее до нас московско-тверское dokonчание следует, скорее всего, 1384 г., временем вскоре после возвращения Михаила из Орды, где Тохтамыш отказался отдать ему Великое княжение Владимирское, но, очевидно, предоставил право на выморочное Кашинское княжество и дал санкцию на независимость Твери от московского князя. Михаил вынужден был подтвердить свой отказ от претензий на великое княжение, а Дмитрию пришлось признать равный статус тверского князя и его права на Кашин.

Примечательно, как в целом сказано в договоре 1399 г. (а следовательно, очень вероятно, уже в 1384 г.) об отношениях с Ордой: «А быти нам, брате, на татары, и на Литву, и на нѣмци, и на ляхи заодинѣ. А по грѣхомъ, поидет на нас (то есть на московских князей. — *А. Г.*) царь ратию, или рать татарская, а всяду на конь самъ и своею братьею, и тобѣ, брате, послати ко мнѣ на помочь свои два сына да два брата-нича, а сына ти одного у себя оставити... А что есмь воевал со царем, а положит на нас в том царь виноу, и тобѣ, брате, в том намъ не дати ничего, ни твоим дѣтем, ни твоим внучатом, а в том намъ самимъ вѣдатися»⁶³⁷. С одной стороны, оборонительная война с татарами, в том числе и с их царем, вос-

принимается как само собой разумеющееся дело. С другой стороны, наступательные действия (как в договоре 1375 г.) не предусматриваются, и разграничиваются два варианта татарских походов: просто «рать татарская» и поход, возглавляемый самим царем. Война с царем, несмотря на ее допустимость, расценивается как провинность перед сюзереном, за которую тот вправе потребовать особую плату («вина» в данном случае имеет смысл именно платы за вину, то есть штрафа за совершенную провинность⁶³⁸).

Сопоставление «ордынских статей» договоров 1375 г. с Тверью, 1381 г. с Рязанью и 1399 (1384) г. с Тверью показывает «медленное отступление» с позиции, занятой после «розмирья» с узурпатором-Мамаем: от допустимости наступательных действий против Орды через формулировку общего характера (с уклоном в оборону) к чисто оборонительному соглашению. Тем не менее это отступление не было возвратом к ситуации, существовавшей до «замятни»: война с татарами рассматривается в общем ряду с войной против других иноземных соседей.

Таким образом, поход Тохтамыша, при всей тяжести понесенного Москвой удара, не был катастрофой. С политической точки зрения он не привел к капитуляции Москвы, а лишь несколько ослабил ее влияние в русских землях. Что касается сферы общественного сознания, то неподчинение великого князя Дмитрия узурпатору Мамаю еще не привело к сознательному отрицанию верховенства ордынского царя. С приходом к власти в Орде законного правителя, правда, была предпринята осторожная попытка построить с ним отношения, не прибегая к уплате выхода (формальное признание верховенства, но без фактического подчинения). Война 1382 г. привела к срыву этой попытки, но данный факт не оставил непоправимо тяжелого следа в мировосприятии: фактически было восстановлено «нормальное» положение — законному царю подчиняться и платить дань не зазорно.

Несмотря на то что в 1384 г., явно для погашения взятых Москвой обязательств по уплате выхода, собиралась «дань тяжелая»⁶³⁹, Василий Дмитриевич продолжал удерживаться в Орде: вероятно, Тохтамыш опасался новых проявлений нелояльности со стороны Дмитрия Донского. В конце 1385 г.

Василий сумел бежать в Подолию, оттуда перебрался в Литву и 19 января 1388 г. вернулся в Москву⁶⁴⁰. После этого великий князь почувствовал себя раскованнее и сразу же вмешался в нижегородские дела, до этого находившиеся под контролем Тохтамыша.

Уходя из русских пределов в 1382 г., хан отпустил одного из находившихся у него сыновей Дмитрия Константиновича Нижегородского — Семена — со своим послом (ханским шурином Шихматом) к отцу, а другого — Василия — увел с собой. Это было в начале сентября, а еще той же осенью 1382 г. брат Дмитрия Константиновича Борис, княживший в Городец, поехал в Орду. На следующий год к нему присоединился сын — Иван Борисович, и тогда же Дмитрий Константинович послал в Орду Семена⁶⁴¹. По-видимому, Борис Константинович предъявил претензии на Нижний Новгород, стараясь обвинить старшего брата, тестя Дмитрия Донского, в союзничестве с московским князем, а Дмитрий Константинович пытался противодействовать проискам брата. Неизвестно, какое решение принял бы Тохтамыш, но 5 июля 1383 г. Дмитрий Константинович умер, и «царь же Тохтамыш то слышавъ въ Ордѣ преставление его вдасть княжение Нижнего Новагорода князю Борису»⁶⁴². Борис, как следующий за Дмитрием по старшинству среди князей суздальско-нижегородского дома, теперь с полным правом занял главный из столов, принадлежащих этой княжеской ветви.

Весной 1386 г. Борис Константинович вновь ходил в Орду и вернулся «тое же осени»⁶⁴³; в том же году Василий Дмитриевич пытался бежать из Орды, но был схвачен⁶⁴⁴. Очевидно, визит Бориса преследовал цель способствовать нейтрализации племянника — возможного соперника. Примерно в конце следующего, 1387 г. Борис послал в Орду своего сына Ивана, и после этого «прииде из Орды князь Василей Дмитриевичъ Суждальскый, и поручи ему царь, вда ему Городецъ»⁶⁴⁵. Городец был прежде уделом Бориса Константиновича: очевидно, Борис хотел передать его сыну, но Тохтамыш не пожелал чрезмерно усиливать нижегородского князя и пожаловал Городец Василию. Сразу же после этого Василий и его брат Семен «собравше вои многи съ своеи отчины, Суждальцы и Городчане, а у князя великого Дмитрия

Ивановича испросиша себѣ силу, рать можаискую и звенигородскую и волотъскую, и приидоша къ Новугороду Нижнему на своего дядю въ великое говѣнье, марта въ 10 день, во вторникъ на похвальной недѣли, и стояша 5 день и умиришася; князь Борисъ сступиися имъ волостей Новгородскихъ, а они ему отступишася его удѣловъ»⁶⁴⁶. Исследователи единодушно считают, что после мартовского 1388 г. похода на Нижний Новгород нижегородским князем стал Василий Дмитриевич, а Борис вернулся в Городец⁶⁴⁷. Но летописный рассказ не дает оснований для такого вывода — в нем говорится не о занятии Василием нижегородского стола⁶⁴⁸, а об уступке Борисом племянникам «волостей новгородских», то есть какой-то части территории Нижегородского княжества⁶⁴⁹. В обмен Борису были возвращены «его уделы» — очевидно, какие-то территории в пределах Городецкого или Суздальского княжеств⁶⁵⁰. Правда, существует серия монет, приписываемых Василию Дмитриевичу, в которых он именуется «великим князем»⁶⁵¹. Но даже если их атрибуция Василию Кирдяпе верна (есть точка зрения, что это монеты Василия Дмитриевича Московского⁶⁵²), это может свидетельствовать не о вытеснении Василием Бориса из Нижнего Новгорода, а о том, что после получения «волостей новгородских» он стал считаться совладельцем Нижегородского княжества и тоже обрел право на титул великого князя.

Под 6897 г. в Рогожском летописце и Симеоновской летописи читается известие о новой поездке Бориса в Орду: «Того же лѣта князь Борисъ Костянтиновичъ ходилъ въ Орду, а въ то время царь Токтамышъ пошелъ на воину ратию на Темирь Аксака, князь же Борисъ стаже его на пути и иде съ нимъ въ дорогу 30 дней и потомъ царь, пошадѣвъ его, и уверну его отъ мѣста, нарицаемого отъ Оурукътана, и повелѣ ему безъ себе пребыти и дождати своего пришествиа въ Сарае, и самъ шедъ воева землю Темирь Аксакову и градъ его далнии повоева, а самого не возможе дойти и възвратися пакы въ свои улусъ»⁶⁵³. Традиционно этот визит связывается со смертью Дмитрия Донского 19 мая 1389 г.: великий князь Московский и Владимирский в 1388 г. поддержал Василия и Семёна Дмитриевичей, придав им воинскую силу для похода на Нижний Новгород; теперь, когда Дмитриевичи лишились

своего зятя и покровителя, Борис отправился к Тохтамышу с целью отмены невыгодного для него соглашения с племянниками в марте 1388 г.⁶⁵⁴ Но дело в том, что, хотя в летописях о поездке Бориса говорится после сообщения о смерти Дмитрия Ивановича, на самом деле она имела место ранее: поход Тохтамыша на Тимура, в котором пришлось принять участие нижегородскому князю, датируется концом 1388 — началом 1389 г.⁶⁵⁵; летописец поставил сообщение о поездке Бориса и походе Тохтамыша между известиями, имеющими даты 19 мая и 21 июля 6897 г., очевидно, потому, что именно в этот отрезок времени пришла весть о возвращении Тохтамыша «в свой улус». Таким образом, Борис отправился за помощью к хану вскоре после столкновения с племянниками в 1388 г., еще при жизни Дмитрия Донского. Очевидно, он нес жалобу на племянников и их зятя и покровителя — великого князя.

В Новгородской IV и Софийской I летописях под 6897 г. имеется известие: «Князь Василей Дмитриевич оуѣха отъ царя Тахтамыша за Яикъ»⁶⁵⁶. На это сообщение недавно обратил внимание Я. С. Лурье. Не сомневаясь, что речь идет о сыне Дмитрия Донского, он предположил, что в момент смерти отца Василий Дмитриевич находился в Орде; с этим обстоятельством, по мнению Я. С. Лурье, связано ограничение наследственных прав Василия в духовной грамоте Дмитрия Ивановича: судьба его старшего сына была неясна⁶⁵⁷. Но в Северо-Восточной Руси было два князя Василия Дмитриевича — московский и нижегородский; прежде всего нужно определить, какой из них имеется в виду⁶⁵⁸.

И летописи, восходящие к Троицкой (или ее протографу) — Рогожский летописец, Симеоновская летопись, Московский свод конца XV в., Ермолинская летопись, — и Новгородская первая летопись младшего извода (содержащая новгородский свод начала XV в.), и Новгородская IV с Софийской I летописи, имевшие общий протограф, в котором был соединен материал новгородского свода начала XV в. с текстом, восходящим к Троицкой летописи, указывают, что сын Дмитрия Московского вернулся в Москву 19 января 1388 (6795 мартовского) года⁶⁵⁹. 16 мая 1389 г., за три дня до смерти Дмитрия, у великого князя родился сын Константин,

«и крести его князь Василей, братъ его старѣишии, да Мария Васильева тысяцкого»⁶⁶⁰. Очевидно, что старший сын Дмитрия в момент кончины отца находился при нем, никакой неясности по поводу его судьбы не было. 15 августа 1389 г. Василий был посажен Тохтамышевым послом Шихматом на Великое княжение Владимирское⁶⁶¹. Промежуток от 19 мая до 15 августа, может быть, и достаточен, чтобы совершить поездку за Яик и обратно. Но Тохтамыш летом 1389 г. был в Поволжье, и в это время уехать от него за Яик означало отправиться в противоположном от Руси направлении. Речь явно идет о ситуации конца 1388 — начала 1389 г., когда Тохтамыш находился в походе на Тимура и пребывал восточнее Яика.

Если предположение о том, что под Василием Дмитриевичем, уехавшим от Тохтамыша за Яик, имеется в виду московский князь, наталкивается на неразрешимые хронологические противоречия, то при допущении, что речь идет о Василии Кирдяпе, все становится на свои места. Василий отправился в Орду одновременно со своим дядей, Борисом Константиновичем, чтобы попытаться воспрепятствовать его претензиям. Увидев благосклонное отношение Тохтамыша к Борису, он предпочел уехать и вернуться на Русь⁶⁶².

Пока Борис Нижегородский находился в Орде, а Тохтамыш ходил против Тимура, скончался великий князь Дмитрий Иванович; это произошло 19 мая 1389 г.⁶⁶³ В завещании Дмитрия (написанном незадолго до смерти) в связи с темой московско-ордынских отношений привлекают внимание два пункта. Во-первых, Дмитрий, в отличие от отца и деда, передает своему старшему сыну Василию власть не только над Московским княжеством, но и над Великим княжеством Владимирским: «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великимъ княженьем»⁶⁶⁴. По мнению В. Д. Назарова, такой пункт не мог быть внесен без ведома Орды⁶⁶⁵. Если речь идет об утверждении в Орде духовной грамоты, это явно невозможно: нет оснований говорить о подобном акте даже в отношении духовных Ивана Калиты⁶⁶⁶. Если подразумевается ярлык, выданный Василию на великое княжение заранее, при жизни Дмитрия (что не без оснований можно предполагать для Василия II и Ивана III),

это также сомнительно: Василию пришлось бежать из Орды, после его возвращения в Москву нет данных об обмене посольствами с Тохтамышем, а вступление Василия на владимирский стол сопровождалось приездом посла (причем высокопоставленного — шурина Тохтамышя)⁶⁶⁷; последний, очевидно, и привез ярлык. Что можно предполагать — это то, что будущая передача великого княжения Дмитрием по наследству была оговорена соглашением, заключенным посольством Василия Дмитриевича в Орде в 1383 г. Передача великого княжения по завещанию в качестве отчины как бы завершила процесс слияния Московского и Владимирского княжеств, вехами которого были признание этого факта Литвой (1372) и Тверью (1375 и, после нарушения соглашения Михаилом Тверским, 1384).

Во-вторых, в духовную вошел следующий пункт: «А перемѣнить Богъ Орду, дѣти мои не имуть давать выхода в Орду, и который сынъ мои возмет дань на своем удѣлѣ, то тому и есть»⁶⁶⁸. Незадолго до этого в докончании Дмитрия с Владимиром Андреевичем (25 марта 1389 г.) уже говорилось о возможном освобождении от власти Орды, но несколько иными словами: «А оже ны Богъ избавит, освободит от Орды, ино мнѣ два жеребья, а тебѣ треть»⁶⁶⁹ (речь шла о распределении доходов с территории Московского княжества). Таким образом, в 1389 г. впервые фиксируется надежда, что при жизни нынешнего или следующего поколения отпадет необходимость уплаты выхода. Имеется в виду, скорее всего, повторение ситуации, реально имевшей место в 1374–1380 гг.: новое «неустройство» в Орде должно будет повлечь прекращение платежа дани.

Дмитрий Донской был тем правителем, при котором первенствующее положение Москвы в северных и восточных русских землях перестало жестко, напрямую зависеть от позиции Орды. Усилия Дмитрия Ивановича по превращению Великого княжества Владимирского в «отчину» московских князей увенчались успехом. Восемь лет, с 1374 по 1382 г., Дмитрий правил фактически независимо, в том числе шесть — с 1374 до 1380 г. — даже формально не признавал власти ордынского правителя, бывшего, по представлениям того времени, незаконным. Но идея верховенства законно-

го и реально правящего в Орде хана — «царя», его более высокого в сравнении с великим князем Владимирским статуса, сомнению еще не подвергалась.

Значение военных побед Дмитрия Донского над Ордой — в первую очередь на Куликовом поле — вышло далеко за рамки конкретных политических последствий (которые как раз были неоднозначны — разгром Мамай ускорил восстановление единства Орды, а понесенные русскими войсками потери не позволили эффективно противостоять Тохтамышу); Куликовская битва стала на века примером воинской доблести и вообще одним из ключевых пунктов исторического самосознания великорусской народности. Но, как это ни парадоксально, фактическое признание Ордой своей неспособности поколебать главенствующее положение Москвы в Северо-Восточной Руси стало результатом не Куликовской победы, а в целом неудачного для Дмитрия конфликта с Тохтамышем: законный «царь» был вынужден сделать то, что отказывались делать как прежние легитимные правители, так и Мамай, — признать закрепление Великого княжества Владимирского за московскими князьями. Дмитрию удалось обернуть военное поражение крупнейшей политической победой.

Глава седьмая
Отцовская стратегия, собственная тактика:
Василий Дмитриевич
(1389—1425)

Василий Дмитриевич стал первым великим князем Владимирским, который взошел на свой стол без того, чтобы по смерти предшественника лично съездить за ярлыком в Орду. Очевидно, в Москве были уверены, что у Тохтамыша просто не будет других вариантов, поскольку никто из русских князей не осмелится оспаривать у Василия великое княжение.

В 1391 г. на территорию Орды вторглась армия Тимура. Тохтамыш потерпел серьезное поражение, но жизненно важные центры его государства не подверглись разорению (Тимур не переходил на правобережье Волги)⁶⁷⁰. А в следующем году великий князь Василий Дмитриевич добился крупного успеха — ему удалось овладеть нижегородским княжеством.

Нижегородским князем в это время оставался Борис Константинович. С конца 1388 г., как говорилось выше, он находился в Орде и вернулся в Нижний только в 1391 г. Источники молчат о каком-либо «пожаловании», полученном Борисом от хана, но можно допустить, что «волости», которых он «соступился» племянникам в 1388 г., были ему возвращены, так как позднее, в 1393 г., уже после утери Борисом Нижнего Новгорода, он сохранял владения в Посурье⁶⁷¹.

По поводу того, как происходило присоединение Нижнего Новгорода к владениям великого князя Московского, среди исследователей существует расхождение во мнениях, связанное с тем, что одни летописи говорят об одной поездке Василия в Орду с целью получения Нижегородского княжества, а другие — о двух.

Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев представляли присоединение Нижнего как однократный акт — в 1392 г. Василий Дмитриевич поехал к Тохтамышу, получил ярлык на Нижний Новгород, и осенью того же года Борис Константинович был сведен с нижегородского стола⁶⁷². А. В. Экземплярский, поначалу разделивший такую трактовку событий⁶⁷³, позже склонился к мнению, что после овладения Нижним Василий совершил еще одну поездку к Тохтамышу; если в результате первой он получил ярлык на Нижегородское княжение, то теперь хан «утвердил» за ним Нижний Новгород⁶⁷⁴. Тезис об «утверждении» Нижегородского княжения за Василием в результате второй поездки был повторен А. Е. Пресняковым, причем возвращение великого князя он отнес к 1394 г.⁶⁷⁵ Л. В. Черепнин высказался в пользу тезиса, что имела место одна поездка Василия в Орду⁶⁷⁶. Из такого же представления исходит В. А. Кучкин⁶⁷⁷. Я. С. Лурье, напротив, развил точку зрения о «двухэтапности» присоединения Нижнего Новгорода: приехав в Орду в первый раз, в 1392 г., Василий ярлыка не получил, а только заручился поддержкой какой-то части татарской знати; с ее помощью он захватил Нижний; после этого, в 1393 г., Тохтамыш задним числом выдал Василию ярлык⁶⁷⁸.

Итак, главный вопрос, на который замыкается вся дискуссия, — один или два раза побывал Василий Дмитриевич в Орде по поводу Нижегородского княжения.

В Троицкой летописи, по свидетельству Н. М. Карамзина, речь шла об одной поездке, результатом которой и было получение ярлыка на Нижний Новгород⁶⁷⁹. По всей видимости, близкий к Троицкой текст содержат Московский свод конца XV в. и Ермолинская летопись⁶⁸⁰. В них события имеют точную хронологию: 16 июля 1392 г. Василий отправляется к Тохтамышу, 24 октября возвращается с пожалованием в Москву, 6 ноября приходит в Нижний Новгород

и остается там до Рождества⁶⁸¹. Рогожский летописец и Симеоновская летопись (восходящие к тверской редакции общерусского свода начала XV в.) говорят под 6900 г. вроде бы о двух поездках Василия в Орду. Первая закончилась пространно описанным занятием Нижнего Новгорода, про вторую говорится кратко: «тое же осени мѣсяца октября въ 20 день прииде князь великии Василеи Дмитреевичъ на Москву, посажен Богомъ и царемъ. Тактамышъ придасть ему царь къ великому князю Новъгородъ Нижнии съ всѣмъ княжениемъ, и бысть радость велика въ градѣ Москвѣ о приездѣ его»⁶⁸².

Если полагать, что было две поездки, то той, которая описана в Московском своде и Ермолинской летописи, в Рогожском летописце и Симеоновской летописи соответствует вторая, из которой Василий вернулся 20 (по Рогожскому — Симеоновской) или 24 (по Московскому своду — Ермолинской летописи) октября. Следовательно, первая поездка должна была состояться до 16 июля, когда Василий отправился во вторую, окончившуюся в октябре. После первой поездки Василий, согласно Рогожскому — Симеоновской, приехал в Нижний Новгород «по мале времени» после сведения посланными им от Коломны боярами и татарским отрядом со стола Бориса Константиновича, то есть маршрут передвижений великого князя был таким же, как во время второй поездки (Москва — Орда — Москва — Нижний Новгород — Москва). Следовательно, первая поездка должна была занять примерно столько же времени, сколько вторая, длительность которой (без учета пребывания Василия в Нижнем) — 113 дней. Предположим, что Василий в первый раз был в Нижнем недолго и вся его первая поездка заняла четыре месяца. Это значит, что выехать во вторую 16 июля он мог в случае, если отправился в первую в начале марта, то есть в первые дни 6900 мартовского года, и, вернувшись из Нижнего в Москву, тут же, без передышки, вновь поехал в Орду. Слишком много натяжек. Гораздо проще объяснить наличие в Рогожском — Симеоновской двух известий о возвращении Василия из Орды (напомним, что второе известие говорит только о возвращении) тем, что первый, пространный рассказ о присоединении Нижнего, содержащий явную антимо-

сковскую направленность, вышел из-под пера составителя тверской обработки свода начала XV в.⁶⁸³ (являвшейся протографом Рогожского — Симеоновской), а второе, краткое известие восходит к самому этому своду (то есть Троицкой летописи или ее протографу). Поскольку об отъезде Василия в Орду и о приходе его в Нижний Новгород уже говорилось в пространном рассказе, составитель протографа Рогожского — Симеоновской не стал повторять эти сведения (они вошли в состав Московского свода и Ермолинской летописи), а оставил только сообщение о приходе Василия 20 октября в Москву с пожалованием и о радости в столице.

Но памятники, связанные с новгородским летописанием, также дважды говорят о поездках Василия в Орду. В НЛ под 6900 г. сначала говорится, что «вышел из Орды князь великий Василии Дмитриевичъ и взя Нижний Новъгород и пойма князѣи и княгинь в таль; а князь Семеонъ бѣжа в Орду». Ниже (после нескольких известий о новгородских событиях) сказано, что «того же лѣта пошелъ князь великий Василии Дмитриевич в Орду, позванъ цесаремъ»⁶⁸⁴. Но статья 6900 г. составлена из нескольких коротких сообщений, не выстроенных в строго хронологическом порядке: после второго известия о поездке Василия в Орду следует упоминание о событии, происшедшем в июне⁶⁸⁵. Поэтому вероятно, что в новгородский свод начала XV в. (протограф НЛ) попало два известия о поездке Василия из разных источников. Поскольку в одном из них говорилось только об отъезде великого князя (с акцентом на то, что он был вызван ханом), а в другом только о возвращении и взятии Нижнего Новгорода, сводчик не разобрался, что речь идет о разных фазах одной поездки, и поместил их отдельно, при этом известие об отъезде оказалось поставлено позже известия о возвращении.

Новгородская IV и Софийская I летописи (восходящие, напомним, к общему протографу — так называемому Новгородско-Софийскому своду) дают под 6900 г., после описания происшедшего в мае — июне (то есть там, где в НЛ помещено второе сообщение о поездке Василия в Орду), следующее известие: «Ходилъ князь великий Василеи Дмитриевичъ въ орду къ царю Тахтамышю, и вышелъ из орды на великое княжение, и ходи подъ Нижнии Новъгородъ ратью и взя градъ

за себѣ, а князеи и княгинь поима въ таль, а князь Семионъ Дмитриевичъ оубѣжа в орду»⁶⁸⁶. Очевидно, что оно восходит к тому же источнику, что и первое известие в НЛ. Кроме того, Новгородская IV летопись в начале статьи 6900 г. содержит сообщение о поездке Василия, дословно совпадающее с НЛ: «Того же лѣта, вышедъ из орды, князь Василеи Дмитриевичъ взя Нижний Новгородъ и поима князи и княгинь в таль, а князь Семионъ бѣжа в орду»⁶⁸⁷. В Софийской I его нет, и, следовательно, Новгородско-Софийский свод сохранил под 6900 г. одно известие о поездке Василия в Орду и взятии Нижнего Новгорода, восходящее, как и первое известие НЛ, к новгородскому своду начала XV в. Под 6901 г. в Новгородской IV и Софийской I летописях читается другое известие о поездке Василия, причем она подается именно как вторая поездка: «Ходи въ другеи рядъ князь Василеи в орду къ царю, и онъ ему далъ Новгородское княжение Нижняго Новагорода, Муромъ, Мещеру, Торусоу»⁶⁸⁸. Сразу же после этого говорится: «а Бектут царевичъ взял ратью Вятку. И князь Борисъ преставися Костянтиновичъ»⁶⁸⁹. Однако Троицкая летопись относит поход Бектута к 6899 г., а смерть Бориса — к 6 мая 6902⁶⁹⁰; последнее подтверждается тем фактом, что еще 8 декабря 6901 г. Борис выдал жалованную грамоту на земли в Посурье⁶⁹¹. Похоже, что в Новгородской IV — Софийской I летописях под 6901 г. дан комплекс известий о «средневожско-вятских» событиях, происшедших в разное время. В таком случае сообщение о пожаловании Василию Нижнего Новгорода и иных земель является еще одним вариантом известия о получении великим князем ярлыка на Нижегородское княжение, имевшем место в 1392 г.; составил протограф Новгородской IV — Софийской I летописей принял его за известие о другой поездке Василия (возможно, потому, что в его общем с НЛ младшего извода источнике говорилось о двух поездках).

Таким образом, нет оснований полагать, что подчинение Нижегородского княжения Василию I было двухэтапным. Была одна поездка Василия в Орду летом — осенью 1392 г. Тохтамыш в это время нуждался в средствах после удара, нанесенного ему Тимуром; поэтому известие НЛ, что Василий был «позван цесарем», возможно, является свидетельством

того, что инициатива переговоров о покупке ярлыка исходила от хана. Предложил ли Нижний Новгород Тохтамыш, или это было «встречное предложение» оценившего ситуацию Василия, судить трудно. Во всяком случае, московский князь имел определенные права именно на Нижегородское княжество. Во-первых, его мать, вдова Дмитрия Донского Евдокия, была дочерью Дмитрия Константиновича, то есть Василий приходился внуком прежнему великому князю Нижегородскому. Во-вторых, Нижегородское княжество только с 1341 г. находилось во владении князей суздальской ветви: до этого оно входило в территорию Великого княжества Владимирского; таким образом, в 1392 г. Нижний был как бы возвращен в число великокняжеских владений.

Одновременно с Нижегородским княжением Василием были получены Муром, Мещера и Таруса⁶⁹². Если в Мещере правили местные князьки типа мордовских (об одном из них, Александре Уковиче, упоминают московско-рязанские докончания⁶⁹³), то Таруса и Муром были столицами русских княжеств. Тарусские князья упоминаются в договоре Василия с Федором Ольговичем Рязанским 1402 г. и более позднем (1434) московско-рязанском докончании⁶⁹⁴. Очевидно, утратив самостоятельность, они стали служилыми людьми московского князя. О судьбе муромских князей ничего не известно. В 1385 г. Дмитрий Донской посылал войска одновременно на Рязань и Муром⁶⁹⁵; вероятно, муромский князь в это время был союзником Олега Рязанского (вражда которого с Москвой не прекращалась с 1382 г., когда Олег помог Тохтамышу, — примирение состоялось только после безуспешного московского похода на Рязань в 1385 г. при посредничестве Сергия Радонежского⁶⁹⁶). Нет данных, было ли связано получение ярлыка на Муром с прекращением династии муромских князей или осуществлено при их жизни (как это было с Нижним Новгородом и Тарусой).

После перехода Нижнего Новгорода под власть Василия I в оппозицию к московскому князю встали недавние противники Бориса Константиновича — Василий и Семен Дмитриевичи, которые теперь лишались возможности самим овладеть Нижегородским княжением. Новгородская I, Новгородская IV и Софийская I летописи сообщают о бегстве

Семена в Орду сразу же по занятии Василием I Нижнего Новгорода⁶⁹⁷. Согласно Троицкой, Василий и Семен Дмитриевичи бежали в июне 1394 г., после смерти Бориса Константиновича, «изъ Суждаля къ Орде зѣло вскоре и гонишася за ними и не могоша постигнута»⁶⁹⁸. В данном случае нет оснований подозревать дублирование известий. С одной стороны, датировка бегства Дмитриевичей подтверждается известием 1402 г., согласно которому Семен (вернувшийся в этом году на Русь) пребывал в Орде 8 лет⁶⁹⁹, с другой — сообщение 1392 г. (восходящее к новгородскому своду начала XV в.) говорит о бегстве только младшего из братьев. По-видимому, Семен вначале бежал в Орду сразу после присоединения Нижнего к Москве, но вскоре вернулся (возможно, Василий Московский каким-то образом удовлетворил или пообещал удовлетворить его владельческие притязания). После же смерти Бориса Дмитриевичи, вероятно, рассчитывали на поддержку Тохтамышем их притязаний на владения умершего князя (в том числе, как показывают позднейшие действия Семена, и на сам Нижний Новгород).

Василий Дмитриевич после 1394 г. упоминается всего однажды — под 6911 г.: «тое же зимы преставися князь Василий Дмитриевичъ Суждальский, иже на Городце был»⁷⁰⁰. Очевидно, он примирился с московским князем и продолжал княжить в Городце до конца дней⁷⁰¹. Семен же до 1402 г. служил «8 лѣт... въ Ордѣ не почивая четыремъ царемъ: Тохтамышу, Темирь-Аксаку, Темирь Кутлюю, Шадибеку, а все поднимая рать на князя великого, како бы налѣсти свое княжене»⁷⁰².

В 1395 г. в результате второго похода Тимура на Орду Тохтамыш был разгромлен; Тимур провозгласил ханом Орды Куюрчака, но вскоре тот был вытеснен Тимур-Кутлуком. Тохтамыш, вначале обосновавшийся было в Крыму, бежал в Литву. Формально власть перешла к Тимур-Кутлуку, но фактическим правителем Орды стал эмир Едигей. Он непрерывно оставался у власти до 1411 г., поставляя ханов по своему усмотрению⁷⁰³. Как и в случае с Мамаем, это хорошо осознавалось и подчеркивалось на Руси: «Едегѣи... преболи всѣхъ князи ординьскихъ, иже все царство единъ держаше и по своей волѣ царя поставляйте, его же хотяше»⁷⁰⁴.

Первым таким «царем» был Тимур-Кутлук (1396—1400). Главной задачей его и Едигея было продолжение борьбы с Тохтамышем, получившим поддержку великого князя Литовского Витовта (тестя Василия Дмитриевича). Решающая битва произошла на реке Ворскле 12 августа 1399 г.: Витовт был разгромлен⁷⁰⁵. Согласно Троицкой летописи, между великим князем Литовским и Тохтамышем было заключено соглашение, что хан в благодарность за помощь в восстановлении его власти посадит Витовта «на княженьи на великом на Москве»⁷⁰⁶. Трудно судить, насколько это свидетельство отражает реальность. Возможно, перед нами домысел московского летописца: до завершения работы над протографом Троицкой летописи отношения с Литвой продолжали оставаться враждебными.

Что касается кануна битвы на Ворскле, то в это время Витовт активно претендовал на сюзеренитет над Новгородом Великим (в условиях, когда новгородцы вошли в конфликт с Василием Дмитриевичем из-за Двинской земли)⁷⁰⁷. В противовес действиям великого князя Литовского Василий летом 1399 г. укрепил отношения с Тверским княжеством, обновив договор своего отца с Михаилом Александровичем: в новом докончании предусматривались совместные действия против Литвы⁷⁰⁸. С Ордой, однако, в этот период сотрудничества не было. Напротив, вскоре после разгрома Витовта на Ворскле, 25 октября 1399 г., Семен Дмитриевич с ордынским царевичем Ентяком захватили Нижний Новгород. Вскоре им пришлось покинуть город, опасаясь приближения московских войск. Эти войска возглавлял брат Василия Юрий Дмитриевич. Он совершил трехмесячный поход на Среднюю Волгу, в ходе которого были взяты города Булгар, Жукотин, Казань, Кременчуг⁷⁰⁹. Насколько Среднее Поволжье тогда подчинялось Едигею — неясно, но поскольку Ентяк позже был послом в Москву от Шадибека и Едигея, вероятно, и в 1399 г. он действовал с санкции последнего.

В конце 1401 г. Василий послал своих воевод «искать» жену Семена Дмитриевича. Войска прошли через мордовскую территорию и «изнимаша» княгиню «въ татарьской земле». Узнав об этом, Семен в следующем году приехал из Орды

в Москву, примирился с великим князем и был отправлен в ссылку на Вятку, где в конце того же года умер⁷¹⁰. В московских действиях не заметно какой-либо оглядки на позицию Орды, поддерживавшей Семена. В заключенном 25 ноября 1402 г. договоре Василия с Федором Ольговичем Рязанским содержится уникальная формулировка: «А отдалится от нас Орда, тобъ (Федору. — *А. Г.*) с нами учинити по думе»⁷¹¹. Очевидно, в условиях внутриордынской борьбы и пребывания там реальной власти в руках незаконного правителя в Москве возникли надежды, что отношения зависимости уйдут в прошлое сами собой.

Но в 1403 г. последовало посольство в Москву Ентяка, а в 1405 г. еще одного посла — «казначея царева»⁷¹². И позже (1406—1408) ордынские отряды принимали участие в военных конфликтах Василия с Витовтом⁷¹³. Очевидно, переговоры 1403 и 1405 гг. привели к заключению какого-то соглашения. В чем оно состояло, можно судить исходя из последующих событий.

В ноябре 1408 г. Едигей внезапно двинулся на Москву, введя Василия в заблуждение утверждением, что идет на Витовта. Узнав о приближении татар, великий князь отправил к Едигею посла Юрия, который был захвачен правителем Орды. Василий, не дожидаясь подхода противника к Москве, отъехал в Кострому. Подойдя к столице 1 декабря, Едигей распустил войско по великокняжеским владениям. Были взяты Коломна, Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец (два последних — вторгшимся в московские владения отдельно от главных сил отрядом). Погоня, предпринятая за Василием, оказалась безуспешной. Едигей простоял у Москвы двадцать дней, не предпринимая штурма⁷¹⁴. На сей раз город был лучше подготовлен к осаде, чем в 1382 г.: в нем оставались дядя Василий Владимир Андреевич Серпуховский, а также братья великого князя Андрей и Петр. Очевидно, правитель Орды ждал возвращения разошедшихся отрядов и не спешил атаковать хорошо укрепленный Кремль. Но тем временем некий «царевич» попытался свергнуть оставшегося в Орде хана Булата (посаженного на престол Едигеем в предыдущем, 1407 г.)⁷¹⁵. Получив весть об этом, Едигей решил вернуться; поскольку осажденные не

знали о случившемся в Орде, правитель вытребовал у них «окуп» в 3000 рублей, после чего отправился восвояси⁷¹⁶.

Причины похода изложены в послании (так называемом ярлыке Едигея), наиболее ранний текст которого содержится в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях⁷¹⁷. Отсутствие внелетописных списков этого произведения⁷¹⁸ породило некоторую осторожность исследователей по отношению к нему. Так, Л. В. Черепнин именовал послание «литературно обработанным ярлыком»⁷¹⁹, Я. С. Лурье то писал, что ярлык, «по всей видимости, подлинный»⁷²⁰, то оговаривался, что до находки его списков, предшествовавших текстам Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей, «мы не можем сказать, подлинный это документ или плод литературного творчества»⁷²¹. Ч. Дж. Гальперин решительно, но без развернутой аргументации высказался в пользу того, что послание является подделкой (forgery)⁷²².

Первое специальное исследование послания было принято востоковедом А. П. Григорьевым. Обоснованно указав вначале, что этот памятник неверно именовать ярлыком⁷²³, автор в результате анализа текстов, содержащихся в Новгородской Карамзинской, Новгородской IV, Архивской, Никоновской летописях и в издании СГГД, пришел к выводу, что «письмо Едигея» — русский политический памфлет середины XV в. Оно сочинено во время составления летописного «свода 1448 г.», легшего в основу Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей⁷²⁴.

В суждениях по поводу возможного времени появления текста послания А. П. Григорьев опирался на мнение Я. С. Лурье о составлении так называемого Новгородско-Софийского свода (протографа Новгородской Карамзинской, Новгородской IV и Софийской I летописей) в 1448 г.⁷²⁵ Но сам Я. С. Лурье позже отказался от такой датировки и отнес появление этого свода к 30-м гг. XV в.⁷²⁶ Другие авторы датируют его 1423 или 1418 г.⁷²⁷ Все соображения А. П. Григорьева о связи появления памятника с событиями в Московском великом княжестве в 1446—1447 гг. не имеют поэтому доказательной силы — текст появился гораздо ранее.

Не кажутся убедительными и аргументы автора, призванные показать несоответствие текста послания реалиям 1408 г.

А. П. Григорьев считает ошибочным указание на укрывательство в Москве детей Тохтамышша (погибшего в 1406 г.), так как известие Ибн Арабшаха об уходе Джелал-ад-дина и Керим-Берди «в Россию»⁷²⁸ не обязательно расценивать как бегство на территорию Московского великого княжества⁷²⁹. Но даже если полагать, что в указанном случае речь шла об уходе этих двух Тохтамышевичей на русские земли Великого княжества Литовского, это не значит, что в Москве не мог временно укрываться никто из многочисленных⁷³⁰ детей Тохтамышша⁷³¹.

А. П. Григорьев видит противоречие между сообщением Рогожского летописца, что Едигей через своего посла уведомил Василия о своем намерении идти на Витовта, и указанием письма на прием в Москве Тохтамышевичей как причину похода. Автор почему-то убежден, что в обоих источниках речь идет об одном уведомлении⁷³². Между тем очевидно, что ложная весть о походе на Витовта была отправлена в начале кампании, а изучаемое послание — тогда, когда уже произошла «гибель христиан» (упоминаемая в его тексте), то есть во время осады Москвы или после отхода от нее⁷³³.

А. П. Григорьеву кажется, что полон несуразностей раздел послания об отношениях Василия с ханами. Он начинается с упоминания о Тимур-Кутлуке, хотя Василий стал великим князем при Тохтамышше; Булат правил ко времени похода не третий год, а второй; утверждение, что Василий никого не посылал в Орду за период от Тимур-Кутлука до Булата включительно, не соответствует указанию Рогожского летописца и Симеоновской летописи, что послы великого князя в Орде бывали⁷³⁴. Однако перечень ханов начинается с Тимур-Кутлука, поскольку речь в нем идет о нелояльности Василия к Орде при ханах — ставленниках Едигея; Тохтамыш таковым не был, и при нем великий князь нелояльности не проявлял⁷³⁵. Неточности в указании срока правления Булата (хотя и ее наличие было бы недостаточным для подозрения в фальсификации — не исключена ошибка при переводе письма на русский язык или последующей переписке), вероятно, нет: речь может идти не об абсолютном количестве лет, а о конкретных годах; Булат был на престоле уже летом 1407 г.⁷³⁶, то есть, возможно, взшел на него еще в конце 809 г. хиджры, закончившегося 7 июня, а в декабре 1408 г. шел 811 год

хиджры⁷³⁷. Что касается посольств в Орду, то внимательное прочтение послания убеждает, что и здесь нет отступлений от реальности.

Согласно тексту, при Тимур-Кутлуке Василий «оу царя въ Ордѣ еси не бываль, царя еси не видал, ни князей, ни старѣиших боярь, ни менших, ни оного еси не присыльваль», и действительно, в 1396—1400 гг. не фиксируется мирных контактов Москвы с Ордой. В отношении царствования Шадибека сказано только, что «у того еси тако же не бываль, ни брата, ни сына ни с которымъ словомъ не посыльваль»; о «больших» и «меньших» московских боярах не говорится — очевидно, они в это время в Орде бывали, через них и поддерживались контакты (установленные, по-видимому, во время посольства Ентяка 1403 г.). Про царствование Булата написано, что Василий у него «такое же еси не бываль, ни сына, ни брата и старѣишаго боярина» (пропущено сказуемое «не посыльваль»). Не названы «меньшие бояре», очевидно, потому, что после выступления Едигея в поход в Орду приехал Юрий, отнесенный именно к этой категории. Таким образом, послание абсолютно точно в описании деталей московско-ордынских контактов в 1396—1408 гг.

А. П. Григорьев считает, что боярин Федор Кошка, упомянутый в послании как сторонник подчинения Орде, не мог быть знаком Едигею, так как последний раз он упомянут в 1389 г., а его сын Иван Федорович, представленный как человек, дурно влияющий на Василия в вопросе отношений с Ордой, не занимал в действительности первенствующего положения при великом князе, так как в Тверском сборнике он упомянут лишь пятым в перечне бояр, оставшихся в 1408 г. сидеть в осаде⁷³⁸. Вообще-то Федор Кошка упомянут последний раз под 1393 г.⁷³⁹ Но дело не в этом: Едигею не обязательно было знать его лично, он мог слышать о добром отношении этого боярина к Орде от татар, служивших прежде Тохтамышу (то есть в период, когда дань исправно уплачивалась). Иван Федорович действительно не упомянут первым среди московских бояр, и не только в Тверском сборнике; в первой духовной грамоте Василия Дмитриевича (1406—1407) его имя стоит шестым в перечне свидетелей, в двух позднейших — четвертым⁷⁴⁰. Но из послания и не сле-

дует, что Иван являлся вторым человеком в государстве: его роль в отношениях с Ордой раскрывает указание на занимаемую должность — «казначей», то есть тот, кто ведал финансами и, соответственно, вопросом о выплатах в Орду. Очевидно, и отец Ивана (который в духовной грамоте Дмитрия Донского упомянут также далеко не первым⁷⁴¹) выполнял те же обязанности, и его «добрая дума к Орде» реализовывалась в исправной выплате выхода.

Приходится признать, что серьезных аргументов против подлинности послания Едигея не выдвинуто. Другое дело, что дошедшие до нас тексты являют собой его варианты, подвергшиеся редактированию. Сопоставление наиболее ранних текстов (в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях) с позднейшими вариантами (Архивской, Никоновской летописей и издания СГГД)⁷⁴² показало, что в процессе своей литературной истории послание испытало значительные изменения; сводчики относились к нему так же, как к другим летописным текстам, внося исправления и дополнения, сообразуемые со своими представлениями. Поскольку даже наиболее ранние варианты послания — результат по меньшей мере четырехкратного переписывания его текста (при переводе с тюркского на русский, при включении в оригинал Новгородско-Софийского свода, при перенесении в оригиналы Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей, при перенесении в сохранившийся список первой и наиболее ранние списки второй), очевидно, что трудно ожидать от них абсолютного соответствия первоначальному виду письма.

Согласно посланию, причинами похода Едигея явились: 1) укрывательство Тохтамышевых детей; 2) плохое обращение с ордынскими послами и купцами; 3) неявка великого князя в Орду со времени Тимур-Кутлука (то есть за все время правления Едигея); 4) уклонение от уплаты выхода под предлогом того, что «ся улоусь истомиль, выхода взяти нѣ на чемь».

Исследователи⁷⁴³ давно обратили внимание на одно противоречие между посланием Едигея и повестью о его нашествии, содержащейся в Рогожском летописце и Симеоновской летописи и принадлежащей перу автора тверской обработки

общерусского свода начала XV в. (Троицкой). Едигей упрекает Василия в игнорировании мнения «старцев земских», «бояр старейших», стоявших в отношениях с Ордой за «пошлину» (то есть отношения «по старине»⁷⁴⁴). В Рогожском летописце и Симеоновской летописи, наоборот, как раз «старцы» упрекают Василия в дружбе с татарами. Когда татарские отряды приняли участие в войне с Литвой 1406 г., «старцы же сего не похвалиша, глаголюще: добра ли си будеть дума юныхъ нашихъ боярь, иже приведоша половець на помощь... Да не будеть ли си пакость земли нашей на прочая дни, егда Измаилте оусмотривше нарядъ наша земля на ны придуть?» Автор подчеркивает, что «не бяшетъ бо въ то врѣмя на Москвѣ боярь старыхъ, но юнии свѣщевахуть о всемъ», а далее, говоря о нашествии Едигея, упрекает тех, кто хочет «любовь имѣти с иноплеменники»⁷⁴⁵. Помимо разной вроде бы позиции старцев, контрастируют, казалось бы, также упреки Едигея Василию в нелояльности с утверждением автора свода 1412 г. (протографа Рогожского летописца и Симеоновской летописи) о его хороших отношениях с Ордой (подкрепляемым фактами участия татар в московско-литовских конфликтах).

Как сказано выше, противоречий в описании московско-ордынских контактов между посланием Едигея и повестью Рогожского летописца — Симеоновской летописи нет. Нет, следовательно, и оснований подвергать сомнению указание письма, что за весь период правления Едигея Василий не платил выход. В то же время из послания следует, что великий князь не выполнял своих конкретных обязательств по этому поводу. Очевидно, в результате переговоров 1403 и 1405 гг. Василий согласился возобновить уплату выхода, но не делал этого, отговариваясь неплатежеспособностью⁷⁴⁶.

Что касается людей, которые, согласно Рогожскому летописцу и Симеоновской летописи, выступали против союзнических отношений с татарами, то нет оснований рассматривать их как сторонников вражды и борьбы с Ордой. Отношения с последней «по старине» — это признание подчинения царю и регулярная выплата выхода. Василий же и его окружение («юные») вели себя с Ордой, возглавляемой Едигеем, по-иному — дань не выплачивалась, но поддержи-

вался военный союз против Литвы. Это было новым явлением — ранее совместные военные действия с татарами происходили либо «по цареву повелению», либо отряды ордынцев привлекались для борьбы с русскими князьями (то есть одни вассалы хана использовали их в конфликтах с другими). Сторонники же «старины», очевидно, стояли за выплату дани, но против появления в пределах Северо-Восточной Руси татарских войск даже в качестве союзников, то есть за поддержание ситуации, которая имела место при Иване Калите, его сыновьях и Дмитрии Донском до конфликта с Мамаем и после похода Тохтамыша 1382 г.

Таким образом, и послание Едигея, и повесть Рогожского летописца — Симеоновской летописи рисуют одну и ту же картину московско-ордынских отношений в 1396–1408 гг., только с разных точек зрения⁷⁴⁷. В 1396–1403 гг. Василий Дмитриевич вообще не поддерживал контактов с Ордой и даже решился на два похода в глубь ордынских владений. После 1403 г., когда стало ясно, что Орда не «отдалилась», а претендует на ту же роль, что и прежде, политика великого князя сводилась к тому, чтобы уклоняться от уплаты выхода (формально признавая верховенство ханов), но поддерживать с Ордой союзнические отношения на антилитовской почве. Фактически это означало пассивное непризнание зависимости в условиях, когда реальная власть в Орде вновь, как и во времена Мамаея, принадлежала узурпатору. Явным игнорированием сюзеренитета возглавляемой им Орды было принятие в Москве детей врага Едигея — Тохтамыша. Упоминание в послании Едигея о «поднимании на смех» ордынских послов и торговцев, возможно, является свидетельством конкретных проявлений политической линии Василия Дмитриевича, выразившихся в недоброжелательных действиях в отношении ордынцев со стороны великокняжеских людей, а может быть, и более широких слоев населения. Непризнание власти Орды выражалось также в помещении в первом десятилетии XV в. на оборотной стороне монет московской чеканки, где ранее упоминался Тохтамыш, надписи «князь великий Василий всея Руси» (при том, что на лицевой стороне помещалась надпись «князь великий Василий Дмитриевич»)⁷⁴⁸. Все эти действия в конце концов спрово-

цировали попытку Едигея восстановить власть Орды вооруженным путем⁷⁴⁹.

Каковы были политические последствия похода Едигея? В историографии можно встретить утверждения, что зависимость от Орды после этого усилилась, Москве пришлось возобновить выплату дани⁷⁵⁰. Иногда поездка Василия Дмитриевича в Орду в 1412 г. трактуется как следствие похода Едигея⁷⁵¹. Эти суждения представляются, однако, беспочвенными⁷⁵².

Поход Едигея не завершился каким-либо соглашением с Василием: Едигей был вынужден уйти от Москвы из-за обострения ситуации в Орде. Трехтысячная сумма «окупа», которую он взял с москвичей, в два с лишним раза меньше ежегодной дани с великого княжения, установившейся после присоединения Нижнего Новгорода, Муром и Тарусы, — 7 тысяч рублей⁷⁵³ (а задолжал Василий, напомним, за тринадцать лет, то есть 91 тысячу рублей). В 1412 г. Василий отправился в Орду не к Едигею, а к сыну Тохтамыша Джелал-ад-дину (Зеледи-салтан русских источников), который с помощью Витовта в начале 1412 г. разбил хана Тимура (поставленного в 1411 г. на престол Едигеем, но вскоре изгнавшего своего покровителя) и воцарился в Орде⁷⁵⁴. Визит Василия, таким образом, был связан с возвращением на ордынский престол законного правителя и с прекращением власти временщика, то есть с восстановлением «нормальной ситуации в царстве»⁷⁵⁵. Никаких оснований предполагать восстановление выплаты дани в Орду ранее прихода к власти Джелал-ад-дина нет. Отношения с Едигеем до его свержения оставались враждебными. Одним из результатов похода 1408 г. была выдача ярлыка на Нижний Новгород князю Даниилу Борисовичу (сыну Бориса Константиновича). Даниил реально вокняжился в Нижнем и в 1410 г. с «царевичем» Талычем совершил оттуда набег на Владимир⁷⁵⁶. В январе 1411 г. московские войска во главе с братом великого князя Петром Дмитриевичем потерпели поражение от Даниила с братьями и поддерживавших его ордынских войск при Лыскове⁷⁵⁷. Налицо аналогия событий 1408—1412 и 1380—1381 гг. с той разницей, что после воцарения Тохтамыша Дмитрий Донской, имея за плечами Куликовскую победу над временщиком Ма-

маем, не поехал в Орду и не пошел на возобновление выплаты ей дани, а Василий после воцарения Тохтамышевича сделал это. Вело его, впрочем, не только сознание законности власти Джелал-ад-дина, но и прагматические соображения: необходимо было добиваться возвращения Нижнего Новгорода. Василий был, несомненно, хорошо лично знаком с сыновьями Тохтамыша, так как в юности около трех лет прожил в Орде.

Однако нижегородские князья приехали к Джелал-ад-дину раньше Василия и вернулись от него «с пожалованием». Когда же в Орде появился московский князь, на престол уже взошел другой Тохтамышевич — Керим-Берди, убивший брата⁷⁵⁸.

Удовлетворил ли он просьбу Василия? Если бы это было так, следовало ожидать восстановления московской власти в Нижнем Новгороде вскоре после визита великого князя в Орду. Но оно произошло только два с лишним года спустя, зимой 1414—1415 гг., когда Юрий Дмитриевич подступил к Нижнему с крупным войском и нижегородские князья (Даниил и Иван Борисовичи, Иван Васильевич — сын Василия Кирдяпы Дмитриевича и Василий — сын Семена Дмитриевича) бежали за Суру⁷⁵⁹. По-видимому, в 1412 г. Василий не добился пересмотра решения о судьбе Нижегородского княжества (Керим-Берди лишь подтвердил принадлежность московскому князю Великого княжения Владимирского) и вынужден был подчиниться воле законного «царя». Но в 1414 г. к власти в Орде вернулся Едигей, посадивший на престол своего ставленника Чокре (Чекри)⁷⁶⁰. Пожалование Джелал-ад-дина после этого утратило, с московской точки зрения, силу: власть узурпатора здесь по-прежнему не признавали и посчитали возможным провести военную акцию против нижегородских князей. В отличие от аналогичного предприятия 1411 г., завершившегося поражением под Лысковом, она имела успех.

В 1416—1417 гг. нижегородские князья приехали в Москву (надо полагать, из Орды), но через год Даниил и Иван Борисовичи бежали вновь⁷⁶¹. Василий Дмитриевич хотел посадить в Нижнем своего сына Ивана, но тот в 1417 г. умер. Тогда великий князь решил передать нижегородское княжение сы-

ну Ивана Борисовича Александру, ставшему его зятем⁷⁶². Но не позже начала 1423 г. Нижний Новгород вновь непосредственно отошел в состав московских владений, так как в таком качестве он упоминается в духовной грамоте Василия Дмитриевича, датируемой этим временем⁷⁶³.

После 1411 г. Едигей дважды возвращал себе доминирующее положение в Орде: в 1414—1416 (когда на царстве был Чокре) и 1417—1419 гг. (царствование Дервиша; на промежутке между этими ханами пришлось кратковременное правление Витовтова ставленника, сына Тохтамыша Джаббар-Берди). О каких-либо контактах с Москвой в этот период данных нет; военная активность Едигея была направлена на Великое княжество Литовское, так как Витовт поддерживал притязания на власть в Орде его противников⁷⁶⁴. Очевидно, по этой причине нижегородские князья не получили на сей раз помощи от Едигея против Москвы⁷⁶⁵. В конце концов в сражении с одним из ставленников Витовта, еще одним Тохтамышевичем Кадыр-Берди, в 1419 г. временщик был убит, но пал и его противник, и ханом стал Улуг-Мухаммед, также ставленник великого князя Литовского. У него сразу же появилось несколько соперников, и закрепиться на ордынском престоле Улуг-Мухаммед смог только во второй половине 20-х гг.⁷⁶⁶ Как раз на время этой очередной «замятни» в Орде пришлось кончина Василия Дмитриевича (27 февраля 1425 г.) и вокняжение его десятилетнего сына Василия⁷⁶⁷.

Источники не сообщают о ханской санкции на вокняжение Василия Васильевича. Известие о том, что в 1425 г. Василий и претендовавший на великое княжение его дядя Юрий Дмитриевич решили вынести свой спор на суд «царя» («и доконча мир на том, что князю Юрию не искати княженья великого собою, но царем, которого царь пожалует, то будет великий князь»⁷⁶⁸), указывает как будто бы на то, что такой санкции не было. Но когда в 1432 г. Василий и Юрий наконец оказались при дворе Улуг-Мухаммеда, боярин И. Д. Всеволожский (сторонник Василия) обосновывал преимущества юного князя тем, что «князь Юрий Дмитриевич хочет взята великое княжение по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованию волняго царя, а ты воленъ во своем оулусъ кого восхочет жаловати на твоеи волѣ. А государь наш князь

великий Василей Дмитриевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василию, а по твоему же жалованию волняго царя, а оуже господине, которой год съдит на своем столѣ, а на твоём жаловании»⁷⁶⁹ (выделено мной. — А. Г.). А. Е. Пресняков резонно предположил, что, противопоставляя духовной грамоте Дмитрия Донского «жалование» хана, Всеволожский имел в виду ярлык, выданный на имя Василия Васильевича еще при жизни его отца⁷⁷⁰. К этому следует добавить, что ярлык этот был выдан именно Улуг-Мухаммедом («по твоему же жалованию»). Когда мог быть получен такой ярлык?

Уже вскоре после воцарения Улуг-Мухаммеда, в 1422 г., доминирующее положение в Орде получил другой хан — Борак. Он сохранял его примерно до осени 1423 г.⁷⁷¹ В первой половине 1424 г. первенство вновь было у Улуг-Мухаммеда (получившего помощь от Витовта), но затем он оказался вытеснен из степей ханом Худайдатом и в январе 1425 г. (то есть за месяц до смерти Василия Дмитриевича) находился в Литве⁷⁷².

Оба соперника Улуг-Мухаммеда совершали походы в район Одоева — столицы одного из полусамостоятельных русских княжеств в верховьях Оки. Поход Борака имел место осенью 1422 г.: «и града не взя, а полону много повел в поле. И князь Юрь Романович Одоевский да Григорей Протасьевич, воевода мценский, состих царя, в полѣ били, а полонь отымали»⁷⁷³. Худайдат подступал к Одоеву в конце 1424 г.: «Царь Кудаидат поиде ратью ко Одоеву на князя Юрья Романовича. И слышав то князь великий Витофть, и посла на Москву к зятю своему к великому князю Василию Дмитриевичу, чтобы послал помоч на царя, а сам послал князя Андрѣя Михайловича, князя Андрѣя Всеволодича, князя Ивана Бабу, брата его Путятю, Дрючских князеи: князя Митка Всеволодича, Григория и Протасьевича. Они же, шедше со князем Юрьем, царя Куидадата били, и силу его присѣкли, а сам царь оубежал, а царици поимали, одну послали в Литву к Витофту, а другую на Москву к великому князю. А московская сила не постѣла. Тогда же оубили Ногчю, богатыря велика тѣлом»⁷⁷⁴. В письме Витовта магистру Ливонского ордена от 1 января 1425 г. (где сообщается и о пребывании Улуг-Мухаммеда в Литве) содержатся дополнительные по-

дробности об этом событии: пробыв три недели в Одоевском княжестве (зависимом, по словам Витовта, от Москвы), Худайдат двинулся к границе литовских владений (по-видимому, к Мценску, чей воевода участвовал в военных действиях), где пробыл восемь дней, а затем отправился в Рязанскую землю; здесь его и настигли литовско-русские отряды⁷⁷⁵.

Вряд ли причиной двух подряд нападений на Одоев была какая-то особая неприязнь Борака и Худайдата к одоевскому князю, поскольку эти ханы сами враждовали друг с другом. Нет оснований и предполагать, что они думали обосноваться в верховских землях, как это пытался сделать в 1437 г. потерявший власть в Орде Улуг-Мухаммед, так как Борак и Худайдат в момент походов к Одоеву занимали в степи доминирующее положение — изгнанником являлся Улуг-Мухаммед. Действия Худайдата были направлены в первую очередь против Литвы: от Одоева он идет к литовским пределам и отступает от них вынужденно, в ответ на поход хана снаряжается литовское войско. В погоне за Бораком также участвовал служивший Витовту воевода Григорий Протасьев. Скорее всего, действия обоих ханов были связаны с уходом в Литву Улуг-Мухаммеда: они пытались нанести удары по литовским землям, очевидно, в местности, через которую двигался во владения Витовта их противник.

Таким образом, с достаточной степенью уверенности можно полагать, что Улуг-Мухаммед находился в Литве не только в конце 1424 — начале 1425 г., но и осенью 1422 г., во время одоевского похода Борака. В марте следующего, 1423 г. митрополит всея Руси Фотий привозил Витовту духовную грамоту Василия Дмитриевича, в которой великий князь Литовский объявлялся в случае смерти Василия гарантом прав его сына (своего внука)⁷⁷⁶. А сразу следом за Фотием в Литву отправились великая княгиня Софья Витовтовна, привезшая восьмилетнего Василия Васильевича на свидание с дедами в Смоленск⁷⁷⁷. Очень вероятно, что именно тогда все еще находившийся в Литве (поскольку Борак доминировал в степи по меньшей мере до лета 1423 г.) Улуг-Мухаммед и выдал на имя сына великого князя ярлык. Инициатива в этом, можно полагать, исходила от Витовта, желавшего таким образом

еще более оградить владельческие права внука от возможных притязаний со стороны его дядьев с отцовской стороны⁷⁷⁸.

Последний период правления Василия Дмитриевича не был отмечен яркими политическими событиями в московско-ордынских отношениях, но именно к нему могут быть отнесены примечательные явления в общественной мысли, связанные с новым осмыслением побед Дмитрия Донского.

Наиболее ранним памятником Куликовского цикла является, по-видимому, «Задонщина» — произведение поэтического склада, созданное в своем первоначальном виде еще до конфликта с Тохтамышем⁷⁷⁹. Автор «Задонщины» вкладывает в уста бегущих с поля битвы татар слова «А на Русь нам уже ратью не хоживати, а выхода намъ у русских князей не прашивати»⁷⁸⁰. Они были актуальны в 1380—1382 гг., отобразили тот общественный подъем, на гребне которого Дмитрий Иванович решился фактически не подчиниться и законному «царю» — Тохтамышу. Что касается летописного рассказа о Куликовской битве свода начала XV в. (дошедшего в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи), то он относительно невелик и не содержит подробностей хода сражения. Рассказ тех же летописей о битве на Воже, несомненно менее масштабном событии, фактически равен по объему и лишь немного уступает по степени оценки важности победы⁷⁸¹.

Иное дело — повесть о Куликовской битве Новгородско-Софийского свода, созданная, скорее всего, в конце 10-х или в 20-х гг. XV в.⁷⁸² Положив в основу рассказ свода начала XV в.⁷⁸³, ее автор расширил повествование в несколько раз, внося в него множество подробностей (достоверность большинства из них не вызывает серьезных сомнений⁷⁸⁴) и усилив пафос оценки победы⁷⁸⁵.

Другим произведением, создание которого относится к той же эпохе⁷⁸⁶, явилось «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго». В нем также подробно говорится о победе над Мамаем, и Дмитрий прославляется как победитель «поганных Агарян». Как и в Повести Новгородской IV — Софийской I летописей о Куликовской битве, Мамаю приписывается желание разорить церкви и известить христианство. Наиболее примечательным является

неоднократное (не знающее аналогов во всей предшествующей русской истории) именование великого князя «царем»: 1) в заглавии; 2) в словах доноса врагов Дмитрия Мамаю, что «князь великий Дмитрии Ивановичь себе именуеть Руской земли царя»; 3) в обращении русских князей и вельмож к Дмитрию «Господине Руской царю»; 4) в авторских словах «еще же дръзною не срамно рещи о житии сего нашего царя Дмитрия»; 5) в плаче княгини над умершим мужем; 6) в словах «Егда же успе вѣчнымъ сномъ великии царь Дмитрии Руския земля»; 7) в авторском риторическом вопросе «Комоу приподоблю великого сего князя, Русаго царя?»⁷⁸⁷. Очевидно, в глазах автора «Слова» право на такое титулование давало независимое правление Дмитрия (в 1374–1380 гг.) при отсутствии реально правящего царя в Орде. У самого Дмитрия Донского такие претензии не прослеживаются, речь следует вести об осмыслении событий в конце первой четверти XV в. человеком, который был свидетелем еще одного периода отсутствия в Орде «нормальной ситуации» — времени правления Едигея (около двадцати лет в общей сложности).

В целом Василий Дмитриевич по отношению к Орде продолжал политику отца, хотя предпочитал более осторожную тактику (возможно, под влиянием отроческих впечатлений от разорения Москвы Тохтамышем и пребывания в заложниках при ханском дворе). Он признавал свое вассальное положение по отношению к законным ханам. При правлении же временщика-узурпатора великий князь, не стремясь обострять ситуацию (и даже пытаясь использовать ордынскую военную помощь в своих интересах), фактически вел себя как независимый правитель. Главным приобретением Василия стало Нижегородское княжество; получив его в пожалование от ордынского хана, великий князь затем был вынужден отстаивать это приобретение от притязаний местных князей, поддерживаемых Ордой. И в периоды, когда в Орде не было, с московской точки зрения, «законной» власти, он делал это достаточно решительно (походы 1399, 1402, 1411, 1414–1415 гг.).

Глава восьмая
В преддверии решающих перемен:
Василий Васильевич
(1425—1462)

При вступлении Василия Васильевича на престол у него сразу же разгорелся конфликт со старшим из дядьев — Юрием Дмитриевичем; поводом для него послужила нечеткая формулировка механизма передачи власти на случай смерти Василия Дмитриевича в завещании Дмитрия Донского: «А по грѣхом, отъимет Богъ сына моего, князя Василья, а хто будет подь тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему князь Васильевъ оудѣл»⁷⁸⁸. В результате посредничества митрополита Фотия Юрий отказался от своих притязаний, но на время: стороны договорились вынести спор на суд «царя»⁷⁸⁹. Такое решение было принято в условиях, когда в Орде продолжалась борьба за власть между несколькими претендентами. Ни один из них не располагал серьезной военной силой: показательно, что Борак и Худайдат в период своего максимального могущества терпели поражения от относительно небольших литовско-русских воинских контингентов. Если бы в московских правящих кругах существовало стремление покончить с зависимостью от Орды, для этого был весьма подходящий с военно-политической точки зрения момент — средств для восстановления власти силой, как у Тохтамыш

и Едигея, тогда не было. Но очевидно, при великокняжеском и удельнокняжеских дворах не возникало самой мысли такого рода: царь есть царь, как бы слаб он ни был — это сюзерен, верховенство которого надо признавать. И решение спора о великом княжении (доселе внутри московской династии не случавшегося) лучше всего вынести на суд сюзерена.

Однако в Орду Василий и Юрий отправились только шесть лет спустя. Поначалу этому, вероятно, мешала незавершенность борьбы за власть в Орде. Позже Юрий, скорее всего, не спешил реализовать договоренность, так как не рассчитывал на положительное для себя решение: в Орде утвердился Улуг-Мухаммед, выдавший Василию ярлык на великое княжение при жизни его отца, и был жив могущественный дед Василия и союзник Улуг-Мухаммеда Витовт — гарант интересов юного московского князя согласно завещанию Василия Дмитриевича⁷⁹⁰. В марте 1428 г. был заключен договор между Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем, в котором галицкий князь признавал себя «молодшим братом» племянника⁷⁹¹.

Зимой 1428—1429 гг. состоялся татарский набег на Галич и Кострому. Василий Васильевич послал на татар своих дядьев Андрея и Константина, которые гнались за противником по Волге до Нижнего Новгорода «и ту не оугонившу их возвратися». Но двое воевод — князь Федор Стародубский и Федор Константинович — «оутаився оу князеи и оу воевод, и своими полки погнаша за татары и оугониша зади них, побиша татар и безсермен и полон весь отнята, а царевича и князя Алибабы не догониша»⁷⁹². Эти события упоминаются и в договоре Юрия Дмитриевича с рязанским князем Иваном Федоровичем 1434 г.: «Тако же и царевич Махмут-Хозя был у тебя в Галичѣ ратью...»⁷⁹³. Неясно, действовали ли эти татары с санкции «центральной» ордынской власти: скорее всего, они ей не подчинялись, так как в последующие годы московские князья были в мире с Ордой⁷⁹⁴. Судя по тому, что удар татар был направлен в верхневолжские земли, и по упоминанию «бесермен» (как часто именовали мусульман Среднего Поволжья), данная группировка пришла из Волжской Булгарии⁷⁹⁵. В 1431 г. Василий Васильевич, очевидно, в качестве ответной меры послал «на Болгары Воложский» того же князя Федора: «он же, шед, взя их, и всю землю их плѣни»⁷⁹⁶.

После смерти Витовта в октябре 1430 г. ситуация изменилась, шансы Юрия Дмитриевича в борьбе за власть повышались; после же того, как умер другой гарант завещания Василия I, митрополит Фотий (2 июля 1431 г.), наступило время, когда оба соперника в борьбе за великое княжение нуждались в поддержке хана. И 15 августа 1431 г. Василий Васильевич отправился в Орду. Следом, 8 сентября, выехал и Юрий Дмитриевич. После длительного разбирательства, в ходе которого одна группировка ордынской знати поддерживала Василия, а другая — Юрия, Улуг-Мухаммед летом 1432 г. отдал ярлык на великое княжение Василию, а Юрий получил в состав своего удела Дмитров (бывший ранее центром удела его брата Петра, умершего в 1428 г.)⁷⁹⁷.

Ханское решение не прекратило борьбы между племянником и дядей. Причем оба фактически не посчитались с волей «царя» (видимо, осознав за время своего пребывания в Орде, что реальных рычагов влияния на внутренние дела Руси у формального сюзерена нет). Сразу по возвращении из Орды Василий отнял у дяди Дмитров. Юрий Дмитриевич в 1433 и 1434 гг. дважды захватывал Москву. Когда он сделал это вторично, Василий Васильевич бежал сначала в Новгород, оттуда перешел на Волгу и оказался в Нижнем Новгороде. Посланные Юрием за ним в погоню сыновья, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, пришли во Владимир, а Василий «восхотѣ в Орду поити», то есть прибегнуть к помощи Улуг-Мухаммеда. Но весть о смерти Юрия сделала этот шаг ненужным: Юрьевичи не захотели видеть великим князем своего старшего родного брата Василия, Василий Васильевич вернулся на московский стол; последующие два года заняла его борьба с Василием Юрьевичем⁷⁹⁸.

В 1437 г. в Орде произошел переворот: Улуг-Мухаммед был лишен власти Кичи-Мухаммедом. Одновременно в западной части Орды (к западу от Днепра) хозяином стал хан Сеид-Ахмет⁷⁹⁹. Улуг-Мухаммед, вынужденный бежать вместе со своими оставшимися сторонниками, двинулся в верхнеокские земли (видимо, по опыту своих изгнаний первой половины 20-х гг.) и обосновался в Белеве — центре одного из верховских княжеств (возможно, по соглашению с местными князьями⁸⁰⁰). Василий Васильевич послал туда крупное войско во

главе с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным: «Пришедше же им к Белеву, и царь оубоявся, видѣвъ многое множество полков роуских, начат даватися во всю волю князем руским; они же не послуша царевых рѣчей». В бою у стен Белева татары потерпели поражение и вновь укрылись в городе. Наутро хан прислал своих послов, сказавших: «Царево слово к вам, даю вам сына своего Мамутека, а князи своих дѣтеи дают в закладе на том, даст ми Богъ, буду на царствѣ, и доколе буду жив, дотолѣ ми земли Руские стеречи, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что». Но ведшие переговоры воеводы Василий Собакин и Андрей Голтыев «того не восхотеша»⁸⁰¹.

Очевидно, что хан намеревался, как и в 20-е гг., бороться за возвращение себе престола. На сей раз он думал закрепить в верховьях Оки и союзником своим сделать великого князя Московского, обязанного ему ярлыком. Князья-Юрьевичи, однако, не пошли на соглашение. По-видимому, в Москве с самого начала были настроены не признавать «царя-изгоя», проявить лояльность к новому правителю Орды (не исключено, что уже имел место какой-то контакт с ним), поэтому и направили на Улуг-Мухаммеда войско с целью вытеснить его в степь; возможно также, что особенная несговорчивость Юрьевичей была связана с тем, что они помнили, как Улуг-Мухаммед отказал их отцу в ярлыке на великое княжение.

Вторая битва с Улуг-Мухаммедом закончилась разгромом московского войска (5 декабря 1437 г.)⁸⁰². Тем не менее надо отметить, что в событиях под Белевом впервые московские войска осмелились вести наступательные действия против «царя». Однако это был не хан, реально правящий в Орде в данное время, а изгнанник.

В июле 1439 г. Улуг-Мухаммед внезапно подошел к Москве. Не успевший собрать войска Василий II отъехал за Волгу. Хан простоял у Москвы 10 дней и отступил, не причинив вреда городу, но разорил окрестности и сжег Коломну⁸⁰³.

Война с Улуг-Мухаммедом нашла отражение в договоре московских князей (Василия Васильевича, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного) с великим князем Тверским Борисом Александровичем (конец 30-х гг.). Пункт о войне с «царем», повторяющий одно из положений московско-тверского договора 1399 г. (и восходящий, как показано в гл. 6, к более

раннему договору 1384 г.), был «модернизирован» — единственное число заменено на множественное: «А что ея есте воевали со царемъ, а положить на вас (московских князей. — *А. Г.*) царь вину в том, и мнѣ вам, брате, не дати ничего в то, и моей братьи молодшеи, и моимъ братаничем, ни нашим дѣтем, ни внучатом, а вѣдаться в том вамъ самим»⁸⁰⁴. Имелась в виду, разумеется, ситуация, когда Улуг-Мухаммед вернул бы себе престол (как и в отношении Тохтамыша в договоре 1399 г.).

В 1443 г. «пришедшоу царевичу Моустафѣ на Рязань со множеством татаръ ратию, и повоева власти Резанский, много зла учини. Слышав же то князь великий Василей Васильевич, посла против ему князя Василья Оболенского и Ондрѣя Голтыева, да двор свои с ними. А Мустафа былъ въ городѣ, резаньцы же выслаша его из города, он же вышедъ из града и ста ту же подь городомъ. А воеводы князя великого приидоша на него, и бысть имъ бои крѣпокъ; и поможе Богъ христяномъ; царевича Мустофу самого оубиша и князей с ним многих, и татаръ, а князя Махмута мурзу яли, да Азберѣдея, Мишерованова сына, и иных татаръ многих помимали, а в великого князя полку оубили татарове Илью Ивановича Лыкова»⁸⁰⁵. Имена татарских предводителей, напавших на Рязань, нигде более не упоминаются. Вряд ли они принадлежали к орде Улуг-Мухаммеда (так как имена его главных сподвижников другие⁸⁰⁶). Возможно, Мустафа был «царевичем», не подчинявшимся никому из «царей»; менее вероятно, что он был связан с Кичи-Мухаммедом⁸⁰⁷ или Сид-Ахметом, так как с этими ханами в начале 40-х гг. поддерживались мирные отношения (см. об этом ниже).

Тем временем Улуг-Мухаммед продолжал проявлять антимосковскую активность. В 1442 г. он, вероятно, выдал ярлык на Нижегородское княжение Даниилу Борисовичу⁸⁰⁸. В конце 1443 г. «царь Махметъ стоялъ на Беспутьѣ (правый приток Оки, между Серпуховом и Каширой. — *А. Г.*) и князь великы ходилъ на него со всею братьею, да воротися, а онъ поиде прочь»⁸⁰⁹. Это был определенно не Кичи-Мухаммед⁸¹⁰, а Улуг-Мухаммед, так как именно последнего на Руси называли «Махметом», в то время как первый именовался «Кичи-Ахметом» или «Кичи-Махметом»⁸¹¹.

Зимой 1444—1445 гг. Улуг-Мухаммед сам обосновался в Нижнем Новгороде и двинулся оттуда к Мурому. Василий Васильевич пошел на него через Владимир. Под Муромом и Гороховцом великокняжеские полки разбили татарские отряды, но Муром хан занял. Летом он послал на Василия войско во главе со своим сыном Махмутеком (Мамутяком). 7 июля 1445 г. под Суздалем московская рать (к которой не присоединились полки Дмитрия Шемяки) была разбита, великий князь попал в плен. После этого Улуг-Мухаммед отправил посла Бигича к Шемяке (очевидно, предполагая передать ему великое княжение), но затем предпочел отпустить Василия, обязав его огромным выкупом. Во время возвращения люди великого князя перехватили и убили шедшего обратно к хану Бигича⁸¹².

Обещание Василием большого выкупа и возвращение его в сопровождении крупного татарского отряда стали основанием для обвинений, которые выдвинул против великого князя Дмитрий Шемяка: «царь на том отпустил великого князя, а онъ ко царю целоваль, что царю съѣдѣти на Москвѣ и на всѣх градѣх русских и на наших отчинах, а самъ хочет съѣсти на Тьфири»⁸¹³. Хотя нет оснований видеть в этих обвинениях, явно фантастических, нечто большее, чем способ борьбы за власть, они отталкивались от реальных фактов — попыток Улуг-Мухаммеда обосноваться в окраинных русских городах (Белеве, Нижнем Новгороде).

В феврале 1446 г. Василий Васильевич был ослеплен, и Дмитрий Шемяка стал великим князем. Он ликвидировал Нижегородское княжение, которое после победы под Суздаlem Улуг-Мухаммед отдал князьям Василию и Федору Юрьевичам Шуйским⁸¹⁴. Но после того, как Шемяка вновь был вынужден (на рубеже 1446—1447 гг.) уступить Василию великокняжеский стол и вернуться в свой удельный Галич, он попытался заполучить орду Улуг-Мухаммеда в союзники. Последнего уже не было в живых: после того как он отпустил Василия от Курмыша в Москву, хан пришел на Среднюю Волгу и обосновался в Казани, положив тем самым начало Казанскому ханству, но вскоре был убит собственным сыном Махмутеком. Два других сына Улуг-Мухаммеда, Касым и Ягуп, после этого бежали и, поскитавшись, пришли

на службу к Василию Васильевичу (в то время, когда он еще только боролся за возвращение себе великого княжения)⁸¹⁵. В 1447 г. Шемяка пошел с Махмутеком на переговоры о союзе против Василия, и в конце этого года казанский хан повоевал окрестности Владимира и Муром⁸¹⁶.

Что касается «основной части» Орды, то с ней Москва в конце 30-х — середине 40-х гг. поддерживала мирные отношения. При этом и Василий Васильевич, и Дмитрий Шемяка признавали поначалу «царями» сразу двух правителей — Кичи-Мухаммеда и Сеид-Ахмета. В договоре Василия с Шемякой 1441—1442 гг. в пункте о раскладке ордынского выхода упоминается о посылке киличеев «ко царемъ к Кичи-Махметю и к Сиди-Ахметю»⁸¹⁷. Помимо исторического опыта двоевластий в Орде (период «замятни» 60—70-х гг. XIV в.), такое признание «царями» обоих правителей было, очевидно, связано с тем, что, хотя Кичи-Мухаммед и контролировал «центральную» ордынскую территорию (между Волгой и Днепром) и поэтому считался в Москве несколько «главнее» Сеид-Ахмета (в договоре Василия с Шемякой он упоминается первым), большинство ранее знакомых Москве представителей ордынской знати оказалось на службе у Сеид-Ахмета. Об этом говорится в грамоте духовенства Дмитрию Шемяке от 29 декабря 1447 г.: «Не на том ли юрту отец твой, князь Юрьи Дмитриевич, был у царя в Орде с великим князем вместе и на пошлине стояли (речь идет о визите Василия и Юрия к Улуг-Мухаммеду в 1431—1432 гг. — А. Г.)? Не те жо паки царевичи и великие князи у сего царя Седи-Ахмата, которые тогды у того царя были да то же дело делали?»⁸¹⁸

Это же послание свидетельствует о перемене в отношении Шемяки к Сеид-Ахмету. Авторы упрекают Шемяку в том, что «от царя Седи-Яхмата пришли к брату твоему старейшему великому князю его послы, и он к тебе посылал просити, что ся тебе имает дати с своей отчины в те в татарские просторы, и ты не дал ничего, а не зоучи Седи-Яхмата царем»⁸¹⁹. Упоминание о «царевичах и великих князьях», находящихся у Сеид-Ахмета, как раз было призвано продемонстрировать неправоту Шемяки в этом вопросе. Но по-видимому, вскоре и правительство Василия Васильевича перестало признавать Сеид-Ахмета сюзереном. С 1449 г. начинаются систематиче-

ские набеги татар его Орды на московские владения. Из всего предыдущего изложения видно, что походы на Русь, санкционированные правителями Орды, всегда имели под собой конкретные причины (прямо названные в источниках или реконструируемые с высокой степенью вероятности), связанные с теми или иными нарушениями русскими князьями вассальных обязательств. Расхожее представление (свойственное и многим серьезным исследовательским работам), что ордынские ханы только и думали о том, как бы сходить походом на Русь, поразорять и пограбить, далеко от действительности. Чисто грабительские набеги исходили от татарских группировок, не подчинявшихся центральной власти и, следовательно, не имевших даннических отношений с русскими князьями. Для правителя же, которого признают сюзереном и которому платят выход, посылка войск на выполняющего свои обязательства вассала — нонсенс, это означало бы губить собственную дань; такие правители организовывали походы только тогда, когда требовалось привести вассала в покорность, или, если для этого не хватало сил, хотя бы наказать за своеволие разорением его владений. Поэтому можно с уверенностью полагать, что к 1449 г. Сеид-Ахмета перестал признавать сюзереном не только Дмитрий Шемяка, но и Василий II. Очевидно, отказ Шемяки в конце 1447 г. прислать дань в Москву для этого хана (связанный, разумеется, с нежеланием подчиняться требованию своего врага — великого князя) подтолкнул к отказу от выплаты дани в его пользу и с великокняжеских владений. К 1449 г. Сеид-Ахмету стало ясно, что выход поступать не будет (а может быть, об этом и прямо было сказано его послам), и он открыл военные действия.

В 1449 г. «скорые татаровъ Седядахматовы» дошли до реки Пахры и были отбиты царевичем Касымом, вышедшим из Звенигорода⁸²⁰. Вскоре после этого, 31 августа 1449 г., в договоре Василия II с Казимиром IV, королем Польским и великим князем Литовским, оговаривалась возможность совместных действий против татар, нападающих на литовские и московские владения⁸²¹. Имелась в виду, несомненно, Орда Сеид-Ахмета, который в это время угрожал Литве, пытаясь помочь взойти там на престол сопернику Казимира Михаилу Сигизмундовичу (московские войска летом 1449 г., еще

до заключения договора, оказали Казимиру поддержку против Михаила)⁸²².

В 1450 г. татары под предводительством Малымбердея пытались подойти к Оке, но были разбиты посланными Василием, находившимся тогда в Коломне, войсками (включавшими служилых татар)⁸²³; скорее всего, это также были отряды из Орды Сеид-Ахмета⁸²⁴. Примечательно, что бой произошел на реке Битюг, левом притоке Дона в его среднем течении, — так далеко на юг, в степные владения Орды, московские войска прежде не заходили.

В 1451 г. сын Сеид-Ахмета Мазовша сумел, пользуясь нерадостью воеводы князя Ивана Звенигородского, беспрепятственно перейти Оку и 2 июля подошел к Москве. Великий князь со старшим сыном Иваном отправился за Волгу. Татары зажгли посады, но приступ к Кремлю был отбит. Ночью ордынцы поспешно отступили⁸²⁵.

В 1455 г. Сеид-Ахметовы татары переправились через Оку ниже Коломны, но на сей раз были вовремя встречены и разбиты⁸²⁶.

В 1459 г. татары Орды Сеид-Ахмета (сам их предводитель в это время уже обосновался в Литве⁸²⁷) подошли к Оке, но войско во главе с сыном Василия II Иваном не позволило им переправиться⁸²⁸.

В княжение Василия II появляется новая форма отношений с высшей ордынской знатью: принятие «царевичей»-изгоев на московскую службу (здесь Василий шел по стопам своего деда Витовта). Под 1445—1446 гг. упоминается служивший Василию Бердедат, сын Худайдата, претендовавшего на ордынский престол в 20-е гг.⁸²⁹ В 1446 г., как говорилось выше, к Василию перешли сыновья Улуг-Мухаммеда Касым и Ягуп. Касыму в середине 50-х гг. был дан во владение Городец Мещерский (будущий Касимов) на Оке: тем самым было положено начало так называемому Касимовскому ханству (царству) — зависимому от Москвы политическому образованию со служилым Чингисидом во главе, просуществовавшему до второй половины XVII в.⁸³⁰ Его образование явно было связано с участвовавшими набегами Сеид-Ахметовых татар и преследовало цель противодействовать им силами татар служилых.

Относительно недавно была сформулирована гипотеза о принципиально разном отношении к Орде сторон, противоборствующих в так называемой «феодалной войне» в Московском великом княжестве второй четверти XV в. По мнению А. А. Зимина, Василий II был верным вассалом Орды, в то время как Юрий Дмитриевич «сознавал, что только в борьбе с Ордой можно добиться создания мощного единого государства», а Дмитрий Шемяка «сделал всё, что в его силах, чтобы объединить русские земли и нанести решительный удар ордынским царям», «прочно держал в своих руках» «знамя борьбы с татарскими насильниками»⁸³¹. Прозвучавшие в литературе критические оценки такого взгляда⁸³² представляются вполне справедливыми. Юрий Дмитриевич — фигура, несомненно, яркая, но никакого осознания необходимости борьбы с Ордой в его деятельности не просматривается: в 1431—1432 гг. он не «поднимает знамя борьбы», а пытается получить от хана ярлык на великое княжение. Еще менее годится на роль борца с игом Дмитрий Шемяка. Воевал он с татарами всего однажды, в 1437 г. под Белевом, причем по повелению Василия II. В 1439 и 1445 гг. Шемяка не помог великому князю против Улуг-Мухаммеда, после пленения Василия добивался ярлыка на великое княжение, а в 1447 г. заключил союз с Мамутяком. Василий II, напротив, много воевал как с ордой Улуг-Мухаммеда, так и с ордой Сеид-Ахмета. Оба князя соперника признавали сюзеренитет «главного царя» — до 1437 г. Улуг-Мухаммеда, позже Кичи-Мухаммеда; в этом отношении разницы между ними не было.

В 1460 г. «царь Ахмутъ Болшые орды Кичи-Ахметевъ сынъ (хан Махмуд, воцарившийся после смерти в 1459 г. своего отца Кичи-Мухаммеда)⁸³³. — А. Г.), приходилъ ратью к Переяславлю к Рязаньскому и стоальть подь городомъ три недели, на всякъ день приступая ко граду, бьющеса, граждане же, милостью Божию и пречистыя его Матери, одолъваху ему и много у него татаръ побили, а отъ граждан ни единъ врежденъ бысть; и поиде прочь с великимъ срамомъ, а на Казать улана мирзу велико нелюбие држа, тотъ бо бяше привель его, не чающе отъ Руси ничего съпротивления»⁸³⁴.

Рязань в это время управлялась наместниками Василия Васильевича — с 1456 г. малолетний рязанский князь Васи-

лий Иванович жил в Москве; только в 1464 г. он (женившийся на дочери Василия II) был отпущен на свое княжение⁸³⁵. Скорее всего, после воцарения Махмуда обнаружился долг по выплате дани с Рязанского княжества, и хан⁸³⁶ по совету Казата решился на недостаточно подготовленную военную акцию с целью взять положенное силой.

К периоду правления Василия Васильевича относится примечательное явление: великий князь Московский начинает при жизни именоваться «царем». Ранее всего этот титул прилагается к Василию II еще в начале 40-х гг. Симеоном Суздальцем в первой редакции его «Повести о Флорентийском соборе» («белый царь всея Руси»)⁸³⁷ и Пахомием Сербом в третьей редакции «Жития Сергия Радонежского» («великодержавный царь Русский», «благоразумный царь»)⁸³⁸, в обоих случаях при изложении конфликта великого князя с митрополитом Исидором по поводу решений Флорентийского собора конца 30-х гг. Применение царской титулатуры в этих произведениях связано с ролью Василия Васильевича как защитника православия в ситуации, когда «греческий царь» — император Византии согласился на унию с католической церковью, подразумевающую главенство римского папы. В начале 60-х гг. царский титул по отношению к Василию II неоднократно употребляется в «Слове избраном от святых писаний, еже на латыню», также посвященном Флорентийскому собору и его последствиям⁸³⁹. Но тогда же, в 1461 г., митрополит Иона в послании в Псков упоминает Василия как «великого господаря, царя рускаго» уже вне связи с этими событиями⁸⁴⁰.

Очевидно, в середине XV в. делаются первые шаги на пути становления идеи о переходе к московским великим князьям царского достоинства от византийских императоров. Разумеется, более сильным, чем согласие «греческого царя» на унию, стимулом здесь стало падение Константинополя в 1453 г., обозначавшее гибель христианского православного «царства». Если после падения Константинополя в 1204 г. возникли Никейская и Трапезундская империи, продолжали существовать такие независимые православные государства, как Болгария и Сербия, ряд крупных русских княжеств, то после 1453 г. единственным православным государством,

представлявшим реальную силу, было Московское великое княжество. Оно имело, таким образом, все основания считать себя наследником места Византии в мире, то есть «царством». Формированию представления о «царском» характере власти великого князя Московского могло способствовать и установление тогда же автокефалии русской церкви⁸⁴¹. При поставлении митрополита теперь все решала воля великого князя, санкция Константинопольского патриархата не требовалась, а верховенство в церковных делах считалось прерогативой только одного светского правителя — императора, «царя».

Но царь не может подчиняться другому царю, он должен быть полностью суверенным правителем. Идея о царском достоинстве московского великого князя неизбежно должна была прийти в противоречие с продолжавшимся признанием верховенства хана Орды.

Правление Василия Васильевича пришлось на период, когда ордынские «замятни», в отличие от прежних времен, стали заканчиваться не временной консолидацией под властью того или иного сильного правителя, а складыванием на окраинных территориях Орды особых, практически независимых политических образований (в период его княжения оформилось не только Казанское, но и Крымское ханство, а также Ногайская Орда на левобережье Нижней Волги⁸⁴²). «Центральная» часть, занимавшая пространство между Днепром и Волгой, в русских источниках начинает именоваться «Большой Ордой»; ее правитель формально считался сюзереном остальных ханов⁸⁴³. В отношениях с этим «главным царем» при Василии II заметных перемен не произошло — он по-прежнему рассматривался как сюзерен великого князя. Изменения коснулись других сфер. Стала наконец четко действовать (с 50-х гг.) оборонительная линия на Оке. Получило распространение использование в московских интересах татарских «царевичей». Наконец, после падения православного царства — Византии — начала пробивать себе дорогу идея о «царском» характере власти великого князя Московского, идея, несовместимая с признанием сюзеренитета ордынского царя.

Глава девятая
Обретение суверенитета:
Иван Васильевич
(1462—1505)

Василий Васильевич умер 27 марта 1462 г., и на престол вступил его сын Иван Васильевич (р. 1440)⁸⁴⁴. В Ермолинской летописи это событие подано как вокняжение Ивана «на столѣ отца своего на великомъ княжении в Володимери и на великом княжении в Новѣгородѣ Великомъ и Нижнем, и на всей Русской земли»⁸⁴⁵. По убедительному предположению В. Д. Назарова, здесь отобразился факт ханской санкции на вокняжение Ивана, так как с перечисленных территориально-политических единиц шел в Орду особый выход⁸⁴⁶. Автор полагает, что ярлык был получен в 1462 г. и явился своеобразным ответом на ярлык 1461 г. крымского хана Хаджи-Гирея польскому королю и великому князю Литовскому Казимиру IV, в котором среди подвластных последнему городов назван был и Великий Новгород (на сюзеренитет над которым Казимир претендовал)⁸⁴⁷. Однако такая связь необязательна: Новгород издревле считался «отчиной» верховных правителей Северо-Восточной Руси и для получения на него ярлыка не нужно было ждать проявления претензий со стороны Литвы. Отец Ивана, Василий II, получил ярлык от Улуг-Мухаммеда еще при жизни своего отца. По-

сле того как он окончательно вернул себе великокняжеский стол, Василий Васильевич проявил большую заботу о закреплении права на наследование за своим старшим сыном: начиная с dokonчания Василия с Иваном Васильевичем Суздальским, датируемого от 15 декабря 1448 г., до 22 июля 1449 г.⁸⁴⁸ Иван именуется, как и отец, «великим князем», то есть считается соправителем. Трудно предполагать, что Василий при этом проигнорировал возможность подстраховаться, получив (по примеру своего отца) для сына ярлык из Орды.

Начало именованя Ивана Васильевича «великим князем» совпадает по времени с разрывом даннических отношений с Ордой Сеид-Ахмета (см. гл. 8). Можно предположить, что именно в 1448 г. были приняты принципиальные решения: дань, которую собирались отправить Сеид-Ахмету (и в которую отказался внести свою долю Дмитрий Шемяка), была присовокуплена к дани, посылаемой в Орду Кичи-Мухаммеда, став платой за ярлык на имя Ивана Васильевича.

Сразу же после вокняжения Ивана происходит примечательное изменение в формулировке пункта об отношениях с Ордой в договорных грамотах князей московского дома. Со времени завещания Дмитрия Донского (1389) в нем применялись слова «А перемѣнить Богъ Орду» — в этом случае предполагалось, что не будет выплачиваться выход. Эта формулировка сохранялась (как в духовных, так и в договорных грамотах) и при Василии Дмитриевиче, и при Василии Васильевиче⁸⁴⁹. Лишь однажды — в договоре Василия Васильевича с Михаилом Андреевичем, князем Верейским и Белозерским, датируемом не позднее 1445 г., применяется иная формула: «А коли яз, князь велики, в Орду не дам, и мнѣ у тебя не взята»⁸⁵⁰. Но в позднейших dokonчаниях Василия Васильевича и в его духовной продолжала применяться формула «А перемѣнить Богъ Орду»⁸⁵¹. С началом же княжения Ивана Васильевича (и в течение всего его правления) применяется именно та, не привившаяся при Василии II, оговорка⁸⁵²: «А коли яз, князь велики, выхода в Орду не дам, и мнѣ у тебе (удельного князя. — *А. Г.*) не взяти»⁸⁵³. Таким образом, возможность неуплаты выхода теперь связывается не с «переменной» Орды, а только с волей великого князя. Первой грамотой такого рода является dokonча-

ние Ивана Васильевича с тем же Михаилом Андреевичем, заключенное до 13 сентября 1464 г.⁸⁵⁴, то есть в первые два года правления нового великого князя. Есть основания полагать, что возможность не платить дань была тогда реализована на практике.

В 1465 г. «поиде безбожный царь Махмутъ на Рускую землю со всею Ордою и бысть на Доноу; Божию же милостию и пречистые Матери прииде на него царь Азигирей (крымский хан Хаджи-Гирей. — *А. Г.*) и би его и Орду взя, и начаша воеватися промежь себе. И тако Богъ избави Рускоюю землю отъ поганыхъ»⁸⁵⁵. Очевидно, что целью несостоявшегося похода было Московское великое княжество: если бы поход направлялся на Рязанскую землю, это было бы отмечено (как в сообщении о походе Махмуда 1460 г.), а русские территории, входившие в состав Великого княжества Литовского, летописцы Северо-Восточной Руси «Русской землей» не называли.

Таким образом, впервые после похода Тохтамыша на Москву двинулся «сам царь» — правящий хан Орды. Очевидно, что для этого нужны были весьма веские причины. Полагаю, что неявка Ивана к Махмуду за ярлыком, если и могла быть одним из поводов (Василий Васильевич в свое время тоже долго не ехал, но у него был ярлык от того же хана, который продолжал править, Улуг-Мухаммеда, а у Ивана — не от Махмуда, а от его отца — Кичи-Мухаммеда), то не причиной. Скорее всего, после событий 1459–1460 гг. (смерть Кичи-Мухаммеда, неудачный поход Махмуда на Рязань) в течение нескольких лет не выплачивалась дань; возможно, это было связано с начавшимся соперничеством Махмуда с братом Ахматом⁸⁵⁶, то есть с наметившимся расколом Большой Орды: в Москве ждали, чем окончится эта борьба.

Вмешательство крымского хана сорвало планы Махмуда⁸⁵⁷. Хан Большой Орды потерпел крупное поражение; очевидно, на некоторое время правителем Большой Орды стал считаться Хаджи-Гирей⁸⁵⁸. Слова «начаша воеватися промежь себе», возможно, подразумевают и вмешательство в борьбу за престол Ахмата. К апрелю 1466 г., судя по письму к турецкому султану, Махмуд восстановил свое верховенство⁸⁵⁹; но позже, когда Афанасий Никитин в начале своего путешест-

вия в Индию спускался по Волге, Касым, сын Махмуда, был «царевичем» особого Астраханского ханства⁸⁶⁰; следовательно, Махмуд к этому времени был вытеснен Ахматом в Астрахань. Начало путешествия Никитина обычно датируется тем же 1466 г., но возможно, что оно имело место двумя годами позже⁸⁶¹. Следовательно, Ахмат возглавил Большую Орду, во всяком случае, не позднее 1468 г. Очевидно, после этого выход какое-то время выплачивался, так как окончательное прекращение его поступления произошло в 1472 г. (см. об этом ниже). Возможно, выход вновь стал платиться после двух военных акций татар Большой Орды — нападений на Рязанскую землю и на волость Беспуту (на правом берегу Оки, между Серпуховом и Каширой) в 1468 г.⁸⁶² В это время в разгаре был конфликт с Казанским ханством⁸⁶³, и Иван III мог в такой ситуации пойти на возобновление выплаты выхода, чтобы обеспечить нейтралитет Большой Орды и безопасность южных границ.

Летом 1472 г. Ахмат совершил свой первый поход против Ивана III.

Согласно великокняжескому своду, хан пошел на Русь «со многими силами», «со всею Ордою», будучи «подговорен королем»⁸⁶⁴, то есть Казимиром IV. Другой летописный источник указывает, что Ахмат двинулся «со всеми силами своими», оставив дома только «старыхъ, и болныхъ, и малыхъ дѣтей», и подошел к московским владениям с «литовского рубежа»⁸⁶⁵, то есть с территории, принадлежавшей Великому княжеству Литовскому (владения которого тогда включали верхнее течение Оки). 29 июля хан подошел к городу Алекси-ну на правом берегу Оки. На следующий день татарам удалось сжечь упорно сопротивлявшийся город. Но их попытка переправиться на левый берег реки была отбита подоспевшими московскими войсками. В ночь на 1 августа Ахмат поспешно отступил («побеже») и в шесть дней достиг своих зимних становищ⁸⁶⁶. Летописцы 70-х гг. XV в. связывают отход хана со страхом перед русскими войсками, вид которых описывается в выражениях, напоминающих поэтическую образность «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище»: «И се и сам царь прииде на берегъ и видѣвъ многие полкы великого князя, аки море колеблющихся, доспѣси же на них бяху чисты

велми, яко сребро блистаючи, и въоружены зело, и начат от берега отступати по малу в нощи тои, страх и трепет нападе на нь»⁸⁶⁷; «и бѣ видѣти татаромъ велми страшно, такоже и самому царю, множество воа русского. А лучися тогда день солнечный: якоже море колиблущесе или яко озеро синѣющися, все в голыхъ доспѣсах и в шеломицѣхъ съ аловци»⁸⁶⁸. Причиной не самого отступления, но его небывалой поспешности великокняжеская летопись называет распространившуюся в татарском войске смертельную болезнь⁸⁶⁹.

Из летописных рассказов следует, что поход хана был крупномасштабным предприятием и целью его была Москва. Результат конфликта оценивался великокняжеской летописью как «победа» и «избавление»: «Сице бысть милосердие Господа нашего Исуса Христа на нас грешных, и толика побѣда на противных сыроядецъ... избави Господь род христианскы от нахожения безбожных Агарень... и раззидошася кииждо въ свояси, благодаряше Господа Бога, подавшего имъ побѣду бес крове на безбожных Агарянь»⁸⁷⁰.

Чем был вызван гнев хана, заставивший его организовать столь крупный поход? В 1471 г. отряд вятчан, спустившись по Каме и Волге, разорил Сарай — главный город Орды⁸⁷¹. Но был ли этот набег согласован с Москвой — неясно. Вятская земля была тогда еще относительно самостоятельным образованием; в 1469 г. вятчане, будучи связаны договором с казанским ханом, сохранили нейтралитет в московско-казанской войне, несмотря на настоячивые требования Ивана III присоединиться к его войскам⁸⁷². В то же время нет оснований не доверять летописным указаниям на роль короля Казимира в инициировании похода Ахмата. Еще в 1470 г. Казимир прислал к хану своего посла, татарина Кирея Кривого, с предложением заключить военный союз против Ивана III. Ахмат год продержал Кирея у себя, не давая ответа. Возможно, хан просто не видел причин нападать на выполняющего свои обязанности вассала. Но в 1471 г. Кирей вернулся в Польшу «со царевым послом»⁸⁷³.

Вероятно, дипломатические усилия Казимира были во многом связаны с его развернувшейся в это время борьбой с Москвой за сюзеренитет над Новгородом Великим. Немного позже, в 1472 г., Казимир получил от крымского хана Мен-

гли-Гирея ярлык, в котором (как и в ярлыке Хаджи-Гирея 1461 г.) помимо реально принадлежавших Великому княжеству Литовскому русских земель королю жаловался и Новгород⁸⁷⁴. Скорее всего, в 1470—1471 гг. Казимир добивался от Ахмата, помимо военного союза против Москвы, того же — признания его прав на Новгород. Ярлыки, выданные крымскими ханами, более способствовали самоутверждению Гиреев в борьбе с Большой Ордой за «наследие» былой единой ордынской державы, чем имели реальную политическую значимость. Иное дело, если бы Новгород был пожалован Казимиру не крымским ханом, а ханом Большой Орды — это являлось бы волей правителя, традиционно признававшегося в Москве сюзереном. Ахмат после колебаний пошел, вероятно, навстречу этому желанию короля; на его решение мог повлиять набег вятчан на Сарай. Татарское посольство выехало в Польшу не позже начала июля 1471 г., так как в Кракове оно пребывало в августе⁸⁷⁵. Именно в то время, пока «царев посол» находился в пути, Иван III нанес поражение войскам Новгородской республики (битва на Шелони 14 июля) и заключил мир на своих условиях⁸⁷⁶; в момент отправки посольства Ахмат знает об этом, естественно, не мог (равно как и великий князь, отправляясь в поход, о решении хана поддержать претензии короля). Из-за собственного промедления хан оказался, таким образом, в довольно нелепом положении — его воля в отношении Новгорода оказывалась пустым звуком. Казимир, видимо, успел подчеркнуть факт своеволия московского князя, и тогда Ахмат решился на военный поход с целью наказания вассала. Иван III, вернувшись из-под Новгорода (а может быть, еще до Шелонского похода), не забыл о том, чтобы подстраховаться со стороны Орды: в 1472 г. в войске хана находился великокняжеский посол Григорий Волни⁸⁷⁷. Но это не смогло изменить намерений Ахмата.

Когда начались военные действия, великий князь действовал достаточно решительно; во всяком случае, прямых данных о его колебаниях (в отличие от 1480 г.) мы не имеем. Но по-видимому, какие-то разногласия в окружении Ивана имели место. Архиепископ Вассиан Рыло в своем «Послании на Угру» писал: «Прииде же убо въ слухы наша, яко *прежнии*

твои развратницы не престають, шепчуще въ ухо твое льстивыя словеса, и совещають ти не противитися сопостатом, но отступити»⁸⁷⁸ (выделено мной. — А. Г.). В этих словах можно видеть свидетельство того, что приближенные, советовавшие великому князю в 1480 г. не биться с ханом, уже когда-то прежде выступали с аналогичными предложениями. Сходная ситуация была только в 1472 г.

Результаты войны в Москве расценили как успех. Причем они получили даже более высокую оценку, чем итоги конфликта 1480 г.: тогда происшедшее расценили как «избавление»⁸⁷⁹, а в отношении событий 1472 г. говорилось не только об «избавлении», но о «победе»⁸⁸⁰. По-видимому, последствием этой победы было прекращение уплаты выхода.

В Вологодско-Пермской летописи (ее первая редакция датируется 1499 г.) говорится, что Ахмат в ходе переговоров, имевших место во время «стояния на Угре», заявлял следующее: «пришел яз Ивана дѣля, а за его неправду, что ко мнѣ не идет, а мнѣ челом не бьет, а выхода мнѣ не дает девятой год»⁸⁸¹. Данное сообщение было подвергнуто сомнению В. Д. Назаровым, который пишет по его поводу: «Это, конечно, неточно. Выход... регулярно шел в Орду с начала 70-х годов XV века». Основанием для такого вывода являются летописные сообщения об обмене Ивана III и Ахмата посольствами в середине 70-х гг. Дань перестали платить, по мнению В. Д. Назарова, в 1479 г. Аргументом в пользу такой датировки выступает известие другого летописного рассказа о событиях 1480 г. (дошедшего в составе Львовской и Софийской II летописей XVI в., но восходящего к концу 80-х гг. XV в.), согласно которому москвичи упрекали Ивана III: «Егда ты, государь князь великий, над нами княжишь в кротости и в тихости, тогда нас много в безлепице продаешь, а нынеча сам разгневив царя, выходу ему не платив, нас выдаешь царю и татаром»⁸⁸².

На мой взгляд, для такого построения оснований нет. В приведенном летописном сообщении сопоставляются период мира (когда великий князь княжит «в кротости и в тихости») с «нынешним» военным временем, то есть «нынеча» в данном контексте относится к словам «нас выдаешь царю и татаром», а не к деепричастным оборотам «сам разгневив

царя, выходу ему не платив»; последние представляют собой пояснение, что Иван сам виноват в сложившейся «ныне» ситуации, а не указание, что именно «нынеча» не выплачен выход (при расстановке запятых, в средневековом тексте отсутствующих, одну из них следует ставить после слова «нынеча»). Далее, В. Д. Назаров не попытался объяснить, чем вызвана столь существенная (девятый год неуплаты выхода вместо второго) «неточность» Вологодско-Пермской летописи. Данная летопись относится к числу созданных современниками событий 70-х гг., и достоверность ее рассказа о событиях 1480 г. в той части, где повествуется про переговоры Ахмата с Иваном, сомнений не вызывает⁸⁸³.

Обмен с Ордой посольствами не может автоматически свидетельствовать о выплате выхода: к примеру, в 1480 г., когда Ахмат пребывал на Угре (и возможность откупиться выходом напрашивалась, тем более что в Москве серьезно колебались по поводу способности противостоять хану), к нему был отправлен посол Иван Товарков с дарами, но не с выходом⁸⁸⁴. Известия о посольствах середины 70-х гг. не содержат ни прямых, ни косвенных данных о выплате выхода; напротив, некоторые содержащиеся в них детали говорят скорее в пользу обратного⁸⁸⁵. 7 июля 1474 г. вместе с послом Ахмата в Москву вернулся посол Ивана III Никифор Басенков⁸⁸⁶. По-видимому, он был отправлен в Орду в 1473 г. и стал первым послом, побывавшим там после конфликта 1472 г. В рассказе о «стоянии на Угре» Софийской II и Львовской летописей про посольство Басенкова вспоминается следующее: «Тъй бо Микыфоръ был в Ордѣ и многу алафу (дары. — А. Г.) татаромъ дасть отъ себе; того ради любляше его царь и князи его»⁸⁸⁷. Известно, что дары, в том числе и подаваемые послами «от себя», строго регламентировались в Москве перед отправкой посольства⁸⁸⁸; следовательно, Басенкову было предписано произвести особо щедрые раздачи, которые надолго запомнились хану и его окружению. Если думать, что он при этом отвозил еще и выход, такая щедрость выглядит не вполне логично: в ситуации, когда военный успех был на стороне Москвы, отправка на следующий год выхода выглядит максимальной уступкой, и добавлять к нему еще и особо многочисленные дары было бы излишне. Можно, прав-

да, допустить, что дополнительные подарки призваны были заставить хана не гневаться за оказанное ему военное сопротивление. Но если в 70-е гг. XV в. в Москве сохранялась столь высокая степень пиетета к правителю Большой Орды (летописные рассказы о войне 1472 г., как было видно, обнаруживают совсем иное), то что могло побудить отказаться от уплаты выхода в 1479 г., когда Орда временно усилилась (Ахмату удалось привести в зависимость Астраханское ханство⁸⁸⁹)? Вероятнее предположить, что богатые дары хану и его приближенным, привезенные посольством Басенкова, должны были сгладить факт неуплаты выхода (за 1471 и 1472 гг.). Вместе с Басенковым в Москву прибыл посол Ахмата Кара-Кучюк, «а с ним множество татарь пословых было 6 сот, коих кормили, а гостей с коньми и со иным товаром было 3 тысячи и двѣстѣ, а конеи продажных было с ними боле 40 тысяч, и иного товару много»⁸⁹⁰. Относительная многочисленность официального посольства и невиданная — его «торговой части» производят впечатление сочетания демонстрации силы и одновременно расположения. 19 августа того же года Иван III отпустил Кара-Кучюка вместе с новым своим послом Дмитрием Лазаревым⁸⁹¹. Получил ли Ахматов посол выход? Очень сомнительно. 21 октября 1475 г. Лазарев «прибежал из Орды»⁸⁹², следовательно, отношения начали вновь обостряться; возможно, дело в том, что Лазареву уже не удалось, подобно Басенкову, задобрить хана одними подарками и он оказался в таком положении, что вынужден был бежать. 11 июля 1476 г. в Москву прибыл посол Ахмата Бочюка, «зовя великого князя ко царю в Орду, а с ним татаринов 50, а гостей с ним с конми и с товаром всяким с полшеста ста»⁸⁹³.

Вызова великого князя Московского в Орду не было с 1382 г. Если выход исправно поступал, какая была нужда в таком шаге? Предполагать, что вызов свидетельствовал о стремлении выдать Ивану ярлык на великое княжение из рук хана в Орде, как это происходило с его предшественниками⁸⁹⁴, нет достаточных оснований. Во-первых, тогда надо допускать, что Ахмат очень поздно спохватился — ведь он занимал престол Большой Орды уже как минимум восемь лет. Во-вторых, ни Василий I, ни Василий II, вступая на престол,

лично за ярлыком не ездили (в 1431–1432 гг. Василий II совершил визит в Орду по своей воле, а не по вызову). Наконец, у Ивана имелся ярлык, выданный отцом Ахмата Кичи-Мухаммедом. Смена хана также давно не считалась основанием для личного визита великого князя в Орду — Василий II не ездил туда после того, как место Улуг-Мухаммеда занял Кичи-Мухаммед (1437), да и Василий I после 1412 г. не совершал визитов, хотя, помимо ставленников Едигея, позже Джелал-ад-дина и Керим-Берди на престол вступали и «законные» ханы Кибяк, Джаббар-Берди и Улуг-Мухаммед. Очевидно, что для вызова великого князя в Орду должен был быть более серьезный повод. Как раз в 1476 г. Ахмат начинает активные действия, направленные на восстановление Орды в ее старых пределах: в этом году он захватил Крымское ханство, посадив там своего ставленника, позже возглавил коалицию (с сибирским ханом, Казахской и Ногайской Ордами), разбившую узбекского хана Шейх-Хайдара и привел в зависимость своего племянника — астраханского хана⁸⁹⁵. Требование, предъявленное Ивану III, стоит в этом ряду акций, направленных на реставрацию власти Орды в регионах, вышедших из-под ее влияния. Оно понятно только в случае, если Московское великое княжество относилось к их числу, и бессмысленно, если считать, что с него регулярно шел выход, так как это было бы бесспорным свидетельством признания ханской власти.

Таким образом, подвергать сомнению прямое известие Вологодско-Пермской летописи нет оснований и следует признать, что ко времени похода Ахмата выход не выплачивался девятый год. Это хронологическое указание может иметь два толкования. Если летопись точно воспроизводит слова хана, нужно полагать, что речь идет о девятом годе по принятому в Орде мусульманскому календарю. В этом случае поход Ахмата приходится на 885 г. хиджры, начавшийся в марте 1480 г. Поскольку выход выплачивался за прошлый, а не текущий год, «девятым» годом неуплаты следует считать 884 г. хиджры, а первым, следовательно, — 876-й, приходящийся на 19 июня 1471 — 7 июня 1472 г. Но возможно, что слова Ахмата подаются уже в «русской редакции» — летописцу было известно, что хан обвинял Ивана III в длительной неуплате дани, а ко-

личество лет он назвал, исходя из своего знания о времени прекращения выплат. В этом случае речь идет о принятом тогда на Руси сентябрьском стиле летосчисления. Начало похода Ахмата относится к 6688 г. Следовательно, девятым годом неуплаты будет 6687-й, а первым — 6679-й, приходящийся на сентябрь 1470 — август 1471 г. Сопоставление обоих вариантов позволяет прийти к заключению, что самый поздний срок отправки в Большую Орду последнего до событий 1480 г. выхода — 1471 г. (выплата за 6678 г., закончившийся 31 августа 1470 г.)⁸⁹⁶. Таким образом, не поход Ахмата был вызван неуплатой выхода⁸⁹⁷ (так как летом 1472 г., когда хан выступил в поход, делать вывод о неуплате за 1471 г. было еще рано, да и однолетние задержки выплат случались, по-видимому, нередко и не вызывали немедленной реакции), а наоборот — начало неуплаты было следствием неудачи хана.

Другим событием, последовавшим за конфликтом 1472 г., стало начало сношений с Крымским ханством. Первые дипломатические контакты с Крымом датируются концом 1472 — 1473 г.⁸⁹⁸ Зимой 1473—1474 гг. в Москву приехал посол хана Менгли-Гирея Хаджи-Баба (Ази-баба) с предложением установить отношения «братьев и друзей»⁸⁹⁹ (то есть равных партнеров); хан отказывался от претензий на взимание дани и иных платежей. В марте 1474 г. в Крым отправился посол Никита Беклемишев с поручением заключить договор, в котором специально оговаривался этот отказ («а пошлинам даражскимъ и инымъ пошлинамъ всѣмъ некоторымъ не быти»⁹⁰⁰) и предусматривался военный союз: «а другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти». Если бы Менгли-Гирей захотел вписать в этот пункт обязательство помочь ему в случае нападения Ахмата, послу поручалось соглашаться на это⁹⁰¹ только при соблюдении двух условий: если одновременно будут вписаны обязательства об аналогичной помощи Менгли-Гирея в случае похода Ахмата на Ивана III и о совместных действиях против короля Казимира в случае возникновения войны между ними и Иваном. Если бы хан потребовал в качестве условия союза полного разрыва Москвой дипломатических отношений с его врагом Ахматом, послу предписывалось говорить следующее: «Осподарю моему пословъ своихъ къ Ахмату царю какъ не посылати? или его посломъ

къ моему государю как не ходити? Осподаря моего отчина съ нимъ на одномъ полѣ, а кочюеть подлѣ отчину осподаря моего ежелѣтъ; ино тому не мощно быть, чтобы межи ихъ посломъ не ходити»⁹⁰². Аналогичный наказ был дан в марте 1475 г. следующему послу — Алексею Старкову. Камнем преткновения в переговорах стало нежелание крымского хана порывать сложившиеся у него дружественные отношения с Казимиром⁹⁰³.

В 1476 г. войска Ахмата дважды вторгались на Крымский полуостров, и хан Большой Орды сумел посадить на престол Крымского ханства своего ставленника Джанибека (по-видимому, он приходился Ахмату племянником)⁹⁰⁴. Вопрос о союзе с Крымом против Ахмата оказался временно снят с повестки дня⁹⁰⁵. Но когда в конце 1478 г. Менгли-Гирей с турецкой помощью вернул себе власть⁹⁰⁶, он сразу же возобновил переговоры с Москвой⁹⁰⁷, и отправившийся в Крым в апреле 1480 г. посол князь Иван Звенец заключил союзный договор, в котором были поименованы оба «вопчих недруга» — Ахмат и Казимир. При этом московская сторона по-прежнему не соглашалась отказать посылать к Ахмату послов⁹⁰⁸.

Таким образом, московские правящие круги в переговорах с Крымским ханством, имевших место до событий 1480 г., хотя и не желали резко рвать связи с Большой Ордой, тем не менее соглашались заключить военный союз против нее в случае соблюдения обоюдно выгодных условий. При этом в посольских документах нет намека на зависимое положение Москвы относительно Большой Орды: необходимость обмена послами с Ахматом объясняется близким соседством и традицией⁹⁰⁹. В свою очередь, стремление крымской стороны заполучить в лице Москвы союзника против Ахмата свидетельствует, что последнего в Крыму не рассматривали как сюзерена московского князя. Поскольку факт многолетней зависимости Руси от Орды для правящих кругов Крымского ханства не мог быть секретом, следует полагать, что во время предварительных контактов (то есть в конце 1472–1473 гг.) московская сторона дала понять, что отношений такого рода более не признает. Это — еще одно последствие московско-ордынского конфликта 1472 г.

Началом 1473 г. датируется изменение в формулировке пункта об отношениях с Ордой в договорных грамотах. До этого времени в них (и в духовных) термин «Орда» употреблялся исключительно в единственном числе⁹¹⁰. Множественное число — «Орды» — впервые появляется в договоре Ивана III с его братом, волоцким князем Борисом Васильевичем, заключенном 13 февраля 1473 г.

Официально утвержденный текст, грамота Ивана Борису: «А *Орды* (в грамотах предшествующего времени в данном месте «Орда». — *А. Г.*), брате, вѣдати и знати нам, великим князем. А тобѣ *Орды* не знати... А коли, брате, яз в *Орды* не дам, и мне у тебя не взяти»; грамота Бориса Ивану: «А *Орды*, господине, вѣдати и знати вам, великим князем. А мнѣ *Орды* не знати... А коли, господине, князь велики, ты в *Орды* не дашь, и тебѣ у меня не взята»⁹¹¹.

Правленный список с официально утвержденного текста, грамота Ивана Борису: «А *Орды*, брате, вѣдати и знати нам, великим князем. А тобѣ *Орды* не знати... А коли, брате, яз в *Орды* не дам, и мнѣ у тебя не взяти»⁹¹².

В официально утвержденных текстах наблюдается чередование единственного числа в слове «Орда» с множественным; в правленном списке единственное число устранено. В следующем по времени документе — докончании Ивана III с другим своим братом, углицким князем Андреем Васильевичем (14 сентября 1473 г.), единственное число «проскальзывает» лишь однажды (в семи сохранившихся экземплярах договора)⁹¹³. В более поздних грамотах (исключая те, где пункт об отношениях с Ордой дословно повторяет сказанное в договорах тех же князей, заключенных до 1473 г.⁹¹⁴) употребляется только множественное число⁹¹⁵. Данные факты имеют одно возможное объяснение: в феврале и в меньшей степени — в сентябре 1473 г. для писцов великокняжеской канцелярии множественное число в слове «Орда» было еще внове и они иногда по привычке проставляли единственное.

По мнению П. Н. Павлова, появление в 1473 г. множественного числа в слове «Орда» было связано с началом дипломатических отношений с Крымским ханством, в результате чего Орд, с которыми поддерживался контакт, стало две; Казанское же ханство, отношения с которым начались гораздо

раньше (в 40-е гг.), «Ордой» не именовалось⁹¹⁶. Но во-первых, еще в 40-е гг. XV в. московские князья имели контакты с двумя Ордами — Кичи-Мухаммеда и Сеид-Ахмета⁹¹⁷ (последняя распалась, напомним, во второй половине 50-х гг.). Во-вторых, задолго до 1473 г. были установлены контакты с Ногайской Ордой⁹¹⁸. Наконец, нет оснований считать, что Казанское ханство не включалось в число «Орд». В духовной грамоте Ивана III и в dokonчаниях его сыновей Василия и Юрия 1504 и 1531 гг. платежи в Крым, Астрахань, Казань и «Царевичев городок» (Касимов) обобщенно именуется «выходы ординские»; из договоров Василия с Юрием прямо следует, что нижеперечисленные образования являются «Ордами»: «А тобѣ Ордь не знати. А въ выходы ти в ординские, и в Крым, и в Асторохань, и в Казань, и во Царевичов городок...»⁹¹⁹. Поэтому и в духовной грамоте Ивана III, вологодского князя Андрея Васильевича, во фразе «что за меня в Орды давал, и в Казань, и в Городок царевичю» (на которую ссылается П. Н. Павлов как на свидетельство того, что Казань не считалась «Ордой») Казань и Городок следует понимать не как дополнение к «Ордам», а (аналогично грамотам 1504 и 1531 гг.) как раскрытие понятия «Орды» для данного конкретного случая⁹²⁰. Андрей задолжал брату именно по выплатам в Казань и касимовскому хану.

Таким образом, традиция контактов с несколькими «Ордами» насчитывала к началу 70-х гг. три десятилетия, но изменение единственного числа на множественное в договорных грамотах произошло только в начале 1473 г. Очевидно, причина здесь в ином: до этого времени употребление единственного числа было следствием особого отношения к ханам Большой Орды — сюзеренам московских князей; несмотря на фактический распад ордынской державы, в Москве продолжали признавать ее формальное единство под главенством этого правителя⁹²¹. В феврале же 1473 г. Большая Орда была приравнена к другим ханствам.

Польский хронист Ян Длугош, умерший в мае 1480 г. (то есть до событий на Угре), под 1479 г. поместил (в связи с темой отношений Польско-Литовского государства с Москвой) панегирическую характеристику Ивана III. Начинается она с утверждения, что московский князь, «свергнув

варварское иго, освободился со всеми своими княжествами и землями, и иго рабства, которое на всю Московию в течение долгого времени... давило, сбросил» (*excusso ivigo barbaro, vendicaverat se in libertatem cum omnibus suis principatibus et terris, et iugum servitutis, quo universa Moskwa a temporibus diutumis... premebatur, rejecit*)⁹²². Таким образом, еще до событий 1480 г. в Польше существовало представление, что Иван III покончил с властью Орды. Источником такого впечатления могла быть информация, почерпнутая в ходе дипломатических контактов Польско-Литовского государства с Москвой (которые в 70-е гг. поддерживались постоянно⁹²³).

В целом оказывается, что после конфликта 1472 г. имели место серьезные перемены в отношении к Большой Орде. Они отразились в следующем: 1) перестал выплачиваться выход (последняя выплата — в 1471 г.; очевидно, этот выход привез посол Григорий Волнин); 2) в отношениях с третьими странами Московское великое княжество стало, во-первых, считать для себя возможным (не позже марта 1474 г.) заключить военный союз против хана Большой Орды, во-вторых, по-видимому, заявлять о ликвидации зависимости от нее (в сношениях с Польско-Литовским государством и Крымским ханством); 3) в документах, регулирующих внутривнутриполитические отношения, Большая Орда была приравнена к другим татарским ханствам.

К этому же времени, то есть к первой половине — середине 70-х гг., относятся и примечательные явления в общественной мысли. Во-первых, в русском летописании появляются уничижительные эпитеты по отношению к ордынским ханам (чего прежде не допускалось). Махмуд в сообщениях о его походе на Переяславль-Рязанский 1460 г. и о несостоявшемся походе на Русь 1465 г. именуется «безбожным»⁹²⁴, это определение было внесено в текст не позже начала 70-х гг. (которым, по-видимому, датируется общий источник содержащих его летописей⁹²⁵). Ахмат в рассказе о его походе на Русь 1472 г., читающемся в летописях, восходящих к великокняжескому своду 1477 г.⁹²⁶, именуется «злочестивым»⁹²⁷. Во-вторых, в летописании 70-х гг. начинают активно прилагаться уничижительные эпитеты («безбожный», «окаянный») к основателю Золотой Орды — Батыю: они выступают в виде вставок

в древние тексты о взятии Киева в 1240 г. и об убиении в Орде князя Михаила Черниговского в 1246 г.⁹²⁸ Тогда же получила известность составленная Пахомием Сербом так называемая «Повесть о убиении Батыея», в которой утверждалось, что Батый потерпел поражение в Венгрии от православного короля Владислава и был им убит; в этом произведении наблюдается особенно высокая концентрация негативных характеристик Батыея («злочестивый», «злоименитый», «мучитель», «злейший», «губительный», «окаянный», «законопреступный», «лукавейший», «безбожный»)⁹²⁹. В 1472 г. было создано Житие Ионы, архиепископа Новгородского⁹³⁰. В нем упоминаются пророчества Ионы, якобы сулившего в начале 60-х гг. великому князю Василию II, а после его смерти — Ивану III, что именно в княжение Ивана Васильевича произойдет освобождение Руси от власти ордынских царей: «“Наипаче же свободу сынови твоему от ординских царей приати от Бога испрошу”... О сем пророчествѣ святителя старца услади князь и възвѣселися зѣло о обѣщании свободы сынови своему отъ ординских царей, вѣды непогрѣшательное словесь его... Святителя же тезоименная молитися свѣщаста о прошении князя, еже приати свободу отъ мучительства ординских царей и татарь...»⁹³¹. «По преставлении же великого князя Василя сынъ его Иванъ княжения хоругви приемъ, абие посылаетъ ко блаженному Ионѣ архиепископу в Великий Новѣград, моля его молитвовати за нь ко всесилному Богови, яко же преже обещася, въ еже утвердити княжение его и възвысити десницу его надъ врагы и во всемъ поспешитися. Еще же и освобождения и мучительства отъ ординских царей и татарь. Архиепископъ же Иона... заповѣда не истязати ему дани и по изведении Орды на браatii его. И яко Господь не презрит скорбящих слез и молитвъ многих, и имѣ же вѣсть судьбами, проженет Орду, точию самъ да честиво поживет и тихима очима власть свою правити»⁹³². В Житии, таким образом, впервые прямо говорится не только о возможности освобождения от ордынской власти, но и о желании великих князей (Василя II и Ивана III) освободиться и выражается убеждение, что это произойдет непременно в княжение Ивана III: Орда будет «проженена» (то есть прогнана) или «изведена».

В отличие от других названных выше произведений начала — середины 70-х гг., датируемых приблизительно, Житие Ионы имеет точный датирующий признак: «И второму лѣту уже исходящу по успении его»⁹³³. Поскольку Иона умер в начале ноября 6979 сентябрьского, то есть 1470 г.⁹³⁴, эти слова указывают на конец 6980 сентябрьского года, то есть на лето 1472 г. — время столкновения с Ахматом.

Создается впечатление, что именно в начале — середине 70-х гг. происходит «идеологическое осмысление» необходимости обретения независимости от Орды⁹³⁵, в окружении Ивана III складывается группировка, ратующая за непризнание ханского сюзеренитета, и ее мнение, судя по названным выше политическим шагам Москвы, оказывается преобладающим.

Очевидно, военный успех лета 1472 г. привел к серьезному решению — перестать признавать зависимость от Орды. Датируется такое решение промежутком времени от 1 августа 1472 г. (отступление Ахмата) до 13 февраля 1473 г. (дата договора Ивана III с Борисом Волоцким). Датировка может быть несколько сужена, если признавать достоверным свидетельство С. Герберштейна о роли в ликвидации атрибутов зависимости второй жены Ивана III, племянницы последнего византийского императора Софьи (Зои) Палеолог. Герберштейн (дважды — в 1517 и 1526 гг. — побывавший в России в качестве посла германского императора и австрийского эрцгерцога), рассказав об успешной деятельности Ивана III, писал: «Впрочем, как он ни был могущественен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным»⁹³⁶; далее автор рассказывает, что жена Ивана через своих послов уговорила «царицу татар» отдать ей татарское подворье в Кремле⁹³⁷.

Это известие, приписывающее Софье Палеолог иницирующую роль в ликвидации атрибутов зависимости от Орды, обычно расценивается как не соответствующее дей-

ствительности⁹³⁸. Однако очень вероятно, что Герберштейн почерпнул приведенные сведения из своих бесед с Юрием Дмитриевичем Траханиотом, приехавшим в Москву в свите Софьи (его отец Дмитрий Траханиот возглавлял делегацию)⁹³⁹; если это так, есть основания полагать, что за данным свидетельством могут стоять реальные факты (хотя и в расцвеченном виде)⁹⁴⁰. Поскольку Софья прибыла в Москву 12 ноября 1472 г.⁹⁴¹, уклонение Ивана от выполнения принятого при встрече ордынских послов ритуала может быть связано с посольствами от Ахмата 1474 и 1476 гг.⁹⁴² (позже известны только посольства от хана Большой Орды 1487 и зимы 1501–1502 гг.)⁹⁴³.

Если допустить достоверность сведений Герберштейна, временной промежуток принятия решения о непризнании зависимости сужается до трех месяцев — от 12 ноября 1472 г. до 13 февраля 1473 г. Не исключено, что именно в конце 1472 г. в Москву прибыло посольство от Ахмата, ритуал приема которого шокировал новую великую княгиню. После этого под влиянием сторонников активного противодействия Орде (чье мнение, отобразившееся в памятниках литературы начала 70-х гг., во время похода Ахмата летом 1472 г. пересилило советы «развратников», упоминаемых Вассианом) Иван III принял решение отказаться от соблюдения атрибутов зависимости⁹⁴⁴. Возможно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что действия хана в Москве были расценены как несправедливые, предпринятые при отсутствии какой-либо вины со стороны великого князя (новгородский поход московская сторона не могла рассматривать в качестве таковой, поскольку Новгород издавна считался «отчиной» великих князей и Орда всегда это признавала): а по тогдашним представлениям, если сюзерен чинит «неправду» и «обиду», отношения с ним могут быть разорваны⁹⁴⁵. Отныне Москва перестала выплачивать дань и стала заявлять о своей независимости в отношениях с третьими странами. Стремление Менгли-Гирея к союзу с Москвой против Большой Орды и известие Длугоша о свержении Иваном III «ига» свидетельствуют, что независимый статус Московской Руси был официально признан Крымским ханством и фактически осознавался в Польско-Литовском государстве.

В то же время Иван III не стремился обострять отношений с ханом. Успех посольства Басенкова 1473—1474 гг. свидетельствует, что ему не было предписано делать резкие заявления; наоборот, богатыми дарами посол должен был по возможности компенсировать неуплату выхода за 1471 и 1472 гг. Но когда выход не поступил и со следующим посольством (во главе с Лазаревым), обстановка стала накаляться. А в 1476 г., когда шел уже пятый год неуплаты, последовало требование Ахмата великому князю лично явиться в Орду. Его невыполнение привело к разрыву отношений, и тогда хан принял решение восстановить порушенный порядок силой.

В 1477—1478 гг. он был занят военными действиями в Средней Азии, 1479 г. ушел на переговоры с Литвой об антимосковском союзе⁹⁴⁶. Наконец, в 1480 г. хан подготовился к масштабному походу⁹⁴⁷.

Ситуация осложнялась возможностью одновременного выступления Казимира и тем, что дело происходило во время конфликта Ивана III с братьями — Борисом Волоцким и Андреем Углицким. На сей раз хан обошел окский рубеж с запада и вышел к левому притоку Оки Угре, двигаясь по литовским владениям. Однако расчет на соединение с Казимиром не оправдался⁹⁴⁸, а московские войска успели занять оборону. Попытки татар переправиться через Угру были неудачны. Тем временем мятежные братья примирились с Иваном. Великий князь 30 сентября приехал с театра военных действий в Москву, где пребывал около двух недель. В его окружении возникли разногласия: часть приближенных в сложившейся ситуации выступила за признание власти хана⁹⁴⁹. Активный сторонник решительных действий против Орды архиепископ Вассиан в эти дни пишет свое знаменитое послание Ивану III, в котором отобразились как особенности политической ситуации, так и ее восприятие современниками.

Обосновывая необходимость активных действий, Вассиан обращается к истории. Вначале он приводит аналогию между нынешними событиями и происходившими в 1380 г., призывая Ивана последовать примеру Дмитрия Донского, мужественно отразившего Мамай. Затем Вассиан переходит к рассуждениям по поводу главного пункта разногласий — права на сопротивление «царю»: «Аще ли еще любопришася и гла-

голеши, яко: “Под клятвою есмы от прародителей, — еже не поднимати руки противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати”, — послушай убо, боголюбивыи царю, аще клятва по нужи бывает, прощати о таковых и разрѣшати нам повелѣно есть, иже прощаем, и разрѣшаем, и благословляем, яко же святейший митрополит, тако же и мы, и весь боголюбивый събор, — не яко на царя, но яко на разбоиника, и хищника, и богоборца. Тѣм же луче бѣ солгавшу живот получитьи, нежели истинствовавшу погибнути, еже сети пущати тѣх в землю на разрушение и потребление всему христьянству и святыхъ церквей запустѣние и осквернение. И не подобитися окаанному оному Ироду, иже не хотѣ клятвы преступити и погибе. И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель, научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русскихъ стран христьянскому царю! Но точию нашего ради согрешѣния и неисправления к Богу, паче же отчаания, и еже не уповати на Бога, попусти Богъ на преже тебе прародителей твоихъ и на всю землю нашу окаанного Батыя, иже пришед разбоинически и поплени всю землю нашу и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска»⁹⁵⁰.

По мнению Ю. Г. Алексеева, приписывание Вассианом Ивану III нежелания «поднимать руку против царя» (кстати, здесь у Вассиана дословное повторение летописного объяснения отказа Дмитрия Донского от открытого боя с Тохтамышем) является чисто литературным приемом, не имеющим реальной почвы⁹⁵¹. Но вряд ли в послании, непосредственно обращенном к великому князю, Вассиан мог бы приписывать ему мысли, которые никогда не посещали и не могли посетить его адресата. Психологический барьер, из-за которого было сложно заставить себя вести активные военные действия против «главного» татарского хана, в течение более чем двух столетий считавшегося правителем более высокого ранга, чем кто-либо из русских князей, продолжал существовать⁹⁵². Вассиан опровергает не вымышленный им, а реальный аргумент, который, скорее всего, высказывался напрямую группировкой «примиренцев» — «прежних развратников», советующих Ивану, по словам Вассиана, «не

противитися сопостатом, но отступити»⁹⁵³. Чтобы опровергнуть этот аргумент, духовник великого князя осуществляет резкий разрыв с традицией, признающей легитимность власти татарских ханов. Он объявляет Ахмата самозванным царем («сему богостудному и скверному самому называющуюся царю»), но не потому, что он является (подобно Мамаю) узурпатором (ханское происхождение Ахмата сомнений не вызвало), а потому, что и сам Батый, завоевавший Русь, не был царем и не был царским род, к которому он принадлежал, то есть род Чингисхана. Таким образом, чтобы подвинуть Ивана III на активные действия, Вассиан не только объявляет его равным татарскому царю, но отказывает в царском достоинстве всем Чингисидам⁹⁵⁴, то есть объявляет нелегитимными все 230 лет их сюзеренитета над Русью⁹⁵⁵.

Далее Вассиан пишет о необходимости покаяния, после которого Господь «свободит и избавит» от Ахмата, и, перечислив аналогии (наказание за грехи порабощением — покаяние — избавление от «работы») из библейской истории, подчеркивает, что в случае, «аще покаемся вседушевно престоати от грѣха, и возставит нам Господь тебе, государя нашего, яко же дрѣвле Моисея и Исуса и иных, свободивших Израиля. Тебе же подасть нам Господь свободителя новому Израилю, христоименитым людем, от сего окаанного, хвалящегося на ны, новаго фараона, поганого Ахмата»⁹⁵⁶.

Ссылка на «порабощение» Руси Батыем и библейские параллели не позволяют согласиться с мнением, что речь у Вассиана идет о «метафорическом», а не «политическом» рабстве, о возможном порабощении в результате похода Ахмата, а не о многолетней зависимости⁹⁵⁷. Но нет и оснований полагать, что Вассиан рассматривает состояние рабства («работы») как сегодняшнюю реальность. Если, приводя библейские аналогии, он говорит об «избавлении от работы», то в отношении нынешних событий — об «освобождении и избавлении» от Ахмата. Можно, конечно, считать, что Ахмат персонифицирует собой «работу». Но приводимые Вассианом параллели с Мамаем, который пытался *восстановить* власть над Московским великим княжеством, фактически не признаваемую Дмитрием Ивановичем с 1374 г., и с библейским фараоном, окончательное избавление от которого при-

шло, когда он пытался *вернуть* народ Израиля в египетское рабство, свидетельствуют в пользу того, что и в данном случае имеется в виду угроза восстановления отношений, фактически уже отсутствующих. Об этом говорит и именование Вассианом Ивана III «царем», а его державы — «царством»⁹⁵⁸. Употребление такой терминологии было призвано подчеркнуть суверенность власти Ивана III и независимость возглавляемого им государства, внушая тем самым мысль, что претензии хана не должны порождать у великого князя сомнений на этот счет.

Вассиан явно исходил из «переходного характера» ситуации: Московская Русь фактически уже независима, но это еще по-настоящему не осознано, а нашествие Ахмата создает впечатление, что ничего не переменялось; чтобы разрушить это впечатление, необходимо действовать решительно и одержать победу над противником.

Между тем колебания великого князя были вполне реальны, более того, какое-то время он явно склонялся к позиции «примиренцев» — согласно рассказу Львовской и Софийской II летописей, «ко царю... послал Ивана Товаркова с челобитьем и з дары, прося жалованья, чтоб отступил прочь, а улусу бы своего не велел воевати»⁹⁵⁹ — и был готов в обмен на уход татарского войска признать, что Московское великое княжество является по-прежнему «царевым улусом» — зависимым от Орды государством. Но Ахмат не удовлетворился дарами и таким формальным признанием зависимости, требуя личного приезда великого князя. Когда стало ясно, что этого не произойдет, хан смягчил требование, предлагая прислать вместо себя сына или брата. Когда Иван не сделал и этого, Ахмат предложил прислать Никифора Басенкова⁹⁶⁰. Предложение отправить посла-боярина было совсем уже мягким и неоскорбительным. Тем не менее великий князь не пошел и на это. По-видимому, за время, прошедшее с отъезда Товаркова, он поддался влиянию группировки, ратовавшей за решительный отпор хану⁹⁶¹. Возможно также, что поступили сведения о неготовности татарского войска продолжать кампанию в условиях подступавших зимних холодов⁹⁶².

В начале второй декады ноября Ахмат начал поспешное отступление. Отходя, хан разграбил верхнеокские владения

Литвы, а отряд во главе с его сыном Муртозой пытался сделать то же с московскими волостями на правобережье Оки, но отряды братьев великого князя не позволили ему этого⁹⁶³.

Бесславный уход хана Большой Орды с Угры подстегнул к выступлению против него недавних союзников — правителей сибирских татар и ногаев, которых не могло не беспокоить стремление Ахмата распространить свою власть на всю территорию Орды в прежних пределах. Сибирский хан Ивак и ногайские мурзы с 16 тысячами всадников переправились через Волгу и ранним утром 6 января 1481 г. вышли к большеордынскому зимовищу, расположившемуся близ Азова. Стан охранялся плохо, нападение было внезапным. Ивак и мурза Ямгурчей (правнук Едигея и двоюродный племянник Ахматова беклярибека Темира) ворвались в шатер не успевшего отойти от сна хана, и последний, кто попытался возродить былое могущество державы Джучидов, получил смертельный удар. Застигнутые врасплох гибелью Ахмата, татары Большой Орды не оказали сопротивления (сыновья хана кочевали отдельно, и при нем было, видимо, относительно немного воинов), и лагерь подвергся разгрому⁹⁶⁴.

В договорах Ивана III со своими братьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким, заключенных 2 февраля 1481 г., появляется новое изменение формулировки пункта об отношениях с Ордой — указание размера выплат в 1000 рублей⁹⁶⁵. Эта сумма много уступает размеру выхода, собираемого с территории Московского великого княжества в первой трети XV в., — 7000 рублей⁹⁶⁶. Поэтому представляется справедливым мнение, что включение упоминания о тысячерублевом размере выхода связано с событиями 1480 г.⁹⁶⁷: после поражения Ахмата (причем еще до получения вестей, во всяком случае надежных, о его гибели⁹⁶⁸) Москва перестала признавать даже возможность выплаты прежнего выхода Большой Орде и под традиционным названием «выходов» фигурирует теперь общая примерная сумма издержек на отношения с татарскими ханствами. Ее содержание раскрывается в духовной Ивана III 1504 г.: «А дѣти мои, Юрьи з братьею, дают сыну моему Василью съ своих уделов в выходы в ординские, и въ Крым, и в Азтарахань, и в Казань, и во Царевичев городок, и в ыные цари и во царевичи, которые будут

у сына моего у Василья въ землѣ, и в послы татарские, которые придут къ Москвѣ, и ко Тѣбри, и к Новугороду к Нижнему, и къ Ярославлю, и к Торусе, и к Рязани къ Старои, и к Перевитску ко князи Феодоровскому жеребью рязанского, и во всѣ татарские проторы, въ тысячу рублѣв... (далее распределение сумм между сыновьями. — А. Г.)... А будет того болѣ или менши татарской протор, и сын мои Василеи, и мои дѣти, Юрьи з братьею, и братанич мои Феодоръ, дают по розочту»⁹⁶⁹. Ликвидация Большой Орды в 1502 г. не изменила примерную сумму выплат: следовательно, издержки на Большую Орду в грамотах, появившихся между 1480 и 1502 г.⁹⁷⁰, если и предусматривались, то в общем ряду с издержками на отношения с другими ханствами.

После гибели Ахмата Большая Орда существовала в условиях то усиливавшейся, то затухающей борьбы между его сыновьями. Первоначально власть перешла к Муртозе и Сид-Ахмету. В первой половине 90-х гг. с ними стал активно соперничать Ших-Ахмет, в конце концов ставший верховным правителем⁹⁷¹.

Политика Ивана III по отношению к Орде Ахматовых детей сводилась к тому, чтобы нейтрализовать ее благодаря сохранявшемуся союзу с Крымским ханством. В 1485—1491 гг. (до 1485 г. Ахматовичи не проявляли активности, очевидно, из-за междоусобной борьбы) между Крымом и Большой Ордой происходили постоянные столкновения с переменным успехом. Менгли-Гирей неоднократно просил великого князя о военной поддержке, но Иван посылал войска очень неохотно, причем это были преимущественно не собственно русские отряды, а служилые татары, а также казанцы (в 1487 г. Казанское ханство перешло под московский протекторат⁹⁷²). В 1487 г. великий князь посылал «под Орду» касимовских татар и своих людей под командованием брата Менгли-Гирея Нурдовлата, бывшего тогда касимовским «царем», а в 1490 и 1491 гг. — отряды его сына Сатылгана; в последнем случае в походе участвовали казанцы и русская рать. Но всякий раз до решительных столкновений с войсками Большой Орды дело не доходило⁹⁷³.

Непосредственные дипломатические контакты Москвы и Большой Орды в «послеахматову» эпоху стали нечастыми.

В августе 1487 г. в Москву приехали послы — «оть Муртозы царя Хозомбердей, а оть Седехмата царя Ботуй». Одновременно специальный посланник Муртозы Шихбагул привез два письма от своего хана. Одно из них было адресовано Ивану III, другое — Нурдовлату⁹⁷⁴. Последнего Муртоза задумал посадить на место своего злейшего врага Менгли-Гирея. Этому замыслу и подчинены оба письма.

Начальный протокол послания к Ивану III звучит как «Муртозино слово Ивану», то есть письмо является ярлыком — посланием хана нижестоящему правителю. Однако видеть здесь свидетельство претензий Муртозы на роль сюзерена достаточных оснований нет. В переписке московского князя и Менгли-Гирея, отношения с которым изначально строились как «братские и дружеские», то есть союзные, а не вассальные, прослеживается тем не менее целый ряд особенностей, подчеркивающих более высокий ранг хана (включая и именование его посланий Ивану III «словами»)⁹⁷⁵. Дело в том, что и Менгли-Гирей, и Муртоза, не будучи сюзеренами великого князя, продолжали считаться правителями более высокого ранга в системе международных отношений в целом, так как признавались (как на Руси, так и у ее западных соседей) «царями», то есть носителями более высокого титула. В содержании же писем Муртозы нет претензий на отношение к московскому князю как к вассалу. В письме Ивану хан просит отпустить Нурдовлата к нему («А нынѣча... у тебя Нурдовлата царя просити... слугу своего послал есми»), пытается доказать, что воцарение последнего в Крыму будет выгодно и Москве: «Менгли-Гирей царь тобѣ друг учинился, а Нурдовлатъ царь вѣдь тобѣ не недруг жо». В письме к Нурдовлату Муртоза, уговаривая адресата стать его союзником, пишет, что ему неприятно видеть Нурдовлата живущим «промеж неверных» (то есть немусульман). Если бы хан Большой Орды считал себя сюзереном московского князя, было бы естественно посетовать на другое обстоятельство — что брату крымского хана приходится служить правителю, зависимому от Муртозы.

Письмо Нурдовлату датируется 891 г. хиджры, который закончился в декабре 1486 г., а посольство пришло только в августе 1487 г. Очевидно, его приезд задержали воен-

ные действия (во время которых войско под командованием Нурдовлата ходило в степь). Целью основного посольства от Муртозы и Сеид-Ахмета и было, по-видимому, прекращение состояния войны между Большой Ордой и Москвой, что должно было развязать Ахматовичам руки в борьбе с Крымом. Этого результата посольство явно не достигло, так как в наказе послу в Крым от 23 октября 1487 г. предусматривался как реальный вариант развития событий поход Муртозы и Сеид-Ахмета против великого князя⁹⁷⁶. Не достигли цели и письма Муртозы: Иван III не допустил Шихбагулу к Нурдовлату, а копии обоих посланий переслал Менгли-Гирею⁹⁷⁷.

В 1492 г. в Москву приходило посольство от ордынских «князей» Азики и Тевекеля с предложением, «чтобы князь велики съ ордынскими цари быль въ братствѣ и въ дружбе», как с Менгли-Гиреем. Посольство не имело результата, Иван III отпустил послов «ни съ чѣмъ»⁹⁷⁸. В том же году (видимо, незадолго до посольства) имел место первый после смерти Ахмата незначительный набег ордынских татар на московские владения. Они «пограбили» район Алексина; великокняжеский отряд пустился в погоню и нанес ордынцам поражение⁹⁷⁹.

Вновь обострившаяся после 1492 г. междоусобная борьба и участвовавшие голодовки продолжали ослаблять Орду⁹⁸⁰. Последний акт ее двухсотшестидесятилетней истории наступил в первые годы XVI столетия.

В 1500 г. началась московско-литовская война. Московские войска заняли входившую в состав Великого княжества Литовского Чернигово-Северскую землю и разбили литовские силы на реке Ведроше⁹⁸¹. После этого великий князь Литовский Александр Казимирович стал активно побуждать Ших-Ахмета выступить против Москвы⁹⁸². И в следующем году хан двинулся к Верхнему Дону. Сюда же отправился союзник Ивана III в войне с Литвой Менгли-Гирей. По его просьбе великий князь направил в помощь находившегося у него на службе бывшего казанского хана Мухаммед-Эмина (в 1496 г. он на время потерял престол; до января 1502 г. в Казани правил, тоже с санкции Москвы, другой сын царицы Нурсултан — Абдул-Латыф⁹⁸³), князя Василия Ноздреватого и отряды рязанских князей. Но до битвы дело не дошло,

так как Менгли-Гирей, простояв против Ших-Ахмета на реке Тихой Сосне всего пять дней, вернулся в Крым. Ших-Ахмет же после этого повоёвал только что присоединенные к Московскому государству северские земли, после чего отошел зимовать в степь близ границ Киевщины и Северщины⁹⁸⁴.

Сразу же после этих событий Иван III направил к «князю» Тевекелю (сыну Темира, второму в то время после хана человеку в Орде) послание, прося о посредничестве в переговорах с Ших-Ахметом. Как писал позже Тевекель Александру Казимировичу, великий князь изъявил готовность признать свою зависимость от хана: «ратаи и холоп его буду»⁹⁸⁵. Можно сомневаться в точности передачи слов Ивана Тевекелем, но сама готовность формально признать зависимость, видимо, действительно имела место⁹⁸⁶. В результате в декабре 1501 г. в Москву прибыл посол Ших-Ахмета «князь Хазсогеря»; одновременно в Москве побывали послы от ногаев, до этого враждебно настроенных к Ивану III и казанскому хану. В начале марта 1502 г. великий князь отпустил Хазсогерю и направил с ним своего посла ясельничего Давыда Лихорева⁹⁸⁷. Поскольку Ших-Ахмет позже (летом 1502 г.) писал Александру Казимировичу, что Иван, желая разрушить ордынско-литовский союз, прислал ему выплаты, которых не давал его отцу и братьям⁹⁸⁸, следует полагать, что посольство Лихорева привезло в Большую Орду сумму, равную прежнему выходу за один год или несколько лет. Что стоит за всеми этими событиями, выглядящими довольно парадоксально после тридцатилетнего непризнания ордынской власти и невыплаты дани?

Разумеется, Иван III не собирался добровольно восстанавливать отношения зависимости⁹⁸⁹: одновременно с посольством Лихорева в Крым был отправлен посол Алексей Заболоцкий с наказом поднять Менгли-Гирея в поход на Большую Орду для нанесения ей решающего удара⁹⁹⁰. Ситуация для Ивана III осенью 1501 г. сложилась угрожающая. В этом году в войну против Москвы вступил Ливонский орден; в октябре 1501 г. Александр Казимирович был избран королем Польши, что порождало возможность вступления в войну польских коронных войск; южному фронту угрожал Ших-Ахмет⁹⁹¹. Союзник же Москвы Менгли-Гирей был да-

леко и пока не проявил большой активности. В этих условиях необходимо было нейтрализовать Ших-Ахмета и, если удастся, посеять рознь между ним и Александром. В наказе Заболоцкому было предписано объяснить Менгли-Гирею, что посол Ших-Ахмета предложил Ивану отойти от союза с Крымом в обмен на отход хана от союза с Литвой; поврать с Менгли-Гиреем великий князь не согласился, а своего посла к Ших-Ахмету направил, чтобы способствовать расстройству ордынско-литовского союза⁹⁹².

Ших-Ахмет также находился в сложном положении. Ему угрожали одновременно Крым и Москва, а Александр был полностью поглощен польскими делами. Хану необходим был мир с Москвой до тех пор, пока не придет военная помощь от Литвы, о которой он настойчиво постоянно просил⁹⁹³.

Однако примечательно, что ради достижения краткосрочных политических целей Иван III пошел на формальное признание зависимости от хана и выплату дани. Это выглядит особенно контрастно, если вспомнить, какое большое значение великий князь придавал атрибутам суверенности своей власти в сношениях с европейскими государствами⁹⁹⁴. Очевидно, с Ордой все выглядело иначе — как ни слаб ее хан, по традиции он имеет право на сюзеренитет над великим князем, и притворно признать это было не зорно.

В феврале—марте 1502 г. между Ордой и Литвой обозначилась «рознь»⁹⁹⁵: вызвана она была, впрочем, не столько усилиями московской дипломатии, сколько тем, что ордынцы в условиях суровой и холодной зимы стали опустошать пограничные приднепровские владения Литвы⁹⁹⁶.

В апреле ордынские татары перехватили крымского посла в Москву, везшего послание, из которого недвусмысленно следовало, что Иван III активно поддерживает стремление Менгли-Гирея покончить с Большой Ордой⁹⁹⁷. После этого изменилось отношение к посольству Лихорева — посол и его люди оказались в положении полупленников⁹⁹⁸. В мае Менгли-Гирей наконец выступил в поход и в начале июня в районе рек Самары и Сулы (левых притоков Днепра) «взял» Орду Ших-Ахмета; остатки Большой Орды были выведены в Крым⁹⁹⁹. Бежавший Ших-Ахмет прихватил с собой

Лихорева, но вскоре отпустил его в Москву вместе со своим послом Чятырбаем, привезшим новые предложения (позже они были повторены еще двумя посольствами хана): в обмен на отход от союза с Литвой и нейтральное отношение к Крыму лишившийся подданных Ших-Ахмет просил великого князя «достать» ему престол Астраханского ханства¹⁰⁰⁰. Переговоры относительно Астрахани не дали результата; после неудачной попытки антикрымского союза с ногайскими мурзами Ших-Ахмет укрылся (зимой 1503—1504 гг.) в Великом княжестве Литовском, где провел остаток своих дней на положении почетного пленника¹⁰⁰¹.

Таким образом, в правление Ивана III произошли решающие перемены в отношениях с Ордой. Уже в первые годы его княжения определился сдвиг к более независимой политике. В начале — середине 70-х гг. в «общественной мысли» начинает утверждаться идея возможности полного освобождения из-под власти ордынского «царя». По-видимому, немалую роль здесь сыграло крепнущее убеждение в «царском» (= суверенном) характере власти самого великого князя Московского. Неудачный поход Ахмата на Москву 1472 г. послужил поводом для прекращения даннических отношений. Впервые в Москве не признали власти законного правителя Орды. Москва стала заявлять о своей независимости в сношениях с третьими странами, хотя и не решалась открыто рвать контакты с Большой Ордой. После второй военной неудачи Ахмата — в 1480 г. — независимый статус Московского государства определился окончательно. После 1480 г. наступающей стороной в московско-ордынских отношениях стало Московское великое княжество¹⁰⁰², хотя Иван III и предпочитал действовать против Орды преимущественно руками союзных, зависимых и служилых татарских правителей.

При всей бесспорной значимости 1480 г. в истории ликвидации зависимости он не выглядит более важной вехой, чем год 1472, поскольку именно тогда Иван Васильевич и его окружение перестали признавать зависимость от Большой Орды. В мировой практике обретение странами независимости принято относить ко времени, когда освобождающаяся от иноземной власти страна начинает считать себя независимой, а не ко времени, когда эту независимость признает

«угнетающая сторона»¹⁰⁰³. Поэтому если ставить вопрос, какую из двух дат — 1472 или 1480 г. — считать датой начала независимого существования Московского государства, предпочтение следует, на мой взгляд, отдать 1472 г.

Надо в связи с этим заметить, что привычное представление о 1480 г. как дате ликвидации власти Орды сложилось не у современников и, более того, даже за пределами русского средневековья вообще.

Источники конца XV и первой половины XVI в. не содержат трактовки случившегося в 1480 г. как освобождения от многолетней зависимости¹⁰⁰⁴. Первый отечественный памятник, говорящий о самом факте освобождения, датируется серединой XVI в. — это послание к Ивану IV (вероятнее всего, написанное Сильвестром¹⁰⁰⁵). О походе Ахмата на Русь здесь говорится в самых общих выражениях: «гордый царь Ахмать Болшия Орды воздвигъ помысль лукавъ на Рускую землю, со многими орды, съ великими похвалами во многихъ силахъ вооружився, пришель на Русскую землю со множествомъ многимъ воинствомъ, великою гордостью дышюще, помысливъ высокоумиемъ своимъ и рече: избию все Князи Русские, и буду единъ властець на лица всея земля, а не вѣдый, яко мечъ Божий острица на нь. И восхотѣ пленити всю Рускую землю...»¹⁰⁰⁶. Нет ни одной конкретной детали, указывающей на то, что речь идет именно и только о походе 1480 г. Далее (также в общих выражениях) упоминаются бегство и гибель Ахмата и последующее полное уничтожение Орды (в действительности имевшее место только спустя двадцать с лишним лет), и после этого констатируется, что «православныхъ великихъ князей Господь Богъ рогъ возвыси и отъ нечестивыхъ поганыхъ царей свободи»¹⁰⁰⁷. В созданной несколько позже (не ранее 60-х гг. XVI в.) «Казанской истории» события излагаются в следующей последовательности: Ахмат вступает на престол, посылает к Ивану III послов с требованием дани за прошлые годы, великий князь отказывается и царь выступает в поход. В рассказе о походе упоминаются Угра и ряд конкретных деталей событий 1480 г. (включая дату), но, кроме того, говорится о разорении «Орды» (в смысле оставленной Ахматом без защиты степной ставки) «служилым царем» великого князя Нурдов-

латом и князем Василием Ноздреватым¹⁰⁰⁸. В 1480 г. ничего подобного не происходило: возникновению такой легенды могли способствовать события, имевшие место в другие годы. В 1471 г. вятчане (спустившись, как и Нурдовлат с Василием Ноздреватым в «Казанской истории», в судах по Волге) разорили Сарай; в 1472 г. отступление Ахмата на Руси связывали, в частности, с боязнью, что служилые царевичи великого князя Данияр и Муртоза «возьмут Орду»; в 1481 г. зимовище Ахмата было разгромлено сибирским ханом и ногайскими мурзами¹⁰⁰⁹; в 1487 г. Иван III посылал «под Орду» Нурдовлата, а в 1490 и 1491 гг. — его сына Сатылгана; в 1501 г. на Орду ходил Василий Ноздреватый; наконец, в 1502 г. с Ордой закончил брат Нурдовлата Менгли-Гирей. Далее в «Казанской истории» говорится об отступлении и гибели Ахмата и подводится итог: «И тако скончашася цари ординстии, и таковым Божиим промыслом погибе царство и власть великия Орды Златыя. И тогда великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманского».

Очевидно, что в Послании Сильвестра и «Казанской истории» события московско-ордынских отношений при Иване III (от вступления Ахмата на ордынский престол во второй половине 60-х гг. XV в. до гибели Орды в 1502 г.) не расчленены во времени и освобождение от ига связывается с их совокупностью. При этом два ордынских похода — скоротечный 1472 г. и более длительный 1480 г., — одинаковые по своему результату (бесславное отступление врага), в памяти потомков слились в один, а гибель Орды стала отождествляться с гибелью Ахмата. Следовательно, и для середины — второй половины XVI в. нет оснований говорить о возникновении представления, что освобождение от ига связано именно и только с событиями 1480 г.¹⁰¹⁰; этот вывод принадлежит уже исторической науке Нового времени¹⁰¹¹.

Заключение

Анализ развития московско-ордынских отношений за два лишним столетия позволил прийти к следующим выводам.

Необходимо внести существенные уточнения в такие установившиеся понятия, как «поддержка Ордой Москвы» и «борьба за свержение ордынского ига». В последние два десятилетия XIII в. молодое Московское княжество (и ряд других) поддерживал один из двух соперничающих правителей Орды — Ногай. В начале XIV в., после восстановления единовластия в Орде, московские князья, если не считать короткого периода в 1317–1322 гг., не пользовались ханским благоволением. Затем, после 1327 г., последовал 30-летний период, когда Орда лояльно (за единичными исключениями) относилась к деятельности правителей Московского княжества. Этот отрезок времени, безусловно, многое дал в плане накопления экономического и политического потенциала Москвы. Можно сказать, что традиционная ордынская политика недопущения чрезмерного усиления кого-либо из вассальных правителей, политика, не позволившая в первой половине XIV в. усилиться Твери (а еще ранее в Юго-Восточной Руси — Брянску), в данном случае дала сбой. И последовавшие затем попытки отнять Великое княжение Владимирское у московского князя не дали результата ни в условиях «замятни» в Орде, ни при наличии в ней относительно сильного правителя — Мамай. А Тохтамышу пришлось фактически признать верховенство Москвы в северных и восточных русских зем-

лях как необратимую реальность. Для последующего времени само понятие «поддержка Ордой Москвы» не имеет смысла (Едигей оказывал помощь против Литвы на союзнической основе, в 1431—1432 гг. оба претендента на великокняжеский стол были представителями московского дома).

Что касается борьбы за освобождение, то следует констатировать, что сознательная борьба за ликвидацию сюзеренитета ордынского хана — «царя» — не прослеживается вплоть до княжения Ивана III (это относится не только к Москве, но и к другим северным русским землям). Ранее можно говорить об актах сопротивления представителям иноземной власти, о случаях неподчинения князей ханской воле, о конфронтации с Ордой, возглавляемой узурпаторами, об обороне своих территорий от ордынских войск (в том числе в некоторых случаях — и во время походов законного правящего «царя»), — но за всем этим не стояло стремление полностью покончить с зависимостью. В глазах московских правящих кругов «царь» (если он реально правил в Орде) являлся легитимным сюзереном великого князя.

При Данииле Александровиче в 1282—1296 гг. сюзереном в Москве признавали Ногая, и соответственно Московское княжество вместе с союзниками оказалось в конфронтации с саранскими ханами. В начале XIV в. Даниил, а затем Юрий Данилович неоднократно шли на косвенное и прямое неподчинение ханской воле (чаще, чем тверские князья, которым нередко приписывается стремление в этот период «свергнуть иго» или, во всяком случае, более независимая позиция, чем у князей московских). Открытое неподчинение Орде, переросшее в вооруженную борьбу с ней, произошло в период, когда власть там попала в руки нелегитимного правителя (Мамай). С восстановлением «законной» власти была предпринята попытка ограничиться чисто номинальным, без уплаты дани, признанием верховенства «царя», но военное поражение 1382 г. ее сорвало. Тем не менее отношение к иноземной власти изменилось: стало очевидным, что при определенных условиях возможно ее непризнание и успешное военное противостояние Орде, была документально зафиксирована надежда на скорое прекращение зависимости. И во время нового периода правления узурпатора (Едигея)

наблюдается также фактическое неподчинение власти Орды (хотя и в более пассивных формах, чем при Дмитрие Донском), прекратившееся не в результате похода 1408 г., а с восстановлением в Орде в 1412-м, а затем в 1420 г. власти «законных» ханов. Позднее до 1460 г. не было ни столкновений с правящим ханом Орды, ни кардинальных изменений в отношениях с ней.

К концу правления Василия II и в начале правления Ивана III, помимо общего усиления Московского великого княжества и некоторого ослабления Орды в результате борьбы двух сыновей Кичи-Мухаммеда, начала подспудно действовать идея перехода к московскому великому князю из павшей Византийской империи царского достоинства, несовместимого с признанием власти ордынского царя. После того как к сочетанию этих факторов добавился «несправедливый» с московской точки зрения и удачно отраженный поход Ахмата 1472 г., в Москве возобладало мнение о возможности непризнания вассальных отношений с «царем» (впервые — ранее это допускалось только в отношении узурпаторов). Выплата дани была прекращена. Половинчатость решения заключалась в том, что, заявляя о своей независимости в дипломатических сношениях с третьими странами, московские правящие круги не делали этого в контактах с самим ханом Большой Орды, стремясь не доводить дело до нового военного столкновения. К 1480 г. оно все же стало неизбежным, но не принесло успеха Ахмату, несмотря на то что во второй половине 70-х гг. он достиг пика своего могущества. Впоследствии Москва была уже «наступающей» стороной.

Непосредственные рычаги сдвигов в отношениях с Ордой кроются, таким образом, не столько в изменениях соотношения сил, сколько в переменах в восприятии иноземной власти общественным сознанием (другое дело, что эти перемены происходили, разумеется, под влиянием событий в политическом развитии Орды, Руси и Восточной Европы в целом). И имевшие место случаи длительного фактического непризнания ордынской власти (1374—1380, 1396—1411, 1414—1416 и 1417—1419 гг.), и само освобождение от зависимости были инициированы не ослаблением Орды (которая в 70-е гг. XIV в. была сильнее, чем в 60-е, при Едигее — силь-

нее, чем в 20-е годы XV в., а в 70-е гг. XV в. — сильнее, чем в 60-е), а неприятием, по тем или иным причинам, ее правителей в качестве законных сюзеренов московских князей.

Если говорить о роли отдельных правителей в становлении Московского государства, как она вырисовывается при рассмотрении московско-ордынских отношений, то деятелем, заложившим первые камни в основание московского могущества, оказывается Даниил Александрович. Его сыновья, при всем различии их действий (у Юрия — более рискованные, с меньшей оглядкой на Орду, у Ивана — более осторожные, при соблюдении полной лояльности хану), опирались на созданный Даниилом фундамент. Ивана Калиту неверно рассматривать как «создателя Московского государства». При нем не произошло более принципиальных сдвигов, чем при его предшественниках; переход по смерти Калиты великого княжения к Семену Ивановичу не означал его закрепления за московским княжеским домом. Действительно решительные изменения связаны с именем Дмитрия Донского. Он добился признания (в том числе Ордой) Великого княжества Владимирского наследственным владением московских князей, в результате чего была создана основа государственной территории будущей России. Объем сюзеренитета ордынского хана при Дмитрии резко сузился: Орда продолжала уплачивать дань, но она уже не могла, как прежде, серьезно влиять на внутреннюю структуру севернорусских земель (это влияние ограничилось попытками воссоздания в XV в. Нижегородского княжества). Другие кардинальные шаги — присоединение Новгорода (1478) и Твери (1485) и полная ликвидация зависимости от Орды — были сделаны в княжение Ивана III.

В научном творчестве моего отца, Анатолия Дмитриевича Горского (15. III.1923—8. VII.1988), тема отношений с Ордой занимала видное место. Она рассматривалась как в специальных статьях (об отражении ига в актах¹, об обороне Москвы от войск Батые², об историографии Куликовской битвы³), так и в работах, посвященных истории русского крестьянства XIV—XV вв.⁴ И последним его публичным выступлением — на чтениях памяти В. Т. Пашуто в апреле 1988 г. — был доклад «Отражение русско-ордынских отношений в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV — начала XVI в.» Работу над этой темой предполагалось продолжить. В сохранившемся виде она являет собой систематизированную сводку сведений об отношениях с Ордой, дошедших в текстах духовных и договорных грамот⁵.

А. Д. Горский

Отражение русско-ордынских отношений
в духовных и договорных грамотах
великих и удельных князей XIV — начала XVI в.

Духовные и договорные грамоты являются важнейшим источником по политической, социально-экономической и культурной истории Руси, по истории междукняжеских отношений, внешней политики, в том числе по истории русско-ордынских отношений XIV — начала XVI в. Чрезвычайно

важно, что это документальные источники, дающие ценный материал конкретно-исторического характера для освещения не только тех социально-политических процессов, которые происходили как во внутренне-, так и во внешнеполитической жизни страны, но и отдельных событий и явлений. Многие из таких известий носят поистине уникальный характер. Достаточно вспомнить, что единственное по-настоящему документальное известие о Куликовской битве содержится в договорной грамоте (Дмитрия Донского с Олегом Рязанским 1382 г.⁶); остальные известия относятся к источникам повествовательного характера (летописные повести, «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», Житие Сергия Радонежского).

Духовные и договорные грамоты подчас передают даже нравственную атмосферу той далекой эпохи, атмосферу иноземного ига, борьбы русского народа за освобождение, за создание Русского централизованного государства. Уже в наиболее ранней из сохранившихся духовных грамот князей Северо-Восточной Руси рассматриваемого периода — духовной грамоте Ивана Калиты — читаем (в обоих ее вариантах) удивительно выразительные и трагичные слова: «Се азъ, грѣшныи худыи рабъ божии Иванъ, пишу душевную грамоту, ида въ Ворду... Аже богъ что розгадаеть о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгини своей»⁷. И это пишет сильный тогда московский князь, великий князь Владимирский, союзник Орды: идя в Орду, он опасается за свою жизнь. Далее Калитой выражаются опасения (они повторены и в нескольких последующих документах), что татары сумеют отнять некоторые из распределенных Калитой между сыновьями и женой волостей (в таком случае он предписывает поделить земли княжества)⁸.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей Руси рано вошли в научный оборот, но их данные о русско-ордынских отношениях сравнительно мало использовались в исторических исследованиях, даже специально посвященных проблемам монголо-татарского ига на Руси и борьбы с ним. Задача настоящей работы — очертить основные вопросы русско-ордынских отношений, получившие отражение в духовных и договорных грамотах и заслуживаю-

шие специального изучения с привлечением всех других видов источников.

1. Выплата дани-выхода, ее размеры, способ раскладки⁹, порядок сбора¹⁰. Следует отметить, что обычно упускается из виду, что 1480 и даже 1502 гг. не положили конец платежам (в меньших, может быть, размерах, чем выход в Золотую Орду) со стороны Русского государства Крымскому, Казанскому и Астраханскому ханствам и на содержание служилых татарских царевичей и их слуг. Это были реальные и не такие уж незначительные платежи, а не просто позднейшие подарки-поминки. Их выплата фиксируется в духовной грамоте Ивана III (1504) и договорах его сыновей Василия и Юрия (1504 и 1531)¹¹.

В духовных и договорных грамотах отражены разные коллизии среди русских князей по поводу дани: уплата одними выхода в долг за других, предоставление льгот¹².

Многочратно (начиная с духовной Дмитрия Донского и его последнего договора с Владимиром Серпуховским) высказаны в грамотах надежды на то, что русские князья перестанут платить дань Орде и все собираемые средства тогда останутся у них. При этом в одних случаях речь идет о том, что «переменит бог Орду»¹³, а в других (начиная с Василия II, а постоянно — с Ивана III) — что великий князь, через которого шла дань, ее «не даст»¹⁴.

2. Другие повинности в пользу Орды — ям¹⁵, обслуживание и содержание татарских послов¹⁶.

3. Штат обслуживания ордынских интересов на Руси — «численные люди»¹⁷, «ордынцы»¹⁸, «делюи»¹⁹.

4. Опасения (реальные) по поводу возможного захвата русских земель татарами²⁰.

5. Обязательства оповещать друг друга о замыслах противников, в том числе ордынцев, против одного из договаривающихся князей, когда эти замыслы становятся известны другому («А добра ти намъ хотѣти во всемъ, в Орде и на Руси. А что ти слышевѣ о нашем добрѣ или о лисѣ отъ крестьянина или отъ поганина, то ти намъ повѣдати в правду, безъ примышленья, по целованию, без хитрости») ²¹.

6. Договоренности на случай, если татары станут «сваживать» русских князей, предлагая одному из них княжение

другого: договаривающиеся князья обязуются не поддаваться на такие предложения²².

7. Обязательства «не приставать» к татарам; характерны для московско-рязанских докончаний²³.

8. Договоренности относительно совместной политики по отношению к татарам: «А с татары оже будет нам мирь, по думѣ. А будет нам дати выход, по думѣ же»²⁴.

9. Договоренности о совместных военных действиях против татар²⁵.

10. Упоминание отвоеванных у Орды (рязанскими или московскими князьями) земель²⁶.

11. Договоренность московских князей с рязанскими о пропуске через Рязанскую землю людей, идущих с Дона (видимо, отголоски Куликовской битвы) и бежавших из татарского плена²⁷.

12. Дипломатические сюжеты, внешнеполитические аспекты взаимоотношений князей разных рангов с Ордой. Здесь прослеживаются два варианта договоренностей: 1) когда подтверждается независимость договаривающихся сторон в отношениях с Ордой («А к Орде ти, брате, путь чист»)²⁸; 2) когда устанавливается, что отношения с Ордой может поддерживать только великий князь Московский («А Орда знати тобѣ, великому князю, а мнѣ Орды не знати»; «А Орда знати мнѣ, князю великому, а тобѣ Орды не знати»)²⁹.

13. Сведения о служилых татарских царевичах, их статусе и содержании³⁰.

Даже из краткого обзора сведений о русско-ордынских отношениях, получивших отражение в духовных и договорных грамотах, видно, насколько они богаты информацией, причем достоверной, документальной, по политической, экономической, социальной, культурной истории периода образования единого Российского государства. В комплексе сведений, имеющих в духовных и договорных грамотах, просматривается ведущая роль Москвы, великих князей Московских в формировании единой внешней политики в отношении Золотой Орды и образовавшихся на ее обломках ханств.

Ярлык Ахмата Ивану III

Одним из памятников, содержащих сведения о русско-ордынских отношениях в конце XV столетия, является так называемый «ярлык Ахмата» — послание хана Ахмата великому князю Московскому Ивану III¹. В этом письме Ахмат требует покорности и уплаты дани, в противном случае угрожая новым походом. В историографии ярлык Ахмата датировали либо 1480 г., временем после ухода хана от Угры², либо 1476 г.³ Но была выдвинута и версия о поддельности ярлыка, который, как считалось, сохранился в единственной рукописи XVII столетия. Ее сформулировал Э. Кинан, посчитавший, что ярлык Ахмата не похож на дошедшие до нас джучидские грамоты⁴. Точка зрения Кинана была поддержана Ч. Дж. Гальпериным и Я. С. Лурье⁵. По мнению А. П. Григорьева, ярлык в основе подлинный, но содержит поздние интерполяции⁶.

Автор этих строк в 2000 г. высказал мнение, что подделать текст ярлыка Ахмата в XVII в. было невозможно, так как в это время в России не могла быть известна такая упоминаемая в нем подробность, как осада Ахматом четырех «карачей» (сановников Крымского ханства) в крепости Крым, а также обратил внимание на то, что, помимо отсылок к событиям 1480 г. (указание на уход ордынского войска «от берега», то есть от Угры и Оки, из-за отсутствия зимних одежд и попон для коней) и 1476 г. (упоминание о подчинении Крыма), в нем есть ряд воспоминаний о событиях 1472 г., когда Ахмат

попытался совершить свой первый поход на Москву. Наиболее показательными здесь являются слова: «Меж дорог яз один город наѣхаль, тому ся такъ и стало», явно отсылающие к взятию города Алексина в 1472 г. (в 1480 г. ни один город, входивший в состав Московского великого княжества, не пострадал); в 1480 г., после гораздо более масштабной кампании, двухмесячного «стояния» на Угре, вспоминать этот эпизод было явно не к месту. В результате было выдвинуто предположение, что ярлык являет собой составленную на Руси компиляцию из трех посланий Ахмата Ивану III — 1472, 1476 и 1480 гг., текст которых частично совпадал⁷. Ныне представляется необходимым вернуться к вопросу об истории появления ярлыка, поскольку для этого есть текстологические основания.

Все исследователи, писавшие о ярлыке Ахмата, знали один список — в составе сборника из Синодального собрания ГИМ. № 272—40-х годов XVII в.⁸ (далее — С). Однако в настоящее время известно еще три. Два из них описаны в составе сборников, содержащих текст Стоглава, в книге Е. Б. Емченко⁹. Это списки РГАДА. Ф. 181 (МГА МИД). № 591, 30-х гг. XVII в.¹⁰ (далее — М), и ГИМ. Собр. Черткова. № 165, конца XVII в. (далее — Ч). Еще один упомянут в работе И. В. Зайцева, посвященной так называемой «Вольной грамоте турецкого султана некоему русину»¹¹. Это список РГБ. Ф. 236 (собр. Попова). № 59 (2521), в 4°, второй половины 10-х — 20-х гг. XVII в.¹² (далее — П). Все списки находятся в сходных по составу сборниках, при этом в сопровождении одного и того же комплекса документов, связанных общей темой — отношений с мусульманскими государственными образованиями.

1) Ярлык Ахмата Ивану III (С — л. 401—401 об.; М — л. 781—782; Ч — л. 225; П — л. 131 об. — 132).

2) Шертная¹³ грамота ногайского князя Исмаила Ивану IV 1557 г. (С — л. 402—402 об.; М — л. 782 об. — 783 об.; Ч — л. 225 об.; П — л. 132—133).

3) Речь гонца короля польского и великого князя Литовского Сигизмунда II Августа Михаила Гарабурды к крымскому «царевичу» Мухаммед-Гирею (С — л. 402 об. — 403 об.; М — л. 783 об. — 785 об.; Ч — л. 225 об. — 226 об.; П — л. 133—134).

4) «Турецкого царя вольная грамота некоему русину» (С — л. 403 об. — 404; М — л. 785 об. — 786 об.; Ч — л. 226 об. — 227; П — л. 134—134 об.).

5) Запись об измене казанских князей в 1549 г. Ивану VI, их посольстве в Крым и перехваченных ярлыках, с текстом одного из посланий¹⁴ (С — л. 404 об. — 406; М — л. 786—788 об.; Ч — л. 227—227 об.; П — л. 135—136 об.).

6) Ярлык хана Узбека митрополиту Петру (С — л. 406—409 об.; М — л. 789—795 об.; П — л. 136—140 об.¹⁵).

Кроме указанных, есть близкий к ним по составу сборник: ГИМ. Собр. Забелина. № 419 (в 4^о, 60-х годов XVI в.¹⁶, далее — 3). Он является дефектным (утрачены некоторые листы): в нем содержится только часть указанного комплекса документов, текст начинается на л. 94, с концовки «грамоты некоему русину», и обрывается с окончанием л. 95 на середине послания казанских князей крымскому хану. Запись об измене казанских князей с последующим текстом их письма в Крым помечена в рукописи номером 76 (о⁵). Тексты за номерами с 70 по 75 не сохранились (кроме части «грамоты некоему русину», которая должна была идти под номером 75), а номером 69 помечено «Сказание о святой горе Афонской» (находится в конце сборника, на л. 117—153)¹⁷. В списках П, М, С и Ч между «Сказанием» и записью об измене казанских князей расположено всего четыре текста — ярлык Ахмата, шертная грамота Исмаила, речь Михаила Гарабурды к Мухаммед-Гирею и «вольная грамота некоему русину», в то время как в списке 3 их было шесть. Следовательно, в нем содержались ярлык Ахмата и последующие памятники, а также еще два текста, которые не вошли в сборники сходного состава XVII столетия. Таким образом, существовал список ярлыка 60-х годов XVI в., причем в сопровождении тех же памятников, что и дошедшие до нас списки. Суждения о возможном сочинении ярлыка Ахмата в XVII в. должны быть отвергнуты.

Запись об измене казанских князей и шертная грамота Исмаила имеют даты 1549 и 1557 гг. — очень близкие ко времени написания сборника 3 (скорее всего, он был создан в начале 60-х годов XVI в., вскоре после того, как в Москву было привезено «Сказание о святой горе Афонской»¹⁸). Известно

и время появления в России документа, помещенного вслед за шертной грамотой Исмаила, — речи Михаила Гарабурды к Мухаммед-Гирею (имевшей целью побудить наследника крымского престола организовать поход на «Московскую землю»). Ее текст сохранился также в посольской книге по связям с Польшей и Литвой, где он помещен следом за письмом Сигизмунда II Девлет-Гирею: оба документа в апреле 1562 г. были отправлены Иваном IV королю с пояснением, что грамота короля хану и речи Михаила Гарабурды к калге (наследнику престола) были захвачены воеводой Даниилом Адашевым при нападении на литовских гонцов у переправы через Днепр¹⁹. Михаил Гарабурда был в Крыму в 1559 г.²⁰, в том же году совершил свой днепровско-крымский поход Д. Адашев²¹. Таким образом, рассматриваемый комплекс документов был составлен вскоре после доставки в Москву как минимум трех из них — шертной грамоты Исмаила, речи Михаила Гарабурды и письма казанских князей в Крым²².

В связи с этим особого внимания заслуживает факт непосредственного соседства ярлыка Ахмата с шертной грамотой Исмаила. Этот документ, сохранившийся также в посольской книге по связям с Ногайской Ордой, занимает важное место в истории московско-ногайских отношений: в нем был впервые зафиксирован статус Ногайской Орды как младшего по рангу партнера по отношению к Российскому государству²³. Примечательно, что в сборниках, где шертная грамота помещена рядом с ярлыком Ахмата, присутствует другой ее перевод, отличный от того, который представлен в посольской книге²⁴. Соседство этих двух текстов²⁵ заставляет вспомнить ряд обстоятельств.

Ногайский князь (бий) Исмаил был сыном Мусы, который вместе со своим младшим братом Ямгурчеем и сибирским ханом Ибаком (Ибрахимом) в январе 1481 г. напал близ Азова на становище Ахмата, двумя месяцами ранее ушедшего от Угры. Ахмат в результате погиб: по одним сведениям, его убил Ибак, по другим — Ямгурчей²⁶. Тот факт, что в рукописных сборниках ярлык Ахмата имеет вполне определенную привязку к шертной грамоте сына Мусы Исмаила, появившейся через 76 лет после этих событий, позволяет предположить, что ярлык оказался в России одновременно с шертью.

Скорее всего, это послание Ахмат отправить не успел. Начиная с 1474 г. перипетии отношений с Ордой Ахмата подробно фиксируются — в великокняжеском летописании и в посольской книге по связям с Крымским ханством²⁷, но сведения о прибытии в Москву зимой 1480–1481 гг. посольства из нее отсутствуют. Между тем ярлыки доставлялись исключительно ханскими послами (послы публично зачитывали их перед князьями)²⁸. Если послание в конце 1480 г. было написано (что несомненно²⁹), но не попало тогда на Русь, остается предположить, что оно было захвачено в «белой веже царевой Ахматовой» ногами во время январского 1481 г. нападения. Потом ярлык хранили в семье Мусы, а когда в 1557 г. Исмаилу понадобилось выразить свою лояльность московскому царю, этот документ (или сделанная в Ногайской Орде его копия) был отослан в Москву вместе с послом Петром Совиным, везшим шертную грамоту. В ситуации 1557 г. ногайскому бию было выгодно напомнить о помощи Москве против общего врага, о том, какую услугу оказал отец Исмаила деду Ивана. Ярлык служил превосходной иллюстрацией к словам шерти: «и за один с тобою недруга стояти, и пособляти какъ нам можно».

Если до 1557 г. ярлык Ахмата находился вне Руси, то временной промежуток между его доставкой и наиболее ранними имеющимися списками составит лишь полвека с небольшим, а с учетом списка З, в котором текст ярлыка первоначально, несомненно, присутствовал, — всего несколько лет. Перевод ярлыка вместе с отличающимся от имеющегося в посольской книге переводом шертной грамоты Исмаила был сделан, следовательно, вероятнее всего, вскоре после доставки в Москву обоих этих текстов. Есть, таким образом, основания полагать, что подборка текстов, касающихся отношений с «постордынскими» государствами, в сборнике З включала в себя первую фиксацию перевода ярлыка. Скорее всего, именно сборник З, составленный, судя по его содержанию, человеком, близким к митрополичьей кафедре и имевшим связи при царском дворе (коль скоро он имел доступ к перехваченным документам дипломатической переписки Крымского ханства и Польско-Литовского государства с Крымом и имел право включить их тексты в свою рукопись), послужил оригиналом, к которо-

му восходят другие сохранившиеся списки сборников сходного состава.

Нелогичные в ситуации после «стояния на Угре» отсылки в тексте ярлыка к победе над Крымским ханством 1476 г. и разорению Алексина 1472 г. можно было бы объяснить обстоятельствами написания послания, тем, что, взбешенный неудачей, Ахмат постарался припомнить все, что могло говорить в пользу его могущества³⁰. Однако отказаться от предложения о том, что первоначально существовало три послания Ахмата — 1472, 1476 и 1480 гг., — мешает одно обстоятельство.

Если в списках П, М, С и Ч ярлык Ахмата следует сразу за «Сказанием о святой горе Афонской», то в списке З ситуация иная: «Сказание» помечено номером 69, а запись об измене казанских князей — 76. Следовательно, «вольная грамота некоему русину», от которой сохранилась концовка, стояла под номером 75, речь Михаила Гарабурды к Мухаммед-Гирею, скорее всего, под номером 74, шертная грамота Исмаила — 73 и ярлык Ахмата — 72. Остаются еще два текста, вероятнее всего располагавшиеся между «Сказанием о святой горе Афонской» и ярлыком Ахмата и помеченные номерами 70 и 71. Поскольку эти тексты находились в окружении памятников «восточной тематики»³¹, резонно предположить, что они тоже были с ней связаны. Не были ли это два более ранних послания Ахмата Ивану III (в отличие от ярлыка 1480 г., дошедшие до адресата³²), включенные в З (благодаря связям его составителя с высшими светскими властями³³) по причине их принадлежности тому же автору, что и ярлык, привезенный в 1557 г.? Послание 1472 г. могло включать в основной части (после обязательного для ярлыков начального обращения хана к нижестоящему в иерархии правителей адресату — «Ахматово слово ко Ивану») текст: «А крепкия по лесом пути твои есмя видѣли и водския броды есмя по рекам сметили³⁴. Меж дорог яз один город наѣхол, тому ся так и стало. А Даньяра бы еси царевичя оттоле свель³⁵, а толко не сведешь, и яз, его ищучи, и тебе найду». В послании 1476 г. речь могла идти о победе над Крымским ханством: «Ведомо да есть: кто нам был недруг, что стал на моемъ царствѣ копытом³⁶, и азъ на его царствѣ стал всѣми четырьми копыты; и того Богъ убил своим копиемъ, дѣти ся того по Ор-

дамь розбежали; четыре карачи в Крыму ся от меня отсидели. А вам ся есмя государи учинили от Саина царя сабелным концемъ». При составлении на основе 3 протографа сходных с ним сборников XVII в., в которых доньне сохранился текст ярлыка, эти короткие послания могли быть включены в текст более пространныго письма 1480 г.³⁷, из-за чего в данных сборниках и имеется на два текста меньше, чем в 3³⁸.

Ниже приводится текст ярлыка Ахмата по четырем ныне известным спискам; в основу положен список П, являющийся, скорее всего, наиболее ранним³⁹. Расхождения между списками в двух случаях носят принципиальный характер.

В П о размере требуемой Ахматом «подати» сказано следующее: «60 (з) тысяч алтын вешнюю да 60 тысяч алтын осеннюю». В М перед словом «вешнюю», которым начинается строка, на левом поле, с заметным отступом, приписана буква в под титлом и со знаком тысячи. В С и Ч эта цифра (2000) уже вписана в строку, и получилось чтение: «60 000 алтын 2000 вешнюю да 60 000 тысяч алтын осеннюю»⁴⁰. В результате текст стало возможным трактовать как содержащий либо требование трех выплат⁴¹, либо указание сначала на общую сумму, а затем на две ее составляющие⁴². Между тем очевидно, что непротиворечивое чтение наиболее раннего списка П первоначально. По-видимому, в списке, к которому восходят М и С, была по ошибке дважды написана первая буква слова «вешнюю». Затем первая в была зачеркнута таким образом, что линию зачеркивания можно было принять в верхней части за титло, а в нижней — за значок, обозначающий тысячу. Писец списка М испытывал сомнения и сначала не включил эту букву в текст, но потом все же приписал ее на полях. В С, а следом и в близком к нему Ч она уже оказалась внесенной в строку. Таким образом, в первоначальном тексте речь шла о двух «податях» — весенней и осенней, каждая размером в 60 000 алтын. В сумме это 3600 рублей. Такой размер дани практически равен половине суммы ордынского «выхода», которую платили московские князья в 30-е годы XV в. (более поздних данных нет), — 7000 рублей⁴³. Его двукратное снижение могло быть связано с событиями конца 30-х — 40-х годов XV в. Тогда в Орде соперничали между собой два хана — Кичи-Мухаммед и Сеид-Ахмет. В Москве

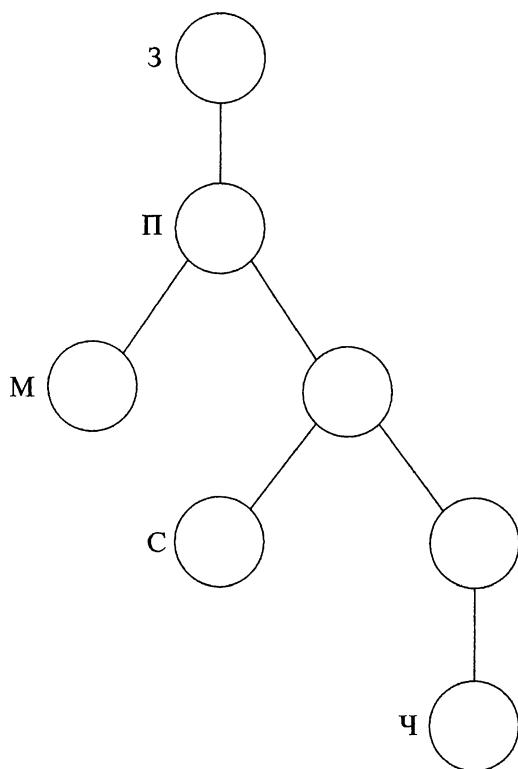
признавали верховную власть обоих: в договорной грамоте Василия II с Дмитрием Шемякой 1441–1442 гг. упоминаются «выходы» во множественном числе и послы, отправляемые к тому и другому «царю»⁴⁴. Скорее всего, каждому из ханов отправляли половину семитысячной дани. В конце 40-х годов XV в. с Ордой Сеид-Ахмета начались столкновения, «выход» в нее выплачивать перестали, а во второй половине 50-х годов XV в. эта Орда распалась⁴⁵. Однако, как показывает текст ярлыка, дань Кичи-Мухаммеду, а позже и его сыну Ахмату и после этого осталась на прежнем, урезанном вдвое уровне.

С и близкий к нему Ч содержат определение русских «блужные просяники». В этом принято видеть выражение презрения к земледельцам, но определение «блужные» (в других текстах неизвестное, следовало бы ожидать «блудные»⁴⁶) в сочетании с указанием на возделывание злаков выглядит несколько странно, однако наиболее ранние списки П и М дают чтение «плужные» (слово, встречающееся в письменности XVI–XVII вв.)⁴⁷. В этом случае и прилагательное, и существительное являются указаниями на одно и то же — земледельческий характер занятий населения. Следует заметить, что следы такого рода определений зависимых от Чингисидов народов и их правителей — по типу хозяйства — в источниках есть. Новгородская первая летопись, передавая речь монгольских послов в Киеве в 1223 г. (перед столкновением на Калке), приводит определение ими половцев как своих «холопов и конюхов»⁴⁸. Иван III в начале 1502 г., по утверждению князя Большой Орды Тевекеля, зафиксированному в его письме великому князю Литовскому Александру, предлагал хану Большой Орды Ших-Ахмету (сыну Ахмата): «ратаи и холоп его буду»⁴⁹. Определение подданных Ивана III в ярлыке Ахмата как «плужных просяников» является еще одним свидетельством подлинности документа. В России ни в XVI, ни в XVII столетии никому не пришло бы в голову избреть такое словосочетание (вторая его составная часть — «просяники» — более нигде не встречается⁵⁰): перед нами явно результат дословного перевода.

Поскольку в П есть пропуск («по рекам») и ошибочная перестановка слов («меж яз дорог» вместо «меж дорог яз»), он

явно не был протографом для остальных списков. Очевидно, существовал список, являвшийся промежуточным звеном между З и списками XVII столетия. Далее, поскольку М и С содержат общую ошибку (цифру 2000) и при этом М имеет индивидуальные чтения, которым противостоят общие чтения С и П, ясно, что С не восходит к М, а имеет с ним общий протограф. Самый же поздний список — Ч — ближе всего к С и восходит либо непосредственно к нему, либо к идентичному списку.

Общие выводы о происхождении текста ярлыка Ахмата могут быть сформулированы следующим образом.

1. Это, несомненно, подлинный памятник; помимо дошедших до нас списков, самый старший из которых датируется второй половиной 10-х — 20-ми годами XVII в., существовал его список 60-х годов XVI в.

2. Вероятнее всего, текст послания, написанного Ахматом после отступления с Угры в конце 1480 г., был привезен в Россию только в 1557 г. из Ногайской Орды; перевод ярлыка на русский язык, сделанный после этого, был вскоре включен в рукописный сборник, ныне хранящийся в ГИМ (Собр. И. Е. Забелина. № 419).

3. Не исключено, что в этом сборнике вместе с ярлыком 1480 г. присутствовали тексты двух более ранних посланий хана — 1472 и 1480 гг., позже объединенные с посланием 1480 г. в единый текст.

Л. 131 об.

Ярлык¹ Ахмета царя

От высокихъ горь, от темныхъ лесовъ, от сладкихъ водъ, от чистыхъ поль. Ахматово слово ко Ивану, от четырехъ конецъ² земли, от двюнадесятъ³ Поморий, от седмидесятъ⁴ Ордь, от Болшие⁵ Орды.

Ведомо⁶ да есть: кто намъ был недругъ, что стал на моемъ царствѣ⁷ копытом, и яз⁸ на его царствѣ⁹ стал всѣми¹⁰ четырьми копыты; [и] ¹¹ того Богъ убил своим копьем¹², дѣти ся¹³ того¹⁴ по Ордамъ розбежали¹⁵; четыре карачи в Крыму ся от меня отсѣдили¹⁶. А вам ся есмя¹⁷ государи учинили от Саина царя сабелным концемъ. И ты бы¹⁸ мою подать въ 40 день собралъ: 60 тысяч¹⁹ алтын²⁰ вешнюю²¹, да 60 тысяч²² алтын осеннюю²³, а на себѣ бы еси носил Ботыево знамение, у колпока верхъ вогнув ходил, зане ж вы плужные²⁴ просяники. Толко моя подати в 40 день не зберешъ, а на себѣ не учнешъ²⁵ Ботыево²⁶ знаменія²⁷ носити, | (л. 132) почен тобою в головах и всѣх твоих бояр з густыми волосы и с великими бородами²⁸ у мене²⁹ будутъ; или паки мои дворяне со гзовыми³⁰ сагадаками и з³¹ сафьяньными³² сапоги у тебя будутъ. А крепкия³³

по лесомъ пути твои есмь видѣли³⁴ и водския броды есмь³⁵ [по рекам]³⁶ сметили³⁷. Меж яз дорог³⁸ один город наѣхаль³⁹, тому ся⁴⁰ так и стало. А Даньяра⁴¹ бы еси царевича оттоле свель, а толко не сведешь⁴², и яз⁴³, его ишучи, и тебя⁴⁴ найдю⁴⁵. А нынѣча⁴⁶ есми от берега пошел⁴⁷, потому что у меня люди без одежь⁴⁸, а кони без попонь. А минеть сердце зимы девяносто⁴⁹ дней, и яз⁵⁰ опять на тебя⁵¹ буду, а пити ти у меня вода мутная.

¹С ярлык, Ч ярлыкь; ²МСЧ конецъ; ³М двуюнадесять; ⁴МСЧ седмдесятъ; ⁵МСЧ болшия; ⁶СЧ въдомо; ⁷МСЧ царствие; ⁸МСЧ азъ; ⁹МСЧ царствие; ¹⁰МС всеми; ¹¹так в МСЧ, в П нет; ¹²МСЧ копиемъ; ¹³МСЧ ж; ¹⁴МСЧ его; ¹⁵МС розбежались, Ч розбежалиса; ¹⁶МСЧ отсидели; ¹⁷С есмы; ¹⁸МСЧ б; ¹⁹МСЧ 60000; ²⁰МСЧ прип. 2000 (в М приписано на полях); ²¹Ч вешнею; ²²МСЧ 60000; ²³МСЧ осеннюю; ²⁴М плужныя, СЧ блужныя; ²⁵СЧ учнешь; ²⁶МСЧ Батыево; ²⁷Ч знамение; ²⁸МСЧ борадами; ²⁹МСЧ меня; ³⁰МСЧ съ хозовыми; ³¹МСЧ с; ³²МС софьяными, Ч сафьяными; ³³Ч крѣпкия; ³⁴МСЧ видели; ³⁵СЧ есьмя; ³⁶Так в МСЧ, в П нет; ³⁷Ч смѣтили; ³⁸МС дорог яз; Ч дорог аз; ³⁹М наѣхол; ⁴⁰МСЧ ж; ⁴¹СЧ Даньяры; ⁴²МСЧ сведешь; ⁴³МС аз; ⁴⁴МСЧ тебе; ⁴⁵МСЧ наиду; ⁴⁶М нынѣча; ⁴⁷МСЧ пошол; ⁴⁸МС одож, Ч одож; ⁴⁹МСЧ девяносто; ⁵⁰МСЧ аз; ⁵¹МСЧ тебя.

Примечания

¹ Традиционный термин «Золотая Орда» появляется только во второй половине XVI в. (когда обозначаемого им государства уже не существовало). В русских источниках XIII в. для именованя государства, управляемого потомками старшего сына Чингисхана Джучи, использовался преимущественно термин «Татары», то есть в качестве хоронима применялся этноним (которым называли центральноазиатских завоевателей в Европе, — сами они именовали себя монголами), подобно тому как это было в древнерусском языке с терминами «Ляхи», «Угры», «Греки» и т. п., также обозначавшими и народы, и населенные ими государства. Но с XIV столетия преобладание получило название «Орда», которое и применяется в настоящей работе. Первоначальное значение термина «орда» — ханская кочевая ставка (то есть как бы передвижной центр государства); в собственно ордынских и других восточных источниках преобладает именно такое значение, все государство в них именовалось термином «улус» в сопровождении имени хана либо того или иного эпитета (хотя в XV в. прослеживается и употребление термина «Орда» в значении «государство»). На Руси, наоборот, «Ордой» чаще называли именно государство Джучидов в целом, а не ханскую ставку, хотя во многих случаях (например, когда говорится, что тот или иной князь поехал «в Орду») семантику термина определить затруднительно (см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевая орда в улусе Джучи; *Он же.* Общественный строй Золотой Орды. С. 43–44, 63–67, 107, 111–122; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 151–158; *Григорьев А. П.* О времени написания «ярлыка» Ахмата.

² *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4–5; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2–3; *Ключевский В. О.* Сочинения. Кн. 2; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Ч. 1.

- ³ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках; Fennell J. L. I. The Emergence of Moscow: 1304—1959; Nitsche P. Die Mongolenzeit und der Aufstieg Moskaus (1240—1538); Crummey R. O. The Formation of Muscovy: 1304—1613.
- ⁴ Spuler B. Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland. 1223—1502; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение; Сафаргалеев М. Г. Распад Золотой Орды; Егоров В. Л. Указ. соч.
- ⁵ Насонов А. Н. Монголы и Русь; Vernadsky G. The Mongols and Russia; рус. изд.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь; Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв.; Он же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды; Silfen P. H. The Influence of the Mongols on Russia: A Dimensional History; Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde; Idem. The Tatar Yoke; Hartog L. de. Russia and The Mongol Yoke: The History of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221—1502; Князький И. О. Русь и степь; Каргалов В. В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII—XVIII вв. (три последних работы носят научно-популярный характер).
- ⁶ См.: Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке (здесь о работах, вышедших до начала 1980-х гг.); Скрынников Р. Г. Куликовская битва: проблемы изучения; см. также: Куликовская битва 1380 г.: Указатель литературы
- ⁷ См.: Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига.
- ⁸ В сравнении с первым изданием монографии (2000 г.) опущены некоторые примечания, содержащие полемику, за прошедшее время утратившую актуальность. Кроме того, в Приложение II вместо текстов посланий правителей Орды в Москву помещена статья о ярлыке хана Ахмата, ранее опубликованная в журнале «Древняя Русь: вопросы медиевистики» (2012, № 2). Целесообразность такой замены связана с тем, что за прошедшее с 2000 г. время были введены в научный оборот ранее не известные списки послания Ахмата Ивану III, в том числе более ранние и исправные, чем тот, из текста которого исходил автор в первом издании монографии. Прилагаемая статья содержит новую публикацию текста ярлыка — по четырем спискам. Соответственно исключены страницы основного текста, посвященные ярлыку Ахмата, поскольку вся необходимая информация о нем содержится в прилагаемой статье.
- ⁹ В дальнейшем характеристика летописных памятников (и их не дошедших до нас протографов) дается на основе исследо-

ваний: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв.; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв.; *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества; *Он же.* История русского летописания XI — начала XVIII в.; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв.; *Он же.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси»; *Он же.* Две истории Руси 15 века; *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI—XV вв. (Материалы для описания). Вып. 2, ч. 1; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. На иные работы приводятся отдельные ссылки.

¹⁰ ПСРЛ. Т. I, вып. 1—2. 2-е изд.

¹¹ *Бережков М. Г.* Хронология русского летописания. С. 123.

¹² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста.

¹³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1.

¹⁴ Там же. Т. 18.

¹⁵ Близкие к Симеоновской и Троицкой летописям тексты за XIV в. содержит также Владимирский летописец XVI в. (Там же. Т. 30)

¹⁶ Там же. Т. 42.

¹⁷ Там же. 2-е изд. Т. 4, ч. 1, вып. 1—2; К Новгородской IV летописи восходит Новгородская V (Хронографическая) летопись (Там же. 2-е изд. Т. 4, ч. 2. вып. 1).

¹⁸ Там же. Т. 5; Т. 6. С. 11—111.

¹⁹ См. (помимо работ, указанных в примеч. 9): *Кучкин В. А.* Тверской источник Владимирского полихрона; *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. Т. 46; *Он же.* Редакции Новгородской четвертой летописи. Распространенное ранее мнение о составлении этого свода в 1448 г. ныне никто из исследователей летописания не отстаивает.

²⁰ ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1, вып. 3.

²¹ *Насонов А. Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам).

²² ПСРЛ. С. 17—162.

²³ Там же. Т. 26.

²⁴ Там же. Т. 25.

²⁵ Там же. Т. 28. С. 11—163.

²⁶ Там же. С. 165—357.

²⁷ Там же. Т. 23.

²⁸ Там же. Т. 24.

²⁹ Там же. Т. 27. С. 163—367.

³⁰ Там же. Т. 20, ч. 1—2.

³¹ Там же. Т. 6. С. 119—276.

³² Там же. М., 1994. Т. 39.

³³ Иоасафовская летопись. М., 1957.

- ³⁴ ПСРЛ. Т. 15.
- ³⁵ *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. С. 30–40.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 9–12.
- ³⁷ Там же. Т. 7–8.
- ³⁸ Там же. Т. 37.
- ³⁹ Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 470–536.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 181. № 20. Издана частично: *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи.
- ⁴¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
- ⁴² Псковские летописи. Вып. 1–2.
- ⁴³ ПСРЛ. 2-е изд. Т. 2.
- ⁴⁴ *Кучкин В. А.* Древнейшая редакция повести о Михаиле Тверском.
- ⁴⁵ *Макарий.* История русской церкви. Т. 4, кн. 1. С. 312–317; новое изд.: *Макарий (Булгаков), митрополит московский и коломенский.* История русской церкви. Кн. 3. С. 414–417. Исследование первой редакции Жития см.: *Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра».
- ⁴⁶ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 535–556. О датировке памятника см.: *Кучкин В. А.* К датировке «Задонщины».
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 121–124; Т. 18. С. 119–121, Т. 25. С. 194–196.
- ⁴⁸ *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия Серба (старшая редакция Жития митрополита Алексея).
- ⁴⁹ *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 285–341; Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV в. С. 256–429.
- ⁵⁰ *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). С. 360–395; ПСРЛ. Т. 25. С. 253–261.
- ⁵¹ Хожение за три моря Афанасия Никитина.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 25. С. 139–141; Великие Минеи Четьи, собранные все-российским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 14–24. Стб. 1305–1309.
- ⁵³ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. С. 350–375.
- ⁵⁴ Там же. С. 521–537; РФА. Вып. 2. С. 222–232, 269–271, 275–277, 335–337.
- ⁵⁵ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 25–48; Памятники Куликовского цикла. С. 137–194.
- ⁵⁶ *Голохвастов Д. П., арх. Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. Кн. 1. С. 71–72.

- ⁵⁷ Казанская история.
- ⁵⁸ ДДГ.
- ⁵⁹ ГВНП.
- ⁶⁰ АСЭИ. Т. 1—3; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 1.
- ⁶¹ АИ. Т. 1. № 40; РФА. Вып. 1. № 19.
- ⁶² Сб. РИО. Т. 41.
- ⁶³ Там же. Т. 35.
- ⁶⁴ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. I, ч. 1.
- ⁶⁵ Временник ОИДР. Кн. X; РИИР. Вып. 2.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 35. С. 36—67.
- ⁶⁷ Там же. Т. 32. С. 15—127.
- ⁶⁸ Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustranta. Т. 6: Codex epistolaris Vitoldi.
- ⁶⁹ АЗР. Т. 1; Monumenta medii aevi... Т. 19: Acta Aleksandra króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego (1501—1506); РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Кн. 5; Lietuvos Metrika (1427—1506). Kniга Nr. 5.
- ⁷⁰ Rachunki wielkorządowe krakówskie z r. 1471.
- ⁷¹ Ioannis Dlugossii senioris canonici Cracoviensis opera. Т. 14.
- ⁷² Термином «ярлык» в улусе Джучи обозначались документы, направленные от ханов к нижестоящим лицам; это могли быть как жалованные грамоты, так и послания (см.: *Усманов М. А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханов Джучиева улуса). В историографии русско-ордынских отношений ярлыками обычно именуется жалованные грамоты ханов русским князьям и митрополитам. В дальнейшем изложении для их отличия от ярлыков-посланий слово «ярлык» при характеристике последних заключается в кавычки.
- ⁷³ ПРП. С. 463—491; РФА. Вып. 3. С. 571—594.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 42. С. 172—173; Т. 4, ч. 2, вып. 2. С. 406—407.
- ⁷⁵ *Султанов Т. И.* Письма золотоордынских ханов. С. 240—241.
- ⁷⁶ См. Приложение II.
- ⁷⁷ Сб. РИО. Т. 41. С. 68—70.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Кн. 5. Л. 247 об., 249 об.; Lietuvos Metrika... Kniга Nr. 5. С. 179, 181.
- ⁷⁹ *Gołębiowski Ł.* Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. Т. 3. S. 230—233; АЗР. Т. 2. № 6.
- ⁸⁰ Сб. РИО. Т. 41; РИБ. Т. 27.
- ⁸¹ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 76—123.
- ⁸² Там же. С. 365—394.
- ⁸³ Там же. С. 455—474.

- ⁸⁴ Там же. Т. 2. С. 27–60, 63–79; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2; Т. 3.
- ⁸⁵ *Кашани*. Тарих-е Улджаиту (на перс. яз.).
- ⁸⁶ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 104–125.
- ⁸⁷ Там же. С. 144–189.
- ⁸⁸ Там же. С. 60–63.
- ⁸⁹ Там же. С. 139–143.
- ⁹⁰ РИБ. 2-е изд. Т. 6.
- ⁹¹ Monumenta Germaniae historica: Scriptores. Т. XVII (Henrici de Heimburg Annales); Catalogus fontium historiae Hungariae. Т. I (Anonymi Leobensis Chronicon; Chronica S. Petri Erfordensis; Chronicon Austriacum; Continuatio Vindobonensis).
- ⁹² *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г.
- ⁹³ *Герберштейн С.* Записки о Московии.
- ⁹⁴ Scriptores rerum Hungaricarum. Т. 1 (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV; Chronicon Varadiense); Т. 2. (Chronicon Posoniense).
- ⁹⁵ *Fejér G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Т. V, 3; Т. VI, 2; Documente privitóre la istoria românilor. Т. I.
- ⁹⁶ Барбаро и Контарини о России. С. 113–161.
- ⁹⁷ *Орешиников А. В.* Русские монеты до 1547 г.; *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси; *Он же.* Монеты Нижегородского княжества.
- ⁹⁸ *Марков А. К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа.; *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет.
- ⁹⁹ См.: *Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. С. 54–59; *Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. С. 116–119.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872.
- ¹⁰¹ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 104
- ¹⁰² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. С. 339; ПСРЛ. Т. 18. С. 78 (под 6789 г.); НЛ. С. 324 (под 6790 г.); ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 244 (под 6789–6790 гг.); Т. 5. С. 199 (под 6789–6790 гг.); Т. 1. Вып. 3. Стб. 525 (под 6789 г.).
- ¹⁰³ НЛ. С. 324.
- ¹⁰⁴ В Псков Дмитрий Александрович бежит и в 1293 г., когда Андрей в третий раз вынудил его покинуть Северо-Восточную Русь (ПСРЛ. Т. 18. С. 82). Предположение, что Дмитрий в 1282 г. уехал в Швецию и вернулся затем со шведским отрядом (*Феннелл Дж.* Кризис средневековой Руси: 1200–1304. С. 191), безосновательно: оно исходит из слов Никоновской летописи, что Дмитрий ушел из

- Копорья «за море» и вернулся в Переяславль «из заморья». Ранние летописи таких указаний не содержат: вероятнее всего, здесь перед нами домьсел сводчика XVI столетия (о вероятном происхождении ошибки см.: *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. С. 82–84).
- ¹⁰⁵ НЛ. С. 324; ПСРЛ. Т. 18. С. 78.
- ¹⁰⁶ Номинально владимирский стол с середины XIII в. стал рассматриваться (с санкции Орды) как «старейший» на всей Руси (позднее, после овладения московскими князьями владимирским княжеством, это служило им основанием для претензий на реальную власть над землями, лежавшими за пределами Северо-Восточной Руси и Новгородской земли), см.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. С. 45–16, 73–75.
- ¹⁰⁷ НЛ. С. 325 (под 6791 г.).
- ¹⁰⁸ О возможных причинах выступления новгородцев, тверичей и псковичей см.: *Кучкин В. А.* Первый московский князь Даниил Александрович. С. 96–97.
- ¹⁰⁹ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 339; ПСРЛ. Т. 18. С. 78 (под 6790 г.); Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 245 (под 6790 г.); Т. 5. С. 199 (под 6790 г.).
- ¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 78; ср.: Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 245; Т. 5. С. 199.
- ¹¹¹ См.: *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 69; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 33–35; *Коновалова И. Г.* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель. С. 97–98.
- ¹¹² НЛ. С. 325–326 (под 6792 г.); *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 340; ПСРЛ. Т. 18. С. 79 (под 6791 г.).
- ¹¹³ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 105–106.
- ¹¹⁴ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 286–287, 289, 356.
- ¹¹⁵ *Янин В. Л.* О дате Новгородской Синодальной Кормчей. С. 289–291.
- ¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 77.
- ¹¹⁷ См.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. С. 25–29.
- ¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 156–157.
- ¹¹⁹ Последующее «знамение в солнце» не было солнечным затмением: такового в 1279 г. не наблюдалось. Не было видно на Руси и затмения солнца в феврале 1281 г., на которое ссылается в обоснование своей датировки В. Л. Янин. См.: *Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. С. 12 (канон русских затмений М. А. Вильева).

- ¹²⁰ Все данные о небесных явлениях исходят из расчетов, сделанных на основе таблиц, приведенных в книге Д. О. Святского (*Святский Д.* Указ. соч. С. 76–82; см. также: С. 105–106).
- ¹²¹ Такие факты в летописании той эпохи встречаются, ср.: НПЛ. С. 327–328.
- ¹²² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 246; Т. 5. С. 201; Т. 1. Вып. 3. Стб. 526. «Царевичами» на Руси именовали представителей ханской династии (Чингисидов), не обладавших верховной властью.
- ¹²³ *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 73. Попытку Волжской Орды вновь поменять великого князя Владимирского следует, видимо, связывать с враждой между Ногаем и первым претендентом на престол Туда-Менгу Телебугой (занявшим трон в 1287 г.), начавшейся после их совместного похода в Венгрию в январе—марте 1285 г., который для войска Телебуги завершился катастрофой (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 888, 890–891; *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 106; *Scriptores rerum Hungaricarum.* Т. 1. P. 213, 472; *Budapestini*, 1938. Т. 2. P. 44; *Catalogue fontium historiae Hungariae.* Т. 1. P. 277, 474, 514, 787; *Fejér G.* *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis.* Vol. V, 3. P. 282, 394–395, 399, 452–454; *Documente privitdre la istona Romanilor.* Т. 1. P. 462, 504, 520–522; *Веселовский Н. И.* Указ. соч. С. 32–33; *Lamber P.* *Atacunile Cumano-Tatara asupra Transilvaniei In a doua jumitate a veacului al XIII-lea.* Т. XVII. P. 215–219; *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. С. 45–48).
- ¹²⁴ См.: *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 106–108.
- ¹²⁵ Подробно см.: *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой. С. 76–79.
- ¹²⁶ Андрей княжил тогда, по-видимому, в Ярославле, а Федор — в Городце (являясь одновременно смоленским князем), см.: Там же. С. 76–77, 79–80.
- ¹²⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 82; *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 75–77.
- ¹²⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 82.
- ¹²⁹ *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2. С. 193; *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 118; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 459–460.
- ¹³⁰ См.: *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой. С. 78–81.
- ¹³¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 86. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 120, 351; О князе Святославе Глебовиче см.: *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV века. С. 125, 173, 310 и родословная таблица.
- ¹³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486, под 6812 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 119–120, 123.

- ¹³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 350, везде под 6811 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 119–120, 123.
- ¹³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486; Т. 18. С. 85–86; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 350–351, везде под 6812 г. ультрамартовским; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 128–130. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 120, 351.
- ¹³⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 85.
- ¹³⁶ Андрей Александрович получил тогда Владимир и Новгород, Федор Ростиславич — Переяславль, в Угличе сел сын Константина Борисовича Ростовского Александр (*Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 346–347; ПСРЛ. Т. 18. С. 83; Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 248; Т. 1. Вып. 3. Стб. 527).
- ¹³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; ср.: *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 346.
- ¹³⁸ *Насонов А. М.* Указ. соч. С. 77; *Spuler B.* Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland: 1223–1502. S. 74; *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. С. 192; *Феннелл Дж.* Указ. соч. С. 195–196; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 108; *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 186–187.
- ¹³⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 82–83; Т. 1. Стб. 483; *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 76–77.
- ¹⁴⁰ НЛ. С. 328; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; Т. 18. С. 83. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 290.
- ¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; Т. 18. С. 83.
- ¹⁴² *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. С. 87–89; *Клюг Э.* Указ. соч. С. 78, 94.
- ¹⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; Т. 18. С. 83.
- ¹⁴⁴ *Борзаковский В. С.* Указ. соч. С. 89; *Клюг Э.* Указ. соч. С. 94. Примеч. 142.
- ¹⁴⁵ То же было и в Троицкой летописи, судя по выписке Н. М. Карамзина и Владимирскому летописцу (*Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 346 и примеч. 3; ПСРЛ. Т. 30. С. 98). Слова об убитых и плененных появляются только в Симеоновской летописи (ПСРЛ. Т. 18. С. 83).
- ¹⁴⁶ Ср.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 41, 48; НЛ. С. 97.
- ¹⁴⁷ Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482 («к Смоленску»), 483 («на Тферь»), 484 («на Переяславль», «к Смоленску»), 486 («на Рязань»).
- ¹⁴⁸ *Веселовский Н. И.* Заметки по истории Золотой Орды. С. 14–15.
- ¹⁴⁹ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 71, 73–74.
- ¹⁵⁰ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 74. В 1288 г. Токта-Муртад возглавлял набег на владения Хулагуидов, в 1290 г. был

одним из предводителей большого ордынского похода на Иран (Там же. Т. 3. С. 118, 124–125).

¹⁵¹ Там же. Т. 2. С. 85.

¹⁵² *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 113.

¹⁵³ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 85.

¹⁵⁴ См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 183.

¹⁵⁵ НЛ. С. 328; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483. О датировке событий см.: *Бережков Н. Г.* Указ, соч. С. 290–291.

¹⁵⁶ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4. С. 85–86; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2. С. 190; *Борзаковский В. С.* Указ. соч. Примеч. С. 43; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. С. 52, 56; *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 87; *Феннелл Дж.* Указ, соч. С. 85; *Клюг Э.* Указ. соч. С. 79; *Кучкин В. А.* Первый московский князь Даниил Александрович. С. 98. С. М. Соловьев и А. Е. Пресняков, впрочем, прямо не утверждали, что Андрей стал великим князем при жизни Дмитрия.

¹⁵⁷ НЛ. С. 328; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483–484; Т. 18. С. 83; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 347.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483–484; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 347 и примеч. 3, 4.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 35.

¹⁶⁰ Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 243, 249; Т. 5. С. 202.

¹⁶¹ См.: *Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. С. 60–61; *Он же.* Первый московский князь Даниил Александрович. С. 99–101.

¹⁶² ГВНП. № 4. С. 14. О связи договора с вокняжением Даниила в Новгороде см.: *Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. С. 61–63.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484; Т. 18. С. 83; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 347, везде под 6805 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 121, 351

¹⁶⁴ Такое мнение высказал В. А. Кучкин (*Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси XIII в. С. 62; *Он же.* Первый московский князь Даниил Александрович. С. 100).

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 249; Т. 5. С. 202; Т. 1. Вып. 3. Стб. 527–528.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484.

¹⁶⁷ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 347; ПСРЛ. Т. 18. С. 83.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 83–84. Несомненно, оно было и в Троицкой, так как наличествует и в других восходящих к ней летописях (ПСРЛ. Т. 25. С. 158; Т. 23. С. 94; Т. 30. С. 99).

- ¹⁶⁹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 2. С. 93; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. С. 191; Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 57; Т. 2. С. 8; Пресняков А. Е. Указ, соч. С. 88; Феннелл Дж. Указ. соч. С. 197; Ключ Э. Указ. соч. С. 80–81; Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович. С. 98, 100–101.
- ¹⁷⁰ Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. С. 60; Он же. Первый московский князь Даниил Александрович. С. 99–100.
- ¹⁷¹ Известие о походе Андрея на Переяславль говорит об этом прямо, а сообщение о княжеском съезде — косвенно, свидетельствуя, что во Владимире Переяславское княжество было представлено не князем, а «переяславцами». Еще Н. М. Карамзин, исходя из этого указания, резонно отмечал, что Иван во время Владимирского съезда находился в Орде (Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 4. С. 93). Последующие исследователи прошли мимо данного свидетельства и писали, что Иван отправился в Орду после съезда (Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 8; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 88; Феннелл Дж. Указ. соч. С. 117; Ключ Э. Указ. соч. С. 81). Впрочем, А. В. Экземплярский поначалу высказался в согласии с мнением Н. М. Карамзина (Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 57), но позже изменил свою позицию.
- ¹⁷² Ср.: Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович. С. 100–101. Отметим параллель: в обоих случаях поездку совершает «младший» из трех сильнейших князей коалиции.
- ¹⁷³ ПСРЛ. Т. 5. С. 202; ср. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 250.
- ¹⁷⁴ Так полагал Дж. Феннелл (Феннелл Дж. Указ. соч. С. 197).
- ¹⁷⁵ Из последней в протограф Новгородской IV — Софийской I летописей перешло известие о съезде во Владимире (ПСРЛ. Т. 5. С. 202; Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 249); при этом начало сообщения и упоминание о посреднической роли епископов Симеона и Измаила были взяты из другого — ростовского источника, так как они совпадают с текстами Московской Академической летописи и сокращенного ростовского свода конца XV в. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528; Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. Вып. 2).
- ¹⁷⁶ 6806 годом эти события в Новгородской IV и Софийской I летописях датированы (по ультрамартовскому стилю), вероятно, благодаря тому, что последнее из них (и наиболее значимое для новгородского автора) — приезд Андрея в Новгород — имело место уже после 1 марта 1297 г., то есть в 6806 ультрамартовском году.
- ¹⁷⁷ Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 77–78.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 71–72.

- ¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485–486. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 119–120, 122–123.
- ¹⁸¹ См.: *Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. С. 63.
- ¹⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 119–120, 122–123.
- ¹⁸³ *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение центра. С. 40.
- ¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.
- ¹⁸⁵ См.: *Экземплярский А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 575, 578–579, 626–627.
- ¹⁸⁶ АСЭИ. Т. 3. № 309. С. 339.
- ¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 119–120, 122.
- ¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 128–130.
- ¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486.
- ¹⁹⁰ См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 211–212, 230–231, 237–238.
- ¹⁹¹ *Клосс Б. Н.* Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 304.
- ¹⁹² *Воронцов-Вельяминов Б. А.* К истории ростово-суздальских и московских тысяцких.
- ¹⁹³ Временник ОИДР. Кн. X. С. 98, 259; РИИР. Вып. 2. С. 123.
- ¹⁹⁴ См.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1: А – К.* С. 243–244.
- ¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 194; ср. Т. 30. С. 123–124; Т. 23. С. 121
- ¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 121; Т. 18. С. 120.
- ¹⁹⁷ В отношении чтения «черниговских» такое мнение высказал Я. С. Лурье (*Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 158–159, примеч. 99).
- ¹⁹⁸ *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия Серба (Старшая редакция Жития митрополита Алексея). С. 246.
- ¹⁹⁹ Ср.: *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия Серба. С. 246–250 и ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 121–124; Т. 18. С. 119–121; Т. 25. С. 194–196; Т. 23. С. 121; Т. 30. С. 123–125.
- ²⁰⁰ См.: *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси». С. 201.
- ²⁰¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 70–72, 99; Т. 18. С. 85–86, 93, 98, 101, 109, 122, 138, 143.
- ²⁰² Рассматривая сюжет о происхождении Алексея, Карамзин использовал другой источник — Степенную книгу, поэтому чте-

ние данного фрагмента рассказа «О Алексее митрополите», бывшее в Троицкой, не сохранилось.

- ²⁰³ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 411 и примеч. 1. В реконструкцию М. Д. Приселкова под 6848 г. включена фраза «преставился князь великий Московьский Иванъ Даниловичъ» (Там же. С. 364), но у Карамзина этих слов нет; он указывает лишь, что, согласно Троицкой летописи, «Иоанн скончался в 1340, а не в 1341 г.» (Там же. Примеч. 1; *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 4. С. 295, примеч. 318). Чтение, включенное в реконструкцию, взято из Симеоновской летописи (ПСРЛ. Т. 18. С. 93).
- ²⁰⁴ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 350, примеч. 4; 351, примеч. 2; 352, примеч. 1; 390, примеч. 2, ПСРЛ Т. 18. С. 85–86, 109. В Рогожском летописце текста за 6811–6813 гг. нет (в данной части этого памятника использован не общий с Симеоновской летописью протограф, а другой источник, см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 2. С. 22–23), а известие 6878 г. дано в иной редакции, без упоминания великого князя.
- ²⁰⁵ Напротив, необъяснимо допущение, что черниговское происхождение Алексея выдуманно в середине XV в. — в нем тогда нельзя было усмотреть какой-либо «престижности».
- ²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 121; Т. 18. С. 120; Т. 23. С. 121; Т. 25. С. 194; Т. 30. С. 124.
- ²⁰⁷ Там же. Т. 18. С. 86, под 6814 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 120, 351.
- ²⁰⁸ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Об. 121; Т. 18. С. 120; Т. 23. С. 121, примеч.; Т. 25. С. 194; Т. 30. С. 124.
- ²⁰⁹ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 355 и примеч. 3.
- ²¹⁰ Слова «о великом княжении Михаила» вряд ли можно рассматривать как противопоказание такой датировке. С ярлыком на Великое княжение Владимирское Михаил пришел из Орды осенью 1305 г., уже после гибели Акинфа (ПСРЛ. Т. 18. С. 86), поэтому следует отдать предпочтение чтению «великое княжение тверское» (так в Рогожском летописце, Симеоновской летописи. Владимирском летописце) или предполагать, что составитель рассказа «О Алексее митрополите» ошибочно относил начало великого княжения Михаила во Владимире к более раннему времени.
- ²¹¹ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 123–124; Т. 18. С. 121; Т. 30. С. 125; Т. 25. С. 195; Т. 23. С. 121 (в Ермолинской летописи общее количество прожитых Алексеем лет не указано).
- ²¹² Сходное «округление» имеется в летописях, восходящих к своду начала XV в., при подсчете лет, прожитых Дмитрием Донским: «жил отъ рожества своего всехъ летъ 40» (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 156; Т. 18. С. 139); в действительности — 38 лет и 7 месяцев.

- ²¹³ Ср.: *Борисов Н. С.* Политика московских князей. С. 100–101; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. С. 9.
- ²¹⁴ *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. С. 26, 82–86, 191, 202–204.
- ²¹⁵ Подробное обоснование см.: *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой. С. 84–85.
- ²¹⁶ Кто стал княжить после Олега Романовича в самом Чернигове — не известно, но нет оснований сомневаться, что там был посажен также сторонник Тохты.
- ²¹⁷ См.: *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в начале XIV в. и московско-ордынские отношения. С. 94–105; *Он же.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.). С. 79–88.
- ²¹⁸ ПСРЛ. Т. 15. вып. 1. Стб. 138.
- ²¹⁹ РИИР. Вып. 2. С. 48, 137.
- ²²⁰ См.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 354–358.
- ²²¹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 478–479; ср.: РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 312.
- ²²² Ср.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 265; *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: структуры землевладения. С. 47–48.
- ²²³ См.: *Чернов С. З.* Указ. соч. С. 45–55.
- ²²⁴ НЛ. С. 99.
- ²²⁵ *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 265–266, 268–271.
- ²²⁶ См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 298.
- ²²⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 175 (Никоновская летопись, 20-е годы XVI в.).
- ²²⁸ В конце XVI в. легенда дважды использовалась Квашниным в местнических конфликтах с Бутурлиными, потомками Акинфа; при этом Квашнины особенно подчеркивали факт измены последнего (См.: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. Прил. С. 8–9, 17–18).
- ²²⁹ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 162.
- ²³⁰ Захват волости Вьюлки тверичами мог произойти либо в 1337–1339 гг., когда вернувшийся на тверской стол Александр Михайлович соперничал с Иваном Калитой, либо в 1319–1322 гг., когда Переяславль принадлежал Юрию Даниловичу как великому князю Владимирскому, либо в 1303–1305 гг., когда московские князья впервые владели Переяславским княжеством.

- ²³¹ НЛ. С. 347.
- ²³² ПСРЛ. Т. 18. С. 86; Ср.: *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 352. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 120, 351.
- ²³³ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 252; вып. 2. С. 479.
- ²³⁴ Это не значит, разумеется, что достоверны все детали рассказа: так, явно вымышлен диалог боярина с князем, вновь возвращающий к теме местнического спора Родиона с Акинфом.
- ²³⁵ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 436.
- ²³⁶ Нет оснований принимать на веру указание родословных книг, что Нестер пришел к Ивану Калите. В XVI в. считалось престижным приурочивать выезд своего предка на службу именно к этому князю: так, Федор Бяконт, согласно родословцам, также выехал к Ивану (РИИР. Вып. 2. С. 123), между тем как источник конца XIV в. — рассказ «О Алексее митрополите» — свидетельствует, что он оказался в Москве гораздо раньше, чем Калита стал самостоятельным князем, в годы его юности.
- ²³⁷ См.: *Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей). С. 55–57.
- ²³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 122.
- ²³⁹ *Ставиский В. И.* «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XVI в.) // Внешняя политика Древней Руси. С. 97; *Шабульдо Ф. М.* Галицко-Волынское княжество и Тырновская Болгария на пути к политическому сотрудничеству в начале XIV в. // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. С. 39.
- ²⁴⁰ О дате см.: *Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-волинської літописи. С. 51–52.
- ²⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 389. На это сообщение обращал внимание (без ссылки на источник) П. Долгоруков (*Долгоруков П.* Российская родословная книга. Ч. 4. С. 117).
- ²⁴² См.: *Туников Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. С. 346; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 275.
- ²⁴³ *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 17; *Ставиский В. И.* Указ. соч. С. 97.
- ²⁴⁴ См.: *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 156–157; *Исаевич Я. Л.* Галицко-Волынское княжество в конце XIII — начале XIV в. С. 71–72. Последние достоверные упоминания о Льве Даниловиче относятся к 1299 г. (*Fejér G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Т. VI, 2. P. 216–217; *Monumenta Germaniae historica: Scriptorum.* Т. XVII. P. 718).

- ²⁴⁵ В связи с этим не исключено, что указанная в родословной легенде Квашниных дата выезда их родоначальника на московскую службу — 6840 г. — объясняется не попыткой приурочить выезд к эпохе великого княжения Калиты, а просто ошибкой при прочтении даты в какой-то родословной записи: 6840 вместо 6808 (то есть 1300) г. Цифра ѱ (8) при нечетком написании легко могла быть принята за Ѱ (40).
- ²⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Об. 486. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 119–120, 123.
- ²⁴⁷ См.: *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.). С. 105, примеч. 81.
- ²⁴⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.
- ²⁴⁹ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. С. 351; ПСРЛ. Т. 18. С. 85–86; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 129–131.
- ²⁵⁰ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 351–352; ПСРЛ. Т. 18. С. 86. О датах см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 120, 351.
- ²⁵¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 86; НЛ. С. 92; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 352.
- ²⁵² ПСРЛ. Т. 18. С. 86; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 351–352.
- ²⁵³ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.
- ²⁵⁴ НЛ. С. 92. При этом были составлены проекты новгородско-тверского докончания, признающие Михаила новгородским князем (ГВНП. № 6–8. С. 15–19; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. С. 270–282). Очевидно, победа Михаила в споре за великое княжение в Орде почти не вызывала сомнения у новгородцев; тем не менее в проектах договора Михаил называется еще просто «князем», тогда как в самом договоре — «великим князем» (ГВНП. № 9–10. С. 19, 21).
- ²⁵⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 86, под 6814 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 120, 351.
- ²⁵⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 86. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 120, 351.
- ²⁵⁷ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. С. 132–139.
- ²⁵⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 86–87; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 352 и примеч. 4.
- ²⁵⁹ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 81; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. С. 205.
- ²⁶⁰ *Fennell J. L. I.* The Emergence of Moscow: 1304–1359. P. 66.
- ²⁶¹ *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 19, 120, 351.
- ²⁶² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 253; Т. 5. С. 204.
- ²⁶³ В отношении убийства Константина Рязанского такое предположение высказал Н. С. Борисов (*Борисов Н. С.* Указ. соч. С. 113–114).

- ²⁶⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. С. 136—138.
- ²⁶⁵ НЛ. С. 92, под 6816 г. мартовским. Ряд исследователей датируют вокняжение Михаила в Новгороде 1307 г., отдавая предпочтение датировке младшего извода НЛ (с. 332) — 6815 г. (Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 119; Fennell J. L. I. Op. cit P. 67; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 153; Ключ Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). С. 101, 134; Борисов Н. С. Указ. соч. С. 114—117). При этом упускается из виду, что в обоих изводах НЛ под тем же годом («того же лета на зиму»), сразу после сообщения о вокняжении Михаила, говорится об отправке кандидата в новгородские архиепископы Давыда к митрополиту для поставления; поставление же его датировано (в обоих изводах) 5 июня 6817 (1309) г. (НЛ. С. 92, 332—333). Если допустить, что Давид отправился во Владимир (где произошло его поставление митрополитом Петром, только что приехавшим в Северо-Восточную Русь) зимой 1307—1308 гг., то получится, что он пребывал там полтора года: ясно, что речь может идти только о зиме 1308—1309 гг. Соответственно, вокняжение Михаила в Новгороде произошло летом 1308 г. (См.: Горский А. А. Политическая борьба на Руси в начале XIV в. и московско-ордынские отношения. С. 93—94, примеч. 39).
- ²⁶⁶ Об Александре Даниловиче известно лишь, что он умер в конце 1308 г. (ПСРЛ. Т. 18. С. 87). Борис Данилович позже вновь выступает в союзе с братом.
- ²⁶⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 87. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 19, 27, 351; Горский А. А. Политическая борьба на Руси в начале XIV в. и московско-ордынские отношения. С. 94, примеч. 40.
- ²⁶⁸ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. С. 209—211.
- ²⁶⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 87; Приселков М. Д. Указ. соч. С. 354.
- ²⁷⁰ Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра». С. 68, 76.
- ²⁷¹ Макарий. История русской церкви. Т. 4, кн. 1. С. 314; Седова Р. А. Святитель Петр, митрополит московский, в литературе и искусстве Древней Руси. С. 25.
- ²⁷² Дмитрий Михайлович родился в 1298 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484—485; о дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 119—122).
- ²⁷³ См.: Ключ Э. Указ. соч. С. 135, примеч. 22; Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 3. С. 520, примеч. 10 (комментарий А. А. Турилова).
- ²⁷⁴ 21 марта 1311 г. митрополит Петр, находясь в Твери, поставил епископом в Ростов Прохора (см.: Ключ Э. Указ. соч. С. 135—136,

- примеч. 24), а сообщение о походе Дмитрия Михайловича предшествует известию об этом событии (ПСРЛ. Т. 18. С. 87); следовательно, поход состоялся не позже февраля — начала марта.
- ²⁷⁵ Позже в Нижнем княжил брат Юрия Борис (См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. С. 209—211), но с какого времени началось его княжение, не известно.
- ²⁷⁶ Одновременно с Михаилом в Орде побывал с жалобой еще один князь — Василий Александрович Брянский: его согнал с княжения в 1309 г. дядя — Святослав Глебович, по-видимому, при поддержке Юрия Даниловича; с приданными ему татарскими войсками Василий в 1310 г. вернул брянский стол (см.: *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы. С. 79—80, 86—88). В этом эпизоде ордынские силы выступили на стороне князя — противника ставленника Москвы.
- ²⁷⁷ НЛ. С. 94.
- ²⁷⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 87.
- ²⁷⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 249; Т. 5. С. 202.
- ²⁸⁰ Поставленный Петром вместо Измаила Варсонофий позже выступает как иерарх, дружественный Москве: зимой 1316—1317 гг. Петр ставит его епископом в Твери вместо своего заклятого врага Андрея; в 1326 г. Варсонофий, будучи тверским епископом, участвует в погребении в Москве Юрия Даниловича, убитого Дмитрием Михайловичем Тверским (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 36; НЛ. С. 97).
- ²⁸¹ Согласно продолжателю Рашид-ад-дина, Тохта скончался на пути «в сторону урусов» (*Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 141). Ранее я разделял основывающееся на этом сообщении мнение, что хан собирался в поход на Русь (*Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 79; *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 203), и предположил, что он должен был быть направлен против Юрия Московского (*Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в начале XIV в. и московско-ордынские отношения. С. 107). Но известие продолжателя Рашид-ад-дина (автора первой половины XV в.) восходит к не переведенной до сих пор на европейские языки «Истории Улджайту» Кашани (современника событий начала XIV в.). А в этом источнике говорится, что болезнь и смерть Тохты произошли на пути в его «главный юрт» (*Кашани.* Тарих-е Улджайту. С. 144 (на перс. яз.); переводом этого места автор обязан А. П. Новосельцеву). Следовательно, «сторона урусов» появилась под пером продолжателя Рашид-ад-дина и похода хана на Русь не предполагалось. Соответственно, отсутствуют и основания для домысла, что планировалась мирная поездка

- Тохты на Русь с целью неких реформ управления русскими землями (*Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. С. 201–202).
- ²⁸² ПСРЛ. Т. 18. С. 87.
- ²⁸³ Для утверждения, что Юрий «несомненно, тогда же ездил в Орду» (*Борисов Н. С.* Указ. соч. С. 136), опоры в источниках нет.
- ²⁸⁴ См.: *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы. С. 87.
- ²⁸⁵ НЛ. С. 94.
- ²⁸⁶ Там же.
- ²⁸⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 88.
- ²⁸⁸ *Кучкин В. А.* Древнейшая редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 133
- ²⁸⁹ НЛ. С. 94–95; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 36.
- ²⁹⁰ НЛ. С. 95; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 36; Т. 18. С. 88.
- ²⁹¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 36–37; Т. 18. С. 88.
- ²⁹² С ним сопоставимо только отнятие Туда-Менгу великого княжения у Дмитрия Александровича в 1281 г., но тогда гнев хана могло вызвать то, что после его воцарения Дмитрий не спешил явиться в Орду почтить ее нового правителя, как то было принято.
- ²⁹³ Об этой черте политики Чингисидов см.: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 5, 8, 153.
- ²⁹⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Об. 37.
- ²⁹⁵ Там же. Стб. 37–38; Т. 18. С. 88; НЛ. С. 96.
- ²⁹⁶ Версии о месте битвы см.: Михаил Ярославич, великий князь Тверской и Владимирский. С. 332–348, 353–357; *Кобозев Ю. А., Кобозева Г. В., Хохлов А. Н.* К вопросу о локализации Бортеновского сражения 1317 года // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. С. 113–122; *Жутов А. В.* Многовековая тайна Твери.
- ²⁹⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 37–38.
- ²⁹⁸ Там же.
- ²⁹⁹ НЛ. С. 96; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 38; ГВНП. № 13. С. 25–26. Подробный анализ договорной грамоты см.: *Кучкин В. А.* Последний договор Михаила Ярославича Тверского.
- ³⁰⁰ НЛ. С. 96; ПСРЛ. Т. 18. С. 88; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 356.
- ³⁰¹ Ср.: *Клюг Э.* Указ. соч. С. 108.
- ³⁰² *Кучкин В. А.* Древнейшая редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 137–155; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 38–40.
- ³⁰³ Ср.: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 88.
- ³⁰⁴ См.: *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. С. 224–234.
- ³⁰⁵ Там же. С. 248–250.
- ³⁰⁶ *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 86, примеч. 5. Михаил на суде утверждал, что выплатил все положенное (*Кучкин В. А.* Древнейшая редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 143).

- ³⁰⁷ Пономарев Г. Значение Бортеневского сражения в судьбе тверского князя Михаила Ярославича. С. 357–363; см. также: *Жутов А. В.* Указ. соч. С. 15–16.
- ³⁰⁸ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 257; Т. 5. С. 207.
- ³⁰⁹ Там же. Т. 27. С. 237, 323.
- ³¹⁰ Там же. Т. 25. С. 161; скорее всего, здесь заимствование именно из данного памятника, а не из Новгородской V летописи (одного из основных источников Никоновской), так как в последней дана несколько иная форма имени — «Ястрабал» (Там же. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 243).
- ³¹¹ Об источниках Никоновской летописи см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. С. 32–43, 148–152, 156–157.
- ³¹² ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Об. 38.
- ³¹³ Ср.: *Чернышов А. В.* Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв. С. 117–118. В противном случае об избиении татар летописцы вряд ли бы умолчали: когда Даниил в 1300 г. разбил рязанско-татарское войско, гибель «многих татар» была особо отмечена; под 1317 же годом говорится только, что тверичи «поби-та московскую рать» (ПСРЛ. Т. 18. С. 88).
- ³¹⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 78, 82–83, 90; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 339, 347.
- ³¹⁵ ПСРЛ. Т. 15. вып. 1. Стб. 73 (1363 г.), 106 (1374 г.), 142 (1381 г.); М.; Л., 1949. Т. 25. С. 302 (1474 г.), 308–309 (1476 г.).
- ³¹⁶ Там же. Т. 15, вып. 1. Об. 37.
- ³¹⁷ В. А. Кучкин, исходя из слов Повести о Михаиле Тверском «Прииде князь Юрии ко Тфери ратью, совокупя всю землю Суздальскую и с кровопийцемъ с Ковгадыемъ множество Татаръ, и Бесермень, и Мордвы» (*Кучкин В. А.* Древнейшая редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 134), полагает, что, поскольку под началом Кавгадыя были мордва и бесермене, он являлся ханским наместником в Волжской Булгарии (*Кучкин В. А.* Последний договор Михаила Ярославича Тверского. С. 58). Но из приведенной фразы Повести не следует, что бесермене и мордва пришли с Кавгадыем: если бы это было так, при имени посла присутствовало бы сказуемое. В существующем виде фраза переводится на современный русский язык следующим образом: «Пришел князь Юрий к Твери войной с кровопийцей Кавгадыем, собрав войска всей Суздальской земли, а также множество татар, бесермен и мордвы». Все четыре этнических элемента войска «привязаны» здесь к Юрию, именно он «совокупил» их. Разумеется, не подлежит сомнению, что татары находились под непосредственным командованием Кавгадыя; но это не значит, что и другие иноземцы под-

чинялись ханскому послу. Можно предположить, что «бесермене» (этим термином на Руси называли мусульман) — это болгарские кредиторы Юрия, которых он вел с собой, чтобы дать им возможность собрать дань в счет погашения своих долгов, связанных с покупкой ярлыка («бесермене» как кредиторы московских князей упоминаются еще при Дмитрии Донском — ДДГ. № 11. С. 31), а мордва — составная часть отряда брата Юрия Бориса, который княжил в Нижнем Новгороде, по соседству с мордовскими землями. Автор Повести о Михаиле не стал громоздить сложную фразу «Прииде князь Юрии ко Тфери ратью, совокупя всю землю Суздальскую, и с кровопищемъ с Ковгадыемъ, и с нимъ приидоша множество Татарь, а съ княземъ Юриемъ и множество Бесерменъ, а съ братомъ его, княземъ Борисомъ, и множество Мордвы», а просто перечислил всех иноземцев, говоря современным языком, «через запятую», так как все они появились на Руси с приходом Юрия.

- ³¹⁸ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 209–211.
- ³¹⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 88; ср.: *Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 1995. С. 111.
- ³²⁰ НЛ. С. 96; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 41.
- ³²¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 41.
- ³²² Это не означает, что они вообще не хотели вносить «выход» в Орду: вопрос стоял о том, как это будет делаться — самостоятельно или через великого князя (*Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 132–133).
- ³²³ ПСРЛ. Т. 15, вып. I. Стб. 41: «князь Юрии... не шель противу царева посла, нъ ступиль съ сребромъ в Новгородъ Великий»; ср.: Там же. Т. 18. С. 89.
- ³²⁴ *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 133.
- ³²⁵ *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 90.
- ³²⁶ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 474.
- ³²⁷ *Клюг Э.* Указ. соч. С. 114, примеч. 129.
- ³²⁸ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 41; *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века. С. 37.
- ³²⁹ *Клюг Э.* Указ. соч. С. 115, 145, примеч. 130.
- ³³⁰ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 42, *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века С. 37.
- ³³¹ НЛ. С. 96; ср.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 15, 42, Т. 18. С. 89.
- ³³² НЛ. С. 96–97, ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 42.
- ³³³ *Fennell J. L. I.* Op. cit. P. 91.
- ³³⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 42.
- ³³⁵ Там же. Т. 18. С. 89.

- ³³⁶ ГВНП. № 38. С. 67–68. В латинском и шведском текстах — соответственно *gex magnus*, *mykle konungher* (см.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. С. 104, 110, 123). В новгородских документах данного периода великокняжеским титулом обозначаются исключительно великие князья Владимирские, см.: ГВНП. № 4–14, 34–35. С. 14–28, 63–64 (грамоты 1296–1327 гг.).
- ³³⁷ НЛ. С 97.
- ³³⁸ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С 90.
- ³³⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 189.
- ³⁴⁰ НЛ. С 97; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 259.
- ³⁴¹ См.: ГВНП. С. 9–10, 12, 15, 17, 19–21, 24, 27; НЛ. С. 97, 350, 391–392, 419.
- ³⁴² НЛ. С. 97.
- ³⁴³ Там же; ПСРЛ. Т. 18. С. 89.
- ³⁴⁴ НЛ. С. 97.
- ³⁴⁵ Там же; ПСРЛ. Т. 18. С. 89.
- ³⁴⁶ Там же. С. 90; Т. 15, вып. 1. Стб. 42. По мнению Н. С. Борисова, убийство Юрия следует датировать 21 ноября 1324 г., а казнь Дмитрия — 15 сентября 1325 г. (*Борисов Н. С.* Политика московских князей. С. 201–209).
- ³⁴⁷ Его характеристику в таком духе см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4. С. 102, 106, 112; *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. С. 255–258.
- ³⁴⁸ *Кучкин В. А.* Древнейшая редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 131.
- ³⁴⁹ Подход, при котором всякое выступление Юрия (или Новгорода) против великого князя априорно трактуется как происшедшее благодаря поддержке Орды (*Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 38–44), представляется ошибочным. Главной целью ордынской политики было обеспечение регулярного поступления дани; великий князь Владимирский являлся гарантом этого. Хотя в деятельности ордынских ханов (особенно Узбека) и прослеживается стремление не допустить чрезмерного усиления великих князей Владимирских, разжигание на Руси войн против них не соответствовало интересам Орды, так как в подобных случаях осложнялась своевременная выплата «выхода» с мятежных территорий. Поэтому без наличия фактических данных предполагать поддержку Юрия Даниловича Ордой в период 1305–1317 гг. нет оснований. Факты же говорят о другом: Тохта и Узбек в это время неоднократно оказывали поддержку Михаилу Ярославичу (для 1305 и 1315–1316 гг. источники свидетельству-

- ют об этом прямо, а в отношении эпизода с епископом Измаилом 1312 г. в пользу такой трактовки говорят косвенные данные).
- ³⁵⁰ См.: *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.).
- ³⁵¹ *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. С. 255—263.
- ³⁵² См. определения такого рода: *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 2. С. 19—20; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 66; *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. С. 247—275; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 35, 259; *Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. С. 50—51, 58—59.
- ³⁵³ Согласно Повести о Михаиле Тверском, после вторжения Юрия и Кавгадия в Тверское княжество Михаил сказал: «Наипаче вижду, оуже головы мояе ловят» (*Кучкин В. А.* Древнейшая редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 135).
- ³⁵⁴ Стремление увидеть в деятельности Михаила проявления «борьбы с игом» отчасти, может быть, вызвано представлениями о князев-святом как борце с «неверными» (навеянном образом Александра Невского). Однако если бы позиция в отношении Орды была в ту эпоху главным критерием для канонизации, то Дмитрий Донской был бы признан святым не в конце XX столетия, а много ранее и никогда бы не был канонизирован Федор Ростиславич Ярославский, который не только подолгу жил в Орде и женился на родственнице хана, но и не раз приводил на Русь татарские войска. Очевидно, что основания для признания того или иного князя святым были связаны с иными факторами В случае с Михаилом предпосылками канонизации были его мученическая смерть (в глазах современников отвратившая разорение Тверского княжества) и то, как он (в изображении автора Повести о Михаиле Тверском) шел навстречу ей.
- ³⁵⁵ См.: *Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра». С. 69—70.
- ³⁵⁶ Соперников здесь у Ивана не было: Юрий сыновей не оставил, а других Даниловичей уже не было в живых.
- ³⁵⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 42.
- ³⁵⁸ См: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2: Л — Я. С. 208—209.
- ³⁵⁹ *Fennell J. L. I.* The Tver Uprising of 1327: A Study of Sources; *Конявская Е. Л.* Повести о Шевкале.
- ³⁶⁰ *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века. С. 37—38; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 42—43; М., 1965. Т. 15. Стб. 415.
- ³⁶¹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 261; Т. 5. С. 218.

- ³⁶² Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 261; Т. 5. С. 217.
- ³⁶³ НЛ. С. 98.
- ³⁶⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 43; Т. 15. Стб. 415–416.
- ³⁶⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 43.
- ³⁶⁶ НЛ. С. 98.
- ³⁶⁷ НЛ. С. 343–344; Псковские летописи. Вып. 1. С. 17.
- ³⁶⁸ НЛ. С. 98; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 43–44; Т. 18. С. 90.
- ³⁶⁹ НЛ. С. 469.
- ³⁷⁰ Там же. С. 98–99. Псковские летописи. Вып. 1. С. 16–17.
- ³⁷¹ НЛ. С. 343; Псковские летописи. Вып. 1. С. 17.
- ³⁷² ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 46; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 141.
- ³⁷³ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 141.
- ³⁷⁴ НЛ. С. 99; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 141.
- ³⁷⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47.
- ³⁷⁶ Там же.
- ³⁷⁷ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 256, примеч. 131.
- ³⁷⁸ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47.
- ³⁷⁹ Там же.
- ³⁸⁰ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 245–246.
- ³⁸¹ Там же. С. 246–247.
- ³⁸² См.: ДДГ. № 4. С. 15–19.
- ³⁸³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 48; НЛ. С. 346; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 191.
- ³⁸⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 48; ср.: *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII века. С. 39.
- ³⁸⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 92; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. С. 362.
- ³⁸⁶ НЛ. С. 348–349. Ср.: *Борисов Н. С.* Политика московских князей: конец XIII — начало XIV века. С. 307–310.
- ³⁸⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 48; Т. 18. С. 92. Перед этим отъездом и после возвращения Александра тверские «бояре мнози отъеха на Москву къ великому князю Ивану» (Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 48).
- ³⁸⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 92.
- ³⁸⁹ НЛ. С. 350.
- ³⁹⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 92.
- ³⁹¹ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 49.

- ³⁹² Там же. Стб. 50–51.
- ³⁹³ Там же. Т. 18. С. 92.
- ³⁹⁴ Там же. С. 93; Т. 15, вып. 1. Стб. 53.
- ³⁹⁵ Там же. Стб. 51–52; Т. 18. С. 93.
- ³⁹⁶ См.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 112.
- ³⁹⁷ Там же. С. 101–102; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 122–123, 148–149.
- ³⁹⁸ См.: *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.). С. 81–87.
- ³⁹⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52–53; Т. 18. С. 93; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 264.
- ⁴⁰⁰ ДДГ. № 1–2. С. 7–11.
- ⁴⁰¹ См.: *Кучкин В. А.* Сколько сохранилось грамот Калиты.
- ⁴⁰² ДДГ. № 1. С. 8; № 2. С. 10.
- ⁴⁰³ Ср., например: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 111; *Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма. С. 47–49, 52–58 и *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 512–513; *Борисов Н. С.* Иван Калита.
- ⁴⁰⁴ Такое восприятие Калиты следует за его изображением в московской литературе XV–XVI вв.; кажется, первый случай подобной характеристики Ивана встречается в «Слове о житии и преставлении» Дмитрия Донского, где его дед выступает как «собиратель земли Русской» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 351). Для московских великих князей такое отношение именно к Калите было естественно, так как потомками Юрия Даниловича они не были, а Даниил Александрович не владел Великим княжением Владимирским, обладание которым давало возможность «собираения».
- ⁴⁰⁵ Углич называется в духовной Дмитрия Донского среди «купель» его деда (ДДГ. № 12. С. 34). Там же поименовано Белоозеро, но под 1339 г. в летописях упоминается самостоятельный белозерский князь (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52); реальное присоединение Белозерского княжества к Москве имело место только в 80-е годы XIV в. (см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 304–306).
- ⁴⁰⁶ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 467, 480–484.
- ⁴⁰⁷ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках.
- ⁴⁰⁸ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. С. 366, 371; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 55–56, 58–59; Т. 18. С. 94–97.
- ⁴⁰⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52–53; Т. 18. С. 93.
- ⁴¹⁰ НЛ. С. 352–353. О «черном боре» см.: *Янин В. Л.* О «черном боре» в Новгороде в XIV–XV вв.

- ⁴¹¹ Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы. С. 81–85.
- ⁴¹² НЛ. С. 353.
- ⁴¹³ Горский А. А. Указ. соч. С. 85–88.
- ⁴¹⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 54; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 141–142, 218. Известие Рогожского летописца говорит о посаждении Константина Васильевича в Нижнем Новгороде «на княжении на великомъ». Но в последующих упоминаниях Константина и сменившего его в 1355 г. сына Андрея эпитет «великий» по отношению к ним и нижегородскому княжению не употребляется (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 55, 58, 61, 64, 68–69, 71, 78–79; ср.: НЛ. С. 363); лишь вокняжившийся в Нижнем в 1364 г. Дмитрий Константинович последовательно упоминается с великокняжеским титулом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 487–488; Т. 15, вып. 1. Стб. 108, 110, 148–149; Т. 18. С. 115, 134; Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. С. 175–178. № 843–845). Примечательно, что и именование тверских князей «великими» закрепляется только с 60-х гг. XIV в.: Василий Михайлович назван так в жалованной грамоте, датируемой около 1364 г., далее великим князем именуется его приемник на тверском столе Михаил Александрович (АСЭИ. Т. 3. С. 152; ДДГ. № 9, 15. С. 25, 28, 41, 43; ГВНП. № 18. С. 33; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 79 и сл.); ни Василий в более ранний период, ни его предшественник Константин Михайлович «великими князьями» не называются. Очень вероятно, что статус «местных» (стоявших ниже владимирского) великих княжений для Твери и Нижнего Новгорода закрепился только в период междоусобицы в Орде (начавшейся в конце 50-х гг. — см. гл. 6); можно полагать, что местные князья сумели тогда получить у претендентов на власть в Орде ярлыки на такие «великие княжения», воспользовавшись внутриордынской ситуацией.
- ⁴¹⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 54; Т. 18. С. 94.
- ⁴¹⁶ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 55. Претензии, которые Семен предъявил на Нижегородское княжение, косвенно подкрепляют высказанное в гл. 3 мнение, что в 1339 г. он получил ярлык на Нижний Новгород и именно поэтому находился там в момент смерти отца (иное предположение, что Семен был лишь наместником отца в Нижнем, см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 218).
- ⁴¹⁷ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 366–367; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 55–56.
- ⁴¹⁸ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 55; Т. 18. С. 94.
- ⁴¹⁹ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 54; Т. 18. С. 94.

- ⁴²⁰ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 371; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 59.
- ⁴²¹ ДДГ. № 4. С. 15, 18.
- ⁴²² *Кучкин В. А.* Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого. С. 7–9.
- ⁴²³ Там же.
- ⁴²⁴ ДДГ. № 10. С. 29.
- ⁴²⁵ РИИР. Вып. 2. С. 165, 169; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 56–57; *Fennell J. L. I.* The Emergence of Moscow: 1304–1359. P. 223, note 5; *Салмина М. А.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 37–38.
- ⁴²⁶ См.: *Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV веков. М., 1991. С. 72.
- ⁴²⁷ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 363; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 51.
- ⁴²⁸ Такому предположению не противоречит дата брака Семена с дочерью Федора Святославича — 1345 г., поскольку нет оснований утверждать, что Федор только тогда оставил свое вяземское княжение (так говорится в родословных книгах XVI в., где последовательность событий могла быть нарушена). Очень вероятно, что отъезд Федора к великому князю имел место вскоре после провала ордынско-московского похода на Смоленск (зима 1339–1340 гг.) и гибели его брата Глеба в Брянске (конец 1340 г.), следствием которых было усиление литовского влияния в данном регионе. Осенью 1341 г. Ольгерд Гедиминович ходил на Можайск (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 53–54); литовские войска во время этой акции должны были пройти через владения вяземско-догобужского князя; либо Федора там уже не было, либо он отъехал к Семену после этого удара, понесенного от Литвы.
- ⁴²⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 58; Т. 18. С. 96.
- ⁴³⁰ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 367; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 56–57.
- ⁴³¹ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 363; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52. В. А. Кучкин допускает, что Иван Ярославич погиб во время смоленского похода и Юрьев был присоединен к великому княжеству уже в 1340 г. (*Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 143). Это представляется невозможным. Такой факт, как гибель князя, непременно был бы отмечен; между тем летописное известие говорит, что «соблюдена бысть вся рать русская и ничимъ же не врежена» (*Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 363; ср. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52). На фоне такой ремарки умолчание о гибели князя вдвойне невероятно.
- ⁴³² *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 369; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 58.
- ⁴³³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 59; Т. 18. С. 96–97; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 370.
- ⁴³⁴ См.: *Шабельдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Велико-го княжества Литовского. С. 37–40.

- ⁴³⁵ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 367.
- ⁴³⁶ НЛ. С. 358–359.
- ⁴³⁷ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 52; *Шабульдо Ф. М.* Указ. соч. С. 46–47, 49.
- ⁴³⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 177; Т. 23. С. 109.
- ⁴³⁹ *Грушевський М. С.* Історія України — Руси. Т. 4. С. 33, примеч. 3.
- ⁴⁴⁰ *Fennell J. L. I.* Op. cit. P. 199.
- ⁴⁴¹ Вероятно, именно в связи с этой угрозой было заключено доконтракт Семена с братьями (см.: *Кучкин В. А.* Договор Калитовичей (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива). С. 24).
- ⁴⁴² Явнут в конце концов примирился с Ольгердом и получил от него Изяславль (ПСРЛ. Т. 35. С. 61), но дата его возвращения в Литву неизвестна, и вполне вероятно, что в 1348 г. он еще находился в Москве.
- ⁴⁴³ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 372; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 60–61.
- ⁴⁴⁴ *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. С. 62–65.
- ⁴⁴⁵ *Шабульдо Ф. М.* Указ. соч. С. 50. Поход Семена состоялся либо весной, либо летом 1352 г. (запись о нем — первая в статье 6860 мартовского года, затем следует рассказ об осенних событиях).
- ⁴⁴⁶ Напомним, что в 1339–1340 гг. Орда активно стремилась вернуть Смоленск (и Брянск) под свою власть, но тогда это не удалось.
- ⁴⁴⁷ О дате см.: *Кучкин В. А.* К датировке завещания Симеона Гордого.
- ⁴⁴⁸ НЛ. С. 367.
- ⁴⁴⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 63; Т. 18. С. 98–99.
- ⁴⁵⁰ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 63; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. С. 374.
- ⁴⁵¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 64; Т. 18. С. 99.
- ⁴⁵² *Fennell J. L. I.* The Emergence of Moscow: 1304–1359. P. 199, note 3.
- ⁴⁵³ *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 52.
- ⁴⁵⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 66.
- ⁴⁵⁵ Там же.
- ⁴⁵⁶ Там же. Стб. 65; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 375; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 213–215.
- ⁴⁵⁷ В то же время связывать убийство Хвоста с московско-рязанскими отношениями вряд ли есть основания. Бегство в Рязань было обусловлено враждебностью Олега к Ивану Ивановичу, в силу которой беглецы могли не опасаться выдачи в Москву (которая последовала бы в случае отъезда в какое-либо из княжеств Северо-Восточной Руси, так как здесь Иван был сюзереном).

- 458 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 67; ср. Т. 18. С. 100.
- 459 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4. С. 172.
- 460 ДДГ. № 4. С. 15, 18.
- 461 О ее социально-экономических и политических корнях см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 145–153.
- 462 ПСРЛ. М., 1965. Т. 15, вып. 1. Стб. 68; Т. 18. С. 100.
- 463 Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 68–69; Т. 18. С. 100.
- 464 Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 69; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 244–248, 269.
- 465 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 70–71. О перипетиях внутриордынской борьбы см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 117–122; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 112–122; *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой. С. 181–195; *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений. С. 20–32.
- 466 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 72; Т. 18. С. 101.
- 467 Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 72–73; Т. 18. С. 101.
- 468 См.: *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 63, 67–68.
- 469 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 74; Т. 18. С. 101–102.
- 470 Ср.: *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. С. 256.
- 471 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 74; Т. 18. С. 102.
- 472 Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 74; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 62–64.
- 473 *Григорьев А. П.* Указ соч. С. 37–38, 41–43, 46–47; *Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой Орды. С. 118–120.
- 474 Не считая Хорезма и Южной Сибири, ставших с этого времени неподвластными правителям Орды.
- 475 См.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ соч. С. 124–133; *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 191–192, 199–203; *Григорьев А. П.* Указ. соч. С. 32–54.
- 476 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Об. 77–78; Т. 18. С. 103.
- 477 См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 226.
- 478 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 74–75.
- 479 По мнению В. А. Кучкина, Василий отправился за ярлыком на Великое княжение Владимирское (*Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 66; *Он же.* Дмитрий Донской. С. 65). Это представляется маловероятным, так как к этому времени у Дмитрия Константиновича уже были союзнические отношения с Москвой и все усилия он направлял на овладение Нижним Новгородом.
- 480 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 77–78; Т. 18. С. 103.
- 481 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 80, 85; Т. 18. С. 104, 106.

- ⁴⁸² Ранее имели место только успешные оборонительные бои (Даниил Галицкий против Куремсы), победы (Дмитрия Александровича в 1285 г., Даниила Александровича в 1300 г., Михаила Ярославича в 1317 г.) над татарскими отрядами, сопровождавшими войска русских князей, избивание ордынских континентов в ходе городских восстаний (Ростов — 1289 г., Тверь — 1327 г.).
- ⁴⁸³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 87; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста.
- ⁴⁸⁴ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 125; *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 191, 201.
- ⁴⁸⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 88–90; Т. 18. С. 107–109.
- ⁴⁸⁶ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 92; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 389–390.
- ⁴⁸⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 92–93.
- ⁴⁸⁸ Там же. Стб. 92; *Григорьев А. П.* Указ. соч. С. 54; *Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой Орды. С. 118.
- ⁴⁸⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 93.
- ⁴⁹⁰ Там же.
- ⁴⁹¹ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 94–95; Т. 18. С. 110.
- ⁴⁹² Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 95.
- ⁴⁹³ Там же. Стб. 96–97.
- ⁴⁹⁴ Там же. Стб. 98.
- ⁴⁹⁵ Там же. Об. 99–104.
- ⁴⁹⁶ ДДГ. М.; Л., 1950. № 6. О дате грамоты см.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 89–91.
- ⁴⁹⁷ ДДГ. № 6. С. 22.
- ⁴⁹⁸ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 104.
- ⁴⁹⁹ Там же. Стб. 98–100, 104.
- ⁵⁰⁰ *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 151–152.
- ⁵⁰¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 104.
- ⁵⁰² Там же. Стб. 98–99; Т. 18. С. 111–112.
- ⁵⁰³ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 100; Т. 18. С. 112; ДДГ. № 6. С. 22.
- ⁵⁰⁴ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 314.
- ⁵⁰⁵ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 105.
- ⁵⁰⁶ Там же. Стб. 106.
- ⁵⁰⁷ Ср.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 96.
- ⁵⁰⁸ См.: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 131; *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 201. Перипетии этого конфликта остаются не вполне выясненными (см.: *Григорьев А. П.* Указ. соч. С. 44–45).
- ⁵⁰⁹ *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 204–205.
- ⁵¹⁰ См.: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 30.

- ⁵¹¹ С конца XII в. встречаются также случаи обозначения царским титулом императора Священной Римской империи: ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 666–667 («цесарь немецкий», под 6698 г.), 723 («цесарь римский», под 6715 г.), 776 («Фридрих цесарь», под 6733 г.), 814 («цесарь», под 6760 г.); НЛ. С. 46–47 («цесарь нѣмечьский», под 6712 г.).
- ⁵¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745 (о Чингисхане), 785 (о Гуюке); Т. 1. Стб. 470–472 (40-е гг.); *Серебрянский Н. Н.* Древнерусские княжеские жития // Чтения ОИДР. 1915. Кн. 3. Приложение. С. 55 («Сказание о убиении в Орде Михаила Черниговского» в редакции отца Андрея).
- ⁵¹³ НЛ. С. 49.
- ⁵¹⁴ См.: *Meyendorff I.* Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the XIV-th Century. P. 69–73.
- ⁵¹⁵ См.: *Vodoff W.* Remarques sur la valeur du terme «tsar» appliqué aux princes russes avant le milieu du XVe siècle; см. также: *Толочко О. П.* 3 історії політичної думки Русі XI–XII ст.
- ⁵¹⁶ См. *Vodoff W.* Op. cit. P. 8–14.
- ⁵¹⁷ Ibid. P. 14–17.
- ⁵¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807–808.
- ⁵¹⁹ См.: *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. С. 254.
- ⁵²⁰ Там же. С. 251–252; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 38–39, 42–43.
- ⁵²¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, Стб. 74, 95.
- ⁵²² Там же. Стб. 92; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 389.
- ⁵²³ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 416.
- ⁵²⁴ НЛ. С. 376.
- ⁵²⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 106; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 396.
- ⁵²⁶ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 63–64; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 97.
- ⁵²⁷ ДДГ. № 9. С. 26.
- ⁵²⁸ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 109; Т. 18. С. 115; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 98–99.
- ⁵²⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 108–109; Т. 18. С. 15.
- ⁵³⁰ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 109; Т. 18. С. 115.
- ⁵³¹ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 109–110.
- ⁵³² См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. С. 37–38.
- ⁵³³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 110–111; Т. 18. С. 115–116.
- ⁵³⁴ См.: *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. С. 71–73.
- ⁵³⁵ РИБ. Т. 6. Приложение. Стб. 137–140. 147–148.

- ⁵³⁶ ДДГ. № 9. С. 26; *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. С. 73–74.
- ⁵³⁷ В 1386 г. сын Ивана Михаил был вяземским князем (Смоленские грамоты XIII–XIV вв. С. 74).
- ⁵³⁸ ДДГ. № 9. С. 25–26.
- ⁵³⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 112–113, 116.
- ⁵⁴⁰ В. А. Кучкин уверен в тождестве Мухаммед-Бюлека и «Махмата Солтана» (*Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой Орды. С. 121). Но последний в летописном известии назван без титула и после Асана, поименованного «князем Болгарским» («И высла изъ города князь Болгарьскыи Осанъ и Махматъ Солтанъ и добиста челом князю великому...» — ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 116). Крайне сомнительно, чтобы так было сказано о «царе». Скорее всего, мы в данном случае имеем дело с двумя разными Мухаммедами; вторая же половина имени — «солтан» — является титулом, русским эквивалентом которого был «царевич» (См.: *Усманов М. Л.* Жалованные акты Джучиева улуса. С. 197). Не исключено, что «Махмат Солтан» 1377 г. — сын Мухаммед-Бюлека, носивший то же имя, что и отец.
- ⁵⁴¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 116–117; Т. 18. С. 117–118.
- ⁵⁴² ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 118–119; Т. 18. С. 118–119.
- ⁵⁴³ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 134–135; Т. 18. С. 126–127. О битве на Воже см.: *Назаров В. Д.* Русь накануне Куликовской битвы. По-видимому, русские войска состояли только из великокняжеских и рязанских полков: в бою центром командовал сам великий князь, флангами — его окольный Тимофей и князь Даниил Пронский.
- ⁵⁴⁴ По мнению В. А. Кучкина, Мамаевы войска не могли практически одновременно быть на Воже и у Нижнего; на последний, скорее всего, напали татары из Волжской Булгарии или Сарая (*Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 107–108). Это не исключено, но отнюдь не кажется невозможным, чтобы Мамай мог послать одновременно войска на московского князя и его главного союзника.
- ⁵⁴⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 135; Т. 18. С. 127.
- ⁵⁴⁶ Кем был хан «Тюляк», от чьего имени выдан ярлык, — вопрос дискуссионный. А. П. Григорьев отождествляет его с Мухаммед-Бюлеком (*Григорьев А. П.* Указ. соч. С. 41–43, 46–47). По мнению же В. А. Кучкина, Тюляк был поставлен Мамаем в ханы во второй половине марта 1377 г., после того как Мухаммед-Бюлек капитулировал перед русскими войсками в Булгаре (*Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой Орды. С. 121–123).

- ⁵⁴⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 129; Т. 18. С. 124; ПРП. Вып. 3. С. 467–468; РФА. Вып. 3. С. 585–587.
- ⁵⁴⁸ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 23–39, 70–74, 80–85, 101–107.
- ⁵⁴⁹ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). С. 112–119.
- ⁵⁵⁰ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 71–74, 83–85, 106–108.
- ⁵⁵¹ См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 28–32, 55–56, 97–99.
- ⁵⁵² РФА. Т. 3. С. 580–582.
- ⁵⁵³ См.: Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей). С. 53–55; Горский А. А. Указ. соч. С. 102, примеч. 159. Кстати, само представление о Киприане, Сергии, Феодоре и Дионисии как о единомышленниках сомнительно (См.: Лурье Я. С. Россия Древняя и Россия Новая. С. 159, 163).
- ⁵⁵⁴ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 418; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 137.
- ⁵⁵⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 45.
- ⁵⁵⁶ Хорошев А. С. Указ. соч. С. 115.
- ⁵⁵⁷ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 29. Этот эпизод вымышлен: в действительности в 1380 г. Киприана в Москве не было, он вернулся туда, примирившись с великим князем, только в мае 1381 г. (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 142).
- ⁵⁵⁸ См.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 7; *Он же*. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 109–114; Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище».
- ⁵⁵⁹ Новейшее исследование и издание Жития см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского.
- ⁵⁶⁰ Там же. С. 369–370, ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 316; Т. 6. С. 94. Упомянутое в Житии Сергия благословение во время поездки Дмитрия в Троицкий монастырь, возможно, имело место перед битвой на Воже 1378 г., а с Куликовской битвой было связано только в «Сказании о Мамаевом побоище» (См.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы; *Он же*. Сергей Радонежский. С. 85–87; Это мнение оспорено Б. М. Клоссом: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 58–59). В летописной же Повести говорится о присылке Сергием грамоты с благословением на Дон накануне битвы.
- ⁵⁶¹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 311–312; Т. 6. С. 90. Остается неясным, посылал ли Олег войска на помощь Мамаю. В рассказе о Куликовской битве Рогожского летописца и Симеоновской летописи говорится, что до Дмитрия дошла весть такого рода (Там же. Т. 15,

- вып. 1. Стб. 140; Т. 18. С. 130). Повесть Новгородской IV — Софийской I летописей более определенно говорит, что Олег начал «силою свою слати» к Мамаю (Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 314; Т. 6. С. 92).
- ⁵⁶² Летописная Повесть о Куликовской битве Новгородской IV — Софийской I летописей, видимо, не впадает в большее преувеличение, вкладывая в уста Мамаю заявление о намерении повторить поход Батгя («яко же при Батгы было»): ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 311; Т. 6. С. 90. В составленном много позднее «Сказании о Мамаевом побоище» намерение Мамаю подано иначе, со стремлением усилить драматизм ситуации: здесь Мамаю уже заявляет о желании превзойти Батгя («Аз не хошу тако сътворити, яко же Батгый») — не только разорить Русь, но и непосредственно осесть на Русской земле (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 25–26).
- ⁵⁶³ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 314; Т. 6. С. 92.
- ⁵⁶⁴ *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 5.
- ⁵⁶⁵ См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 536, 542; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 140; Т. 18. С. 130; Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 314, Т. 6. С. 92–93.
- ⁵⁶⁶ См.: *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». С. 492–494; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 7; *Он же.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 109–113.
- ⁵⁶⁷ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 496; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 366 об. — 367.
- ⁵⁶⁸ Скептический взгляд см.: *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г. С. 355; *Салмина М. А.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 21; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 15; *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва: проблемы изучения. С. 63–65. Доводы в пользу достоверности перечня см.: *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 501–502; *Азбелев С. В.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского. С. 167, 172; *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. С. 49–51.
- ⁵⁶⁹ *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 64.
- ⁵⁷⁰ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 270, 276–279.
- ⁵⁷¹ Родословные книги свидетельствуют, что Роман перенес столицу княжества из Новосила в Одоев «от насилья от татарского» (РИИР. Вып. 2. С. 112), очевидно, после разгрома Новосила Мамаем в 1375 г., а согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», именно до Одоева дошли в 1380 г. литовские войска (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 35).

- ⁵⁷² В составлении Новгородского свода 1539 г. участвовали представители боярского рода Квашниных (См.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI–XVIII веков. С. 354–358), а согласно летописи Дубровского и Архивской, их предок Иван Родионович Квашня играл видную роль в Куликовской битве. Возможно, источник, к которому восходит роспись полков, связан именно с родом Квашниных.
- ⁵⁷³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 139–140; Т. 18. С. 129–130; Т. 4, ч. 1, вып. 1–2. С. 311–324; Т. 6. С. 90–98; НЛ. С. 371–377. Анализ военной стороны конфликта см.: *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле; *Кирпичников А. Н.* Указ. соч. *Скрынников Р. Г.* Указ. соч.
- ⁵⁷⁴ Тохтамыш овладел Сараем еще в 1379 г. (*Григорьев А. П.* Указ. соч. С. 48).
- ⁵⁷⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 141; Т. 18. С. 130; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 391; Т. 2. М.; Л., 1941. С. 109, 150–151; *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 518–523.
- ⁵⁷⁶ См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. С. 44–45, 47, 53; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 243–244; *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 59–60; *Буганов В. И.* От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига (1380–1480 гг.). С. 246–248; *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. С. 45.
- ⁵⁷⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 141–142; ср. Т. 18. С. 130–131.
- ⁵⁷⁸ *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. С. 325; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч. С. 323; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 628, 630.
- ⁵⁷⁹ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 5. С. 47; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 136; *Греков И. Б.* Указ. соч. С. 147.
- ⁵⁸⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 69.
- ⁵⁸¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 140–141; Т. 18. С. 130.
- ⁵⁸² О справедливости датировки докончания 1381 г. см.: *Греков И. Б.* Указ. соч. С. 144–145.
- ⁵⁸³ ДДГ. № 9. С. 26.
- ⁵⁸⁴ Там же. № 10. С. 30.
- ⁵⁸⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 142; Т. 18. С. 131.
- ⁵⁸⁶ Такое мнение высказывалось: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 5. С. 47; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. С. 115; *Буганов В. И.* Указ. соч. С. 247.

- ⁵⁸⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 143–146, Т. 18. С. 131–133; Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 326–338, Т. 6. С. 98–103, Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. С. 190–207 (текст Новгородской Карамзинской летописи).
- ⁵⁸⁸ Греков И. Б. Указ. соч. С. 157–159.
- ⁵⁸⁹ См.: Салмина М. А. Повесть о нашестве Тохтамыша. С. 143–144.
- ⁵⁹⁰ Для этого свода характерно осуждение усобиц и идея единства русских князей, см.: Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. С. 116–117.
- ⁵⁹¹ Ср.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 634.
- ⁵⁹² Греков И. Б. Указ. соч. С. 159; Буганов В. И. Указ. соч. С. 247.
- ⁵⁹³ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 122–123.
- ⁵⁹⁴ См., напр.: ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 200–201; НЛ. С. 73–74. Подобное явление (так называемые «регифугии») было распространено во многих странах Европы (см.: Долманьш И. Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские аналогии некоторым европейским «регифугиям»).
- ⁵⁹⁵ В Московском княжестве вероятность применения такой тактики была закреплена в междукняжеских договорах: «Тако же и городная осада, оже ми, брате, самому състи в городѣ, а тебе ми послати из города, и тобѣ оставити своя княгини, и свои дѣти, и свои бояре. А будеть ми тебе оставити в городѣ, [а самому] ѣхати ми из города, а мнѣ, брате, оставити своя мати, [и свою братию] молодшую, и свои бояре» (ДДГ. № 13. С. 38 — договор Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем, 1390 г.).
- ⁵⁹⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 328.
- ⁵⁹⁷ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 138.
- ⁵⁹⁸ Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 329 («...и потомъ приѣха к нимъ в городъ некоторы князь Литовский, именемъ Остѣи, внукъ Олгердовъ»).
- ⁵⁹⁹ Утверждение, что Остей был приглашен в Москву городским вечем (*Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 271; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 639; *Буганов В. И.* Указ. соч. С. 248), опоры в источниках не имеет. В Повести Новгородской IV — Софийской I летописей горожане, «ставшие вечем», определены как «мятежники» и «крамольники», а про Остея сказано, что он, придя в Москву, усмирил мятеж (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 329; Т. 6. С. 99; Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. С. 194). Это ясно свидетельствует, что Остей не был заодно с вечниками.
- Неясно, из каких оснований исходит В. А. Кучкин, полагая, что Остей был сыном Андрея Ольгердовича (*История Москвы. Т. 1: XII–XVIII века. С. 56*)
- ⁶⁰⁰ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 143–144; ср. Т. 18. С. 132.

- ⁶⁰¹ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 146; ср. Т. 18. С. 133.
- ⁶⁰² Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). С. 460.
- ⁶⁰³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 146; ср. Т. 18. С. 133. В пространной повести о нашествии Тохтамыша некоторые черты позитивного изображения московских князей оказались сняты: там не говорится, что разбитые Владимиром Андреевичем татары прибежали к Тохтамышу «пострашены и биты», что царь ушел от Москвы, «чая на себе наезда» (Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 337).
- ⁶⁰⁴ В пространную повесть о нашествии Тохтамыша хотя и вставлено объяснение отказа Дмитрия от генерального сражения «рознь» между русскими князьями, но при этом и прежняя мотивировка сохранена и даже усилена: «Слышав же князь великий такую вѣсть, како идетъ на него самъ царь въ множествѣ силы своеа... и убоясь стати в лицѣ самого царя, и не ста на бои противу его, и не подня руки на царя» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 328; Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. С. 192; в Софийской I летописи — «Великий же князь Дмитрии Ивановичь слыша такуюю вѣсть, оже идетъ на него самъ царь во множестве силы своеа... не хотя стати противу самого царя» — ПСРЛ. Т. 6. С. 99). По мнению В. Н. Рудакова, в пространной повести ярко выражена тенденция к осуждению действий Дмитрия (*Рудаков В. Н. Поведение Дмитрия Донского в оценке автора «Повести о нашествии Тохтамыша»*).
- ⁶⁰⁵ На это обратил внимание Ч. Дж. Гальперин, особенно подчеркивающий лояльность Москвы в конце XIV в. законным ханам-Чингисидам и статус Мамаю как узурпатора (*Halperin Ch. J. The Russian Land and the Russian Tsar. S. 38–57; Idem. The Tatar Yoke. P. 94–136*).
- ⁶⁰⁶ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 134, 139; Т. 18. С. 127, 129.
- ⁶⁰⁷ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 146; ср. Т. 18. С. 133.
- ⁶⁰⁸ В Тверском сборнике, где помещен особый (тверской) рассказ о нашествии Тохтамыша, говорится, что татары «хотѣша ити ко Тверии, и посла князь великий Михайло Гурленя; они же изымавъ биша, и поставиша Гурлена предъ царемъ, и царь повелѣ грабежъ изыскати, и отпусти его съ жалованиемъ къ великому князю Михаилу, съ ярлики» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Стб. 442). Очевидно, Тохтамыш благосклонно отнесся к послу Михаила и отправил ярлык-послание с приглашением тверскому князю явиться к нему лично.
- ⁶⁰⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 339; НЛ. С. 379.
- ⁶¹⁰ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 147.
- ⁶¹¹ Там Т. 15. Стб. 442.

- ⁶¹² Москва была взята 26 августа; для того чтобы после этого татарские отряды достигли Звенигорода, Волока, Можайска, Юрьева, Дмитрова и Переяславля и все возвратились, необходимо было не менее пяти-шести дней. Следовательно, Тохтамыш не мог уйти из Москвы ранее первых чисел сентября же.
- ⁶¹³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 147; Т. 18. С. 133–134.
- ⁶¹⁴ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 148; Т. 18. С. 134.
- ⁶¹⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 339; СПб., 1851. Т. 5. С. 238.
- ⁶¹⁶ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 648–650; Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 221.
- ⁶¹⁷ См.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XII — XIV вв. С. 218–219.
- ⁶¹⁸ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 339.
- ⁶¹⁹ ДДГ. № 12. С. 35–36 (духовная Дмитрия Донского).
- ⁶²⁰ ДДГ. № 11. С. 31 (договор Дмитрия с Владимиром Андреевичем).
- ⁶²¹ См.: Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 101.
- ⁶²² Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 427; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 149.
- ⁶²³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 149; Т. 18. С. 135; Т. 25. С. 211.
- ⁶²⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 427; ср.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 149.
- ⁶²⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 143.
- ⁶²⁶ Там же. Т. 15. Стб. 444.
- ⁶²⁷ ДДГ. № 9. С. 26.
- ⁶²⁸ О дате см.: Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. С. 50–51, примеч. 27; Клюг Э. Указ. соч. С. 230–232.
- ⁶²⁹ ДДГ. № 15. С. 41.
- ⁶³⁰ Ср.: Там же. № 15. С. 41; № 37. С. 105–106.
- ⁶³¹ Там же. № 15. С. 41.
- ⁶³² Там же.
- ⁶³³ ДДГ. № 15. С. 41.
- ⁶³⁴ См. гл. 7.
- ⁶³⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. Об. 389.
- ⁶³⁶ Повтор данного пункта в договоре Василия с Михаилом был связан, очевидно, с тем, что Тохтамыш в 1399 г. пытался вернуть себе престол в Орде с помощью Витовта и вполне мог предъявить в случае успеха претензии к Василию, враждебно настроенному в этот период к великому князю Литовскому (см. гл. 7).
- ⁶³⁷ ДДГ. № 15. С. 41. Упоминание «ляхов» следует считать вставкой 1399 г.: до польско-литовской унии 1385 г. они вряд ли могли быть упомянуты в качестве потенциальных противников.
- ⁶³⁸ См. о значении слова «вина»: Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.). Т. 1. С. 424–428.

- ⁶³⁹ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 427–428; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 149; Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 341.
- ⁶⁴⁰ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 152–153; Т. 18. С. 136–137.
- ⁶⁴¹ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 147–148; Т. 18. С. 133–134.
- ⁶⁴² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 427 и примеч. 1.
- ⁶⁴³ Там же. С. 430 и примеч. 2; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 151; Т. 18. С. 136.
- ⁶⁴⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 151; Т. 18. С. 136.
- ⁶⁴⁵ Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 154; Т. 18. С. 137. В Рогожском летописце и Симеоновской летописи эти события помещены под 6896 мартовским годом, но следом за ними говорится о походе Василия в его брата Семена на Нижний Новгород, происшедшем в марте. Очевидно, что весь этот комплекс «нижегородских известий» датирован по последнему событию; следовательно, поездка Ивана в Орду и возвращение оттуда Василия имели место в конце 1387 — начале 1388 г.
- ⁶⁴⁶ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 432 и примеч. 4; ср.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 154; Т. 18. С. 137. Из этого известия следует, что Семен Дмитриевич княжил в Суздале.
- ⁶⁴⁷ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 5. С. 59; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2. С. 282; *Экземплярский А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 419; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 276; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 136–137; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 648; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 230; *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Нижегородского княжества. С. 27–28, 65.
- ⁶⁴⁸ Когда Борис вернулся из Орды в 1391 г., летописи говорят о его приезде без указания на то, что он после этого сел в Нижнем на княжение (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 160; Т. 18. С. 141); это также свидетельствует, что в промежутке 1388–1391 гг. Борис нижегородского княжения не терял.
- ⁶⁴⁹ Возможно, речь идет о землях по р. Суре, которые позже, в 1393 г., уже после перехода Нижнего Новгорода к московскому князю, находились под властью Бориса (см.: Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. 1. № 229).
- ⁶⁵⁰ Позже, в XV в., потомки Бориса имели владения близ Суздаля (см.: АСЭИ. Т. 2. № 436, 438, 444, 446, 450; Т. 3. № 480).
- ⁶⁵¹ *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. С. 183–186. № 864–867, 869, 873, 874; *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Нижегородского княжества. С. 59–66.
- ⁶⁵² См.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. С. 58–59.
- ⁶⁵³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 156–157; ср. Т. 18. С. 139.

- ⁶⁵⁴ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 5. С. 71; Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 420; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 276; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 230.
- ⁶⁵⁵ См.: Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 156—158.
- ⁶⁵⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 367; Т. 5. С. 243.
- ⁶⁵⁷ Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. С. 39, 42, 44, 49, 86.
- ⁶⁵⁸ В Сокращенных сводах конца XV в. и Устюжской летописи (XVI в.) князь Василий, отъехавший за Яик, трактуется как Василий Московский (ПСРЛ. Т. 27. С. 257, 335; Т. 37. С. 37). Но нет оснований видеть в этом нечто большее, чем интерпретацию позднейших сводчиков.
- ⁶⁵⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 153; Т. 18. С. 137; Т. 25. С. 214; Т. 23. С. 131; N. 4, ч. 1, вып. 2. С. 348; Т. 5. С. 242—243; НЛ. С. 381.
- ⁶⁶⁰ ПСРЛ. Т. 25, С. 215; Т. 15, вып. 1. Стб. 155—156; Т. 18. С. 138 (точная дата в Московском своде; в Рогожском летописце и Симеоновской летописи указано только время года — весна). Сообщение о рождении Константина помещено в статье 6896 мартовского года, но в перечне событий, происшедших позже зимы, то есть весной уже 6897 (1389/90) г.
- ⁶⁶¹ Там же. Т. 15. вып. 1. Стб. 157; Т. 18. С. 139; Т. 25. С. 218; Т. 23. С. 132.
- ⁶⁶² Для этого из крупных рек Василию Кирдяпе действительно надо было форсировать только Яик, так как далее до Нижнего и Городца можно было добраться по Волге; а вот московскому князю пришлось бы переправляться и через последнюю, поэтому в отношении него указания об отъезде «за Яик» было бы явно недостаточно.
- ⁶⁶³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 156; Т. 18. С. 138.
- ⁶⁶⁴ ДДГ. № 12. С. 34.
- ⁶⁶⁵ История России: С древнейших времен до конца XVII века. С. 284.
- ⁶⁶⁶ См.: Мазуров А. Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде.
- ⁶⁶⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 157; Т. 18. С. 139.
- ⁶⁶⁸ ДДГ. № 12. С. 36.
- ⁶⁶⁹ Там же. № 11. С. 31.
- ⁶⁷⁰ См.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 160—171; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 220—221.
- ⁶⁷¹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. 1. № 229.
- ⁶⁷² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 74—75; Соловьев С. М. Сочинения. Т. 2. С. 345—346.

- ⁶⁷³ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. С. 127–128.
- ⁶⁷⁴ Там же. Т. 2. С. 420–421.
- ⁶⁷⁵ *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 276–277.
- ⁶⁷⁶ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 663–673.
- ⁶⁷⁷ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 230–231.
- ⁶⁷⁸ *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. С. 49–52. О двух поездках пишет и Г. А. Федоров-Давыдов (*Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Нижегородского княжества. С. 28–29).
- ⁶⁷⁹ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 5. С. 280–281, примеч. 144.
- ⁶⁸⁰ *Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 42–43.
- ⁶⁸¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 219–220; Т. 23. С. 132–133.
- ⁶⁸² Там же. Т. 18. С. 142–143; Т. 15, вып. 1. Стб. 162–164.
- ⁶⁸³ Это, собственно, не вызывает сомнений у исследователей (*Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 665–669; *Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 50, 62).
- ⁶⁸⁴ НЛД. С. 385.
- ⁶⁸⁵ Там же: «Того же лѣта преставися посадъникъ Василии Федорович, приимши мѣнишьскыи чинь, мѣсяца июня, и положиша у святого Николы».
- ⁶⁸⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 372; Т. 5. С. 245.
- ⁶⁸⁷ Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 372.
- ⁶⁸⁸ Там же. С. 373; Т. 5. С. 245.
- ⁶⁸⁹ Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 373; Т. 5. С. 245.
- ⁶⁹⁰ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. С. 437–438 и примеч. 1; С. 444 и примеч. 3.
- ⁶⁹¹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. № 229. Исходя из даты этой грамоты, нет оснований предполагать, что присоединение Нижнего Новгорода к Москве произошло только в 1394 г. (*Экземплярский А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 421, примеч.) или что оно не сразу было «официально признано» (*Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 51): очевидно, Борису просто были оставлены во владение некоторые из нижегородских волостей (Ср.: *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XII–XIV вв. С. 260).
- ⁶⁹² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 373.
- ⁶⁹³ ДДГ. № 10. С. 29; № 19. С. 54.
- ⁶⁹⁴ Там же. № 19. С. 55; 1 № 33. С. 85.
- ⁶⁹⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 347–348.
- ⁶⁹⁶ Там же. Т. 15, вып. 1. Об. 150–151.
- ⁶⁹⁷ НЛД. С. 385; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 372; Т. 5. С. 245.

- ⁶⁹⁸ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 444; *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 5. С. 281, примеч. 145. В Рогожской и Симеоновской летописях это известие (в сокращенном виде) поставлено в конце статьи 6901 г. (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 164; Т. 18. С. 143); в Московском своде и Ермолинской летописи, как и в Троицкой, под 6902 г. (Там же. Т. 25. С. 221; Т. 23. С. 133).
- ⁶⁹⁹ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 456; *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 5. С. 281, примеч. 146; ПСРЛ. Т. 18. С. 150; Т. 25. С. 232.
- ⁷⁰⁰ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 456; ПСРЛ. Т. 15, С. 232.
- ⁷⁰¹ По смерти Василия Городец вошел во владения московских князей (см.: ДДГ. С. 43–44, 47, № 16, 17; о датах грамот см.: *Фетищев С. А.* К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV — начала XV в. С. 66–69).
- ⁷⁰² *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 456; ср.: ПСРЛ. Т. 18, С. 156. В Новгородской IV и Софийской I летописях данное сообщение стоит под 1405 г. (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 398; Т. 5. С. 253). Здесь перед нами еще один пример хронологической неточности «нижегородских» известий их протографа: «служба» Семена не могла начаться за восемь лет до 1405 г. (то есть в 1397 г.), так как второй по счету из ханов, которым он служил — Темир-Аксак (то есть Тимур), — контролировал территорию Орды в 1395 — начале 1396 г.
- ⁷⁰³ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 161–178; *Егоров В. Л.* Указ. соч. 221–223. Поход Тимура затронул и русские пределы: его войско дошло до Ельца (где правили князья козельской ветви черниговского дома), Василий Дмитриевич выступил с войском к Оке, в Москве ожидали нападения, но среднеазиатский завоеватель повернул обратно в степь (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 165). Для предположения, что Тимур имел намерение разорить русские земли, иногда постулируемого в литературе, вряд ли есть основания: его целью был разгром Орды, углубляться в лесные области Руси и с политической, и с чисто военной точки зрения было бессмысленно (ср.: *Князький И. О.* Русь и степь. С. 108–109).
- ⁷⁰⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 179. Как и к Мамаю, к Едигею применяются уничижительные эпитеты: «лукавый», «враждолюбительный», «кровожелательный», «зломысленный», «окаанный» (Там же. Стб. 179, 182, 185; Т. 18. С. 156–158).
- ⁷⁰⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 165; Т. 18. С. 143; Т. 4, ч. 1, вып. 2. Стб. 385–386.
- ⁷⁰⁶ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 450.
- ⁷⁰⁷ См.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 696–701, 709–710.
- ⁷⁰⁸ ДДГ. № 15. С. 41.

⁷⁰⁹ В Троицкой летописи поход Семена на Нижний и ответные действия московских князей были датированы, согласно ясному указанию Н. М. Карамзина, 6907 г. (*Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 5. С. 75 и 286, примеч. 175). В Рогожском летописце и Симеоновской летописи данного известия нет. Новгородская IV и Софийская I летописи датируют его 6903 г. (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 380; Т. 5. С. 247–248), следовательно, такая датировка восходит к протографу этих летописей. Но в них, как видно из изложенного выше, даты «нижегородских» событий часто неточны. Кроме того, осенью 1395 г. на территории Орды находилось войско Тимура (только что, в августе, подступавшее к русским пределам): отправлять в такой ситуации, когда в Москве еще не могли миновать опасения перед возможным вторжением, крупные силы в длительный поход на Среднюю Волгу было бы крайне опрометчивым шагом; осенью же 1399 г. основные ордынские силы во главе с Тимур-Кутлуком и Едигеем после победы над Витовтом на Ворскле углубились на территорию Великого княжества Литовского (дошли до Луцка), и момент для удара по средневожским владениям Орды был благоприятный. Наконец, царевич Ентяк в 1403 г. выступал послом в Москву от воцарившегося в 1400 г. хана Шадибека (*Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 456; ПСРЛ. Т. 25. С. 232), при котором, как и при царствовавшем в 1399 г. Тимур-Кутлуке, фактическим правителем был Едигей. Вероятнее всего, Ентяк управлял средневожскими землями Орды как ставленник Едигея; но в 1395 г. Едигей еще не был правителем Орды (*Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 176–178). Таким образом, 1399 г. — датировка Троицкой, наиболее ранней летописи, представляется предпочтительней.

⁷¹⁰ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 454–455; ПСРЛ. Т. 18. С. 150.

⁷¹¹ ДДГ. № 19. С. 53.

⁷¹² *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 456, 459.

⁷¹³ См.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 180–182.

⁷¹⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 179–184; Т. 18. С. 155–158; Т. 15. Стб. 482–484; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 468–469.

⁷¹⁵ Возможно, это был сын Тохтамыша Джелал-ад-дин (*Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 185).

⁷¹⁶ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Об. 184–186; Т. 18. С. 158–159; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 469.

⁷¹⁷ ПСРЛ. Т. 42. С. 172–173; Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 406–407.

⁷¹⁸ Не известно, по какому списку был напечатан текст послания Едигея в СГГД, но даже если это был внелетописный список, он дальше отстоит от первоначального, чем текст в Новгородской IV и Новгородской Карамзинской летописях, так как обнаружива-

ет сходство с текстами послания в Новгородской летописи Дубровского и Архивской летописи, восходящих к своду 1539 г. (Ср.: СГГД. Т. 2. № 15. С. 16–17; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 488; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 439 об. — 440 об.).

⁷¹⁹ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 730.

⁷²⁰ Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. С. 199.

⁷²¹ Лурье Я. С. Указ. соч. С. 55.

⁷²² Halperin Ch. J. The Tatar Yoke. P. 134, 165.

⁷²³ «Ярлыками» именовались жалованные грамоты и послания к нижестоящим правителям, исходящие от ханов. Едигей ханом не был, а послание его начинается с «поклона». «Поклон» — это перевод слова «салам», применявшегося в обращении равного к равному (см.: Усманов М. А. Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV–XVI вв. С. 197–198). В ордынской социально-политической практике русские князья приравнивались к эмирам (бекам) (Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 90–93; Усманов М. А. Указ. соч. С. 197). Следовательно, начальный протокол выглядит именно так, как и должно начинаться послание главного эмира (беклярибека) Едигея к великому князю Василию.

⁷²⁴ Григорьев А. П. «Ярлык Едигея»: анализ текста и реконструкция содержания. С. 55–93.

⁷²⁵ Текст послания несомненно был уже в этом своде, так как Софийская I летопись упоминает о «грамоте Едигея», хотя и не приводит ее текста (ПСРЛ. Т. 5. С. 257).

⁷²⁶ Лурье Я. С. Указ. соч. С. 108–117. В последней своей работе Я. С. Лурье датировал составление Новгородско-Софийского свода концом 30-х — началом 40-х гг. (Лурье Я. С. Россия Древняя и Россия Новая. С. 37).

⁷²⁷ Кучкин В. А. Тверской источник Владимирского полихрона; Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. Дата 1448 г. была предложена А. А. Шахматовым на основе не анализа общего материала летописей, восходящих к Новгородско-Софийскому своду (он заканчивается 1418 г.), а интерпретации летописной записи о совпадении Пасхи с Благовещением, интерпретации явно ошибочной (См.: Бобров А. Г. Указ. соч. С. 10); сам Шахматов отказался затем от этой датировки, отнес составление Новгородско-Софийского свода к 30-м гг. (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 366).

⁷²⁸ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 471–472.

⁷²⁹ Григорьев А. П. Указ. соч. С. 71–72.

⁷³⁰ См.: Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 62.

- ⁷³¹ А. П. Григорьев связывает появление упоминания о Тохтамышевых детях с приходом в Московское великое княжество сыновей Улуг-Мухаммеда Касыма и Ягупа в 1446 г., что, естественно, невероятно по хронологическим причинам.
- ⁷³² *Григорьев А. П.* Указ. соч. С. 70–71.
- ⁷³³ А. П. Григорьев считает, что письмо выглядит как написанное до похода, так как Василия во время осады в Москве не было (Там же. С. 65). Но в послании не говорится, что оно направлено в Москву. Письмо могло быть отослано с «царевичем» Тегри-Берди, возглавлявшим погоню за Василием, или отправлено в Москву после отхода Едигея от нее, когда было ясно, что великий князь вернется в свою столицу.
- ⁷³⁴ Там же. С. 78–82.
- ⁷³⁵ Даже если во фразе «Тако Темиръ съль на царстве, учинился улу-соу господарь» последние три слова относятся не к хану, а к великому князю, это может рассматриваться не как ошибочное отнесение начала правления Василия к «посттохтамышеву» времени (такую ошибку вряд ли могли бы сделать и во второй четверти XV в.), а как свидетельство присылки Тимур-Кутлуком в период его борьбы с Тохтамышем собственного ярлыка на великое княжение московскому князю.
- ⁷³⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 473.
- ⁷³⁷ По применявшемуся на Руси в XV в. (наряду с мартовским) сентябрьскому стилю в декабре 1408, то есть 6917 г., несомненно, шел третий год царствования Булата, так как он стал ханом в 6915 г.
- ⁷³⁸ *Григорьев А. П.* Указ. соч. С. 84.
- ⁷³⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 374.
- ⁷⁴⁰ ДДГ. № 20. С. 57; № 21. С. 59; № 22. С. 62.
- ⁷⁴¹ ДДГ. № 12. С. 37.
- ⁷⁴² *Григорьев А. П.* Указ. соч.
- ⁷⁴³ *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 724–731; *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. С. 54–55.
- ⁷⁴⁴ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Стб. 1333.
- ⁷⁴⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 180–186; ср.: Т. 18. С. 155–159.
- ⁷⁴⁶ Ситуация данного периода отобразилась в уставной договорной грамоте Василия с митрополитом Киприаном 28 июня 1404 г., где говорится: «А коли дань дати в татары, тогды и оброк дати церковным людем. А коли дани не дати в татары, тогды и оброк не дати церковным людем» (АСЭИ. Т. 3. С. 19, Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 176, 178; РФА. Вып. 1. С. 68). В отличие от духовной Дмитрия Донского, возможность неуплаты дани выступает здесь как сегодняшняя реальность.

- ⁷⁴⁷ Предположения, что эти два произведения отображают полемику в русском обществе по вопросу отношений с Ордой (*Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 731, *Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV—XVI вв. Ч. 2.* С. 200—201), требуют уточнения: если в Рогожском летописце — Симеоновской летописи непосредственно изложена точка зрения московских сторонников «старини», то послание Едигея само по себе представляет взгляд на происходящее правящих кругов Орды и только дает (вкуче с другими источниками) материал для реконструкции позиции Василия I и его окружения.
- ⁷⁴⁸ См.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. С. 42—53.
- ⁷⁴⁹ Недовольство ордынских властей Москвой стало обретать конкретные формы проявления еще до похода: в 1407—1408 гг. они не поддержали претензий ориентированного на Василия князя из тверского дома Юрия Всеволодича на Кашин, а в 1408 г. помогли пронскому князю Ивану Владимировичу бороться за рязанский стол с Федором Ольговичем, зятем московского князя; в решающей битве, окончившейся победой Ивана, на стороне Федора были московские полки, а у его противника — отряд татарского посла, правда не ставший принимать участие в сражении (См.: *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 466—467, ПСРЛ. Т. 15. Стб. 473—474, 480—481).
- ⁷⁵⁰ *Хорошкевич А. Л.* Політичні наслідки Куликовської битви. С. 55; *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* С. 19; *Князький И. О.* Указ. соч. С. 110.
- ⁷⁵¹ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 5. С. 113; *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. С. 121; *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 19—20.
- ⁷⁵² Ср.: *Селезнев Ю. В.* «Едигеева рать» 1408 г.: ордынская политика Василия I на рубеже XIV—XV вв. и ее результаты. С. 32, 41.
- ⁷⁵³ См.: ДДГ. № 16. С. 44.
- ⁷⁵⁴ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 412; Т. 18. С. 161; *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 186—187.
- ⁷⁵⁵ Примечательно, что именно во втором десятилетии XV в. в Москве вновь начинают чеканиться монеты с ордынской легендой на оборотной стороне (*Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. С. 63—68; *Noonan Th. S.* Forging a National Identity: Monetary Politics During the Reign of Vasilii I (1389—1425). С. 503).
- ⁷⁵⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 160; Т. 25. С. 240; Т. 23. С. 143; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 143.
- ⁷⁵⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Об. 186; Т. 15. Стб. 485—486.
- ⁷⁵⁸ ПСРЛ. Т. 11. С. 219, 221; *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 189.
- ⁷⁵⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 486—487.

- ⁷⁶⁰ *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 190–192. В историографии распространено мнение (основанное на данных Длугоша, писавшего во второй половине XV в.), что вплоть до 1417 г. у власти оставался Керим-Берди и Едигей его поддерживал (*Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptszak. S. 376–377; *Żdan M.* Stosunki Litowsko-tatarskie za czasów Witolda. S. 565–569; *Spuler B.* Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland. 1223–1502. S. 150–153). Но свидетельства современников (Шильтбергера, Шереф-ад-дина Йезди) и данные нумизматики рисуют иную картину: Керим-Берди царствовал менее года, его сменил литовский ставленник Кибяк (Кепек), а последнего в 1414 г. — Чокре, возведенный Едигеем (*Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. С. 37; *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 146; *Марков В. К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. С. 501; *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет. С. 176). Вступил ли Керим-Берди в период своего короткого правления в союзнические отношения с Едигеем (на антилитовской почве) — данных нет (если полагать, что это так, то решение не возвращать Василию Нижний Новгород можно приписать влиянию Едигея). Известна монета Керим-Берди, чеканенная в Орде в 818 г. хиджры (9.11.1415–30.11.1416) (*Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет. С. 173). Возможно, он контролировал в это время какую-то часть ордынской территории. Но Едигей в 818 г. поддерживал Чокре, следовательно, тогда, во всяком случае, не был союзником Керим-Берди.
- ⁷⁶¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 163–165; Т. 25. С. 243–244.
- ⁷⁶² См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 88–89; АСЭИ. Т. 2. С. 565–566.
- ⁷⁶³ ДДГ. № 22. С. 61.
- ⁷⁶⁴ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 190–193. Существует мнение, что Едигей в 10-е гг. поддерживал Москву (*Греков И. Б.* Указ. соч. С. 281–283, 293–295). Оно, однако, опирается не на показания источников, а только на логическое допущение, что антилитовская политика Едигея должна была компенсироваться промосковской. Это допущение небесспорно: в 1408 г. Едигей напал на Москву, вовсе не будучи в союзе с Литвой, так же он мог и враждовать с Литвой, не имея союза с Москвой (такое, собственно, уже было — в конце 90-х гг. XIV в.).
- ⁷⁶⁵ В пользу того, что они на такую помощь рассчитывали, могут свидетельствовать хронологические совпадения: приехали князья нижегородской династии в Москву после того, как Едигей в 1416 г. лишился власти в Орде, а бежали тогда, когда он к власти вернулся.

- ⁷⁶⁶ Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 194–200.
- ⁷⁶⁷ ПСРЛ. Т. 27. С. 100; Т. 25. С. 246.
- ⁷⁶⁸ Там же. Т. 27. С. 101; Т. 25. С. 247.
- ⁷⁶⁹ Там же. Т. 27. С. 103; ср.: Т. 25. С. 249.
- ⁷⁷⁰ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 387. См. также: Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. С. 87–88.
- ⁷⁷¹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 533; Т. 2. С. 196; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 197–198.
- ⁷⁷² Monumenta medii aevi... Т. 6: Codex epistolaris Vitoldi. P. 660, 688; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 199.
- ⁷⁷³ ПСРЛ. Т. 25. С. 245 (под 6930 г. мартовским); Т. 27. С. 100 (под 6931 г.).
- ⁷⁷⁴ ПСРЛ. Т. 27. С. 100.
- ⁷⁷⁵ Monumenta medii aevi... Т. 6. P. 688.
- ⁷⁷⁶ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 91–92.
- ⁷⁷⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 245–246.
- ⁷⁷⁸ Возможно, последующее обращение Витовта в 1424 г. к Василию Дмитриевичу за помощью против Худайдата имело основной соглашение, заключенное годом ранее, — в обмен на ярлык для сына великий князь обязался поддерживать Улуг-Мухаммеда.
- ⁷⁷⁹ См.: Кучкин В. А. К датировке «Задонщины».
- ⁷⁸⁰ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 547.
- ⁷⁸¹ Ср.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 134–135 и 139–140; Т. 18. С. 126–127 и 129–130. Возможно, это вызвано тем, что битва на Воже происходила в большей близости от московских пределов и победа была достигнута ценой много меньших потерь.
- ⁷⁸² См.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 6; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 110–118; Бобров А. Г. Указ. соч.
- ⁷⁸³ См.: Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. Т. 32. С. 3–5.
- ⁷⁸⁴ См.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 8–10, 12–15, 19.
- ⁷⁸⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1–2. С. 311–325; Т. 6. С. 90–98.
- ⁷⁸⁶ См. РФА. Вып. 3. С. 555–556; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 111–116. Отнесение этого памятника к 40-м гг. XV в. (Салмина М. А. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго; Т. 25. *Vodoff W.* Quand a pu être composé le Panegyrique du grand prince Dmitrii Ivanovich, tsar' russe? P. 93–101), равно как и к 50-м (*Pelenski J.* The Origins of the Official Muscovite Claims to the «Kievan Inheritance». P. 40–43), основано на датировке протографа Новгородской IV и Софийской I летописи.

- сей 1448 г., новейшими исследованиями не подтверждаемой (см. выше, примеч. 726–727). При датировке 80-ми гг. XV в. (*Lenhoff G. Unofficial Veneration of the Danilovichs in Muscovite Rus'*. С. 408) вообще не учитывается существование этого протографа (в котором «Слово», несомненно, содержалось).
- ⁷⁸⁷ См.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 351–366.
- ⁷⁸⁸ ДДГ. № 12. С. 35. Из текста неясно, подпадает ли под эту формулировку ситуация, при которой у Василия Дмитриевича остаются сыновья, или имеется в виду случай его бездетной смерти (в момент смерти отца Василий еще не был женат).
- ⁷⁸⁹ ПСРЛ. Т. 27. С. 100–101 («И dokonча мир на том, что князю Юрью не искати княжения великого собою, но царем, которого царь пожалует, то будет великий князь Владимирский, Новугороду Великому и всеи Руси»); Т. 25. С. 247.
- ⁷⁹⁰ ДДГ. № 22. С. 62.
- ⁷⁹¹ Там же. № 24. С. 63, 65.
- ⁷⁹² ПСРЛ. Т. 27. С. 102; ср. Т. 25 С. 248.
- ⁷⁹³ ДДГ. № 33. С. 86.
- ⁷⁹⁴ А. А. Зимин предположил, что «царевич Махмут-Хозя» — это Улуг-Мухаммед (*Зимин А. А. Витязь на распутье*. С. 42). Это представляется неверным: Улуг-Мухаммеда на Руси именовали царем, а не царевичем и Махмутом или Махметом, а не Махмут-Хозей.
- ⁷⁹⁵ Не следует ли отождествить «князя Алибабу» с «князем Либеем», который, согласно Воскресенской летописи, правил в Казани до прихода туда орды Улуг-Мухаммеда (ПСРЛ. Т. 8. С. 114)?
- ⁷⁹⁶ ПСРЛ. Т. 27. С. 102; Т. 25. С. 248.
- ⁷⁹⁷ Там же. Т. 27. С. 101–103; Т. 26. С. 187–188; Т. 25. С. 249–250.
- ⁷⁹⁸ Там же. Т. 27. С. 103–106; Т. 25. С. 250–252; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 756–767; *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 50–78.
- ⁷⁹⁹ Барбаро и Контарини о России. С. 117–118, 126, 140–141, 150; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 242–244, 258–260.
- ⁸⁰⁰ См.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 44–46.
- ⁸⁰¹ ПСРЛ. Т. 27. С. 106; ср. Т. 25. С. 260. Возможно, летопись довольно точно передает послание Улуг-Мухаммеда: во всяком случае, употребление в начальном протоколе термина «слово» (*söz*, обычно в форме *sözüm* — «слово мое») типично для посланий ханов-Джучидов нижестоящим по рангу правителям (см.: *Усманов М. А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханов Джучиева улуса. С. 223–230; *Он же.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. С. 186–194).
- ⁸⁰² ПСРЛ. Т. 27. С. 106–107; Т. 25. С. 260.
- ⁸⁰³ Там же. Т. 27. С. 107; Т. 25. С. 260.

- ⁸⁰⁴ ДДГ. № 37. С. 106. В последующих московско-тверских докончаниях этот пункт был снят (см.: Там же. № 59, 63, 79).
- ⁸⁰⁵ ПСРЛ. Т. 27. С. 108, см. также: Т. 25. С. 262, 394; Т. 12. С. 61–62.
- ⁸⁰⁶ См.: Там же. Т. 27. С. 102–103, 106, Т. 25. С. 248–249, 260.
- ⁸⁰⁷ Так полагал Г. В. Вернадский (*Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. С. 322).
- ⁸⁰⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. № 233; АСЭИ. Т. 3. № 294. С. 321.
- ⁸⁰⁹ ПСРЛ. Т. 23. С. 151.
- ⁸¹⁰ Так думал А. А. Зимин (*Зимин А. А.* Указ. соч. С. 96).
- ⁸¹¹ ПСРЛ. Т. 27. С. 103, Т. 25. С. 250, ДДГ. № 38. С. 108, 111, 113, 116.
- ⁸¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 262–263, 395; Т. 27. С. 109–110; Т. 26. С. 196–199; Т. 23. С. 151–152; *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 101–107.
- ⁸¹³ ПСРЛ. Т. 27. С. 110; ср. Т. 26. С. 200, Т. 25. С. 264.
- ⁸¹⁴ См.: *Кучкин В. А., Флоря Б. Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями.
- ⁸¹⁵ ПСРЛ. Т. 27. С. 110–114; Т. 25. С. 266–269, *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 245–255, *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 108–127.
- ⁸¹⁶ АИ. Т. 1. № 40. С. 80; РФА. Вып. 1. № 19. С. 110–111; ПСРЛ. Т. 27. С. 114; Т. 25. С. 269. Дальнейшие отношения Москвы с Казанским ханством выходят за рамки темы настоящей работы.
- ⁸¹⁷ ДДГ. № 38. С. 108, 111, 113, 116.
- ⁸¹⁸ АИ. Т. 1. № 40. С. 80; РФА. Вып. 1 № 19. С. 111.
- ⁸¹⁹ Там же.
- ⁸²⁰ ПСРЛ. Т. 27. С. 115; Т. 25. С. 270.
- ⁸²¹ ДДГ. № 53 160–161.
- ⁸²² См.: *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Т. 1. S. 263–264; *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. С. 138.
- ⁸²³ ПСРЛ. Т. 27 С. 116; Т. 25. С. 271.
- ⁸²⁴ *Spuler B.* Die Goldens Horde: Die Mongolen in Russland. 1223–1502. S. 168.
- ⁸²⁵ ПСРЛ. Т. 27. С. 116–117; Т. 23. С. 154–155; Т. 25. С. 271–272.
- ⁸²⁶ Там же. Т. 27. С. 118; Т. 23. С. 155; Т. 25. С. 273.
- ⁸²⁷ См.: *Kolankowski L.* Op. cit. S. 281–283.
- ⁸²⁸ ПСРЛ. Т. 27. С. 120–121; Т. 25. С. 275–276.
- ⁸²⁹ Там же. Т. 27. С. 109; Т. 23. С. 153; Т. 25. С. 262.
- ⁸³⁰ См.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1–4. Датировку образования Касимовского царства серединой 50-х гг. см.: *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 171–172. Здесь же убедительная критика традиционной датировки — 1452 г. (*Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 26–27; *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 338) и предположения о создании ханства в 1445 г.

- по инициативе Улуг-Мухаммеда (*Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 256–257).
- ⁸³¹ *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 68, 158, 195–196.
- ⁸³² *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. С. 93; История России с древнейших времен до конца XVII века. С. 298; *Скрынников Р. Г.* История Российской IX–XVII вв. С. 181.
- ⁸³³ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 264.
- ⁸³⁴ ПСРЛ. Т. 23. С. 156; более краткий вариант известия о событиях 1460 г. см.: Там же. Т. 27. С. 122; Т. 25. С. 277.
- ⁸³⁵ ПСРЛ. Т. 27. С. 120, 123; Т. 25. С. 275, 278.
- ⁸³⁶ Под «Ахмутом» (в Типографской летописи — «Махмут») имеется в виду несомненно Махмуд (*Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 264–265). Летописцы, как правило, четко не различали татарские имена «Махмуд» и «Ахмад», исключение (из летописей конца XV в.) — Типографская летопись (ср.: ПСРЛ. Т. 24. С. 184, 186, 192–193, 194–200).
- ⁸³⁷ *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С. 207.
- ⁸³⁸ *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 437–438. Редакция датируется «около 1442 г.» (Там же. С. 168).
- ⁸³⁹ *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI — XV вв.). С. 360, 365, 376–377, 379–382, 384, 392–393, 395; ПСРЛ. Т. 25. С. 259–260.
- ⁸⁴⁰ РИБ. Т. 6. Стб. 674.
- ⁸⁴¹ См.: *Синицына Н. В.* Автокефалия русской церкви и учреждение Московского патриархата (1448–1589 гг.). С. 126–137; *Белякова Е. В.* Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV–XVI вв.
- ⁸⁴² См.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 225–231, 260–263.
- ⁸⁴³ Впервые термин «Большая Орда» употребляется в сообщении о походе Махмуда на Рязань 1460 г. Скорее всего, это перевод словосочетания «Улуг Орда» — «Великая Орда», которым именовалась после распада единого государства ставка хана, считавшегося главным среди правителей-Джучидов (см.: *Усманов М. А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханов Джучиева улуса. С. 229; *Он же.* Жалованные акты ханов Джучиева улуса XIV–XVI вв. С. 60, 175, 193–194; *Григорьев А. П.* Время написания «ярлыка» Ахмата. С. 38–49).
- ⁸⁴⁴ ПСРЛ. Т. 27. С. 123.
- ⁸⁴⁵ ПСРЛ. Т. 23. С. 157.
- ⁸⁴⁶ История России с древнейших времен до конца XVII века. С. 316–317.

- ⁸⁴⁷ Там же. С. 317; см. также: *Назаров В. Д.* Ярлык Хаджи-Герая Казимиру IV и русско-литовские отношения.
- ⁸⁴⁸ ДДГ. № 52. С. 155, 157, 159–160.
- ⁸⁴⁹ ДДГ. № 12. С. 36 (духовная Дмитрия Донского); № 19. С. 54; № 20. С. 56; № 21. С. 59; № 22. С. 61; № 24. С. 64, 66; № 27. С. 71; № 30. С. 76, 79; № 33. С. 85; № 34. С. 88; № 35. С. 90, 93, 96, 99; № 38. С. 108, 111, 113, 116.
- ⁸⁵⁰ Там же. № 43. С. 126.
- ⁸⁵¹ Там же. № 45. С. 131, 134, 137, 139; № 47. С. 144; № 48. С. 147; № 56. С. 171, 174; № 58. С. 182, 185; № 61. С. 197 (духовная Василия II).
- ⁸⁵² Формулировка «А перемѣнить Богъ Орду» в период правления Ивана III встречается лишь однажды — в проекте его договора с младшим братом, углицким князем Андреем Васильевичем (до 12 сентября 1472 г.), составленном от имени удельного князя и официально не утвержденном (ДДГ. № 66. С. 215; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. 1. С. 166).
- ⁸⁵³ ДДГ. № 64. С. 209, 211; № 65. С. 214; № 67. С. 218, 220; № 69. С. 226, 228, 231; № 70. С. 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249; № 72. С. 254, 257, 259, 262, 265, 267; № 73. С. 270, 272, 275; № 75. С. 279, 282; № 78. С. 295; № 81. С. 318, 321; № 82. С. 325, 328; № 90. С. 365, 367, 369.
- ⁸⁵⁴ ДДГ. № 64. С. 209, 211–212.
- ⁸⁵⁵ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 186.
- ⁸⁵⁶ См.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 264–265.
- ⁸⁵⁷ Вряд ли Хаджи-Гирей выступил в данном случае союзником Ивана III: о наличии между Москвой и Крымом союзнических и вообще дипломатических отношений до 70-х гг. нет данных.
- ⁸⁵⁸ Менгли-Гирей, сын Хаджи-Гирея, позже считал, что большеордынский престол некогда принадлежал его отцу (Сб. РИО. Т. 41. № 87. С. 444; РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Кн. 5. Л. 249). Вероятно, основанием для этого было именно «взятие Орды» (кочевой ставки главного из ханов-Джучидов) Хаджи-Гиреем в 1465 г. Утверждение Л. Коллинза, что Хаджи-Гирей владел Большой Ордой с первой половины 50-х до конца 60-х гг. (*Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502. P. 376–377), ошибочно: под 1460 и 1465 гг. в летописях, а под 1466 г. в письме турецкому султану в качестве хана Большой Орды выступает Махмуд.
- ⁸⁵⁹ В письме он сообщает, что достиг престола — «места прежних ханов — предков наших» (*Султанов Т. И.* Письма золотоордынских ханов. С. 240). Речь идет, несомненно, о большеордынском престоле.
- ⁸⁶⁰ Хожение за три моря Афанасия Никитина. С. 5–6.
- ⁸⁶¹ *Семенов Л. С.* Хронология путешествия Афанасия Никитина.

⁸⁶² ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

⁸⁶³ Трехлетняя (1467–1469 гг.) война с ним завершилась в целом успешно (См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV века. С. 64–72; *Fennell J. L. I.* Ivan the Great of Moscow. P. 19–28; *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы. С. 77–96). В. Д. Назаров полагает, что до этого конфликта Москва платила выход не только Большой Орде, но и Казанскому ханству (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 23–24, 31; История России с древнейших времен до конца XVII в. С. 317). Это маловероятно. В 1445 г. Василий II, оказавшись в плену у Улуг-Мухаммеда, вероятно, согласился на уплату выхода, но после убийства хана, воцарения в Казани Мамутяка и перехода его братьев Касыма и Ягупа на московскую службу вернувшийся в начале 1447 г. на московский стол Василий должен был считать себя свободным от прежних обязательств. Нападения Мамутяка в качестве союзника Дмитрия Шемяки на московские владения косвенно указывают на невыплату Василием выхода в Казань. В 1461 г. великий князь собирался идти «на Казанского царя»: поход предотвратило посольство из Казани, сумевшее урегулировать дело миром (ПСРЛ. Т. 27. С. 122); это мало напоминает отношения с правителем, которого признают сюзереном и которому выплачивают дань.

⁸⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 297; Т. 28. С. 133; Т. 26. С. 249.

⁸⁶⁵ Там же. Т. 23. С. 160; Т. 27. С. 278.

⁸⁶⁶ Там же. Т. 25. С. 297–298; Т. 28. С. 133–134; Т. 26. С. 249–250; Т. 23. С. 160–161; Т. 27. С. 278–279; Т. 24. С. 192–193. Подробный анализ военной стороны конфликта см.: *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. С. 67–76.

⁸⁶⁷ Там же. Т. 25. С. 297; Т. 28. С. 133; Т. 26. С. 250.

⁸⁶⁸ Там же. Т. 23. С. 160; ср.: Т. 27. С. 278.

⁸⁶⁹ Там же. Т. 25. С. 297–298; Т. 28. С. 133–134; Т. 26. С. 250.

⁸⁷⁰ Там же. Т. 25. С. 298; Т. 28. С. 134.

⁸⁷¹ Там же. Т. 25. С. 291.

⁸⁷² Там же. Т. 25. С. 282–283.

⁸⁷³ Там же. Т. 25. С. 292, 395; Т. 27. С. 128, 136. Согласно великокняжеской летописи, многие приближенные Ахмата, в том числе его беклярибек Темир (правнук Едигея), уговаривали хана выступить против Москвы. Антимосковская настроенность Темира, возможно, была связана с войной Ивана III против Казани: женой казанского хана Ибрагима была дочь Темира Нурсултан.

⁸⁷⁴ *Gotębiowski Ł.* Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. Т. 3. S. 230–233; АЗР. Т. 2. № 6. С. 5; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Т. 1. S. 318, 327.

- ⁸⁷⁵ Rachunki wielkorządowe krakówskie z r. 1471. № 94, 108, 114, 118, 120. С. 408, 412–415.
- ⁸⁷⁶ ПСРЛ. Т. 27. С. 131–135; Т. 25. С. 286–291.
- ⁸⁷⁷ Там же. Т. 23. С. 161; Т. 27. С. 279.
- ⁸⁷⁸ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. С. 524.
- ⁸⁷⁹ «И тако избави Бог и Пречистая Рускую землю от поганыхъ» (ПСРЛ. Т. 24. С. 201); «И тако избави Богъ Рускую землю от поганых татаръ молитвами Пречистыя матери и великих чудотворецъ» (Там же. Т. 25. С. 328); «И похвалиша Бога и Пречистую Богородицу и великих чудотворцовъ, избавльших ны от поганыхъ» (Там же. Т. 27. С. 284; СПб., 1853. Т. 6. С. 232; Т. 28. С. 150). Речь идет, разумеется (как и в 1465 и 1472 гг.), об «избавлении» от конкретной угрозы, а не многолетней зависимости. Только в Вологодско-Пермской летописи говорится о «победе без крови», но эти слова в ней взяты из рассказа об отражении похода 1472 г. (Ср.: ПСРЛ. Т. 26. С. 250, 274).
- ⁸⁸⁰ Заметим, что летописные рассказы о первом походе Ахмата ненамного короче повествований об «Угорщине», при том что события 1472 г. заняли (считая с момента выступления хана) около двух месяцев, а 1480 г. — около пяти; впечатление, произведенное отражением похода Ахмата 1472 г., сопоставимо, таким образом, с воздействием на современников «стояния на Угре», хотя масштаб военных действий во втором случае был значительней.
- ⁸⁸¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 265.
- ⁸⁸² *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 33–34, 42, 61.
- ⁸⁸³ См.: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 15, 53–54; *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. С. 181–183, 188.
- ⁸⁸⁴ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. 1-я половина. С. 346; Т. 6. С. 231; Т. 26. С. 265.
- ⁸⁸⁵ Вообще помещение в летопись известий об ордынских посольствах можно расценивать как косвенное свидетельство осложненности взаимоотношений: до 1474 г. в XV в. летописи упоминают всего четыре посольства — 1403 и 1405 гг., то есть периода, когда Василий I фактически не признавал суверенитета Орды, возглавляемой временщиком Едигеем (и дань не платил), Мансырь-улана при возведении Василия II на стол в 1432 г. (Там же. Т. 27. С. 269) и Бигича к Дмитрию Шемяке в запутанной обстановке 1445 г.; в «спокойные» времена летописцы, очевидно, просто не считали нужным упоминать о таком обыденном явлении, как приезд ордынских послов.
- ⁸⁸⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 302–303.
- ⁸⁸⁷ Там же. Т. 20, 1-я половина. С. 326, Т. 6. С. 231.

- ⁸⁸⁸ Сб. РИО. Т. 41. № 1, 14, 15. С. 3, 54, 56–57 (росписи даров-«поминков» в Крымское ханство, 70–80-е годы XV в.); *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 183–185; *Фаизов С. Ф.* Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (к вопросу о типологии связей). С. 51; *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII в. С. 95–97.
- ⁸⁸⁹ См.: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 34–35.
- ⁸⁹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 302.
- ⁸⁹¹ Там же. С. 303.
- ⁸⁹² Там же. С. 304.
- ⁸⁹³ Там же. С. 308–309. 6 сентября 1476 г. Иван III отпустил Бочюку обратно со своим послом Матвеем Бестужевым; на этом сведения об обмене посольствами обрываются.
- ⁸⁹⁴ *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 34.
- ⁸⁹⁵ *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 269; *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 34–35; *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа: Последняя четверть XV — первая половина XVI в. С. 45–47.
- ⁸⁹⁶ Встречающаяся в историографии дата 1476 в качестве первого года неуплаты выхода (*Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 118; *Павлов П. Н.* Решающая роль борьбы русского народа в окончательном освобождении Руси от татарского ига. С. 190; *Fennell J. L. I.* Op. cit. P. 72; *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. С. 76) — результат ошибочного прочтения «пятый год» вместо «девятый год» в тексте Вологодско-Пермской летописи (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 42).
- ⁸⁹⁷ Такое предположение высказал Ю. Г. Алексеев (*Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. С. 86).
- ⁸⁹⁸ *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 103.
- ⁸⁹⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 301; Сб. РИО. Т. 41, № 1. С. 1.
- ⁹⁰⁰ «Даруга» или «дорога» — ордынский чиновник, ведавший сбором податей с тех или иных территорий (см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 92–93, 123–124), «пошлина» (в данном случае) — обобщающее наименование традиционных платежей (см.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Стб. 1334). Речь, следовательно, шла о неплатеже выхода и иных регулярных поборов (на что крымский хан, как один из наследников правителей единой Орды, теоретически мог бы претендовать). Это не распространялось на «поминки» — дары хану и его приближенным.
- ⁹⁰¹ Помощь великого князя должна была выразиться в посылке против Орды его служилых царевичей (ими были Данияр, сын Касыма, и Муртоза — также из казанской династии).

- ⁹⁰² Сб. РИО. Т. 41, № 1. С. 1–5.
- ⁹⁰³ Там же. № 2. С. 10–12.
- ⁹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 24. С. 195; *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 111–113; *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 45–17.
- ⁹⁰⁵ Тем не менее между Иваном III и Джанибеком состоялся обмен посольствами, причём хан, очевидно сознавая непрочность своего положения в Крыму, просил у великого князя в случае чего дать ему убежище («опочив») в своей земле; Иван дал на это согласие. В наказе московскому послу к Джанибеку Темешу предусматривается возможность, что «учнетъ царь посылати къ великому князю съ пошлыны и съ пошлынными людми» (то есть, в отличие от Менгли-Гирея, станет претендовать на получение выхода): предписывалось категорически не соглашаться на это (Сб. РИО. Т. 41, № 3. С. 13–14).
- ⁹⁰⁶ См.: *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 50–51.
- ⁹⁰⁷ Сб. РИО. Т. 41, № 4. Примечательно, что Джанибек после восстановления Менгли-Гирея у власти некоторое время находился в Москве (в соответствии со своей ранее высказанной просьбой и просьбой Менгли-Гирея): Там же. С. 15.
- ⁹⁰⁸ Там же. № 5–6. С. 17–25.
- ⁹⁰⁹ На это обратил внимание Ю. Г. Алексеев (*Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. С. 80 и 186, примеч. 125).
- ⁹¹⁰ См., в частности, грамоты, относящиеся к первому десятилетию правления Ивана III (1462–1472): ДДГ. № 63. С. 202–203, 205; № 64. С. 209, 211; № 65. С. 214; № 66. С. 215; № 67. С. 218, 220. Самые поздние из них датируются временем до 12 сентября 1472 г. ДДГ. № 69. С. 226, 228.
- ⁹¹² Там же. № 69. С. 231.
- ⁹¹³ Там же. № 70. С. 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249.
- ⁹¹⁴ Таковы договоры Ивана III с Михаилом Андреевичем Белозерским и докончание с тверским князем (ДДГ. № 75. С. 279, 282; № 78. С. 295; № 79. С. 297).
- ⁹¹⁵ Там же. № 72. С. 254, 257, 259, 262, 265, 267; № 73. С. 270, 272, 275; № 74. С. 275; № 81. С. 318, 321; № 82. С. 325, 328; № 90. С. 365, 367, 369; № 101. С. 417, 419.
- ⁹¹⁶ *Павлов П. Н.* Указ. соч. С. 188.
- ⁹¹⁷ Объединение Сеид-Ахмета на Руси определено именовали «Ордой» (ПСРЛ. Т. 27. С. 116; Т. 25. С. 271).
- ⁹¹⁸ В 1489 и 1490 г. ногайские мурзы Муса и Ямгурчей вспоминали о дружественных отношениях с Москвой, существовавших при отце Ивана III (Сб. РИО. Т. 41. № 23. С. 82; № 25. С. 89).
- ⁹¹⁹ ДДГ. № 89. С. 362; № 90. С. 365, 367, 369; № 101. С. 417, 419.

- ⁹²⁰ Там же. № 74. С. 275. Союз «и» в средневековых текстах, при отсутствии знаков препинания, мог выполнять не соединительную, а «уточняющую» функцию, близкую к современным запятой или скобкам (ср.: *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. С. 30. А. А. Зализняк определяет значение такого «и» как «то есть», «а именно»). Например: «Тогда Володимеръ и Мономахъ пиль золотом шоломомъ Донь» (ПСРЛ. Т. 2. Об. 716), то есть «тогда Владимир, Мономах, пил золотым шоломом Дон» или «Тогда Владимир (Мономах) пил золотым шоломом Дон»; «А князю великому Дмитрию Московскому бышетъ розмирие съ татары и съ Мамаемъ» (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 106), то есть «с татарами, с Мамаем» или «с татарами (с Мамаем)», но не отдельно «с татарами» и отдельно «с Мамаем».
- ⁹²¹ Следует отметить, что в Рязанском великом княжестве еще в 1496 г. в договоре местных князей «Орда» называется в единственном числе (ДДГ. № 84. С. 333, 338).
- ⁹²² *Ioannis Dlugossii senioris canonici Cracoviensis opera.* Т. 14. Р. 697.
- ⁹²³ См.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 79–80.
- ⁹²⁴ ПСРЛ. Т. 24. С. 186; Т. 25. С. 277; Т. 26. С. 219; Т. 27. С. 122; Т. 28. С. 115, 284.
- ⁹²⁵ См.: *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси». С. 196, 200–201.
- ⁹²⁶ См.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. С. 188.
- ⁹²⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 297; Т. 28. С. 133.
- ⁹²⁸ ПСРЛ. Т. 23. С. 77; Т. 24. С. 94, 96–97; Т. 25. С. 131, 136; Т. 28. С. 54. В более ранних источниках уничижительное определение по отношению к Батыю встречается лишь однажды: ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 219 (Софийская I летопись).
- ⁹²⁹ ПСРЛ. Т. 25, С. 139–141; Т. 23. С. 82–83; Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 14–24. Стб. 1305–1309. Подробно об этой «Повести» см.: *Горский А. А.* «Повесть о убиении Батыя» и русская литература 70-х гг. XV в. М., 2001.
- ⁹³⁰ О датировке Жития Ионы см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 184–188. Утверждение, что пророчества относительно освобождения от ордынских царей свидетельствуют о составлении Жития после 1480 г. (*Лурье Я. С.* Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода. С. 193), не кажется основательным: в этом случае автор, скорее всего, подчеркнул бы, что пророчества Ионы

сбылись; не сделать это — значит упустить возможность возвеличить дар предвидения своего героя.

⁹³¹ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. С. 366.

⁹³² Там же. С. 370.

⁹³³ Там же. С. 372.

⁹³⁴ ПСРЛ. Т. 27. С. 129; часто встречающаяся в литературе дата 1471 г. ошибочна.

⁹³⁵ Примерно в то же время была включена в летописание «Повесть о Темир-Аксаке», в которой подробно (в отличие от летописных известий о походе Тимура 1395 г., принадлежащих современникам) описывается подход завоевателя к русским пределам (при этом подчеркивается его желание разорить Русь, вряд ли соответствующее действительности) и бегство, причиной которого назван страх перед возможным ударом русских войск (ПСРЛ. Т. 25. С. 222–225; Т. 23. С. 134). Все это было весьма актуально после отражения похода Ахмата 1472 г. и в ожидании его нового наступления и призвано было убедить в способности противостать завоевателю, как бы силен он ни был. К 70-м гг. XV в. относится также всплеск интереса к самой яркой победе над Ордой — Куликовской битве: именно к этому времени относятся складывание двух дошедших до нас редакций «Задонщины» — Пространной и Краткой (См.: *Кучкин В. А.* О термине «дети боярские» в «Задонщине». С. 109–114).

⁹³⁶ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 68.

⁹³⁷ Там же.

⁹³⁸ *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 120; *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. С. 52.

⁹³⁹ *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI вв.: Политическая и культурная деятельность. С. 133–134.

⁹⁴⁰ Вряд ли можно полагать, что Траханиот стремился возвеличить Софью, поскольку приписываемая ей роль относительно пассивна: речь идет не об отказе платить дань и прямом непризнании зависимости, а о ликвидации ее *второстепенных* атрибутов. Скорее всего, в рассказе отразились детские воспоминания Юрия Дмитриевича. Что касается бегства Софьи на Белоозеро во время похода Ахмата 1480 г., то оно не может расцениваться как свидетельство того, что княгиня была сторонницей сохранения зависимости от Орды. Этот факт может рассматриваться только как свидетельство о ее личных качествах.

⁹⁴¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 299. В тот же день Иван и Софья были обвенчаны.

⁹⁴² Там же. С. 302–303, 308–309.

- ⁹⁴³ Сб. РИО. Т. 41. № 19. С. 63, 68; Иоасафовская летопись. С. 143. По мнению Р. М. Кроски, известие Герберштейна может иметь в виду послов крымского хана (*Croskey R. M. The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan.* P. 261). Но упоминание следом дома в Кремле, «в котором жили татары, чтобы знать все, что делалось» (*Герберштейн С. Указ. соч. С. 68*) явно указывает на татар Большой Орды, а не Крымского ханства, с которым до приезда Софьи в Москву дипломатических отношений не было.
- ⁹⁴⁴ Вероятно, не случайно к «антиордынской партии» относились Софья Палеолог и Пахомий Серб (составитель «Повести о убийнии Батыея») — выходцы с завоеванного турками Балканского полуострова. Они, во-первых, должны были ощущать контраст между, с одной стороны, силой турок и слабостью балканских христиан, с другой — силой Московского великого княжества и относительной (в сравнении с Османской империей) слабостью Орды; во-вторых, не были связаны традиционными представлениями о легитимности власти ордынского «царя».
- ⁹⁴⁵ Согласно московской великокняжеской летописи, именно таким образом обосновывали в 1471 г. новгородские противники Москвы необходимость разорвать вассальные отношения с великим князем: «Не хотим за великого князя московского, ни зватися вотчиною его; волные есмья люди Великий Новгород, а московский князь великий многи обиды и неправду над нами чинит» (ПСРЛ. Т. 27. С. 129; Т. 25. С. 284).
- ⁹⁴⁶ См.: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 34–35, 41–42.
- ⁹⁴⁷ Наиболее основательно события 1480 г. рассмотрены в работах: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси; *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. С. 45–132; Об источниках см.: *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в.
- ⁹⁴⁸ Это не было связано, как часто считается, с нападением на владения Казимира крымских татар (они совершили в октябре 1480 г. лишь незначительный набег); главные причины заключались в сложностях внутривосточной ситуации в Литве и в том, что Казимир не смог собрать польских коронных войск (см.: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 53; *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. С. 104–105).
- ⁹⁴⁹ К этой группировке, по-видимому, относились бояре И. Ощера и Г. Мамон (см.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. С. 191–193).
- ⁹⁵⁰ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. С. 528, 530, 532.
- ⁹⁵¹ *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. С. 120.

- ⁹⁵² Ю. Г. Алексеев пишет, что «со времен Дмитрия Донского с этим «царем» велись многочисленные войны, наполнившие собой долгий, столетний период русской истории» (Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 120). Однако с «правлящим царем» Орды у московских князей было только одно непосредственное столкновение — в 1382 г., и оно оставило впечатление вины перед сюзереном (см. гл. 6).
- ⁹⁵³ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. С. 524.
- ⁹⁵⁴ Впоследствии эта мысль не получила развития — правители ханств, образовавшихся на развалинах Золотой Орды, продолжали называться на Руси царями.
- ⁹⁵⁵ Ср.: *Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde*. P. 71.
- ⁹⁵⁶ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. С. 528, 530, 532, 534.
- ⁹⁵⁷ *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 157–158.
- ⁹⁵⁸ Титул «царь» и производные от него употреблены в Послании по отношению к Ивану III десять раз (Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. С. 522, 530, 534) — такого не удостоивался прежде (включая домонгольский период) никто из русских князей.
- ⁹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 20, 1-я половина. С. 346, Т. 6. С. 231.
- ⁹⁶⁰ Там же.
- ⁹⁶¹ В нее входили, помимо Вассиана, митрополит Геронтий, епископ саранский Прохор, игумен Троице-Сергиева монастыря Паисий (ПСРЛ. Т. 26. С. 265–266, 273; Т. 24 С. 199–200; РФА. М., 1987. Вып. 2. С. 269–271, 275–277, 335–337). Из светского окружения великого князя ведущая роль в отражении Орды принадлежала его старшему сыну Ивану Ивановичу Молодому и воеводе князю Даниилу Холмскому (ПСРЛ. Т. 20, 1-я половина. С. 345; Т. 6. С. 230–231).
- ⁹⁶² Согласно Львовской и Софийской II летописям, татары были «наги и босы, ободрались» (ПСРЛ. Т. 20, 1-я половина. С. 346; Т. 6. С. 231).
- ⁹⁶³ Там же. Т. 26. С. 274.
- ⁹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 328; Т. 20, 1-я половина. С. 346; Т. 37. С. 95; РИБ. Т. 27 Литовская метрика. СПб., 1910. Отд. 1, ч. 1. Т. 1. С. 340 (письмо Менгли-Гирея Казимиру). Согласно московскому летописанию, убил Ахмата Ямгурчей, а по устюжскому (Архангелогородский летописец), содержащему наиболее подробный рассказ о событии, это сделал Ивак («А царь Ивак сам вскочи в белу вежу цареву Ахматову и уби его своими руками»). Сведения о роли сибирского хана в убийстве Ахмата исходили (об этом прямо сказано в лето-

- писном тексте) от его собственного посла Ивану III; данные о роли Ямгурчей, очевидно, были сообщены в Москву ногайцами. Скорее всего, и Ивак, и Ямгурчей принимали непосредственное участие в этом деянии, почему каждый из них и имел основание приписывать заслугу умерщвления врага великого князя Московского себе.
- ⁹⁶⁵ ДДГ. № 72. С. 254, 256, 259, 262, 265, 267; № 73. С. 270, 272, 274.
- ⁹⁶⁶ Там же. № 16. С. 44; № 29. С. 74. Между 1433 и 1481 г. размеры выплат в источниках не упоминаются.
- ⁹⁶⁷ Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 107, *Roublev M. Le tribut aux Mongols d'après les testaments et accords des princes russes.* P. 525.
- ⁹⁶⁸ В апрельском 1481 г. наказе послу в Крым говорилось про весть о гибели Ахмата как вызывающую сомнения (Сб. РИО. Т. 41, № 7. С. 26).
- ⁹⁶⁹ ДДГ. № 89. С. 362. Нет оснований делать на основе этого пункта вывод о неуверенности Ивана III в том, что его сыновья будут независимы от Орды (*Хорошкевич А. Л.* Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года. С. 40, примеч. 22): речь шла о конкретных издержках на отношения с государствами-наследниками Орды и служилыми ханами, издержках, не связанных с признанием зависимости, так как правители этих политических образований никогда не считались сюзеренами московских князей, а Большой Орды в 1504 г. уже не существовало.
- ⁹⁷⁰ Помимо договоров Ивана III с братьями 1481 г., тысячерублевая сумма упоминается в его докончаниях с ними же 1486 г. (ДДГ. № 81. С. 318, 321, № 82. С. 325, 328).
- ⁹⁷¹ См.: *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 199, 208–219; *Некрасов А. М.* Указ. соч., С. 60–65, 68, 71.
- ⁹⁷² Там стал править Мухаммед-Эмин, сын ханши Нурсултан; последняя, будучи вдовой, в 1486 г. вышла замуж за Менгли-Гирея (См.: Сб. РИО. Т. 41, № 16. С. 59; № 17. С. 61–62).
- ⁹⁷³ Там же. № 17. С. 60; № 19. С. 62, 65; № 27. С. 48, 101; № 28. С. 105; № 30. С. 115–116; № 32. С. 124–125; *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 208–220; *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 60–66.
- ⁹⁷⁴ Сб. РИО. № 19. С. 62–69.
- ⁹⁷⁵ *Усманов М. А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов Джучиева улуса. С. 223–230; *Он же.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. С. 186–205.
- ⁹⁷⁶ Сб. РИО. Т. 41, № 19. С. 63, 66–67.
- ⁹⁷⁷ Там же. С. 63–64, 68.
- ⁹⁷⁸ Там же. № 36. С. 160–161.
- ⁹⁷⁹ ПСРЛ. Т. 39. С. 166. Участники набега названы «ордынскими казаками»: так именовали ордынцев, кочующих самостоятель-

но, не находившихся в прямой зависимости от ханов. Набег имел место в июне; об ордынских послах же говорится в наказе послу в Крым от 30 августа: послу Константину Заболоцкому предписывается, как отвечать на вопрос Менгли-Гирея о визите ордынцев. Очевидно, узнать о последнем крымский хан должен был от своего посла, пребывавшего в Москве с 27 июня и уехавшего обратно вместе с Заболоцким. Следовательно, послы из Орды приехали в Москву, скорее всего, между 27 июня и 30 августа.

⁹⁸⁰ См.: *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 218–219; *Некрасов А. М.* Указ. соч. С. 64–65 71–72.

⁹⁸¹ ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 99–101.

⁹⁸² АЗР. СПб., 1846. Т. 1, № 184; РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Кн. 5. Л. 222, 224–224 об., 232; Lietuvos Metrika... Kniga Nr. 5. С. 147–148, 150, 159. № 90.1; 92.1; 92.2; 96.

⁹⁸³ См.: *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 397–402, 528–530.

⁹⁸⁴ Сб. РИО. Т. 41, № 72–76; Разрядная книга: 1475–1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 68; *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 484–487; *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 39–43.

⁹⁸⁵ РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 247 об.; Lietuvos Metrika... Kniga Nr. 5. С. 179. № 106.3.

⁹⁸⁶ *Kuczyński S.* Ziemie chernihowsko-siewerskie pod rządami Litwy. S. 329.

⁹⁸⁷ Иоасафовская летопись. С. 143–144; Сб. РИО. Т. 41, № 79. С. 384–385; Разрядная книга... Т. 1, ч. 1. С. 70.

⁹⁸⁸ РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 249 об.; Lietuvos Metrika... Kniga Nr. 5. С. 181. № 108.1. Ошибочно полагать, что Иван выплатил все долги по «выходам» (*Konieczny F.* Sprawy z Mengli-Girejem. S. 320); слова Ших-Ахмета, что он прислал «тые датки, чога жь отцу нашему и братьи нашої не давал», означают, что был прислан тот вид платежа, который не выплачивался отцу и братьям хана (то есть выход), а не то, что Иван прислал все те суммы этого платежа, которые накопились за 30 лет. Об этом же факте писал Александру Тевекель: «чога предкомъ царевым и нашымъ не давал, то нам тое дороги прислалъ» (РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 249 об.; Lietuvos Metrika... Kniga Nr. 5. С. 181. № 108. 2).

⁹⁸⁹ Ср.: *Kuczyński S.* Op. cit. S. 329.

⁹⁹⁰ Сб. РИО. Т. 41, № 79. С. 384–385.

⁹⁹¹ См.: *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 466–487.

⁹⁹² Сб. РИО. Т. 41, № 79. С. 384–385.

⁹⁹³ См. *Kuczyński M.* Op. cit S. 327–330.

- ⁹⁹⁴ См: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 87–88, 96, 101–105, 121–122.
- ⁹⁹⁵ Сб. РИО. Т. 41, № 83. С. 418, *Monumenta medii aevi...* Т. 19. № 61–62. S. 65–67.
- ⁹⁹⁶ *Kuczyński S. M.* Op. cit. S. 331–332.
- ⁹⁹⁷ Сб. РИО. Т. 41, № 82. С. 413–415.
- ⁹⁹⁸ «У них кони и платье поймали, а о головах о своих не вѣдаютъ, что над ними будетъ, а еще ходять на прости, не за сторожею», — сообщал в мае в Москву Заболоцкий (Там же. № 83. С. 418–419).
- ⁹⁹⁹ Там же. С. 416–420. После этой победы крымские ханы получили право считать себя главными наследниками властителей былой единой Орды, что отразилось в их титулатуре (см.: *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. С. 193–194). По мнению Л. Коллинза, в 1502 г. произошла лишь смена династии, правящей Большой Ордой: она не была уничтожена, просто ее ханом теперь стал Менгли-Гирей (*Collins L.* Op. cit.). С точки зрения Менгли-Гирея, это было несомненно так; но с московской точки зрения в 1502 г. перестало существовать политическое образование, чьи правители совсем недавно были сюзеренами московских князей. К крымским ханам перешел их титул, их подданные, но не этот «отблеск» былого статуса по отношению к Москве (поскольку с крымской ветвью Джучидов отношения изначально строились на равноправной основе).
- ¹⁰⁰⁰ Сб. РИО. Т. 41, № 86. С. 435–436, № 88. С. 456, № 92. С. 489; СПб., 1892. Т. 35, № 76. С. 432, № 79. С. 464. Иоасафовская летопись. С. 145.
- ¹⁰⁰¹ Сб. РИО Т. 41, № 88–92, 94–95, 97–98, 100–101. С. 459–460, 462, 467, 471, 474, 477–478, 482, 486, 489–490, 492–493, 503, 509–510, 516, 521–523, 527–528, 532–539, 556–557; Т. 35. С. 463–464; *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 505–508, 532–533.
- ¹⁰⁰² В то же время традиционная трактовка «послеахматовой эпохи» в истории Орды как ее агонии требует корректировки: такой взгляд исходит из знания последующих событий, для современников же Орда вплоть до ее гибели продолжала оставаться достаточно серьезным политическим фактором (ведь и прежде бывало, что она ослабевала, существовала в условиях междоусобной борьбы, но затем вновь усиливалась).
- ¹⁰⁰³ Например, в США годом обретения независимости считается 1776-й, хотя война за освобождение продолжалась после этого еще семь лет и Англия признала независимость североамериканских колоний только в 1783 г.

- ¹⁰⁰⁴На это обратил внимание Ч. Дж. Гальперин (*Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde*. P. 70–73).
- ¹⁰⁰⁵См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 2. С. 325–326.
- ¹⁰⁰⁶*Голохвастов Д. П., арх. Леонид*. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 71.
- ¹⁰⁰⁷Там же. С. 71–72.
- ¹⁰⁰⁸Казанская история. С. 55–56.
- ¹⁰⁰⁹В рассказе Архангелогородского летописца об этом событии можно усмотреть параллель с «Казанской историей»: согласно последней, Нурдовлат по совету своего улана Обляза не «разорил» Орду «до конца» (Казанская история. С. 56); по Архангелогородскому летописцу, Ивак повел «ордобазар» к себе в Тюмень, «не грабя» (ПСРЛ. Т. 37. С. 95).
- ¹⁰¹⁰Почти вековое «запаздывание» осмысления событий 70-х гг. XV в. как освобождения от многолетней зависимости было вызвано, конечно, не непониманием того, что данный факт имел место, а нежеланием московских правящих кругов вспоминать о вассальных отношениях великого князя к хану в условиях, когда Московское государство стремилось занять достойное место на международной арене.
- ¹⁰¹¹Первым его сформулировал Н. М. Карамзин, завершивший рассказ о «стоянии на Угре» словами: «Здесь конец нашему рабству» (*Карамзин Н. М. История государства Российского*. Т. 6. С. 160).

Приложение I

- ¹ *Горский А. Д.* Отражение татаро-монгольского ига в русских актах XIV–XV вв.
- ² *Он же.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г.
- ³ *Он же.* Куликовская битва 1380 г. (Некоторые итоги и задачи ее изучения в исторической науке); *Он же.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке.
- ⁴ *Он же.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.; *Он же.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века; *История крестьянства в СССР*. Т. 2, ч. II. Раздел I, гл. 1, § 2, 6; Гл. 2.
- ⁵ Датировки грамот в тексте даются в соответствии с изданием ДДГ, хотя в некоторых случаях они являются спорными (в том числе не все разделы и Анатолий Дмитриевич).
- ⁶ ДДГ. М.; Л., 1950. № 10. С. 30.
- ⁷ ДДГ. № 1. С. 7, 9.
- ⁸ Там же. № 1. С. 8, 10; № 4. С. 15–16, 18; № 12. С. 35.

- ⁹ Там же. № 12. С. 35–36 (1389); № 13. С. 38 (1390); № 16. С. 44 (1401–1402); № 17. С. 49 (1401–1402); № 20. С. 56 (1406–1407); № 29. С. 74 (1333); № 72. С. 254, 256–257, 262, 265, 267 (1481); № 73. С. 270, 272, 274–275 (1481); № 81. С. 313–321 (1486); № 82. С. 325, 328 (1486). Эволюция размеров дани добротнo изучена П. Н. Павловым (*Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду).
- ¹⁰ ДДГ. № 11. С. 31 (1389); № 17. С. 48–49 (1401–1402); № 66. С. 215 (1472).
- ¹¹ Там же. № 89. С. 362; № 90. С. 365, 367, 369; № 101. С. 417, 419.
- ¹² Там же. № 16. С. 44 (1401–1402); № 24. С. 64, 66 (1428); № 30. С. 77 (1433); № 38. С. 108, 111, 113, 116 (1441–1442); № 41. С. 122 (1445); № 44. С. 128 (1447); № 55. С. 165 (1450); № 74. С. 275 (1481). О займах денег для уплаты выхода у русских (вероятно, нижегородских) и болгарских купцов, по-видимому, свидетельствуют упоминания «бесерменского долга» и «русского долга» в договоре 1389 г. Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским (Там же. № 11. С. 31; см.: *Водов В.* «Долгъ бесемьньскыи и проторъ и русскыи долгъ» в договорной грамоте Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским).
- ¹³ ДДГ. № 11. С. 31 (1389); № 12. С. 36 (1389); № 13. С. 38 (1390); № 16. С. 44 (1401–1402); № 17. С. 49 (1401–1402); № 19. С. 54 (1402); № 20. С. 56 (1406–1407); № 21. С. 59 (1417); № 22. С. 61 (1423); № 24. С. 64, 66 (1428); № 27. С. 71 (1433); № 30. С. 76–77, 79 (1433); № 33. С. 85 (1434); № 34. С. 88 (1434); № 35. С. 90, 93, 96, 99 (1436); № 45. С. 131, 134, 137, 139 (1447); № 48. С. 147 (1447); № 56. С. 171, 174 (1450–1454); № 58. С. 182, 185 (1451–1456); № 61. С. 197 (1461–1462); № 66. С. 215 (1472).
- ¹⁴ Там же. № 43. С. 126 (1445); № 64. С. 209, 211 (1462), № 65. № 214 (1464); № 67. С. 218, 220 (1472); № 69. С. 226, 228, 231 (1473); № 70. С. 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249 (1473); № 72. С. 254, 257, 259, 262, 265, 267 (1481); № 73. С. 270, 272, 275 (1481); № 75. С. 279 (1482); № 78. С. 295 (1483); № 81. С. 318, 321 (1486); № 82. С. 325, 328 (1486); № 84. С. 333, 338 (1496 г.; в данном случае речь идет о рязанском великом князе); № 90. С. 365, 367, 369 (1504); № 101. С. 417, 419 (1591).
- ¹⁵ Там же. № 24. С. 64, 66 (1428); № 27. С. 71 (1433); № 30. С. 76, 79 (1433).
- ¹⁶ Там же. № 13. С. 38 (1390); № 19. С. 53–54 (1402); № 33. С. 85 (1434); № 44. С. 128 (1447). Интересно, что присутствие татарского посла в стране рассматривается dokonчаниями как ратное время, «замытное время», что, например, служило оправданием при неявке князя-арбитра на третний суд (№ 19. С. 54; № 33. С. 85).

- ¹⁷ Там же. № 1. С. 8, 10 (1339); № 2. С. 12 (1350—1351); № 4. С. 15, 17 (1358); № 5. С. 20 (1367); № 7. С. 23 (1374—1375); № 11. С. 31 (1389); № 12. С. 33 (1389); № 13. С. 37 (1390); № 17. С. 46 (1401—1402); № 20. С. 55 (1406—1407); № 21. С. 58 (1417); № 22. С. 60 (1423); № 27. С. 70 (1433); № 28. С. 73 (1433); № 45. С. 129—130, 132—133, 135—136, 138—139 (1447); № 56. С. 170, 173 (1450—1454); № 58. С. 180—181, 183—184 (1451—1456); № 61. С. 194, 198 (1461—1462); № 66. С. 215 (1472); № 89. С. 354 (1504); № 94. С. 374, 378 (1504); № 95. С. 382, 386, 395 (1504); № 96. С. 397, 400, 402, 404 (1504).
- ¹⁸ Там же. № 5. С. 20 (1367); № 11. С. 31 (1389); № 37 (1390); № 27. С. 70 (1433); № 45. С. 130, 133, 136, 139 (1447); № 56. С. 170, 173 (1450—1454); № 58. С. 181, 184 (1451—1456); № 61. С. 194 (1461—1462); № 66. С. 215 (1472); № 89. С. 354 (1504); № 94. С. 374, 378 (1504); № 95. С. 382, 386, 395 (1504); № 96. С. 397, 400, 402, 404 (1504).
- ¹⁹ Там же. № 5. С. 20 (1367); № 7. С. 23 (1374—1375); № 11. С. 31 (1389); № 13. С. 37 (1447); № 56. С. 170, 173 (1450—1454); № 58. С. 181, 184 (1451—1456); № 66. С. 215 (1472)
- ²⁰ Там же. № 1. С. 8, 10 (1339); № 4. С. 15—16, 18 (1358); № 12. С. 35 (1389) — в этой последней грамоте (духовной Дмитрия Донского) татары прямо не упоминаются, но формулировка «у которого сына моего убудет отчины, чѣмь есмь его благословил» несомненно подразумевает татарское вмешательство (именно в этой грамоте Дмитрий впервые без санкции хана передает по наследству Великое княжение Владимирское).
- ²¹ Там же. № 13. С. 37 (1390 г., Василий I с Владимиром Андреевичем Серпуховским); № 15. С. 41 (1396 г., Василий I с Михаилом Александровичем Тверским); № 19. С. 52 (1402 г., Василий I с Федором Ольговичем Рязанским); № 33. С. 84 (1434 г., Иван Федорович Рязанский с Юрием Дмитриевичем Московским); № 34. С. 87 (1434 г., Василий II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным); № 37. С. 105 (1439 г., Василий II с Борисом Александровичем Тверским); № 38. С. 107 (1441—1442 гг., Василий II с Дмитрием Шемякой); № 47. С. 142 (1447 г., Василий II с Иваном Федоровичем Рязанским); № 59. С. 186 (1456 г., Борис Александрович Тверской с Василием II); № 63. С. 202 (1462—1464 гг., Иван III с Михаилом Борисовичем Тверским); № 76. С. 283, 287 (1483 г., Иван III с Иваном Васильевичем Рязанским).
- ²² Там же. № 9. С. 26 (1375 г., Дмитрий Иванович с Михаилом Александровичем Тверским); № 36. С. 101, 103 (1439 г., Василий II с Василием Юрьевичем Галицким); № 37. С. 105—106 (1439 г., Борис Александрович Тверской с Василием II); № 59. С. 187

- (1456 г., Борис Александрович Тверской с Василием II); № 63. С. 202 (1462–1464 гг., Иван III с Михаилом Борисовичем Тверским).
- ²³ Там же. № 19. С. 53 (1402 г., Василий I с Федором Ольговичем); № 33. С. 84 (1434 г., Иван Федорович с Юрием Дмитриевичем); № 47. С. 142 (1447 г., Василий II с Иваном Федоровичем).
- ²⁴ Там же. № 9. С. 26 (1375 г., Дмитрий Иванович с Михаилом Александровичем Тверским).
- ²⁵ Там же. № 9. С. 26; № 10. С. 30 (1382 г., Дмитрий Донской с Олегом Рязанским); № 15. С. 41 (1396 г., Василий I с Михаилом Александровичем Тверским); № 37. С. 106 (1439 г., Василий II с Борисом Александровичем Тверским); № 47. С. 142 (1447 г., Василий II с Иваном Федоровичем Рязанским); № 59. С. 187 (1456 г., Борис Александрович Тверской с Василием II), № 63. С. 202 (1462–1464 гг., Иван III с Михаилом Борисовичем Тверским).
- ²⁶ Там же. № 10. С. 29 (1382 г., Дмитрий Донской с Олегом Рязанским); № 16. С. 44 (1401–1402 гг., Василий I с Владимиром Андреевичем Серпуховским); № 19. С. 54 (1402 г., Василий I с Федором Ольговичем Рязанским); № 33. С. 85 (1434 г., Иван Федорович Рязанский с Юрием Дмитриевичем Московским); № 47. С. 144 (1447 г., Василий II с Иваном Федоровичем Рязанским); № 76. С. 285–286, 289 (1483 г., Иван III с Иваном Васильевичем Рязанским).
- ²⁷ Там же. № 10. С. 30 (1382 г., Дмитрий Донской с Олегом Ивановичем); № 19. С. 54 (1402 г., Василий I с Федором Ольговичем); № 47. С. 144 (1447 г., Василий II с Иваном Федоровичем); № 76. С. 286, 289 (1483 г., Иван III с Иваном Васильевичем).
- ²⁸ Характерно для взаимоотношений московских и тверских князей: Там же. № 15. С. 41 (1396 г., Василий I с Михаилом Александровичем); № 37. С. 106 (1439 г., Борис Александрович с Василием II); № 59. С. 187, 190 (1456 г., Василий II с Борисом Александровичем); № 63. С. 203, 205 (1462–1464 гг., Иван III с Михаилом Борисовичем). В более позднем докончании Ивана III с Михаилом Борисовичем (1484–1485 гг.) появляется новая формула, отражающая зависимость Твери от Москвы: «А коли ти будет к Орду послати и тебѣ послати [по думе с нами, с великими князьями; а без нашии ти] думы в Орду не слати» (№ 79. С. 297).
- ²⁹ Там же. № 27. С. 70 (1433 г., Василий II с Василием Ярославичем Серпуховским); № 30. С. 76, 79 (1433 г., Василий II с Юрием Дмитриевичем Галицким); № 35. С. 90, 93, 96, 98 (1436 г., Василий II с Дмитрием Юрьевичем Шемякой); № 36. С. 101, 104 (1439 г., Василий II с Василием Юрьевичем); № 38. С. 108, 111, 113, 116 (1441–1442 гг., Василий II с Дмитрием Юрьевичем);

№ 41. С. 122 (1445 г., Иван Андреевич Можайский и Михаил Андреевич Белозерский с Василием II); № 42. С. 124 (1445 г., Василий II с Иваном Андреевичем); № 43. С. 126 (1445 г., Василий II с Михаилом Андреевичем); № 44. С. 127 (1447 г., Василий II с Михаилом Андреевичем); № 45. С. 131, 133, 136, 139 (1447 г., Василий II с Василием Ярославичем Серпуховским); № 55. С. 166, 168 (1450 г., Василий II с Михаилом Андреевичем); № 56. С. 170, 174 (1450–1454 гг., Василий II с Василием Ярославичем); № 58. С. 181, 185 (1451–1456 гг., Василий II с Василием Ярославичем); № 64. С. 209, 211 (1462–1464 гг., Иван III с Михаилом Андреевичем); № 65. С. 214 (1464 г., Иван III с Михаилом Андреевичем); № 67. С. 218, 220 (1472 г., Иван III с Михаилом Андреевичем); № 69. С. 226, 228, 231 (1473 г., Иван III с Борисом Васильевичем Волоцким); № 70. С. 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249 (1479 г., Иван III с Андреем Васильевичем Углицким); № 72. С. 254, 256, 259, 262, 265, 267 (1481 г., Иван III с Андреем Васильевичем); № 73. С. 270, 272, 274 (1481 г., Иван III с Борисом Васильевичем); № 75. С. 279, 282 (1482 г., Иван III с Михаилом Андреевичем); № 78. С. 295 (1483 г., Иван III с Михаилом Андреевичем); № 81. С. 318, 321 (1486 г., Иван III с Борисом Васильевичем); № 82. С. 325, 328 (1486 г., Иван III с Андреем Васильевичем); № 84. С. 333, 338 (1496 г., Иван Васильевич Рязанский со своим братом Федором Васильевичем); № 101. С. 417, 419 (1531 г., Василий III с Юрием Ивановичем Дмитровским). Несколько смягченная трактовка этой нормы содержится в докончании Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным (1434 г.): «А в Орду вы безъ моего вѣданья не слати никакими дѣлы. А Орда ми управивати самому, великому князю» (№ 34. С. 88). В основном грамоты с такой договоренностью относятся к князьям московского дома, но по мере усиления великих князей Московских ограничения внешнеполитической деятельности распространяются и на суздальских князей (№ 52, 1448–1449 гг.).

³⁰ ДДГ. № 46. С. 141 (1447 г.); № 69. С. 226, 228, 231–232 (1473 г.); № 70. С. 234, 236, 238, 240–241, 244, 246, 249 (1473 г.); № 72. С. 254, 257, 259, 262, 265, 267 (1481 г.); № 73. С. 270, 272, 275 (1481 г.); № 74. С. 275 (1481 г.); № 76. С. 284–285, 287–288 (1483 г.); № 81. С. 318, 321 (1486 г.); № 82. С. 325, 328 (1486 г.); № 84. С. 333, 338 (1496 г.); № 89. С. 362 (1504 г.); № 90. С. 365, 367, 369 (1504 г.); № 101. С. 417, 419 (1531 г.). Практика службы татарских царевичей великим князьям Московским прослеживается со времени «феодальной войны» второй четверти XV в., но факты службы представителей ордынской знати на Руси отразились и в более

ранних грамотах: духовные Василия I (1417 и 1423 г.) упоминают «Крилатьское село, што было за татаромъ» (№ 21. С. 58; № 22. С. 60).

Приложение II

- ¹ «Ярлыками» назывались документы, направленные от ханов к нижестоящим лицам; это могли быть как жалованные грамоты, так и послания.
- ² *Базилевич К. В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III; *Он же.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 163–167; *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 120.
- ³ *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 270–271; *Григорьев А. П.* О времени написания «ярлыка» Ахмата. Вып. 10; *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа: последняя четверть XV — первая половина XVI в. С. 48.
- ⁴ *Keenan E.* The Yarlyk of Axmed-xan to Ivan III.
- ⁵ *Halperin Ch. J.* The Tatar Joke. P. 165–166; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 171, 189.
- ⁶ *Григорьев А. П.* О времени написания «ярлыка» Ахмата.
- ⁷ *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 175–177.
- ⁸ Описание см.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 2. С. 82–83; *Емченко Е. Б.* Стоглав: исследование и текст. С. 191–192. Е. Б. Емченко датирует сборник широко — второй третью XVII в., но он не мог быть создан позже 1657 г., когда, согласно вкладной записи, был передан патриархом Никоном Воскресенскому монастырю на Истре. Из филиграней же, описанных Е. Б. Емченко, только одна фиксируется под датой 1646–1654 гг., остальные между 1632 и 1644 г. Наиболее вероятно датировка сборника 40-ми гг. XVII в., самое позднее — началом 50-х гг. XVII в.
- ⁹ *Емченко Е. Б.* Стоглав: исследование и текст. С. 192–193, 225–228.
- ¹⁰ В работе Е. Б. Емченко датировка второй третью XVII в., но выявленные ею водяные знаки фиксируются в книгах, датируемых от 1620 до 1633 г. (то есть концом первой трети), а одна (дом с крестом над крышей, обвитым змеей) относится к типу, получившему распространение в 30-е гг. XVII в. Оснований относить сборник ко времени позже 30-х гг. XVII в. нет.
- ¹¹ *Зайцев И. В.* «Вольная грамота» турецкого султана «некоему русину». С. 229–230.
- ¹² В сборнике присутствует филигрань «кувшин», относящаяся к группе, которая отличается отсутствием крышки, четко выра-

женным носиком, а также ручкой, присоединяемой к горлу и туловищу петлями; эта группа появляется около 1615 г. и выходит из употребления к 1630-м гг. (см.: *Дианова Т. В.* Филлигрань «кувшин» XVII в. С. 14–18; наиболее близкие соответствия представляют № 7 и 12 из альбома Т. В. Диановой, 1616 и 1621 г.). Другая филлигрань — двуглавый орел под короной, наиболее близкая водяным знакам из собрания Г. Пиккарда (*Die Wasserzeichensammlung Piccard, Hauptstaatsarchiv Stuttgart*), № 162345, 162346, 162348, 162349, с датами 1622–1630 г. (на сайте www.memoryofpaper.eu).

¹³ Шерть — присяга на верность.

¹⁴ Об этом памятнике см.: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). С. 159–173. Его подлинность несомненна (как и подлинность шерстной грамоты Исмаила и речи Михаила Гарабурды). Дата 6057 (1549) г. содержится в начале записи об измене казанских князей.

¹⁵ В Ч «ярлык Узбека» находится в другом месте, в конце сборника, где он помещен в собрание ярлыков ордынских ханов русским митрополитам (которое в других сборниках сходного состава отсутствует).

¹⁶ О датировке сборника см.: *Турилов А. А.* Книга раздачи «поминков» при хиротонии ростовского архиепископа Тихона (1489 г.). С. 153. Прим. 1. 60-ми гг. XVI в. датируют сборник и составители готовящегося к печати описания собрания рукописных книг И. Е. Забелина (выражаю благодарность зав. Отделом рукописей ГИМ Э. В. Шульгиной и сотруднику отдела Е. Е. Ивановой за предоставленную информацию).

¹⁷ Судя по расположению того отрывка комплекса текстов «восточной тематики», который ныне в 3 наличествует, не на своем месте, в конце сборника (№ 76 — последний в его нумерации), а в его середине (перед текстом под номером 53) фрагмент с ярлыком Ахмата и последующими документами был некогда изъят, затем два листа (ныне л. 94 и 95) возвращены, а предшествующие им и последующие (с концовкой перехваченного в 1549 г. письма казанских князей в Крым) исчезли.

¹⁸ *Турилов А. А.* Книга раздачи «поминков» при хиротонии ростовского архиепископа Тихона (1489 г.). С. 153. Прим. 1.

¹⁹ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. № 4. С. 63–67 (текст «речи» Михаила Гарабурды на с. 67).

²⁰ Посольская книга Метрики Великого княжества Литовского. Т. 1. № 101, 102, 107, 108, 111. С. 157–163, 168–172, 174.

²¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 277, 279.

- ²² Ярлык Узбека митрополиту Петру также появился незадолго до составления сборника 3 — он является фальсификатом, написанным около 1550 г. (см.: *Зимин А. А.* Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам. С. 36–40). Правда, неясно, присутствовал ли этот памятник в 3, поскольку тексты, следующие за записью об измене казанских князей и их письмом крымскому хану (№ 76 по нумерации рукописи), в этом сборнике не сохранились.
- ²³ См.: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 611–615.
- ²⁴ Ср.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 14. Л. 1 (Посольская книга) и РГАДА. Ф. 181. № 591. Л. 782 об. — 783; ГИМ. Собр. Синодальное. № 272. Л. 402–402 об.; РГБ. Собр. Попова (Ф.236). № 59. Л. 131 об. — 132; ГИМ. Собр. Черткова. № 165. Л. 225.
- ²⁵ В оглавлении всех дошедших списков они объединены под одним пунктом (№ 76). Впрочем, в 3 такого, вероятно, еще не было, поскольку там нумерация более дробная: запись об измене казанских князей имеет отдельный номер, в то время как в П, М, С и Ч она объединена с двумя предшествующими текстами — речью Михаила Гарабурды и «Вольной грамотой некоему русину».
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 328 («а самого царя Ахмута уби шуринь его (Ибака. — А. Г.) ногаиский мурза Ямгурчии»); Т. 37. С. 95 («А царь Ивак сам вскочи в белу вежу цареву Ахьматову и уби его своими руками»); *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 177–178.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 302–304, 308–309, 326–328; Сборник РИО. Т. 41. № 1–7. С. 1–26.
- ²⁸ См.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. С. 351; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 95.
- ²⁹ На события 1480 г. указывают в тексте ярлыка слова: «А нынъча есми от берега пошел, потому что у меня люди без одежь, а кони без попонъ». Аналогичную причину называет один из летописных рассказов о «стоянии на Угре»: «бяху бо татарове наги и босы, ободралися» (ПСРЛ. Т. 6. С. 231).
- ³⁰ Тем, что ярлык писался в состоянии, что называется, «бессильной злобы», могут объясняться и его отступления от традиционного формуляра. Впрочем, Э. Кинан, хотя и посвятил обоснованию «нетипичности» ярлыка специальную статью, указал лишь одно конкретное несоответствие формуляру — цветистое *invocatio* (*Keenan E. L.* The Yarlyk of Axmed-xan to Ivan III. P. 40–42). Между тем такого рода литературные изыски в сохранившихся большеордынских (не крымских) текстах встречаются (ср. в письме сына Ахмата Муртозы касимовскому хану Нурдовлату 1487 г.: «предние наши о кости о лодыжном мозгу юрта дѣяя своего розбралися... а опосле того опять то лихо отъ себя отложили, и кои потоки

кровью текли, тѣ опять меж ихъ молоком протекли, а тот бранной огонь любовною водою угасили» (см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 200).

- ³¹ «Сказание о святой горе Афонской» косвенно также имеет к ней отношение, так как привезено оно было в Россию с территории, принадлежавшей Османской империи.
- ³² Послание, написанное после конфликта 1472 г., могло быть доставлено послом Кара-Кучюком, прибывшим в Москву в 1474 г., письмо 1476 г. — послом Бочюкой, посетившим Ивана III летом 1476 г. (см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 302–303, 308–309).
- ³³ В описи Царского архива, составленной в первой половине 70-х гг. XVI в., упоминаются «ордынские грамоты», адресатом которых был Иван III: «Ящик 50-й. А в нем списки и грамоты ординские старые к великому князю Ивану» (Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 24). Очевидно, здесь и хранились послания Ахмата.
- ³⁴ После военной кампании 1480 г., когда войска два месяца стояли друг против друга, писать, что положительным для Орды результатом похода стала рекогносцировка, было бы абсурдно. Иное дело — поход 1472 г.: тогда Ахмат пребывал у Оки всего три дня (см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 156–157), и вполне логично было подчеркнуть, что скоротечность подступа к русским пределам не помешала заметить пути и броды и, значит, новый удар должен быть более подготовленным.
- ³⁵ О действиях касимовского царевича Данияра в 1480 г. ничего не известно. Зато в 1472 г. одной из причин отступления Ахмата считался страх, что служилые царевичи великого князя Данияр и Муртоза «возьмут Орду» (оставленную без прикрытия ханскую степную ставку) (ПСРЛ. Т. 23. С. 161; Т. 27. С. 279). Под «оттоле» имеется в виду Касимов, стоящий на Оке. Это косвенно указывает, что предшествующие посланию военные действия происходили на этой реке (как было в 1472, а не в 1480 г.).
- ³⁶ Имеется в виду поражение, нанесенное Орде крымским ханом Хаджи-Гиреем в 1465 г.
- ³⁷ К такому объединению могло подтолкнуть наличие в начале всех трех текстов одинаковой фразы: «Ахматово слово ко Ивану».
- ³⁸ Разумеется, не исключено, что не вошедшими в сборники П, М, С и Ч двумя текстами были какие-то иные памятники (поскольку в сборниках XVII в. читаются не все произведения, имеющиеся в 3).
- ³⁹ В тексте *ь* и *ѣ* в конце слов, *і* заменяется на *и*, титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку, буквенные обозначения цифр заменяются арабскими.

- ⁴⁰ Архимандрит Леонид в своем издании ярлыка Ахмата по списку С данное обозначение цифры пропустил (*Леонид, архим.* Два акта XV в. объяснительными к оным примечаниями. Стб. 270). К. В. Базилевич его внес, но интерпретировал как цифру 20 000 (см.: *Базилевич К. В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III. С. 31; *Он же.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 165; такую трактовку принял, публикуя в 2000 г. ярлык по списку С, и автор этих строк: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 198). Однако хотя читающийся в С знак и имеет некоторое сходство с одним из скорописных начертаний буквы к (20) и отличается от обычных в сборнике начертаний буквы в (2), он все же явно соответствует именно этой последней (что подтверждается наличием в в списках М и Ч).
- ⁴¹ Так интерпретировал его К. В. Базилевич, пришедший к выводу, что дань равнялась в сумме 140 000 алтын, то есть 4200 рублей (см.: *Базилевич К. В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III. С. 45).
- ⁴² См.: *Григорьев А. П.* О времени написания «ярлыка» Ахмата. С. 78–79. Автор, исходя из того, что общая сумма — 60 000 алтын, в том числе «весенняя подать» — 20 000, вынужден был допустить, что вторые 60 000 — ошибка вместо 40 000.
- ⁴³ ДДГ. № 29. С. 74 (духовная грамота Юрия Дмитриевича Звенигородского, 1433 г.). Вполне вероятно, что точный размер дани равнялся как раз 7200 (3600 x 2) рублям. Суммы выхода в духовных и договорных грамотах московских князей указывались округленно. Так, в духовной грамоте Дмитрия Донского «выход» с территории собственно Московского княжества указывается в 1000 рублей, но приведенный при этом расчет по уделам сыновей дает цифру 960 рублей (Там же. № 12. С. 35–36).
- ⁴⁴ Там же. № 38. С. 108, 111, 113, 116.
- ⁴⁵ См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 143–147.
- ⁴⁶ Указание А. П. Григорьева, со ссылкой на Словарь русского языка XI–XVII в., что в конце XVI в. форма «блужные» появилась, ошибочно: словарь (Вып. 1. С. 246) такой формы не фиксирует.
- ⁴⁷ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 15. С. 110.
- ⁴⁸ «Ни на вас приходомъ, нъ приходомъ богомъ пушени на холопы и на конюси свое на поганые половче» (НЛ. С. 62).
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Кн. 5. Л. 247 об.; Lietuvos Metrika (1427–1506). Kniga Nr. 5. S. 179. № 106.3.
- ⁵⁰ Э. Кинан, пытаясь обосновать невозможность выражения «просняники» в аутентичном тексте, сначала высказал мнение, что оно не могло быть использовано как презрительное, так как татары регулярно сеяли в степи просо, и тут же, в противоречии со сказанным, отметил, что в XVII–XVIII вв. крымцы называли укра-

инских казаков термином, обозначающим «те, кто питается просом» (*Keenan E. L. The Yarlyk of Axmed-xan to Ivan III. P. 42–43*). По-видимому, обозначение земледельцев как «плужных просяников», то есть «пахарей, выращивающих просо», было связано как раз с хорошим знакомством татар именно с этой зерновой культурой. Видеть в нем особую уничижительность нет оснований (такое впечатление создавал эпитет «блужная», являющий собой, как выясняется, ошибочное чтение): скорее, речь можно вести о традиционном ордынском определении зависимых народов.

Список сокращений

- АЕ — Археографический ежегодник
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России
- АИ — Акты исторические
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
- ВИ — Вопросы истории
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
- ИОИ — Источниковедение отечественной истории
- НЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
- ОИ — Отечественная история
- ОИДР — Общество истории и древностей российских
- ОРЯС АН — Отделение русского языка и словесности Академии наук
- ПРП — Памятники русского права
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РАО — Русское археологическое общество
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РИБ — Русская историческая библиотека
- РИИР — Редкие источники по истории России
- РИО — Русское историческое общество
- РНБ — Российская национальная библиотека

Библиография

Источники

- Акты исторические. Т. 1. М., 1840.
- Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846.
- Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. СПб., 1848.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.
- Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 1. М., 1951.
- Базилевич К. В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III // вестник Московского университета. 1948. № 1.
- Барбаро и Контарини о России. М., 1971.
- Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869.
- Временник ОИДР. Кн. 10. М., 1851.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
- ГИМ. Собр. Синодальное. № 272.
- ГИМ. Собр. Черткова. № 165–1.
- Голохвастов Д. П., арх. Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения ОИДР. М., 1874. Кн. 1.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Иоасафовская летопись. М., 1957.
- Казанская история. М.; Л., 1954.
- Кашани.* Тарих-е Улджаиту. Тегеран, 1969 (на перс. яз.).
- Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

- Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия Сербя (старшая редакция Жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967.
- Кучкин В. А.* Древнейшая редакция повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. [Вып.] 2. М., 1999.
- Леонид, архимандрит.* Два акта XV в. с объяснительными к оным примечаниями // Известия Русского археологического общества. Т. 10. СПб., 1884.
- Макарий.* История русской церкви. Т. 4. Кн. 1. СПб., 1886.
- Макарий (Булгаков), митрополит московский и коломенский.* История русской церкви. Кн. 3. М., 1995.
- Марков А. К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896.
- Насонов А. Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) // материалы по истории СССР. Вып. 2. М., 1955.
- Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.
- Орешиников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896.
- Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
- Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV в. М., 1981.
- Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—2. Л., 1926—1927.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928.
- Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.
- Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915.
- Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925.
- Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 2. Пг., 1917.
- Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851.
- Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1853.
- Полное собрание русских летописей. Т. 7—8. СПб., 1856—1859.
- Полное собрание русских летописей. Т. 9—12. СПб., 1862—1901.
- Полное собрание русских летописей. Т. 10. М., 1965.
- Полное собрание русских летописей. Т. 11. М., 1965.
- Полное собрание русских летописей. Т. 12. М., 1965.
- Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922.
- Полное собрание русских летописей. Т. 15. СПб., 1863.
- Полное собрание русских летописей. Т. 18. СПб., 1913.

- Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1–2. СПб., 1910–1914.
- Полное собрание русских летописей. Т. 23. СПб., 1910.
- Полное собрание русских летописей. Т. 24. Пг., 1921.
- Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.
- Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л., 1959.
- Полное собрание русских летописей. Т. 27. М.; Л., 1962.
- Полное собрание русских летописей. Т. 28. М.; Л., 1963.
- Полное собрание русских летописей. Т. 30. М., 1965.
- Полное собрание русских летописей. Т. 32. М., 1975.
- Полное собрание русских летописей. Т. 35 М., 1980.
- Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982.
- Полное собрание русских летописей. Т. 39. М., 1994.
- Полное собрание русских летописей. Т. 42. СПб., 2002.
- Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- Псковские летописи. Вып. 1–2. М.; Л., 1941–1955.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960; Т. 3. М.; Л., 1946.
- РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 14.
- РГАДА. Ф. 181. № 20; № 591.
- РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика).
- РГБ. Собр. Попова (ф. 236). № 59.
- Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977.
- Русская историческая библиотека. 2-е изд. Т. 6. СПб., 1906.
- Русская историческая библиотека. Т. 7. СПб., 1910.
- Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Вып. 2. М., 1987.
- Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
- Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1892.
- Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
- «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Султанов Т. И.* Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975 г. М., 1978.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884; Т. 2. М.; Л., 1941.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М., 1960.
- Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986.

- Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.
- Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. // Записки Новороссийского университета. Т. 1. Одесса, 1867.
- Catalogus fontium historiae Hungariae. Т. 1. Budapestini, 1937.
- Documente privitoare la istoria Românilor. Bucuresti, 1887.
- Fejér G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Т. V, 3. Budaе, 1830; Т. VI, 2. Budaе, 1830.
- Gołębiowski Ł.* Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. Т. 3. Warszawa, 1848.
- Ioannis Dlugossii senioris canonici Cracoviensis opera. Т. 14. Cracoviae, 1878.
- Lietuvos Metrika. Kniga N 5. Vilnius, 1993.
- Monumenta germaniae historica: Scriptorum. Т. 17. Hannoverae, 1861.
- Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 6: Codex epistolaris vitoldi. Kraków, 1882.
- Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 19: Acta Aleksandra, Krola Polskiego, w. księcia litewskiego (1501—1506). Kraków, 1927.
- Rachunki wielkorządowe krakówskie z r. 1471. Kraków, 1951.
- Scriptores rerum Hungaricarum. Т. 1. Budapestini, 1937; Т. 2. Budapestini, 1938.

Литература

- Азбелев С. Н.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.
- Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
- Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
- Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы. М., 1992.
- Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998.
- Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV века. М., 1952.
- Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Белякова Е. В.* Учреждение автокефалии русской церкви в политический мысли XV—XVI вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995.
- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

- Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46.
- Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51.
- Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876.
- Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 1995.
- Борисов Н. С.* Политика московских князей: конец XIII — начало XIV века. М., 1999.
- Буганов В. И.* От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига (1380—1480 гг.) // Куликовская битва. М., 1980.
- Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960.
- Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863—1867. Ч. 1—4.
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь, 1997.
- Веселовский Н. И.* Заметки по истории Золотой Орды // Изв. ОРЯС АН. Пг., 1915. Т. 21. Кн. 1.
- Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пг., 1922.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974.
- Водов В.* «Долгъ бесеменьскыи и проторъ и русскыи долгъ» в договорной грамоте Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским // *Russia mediaevalis*. München, 1977. Т. III.
- Воронцов-Вельяминов Б. А.* К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М., 1977.
- Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV века. Киев, 1891.
- Горский А. А.* «Повесть о убиении Батяя» и русская литература 70-х гг. XV в. // Средневековая Русь [Вып.] 3. М., 2001.
- Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. М., 1996. [Вып.] 1.
- Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Горский А. А.* Москва, Тверь и Орда в 1300—1339 годах // Вопросы истории. № 4.
- Горский А. А.* О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996.
- Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3.

- Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в начале XIV в. и московско-ордынские отношения // *Russia medievalis*. Т. VII, 1. München, 1992.
- Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996.
- Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М., 1974.
- Горский А. Д.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978.
- Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. (Некоторые итоги и задачи ее изучения в исторической науке) // *Вести. МГУ. Сер. История*. 1980. № 4.
- Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. М., 1983.
- Горский А. Д.* Отражение татаро-монгольского ига в русских актах XIV–XV вв. // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвященных Льву Владимировичу Черепнину*. М., 1972.
- Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1937; 2-е изд. М.; Л., 1952.
- Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.
- Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963.
- Григорьев А. П.* «Ярлык Едигея»: анализ текста и реконструкция содержания // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Л., 1988. Вып. 11.
- Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Л., 1983. Вып. 7.
- Григорьев А. П.* О времени написания «ярлыка» Ахмата // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Л., 1987. Вып. 10.
- Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-волинської літописи // *Записки наукового товариства ім. Шевченка*. Львів, 1901. Т. 41, кн. 3.
- Грушевський М. С.* История Украины — Руси. Львів, 1907. Т. 4.
- Дианова Т. В.* Филигрань «кувшин» XVII в. М., 1989.
- Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4.
- Долмановш И.* Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские анало-

- гии некоторым европейским «репифугиям» // *Études historiques hongroises 1985 publiées à l'occasion du XVI Congrès international des Sciences Historiques par le Comité National des Historiens Hongrois*. Budapest, 1985. Bd. 1.
- Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // *Куликовская битва*. М., 1980.
- Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Емченко Е. Б.* Стоглав: исследование и текст. М., 2000.
- Жгутов А. В.* Многовековая тайна Твери. Тверь, 1998.
- Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
- Зайцев И. В.* «Вольная грамота» турецкого султана «некоему русину» // *Тюркологический сборник*. 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003.
- Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004.
- Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991.
- Зимин А. А.* Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // *Археографический ежегодник за 1961 год*. М., 1962.
- Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
- Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
- Исаевич Я. Д.* Галицко-Волынское княжество в конце XIII — начале XIV в. // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1987 год. М., 1989.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1992. Т. 4.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1819. Т. 6.
- Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1980.
- Каргалов В. В.* На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII–XVIII вв. М., 1998.
- Каштанов С. М.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI вв. // *ВИД*. Л., 1979. Вып. 11.
- Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980.
- Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского.
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.

- Клосс Б. М.* Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In *метогиам*: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.
- Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI–XV вв. (материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1.
- Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984.
- Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.
- Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1988. Кн. 2.
- Князький И. О.* Русь и степь. М., 1996.
- Кобозев Ю. А., Кобозева Г. В., Хохлов А. Н.* К вопросу о локализации Бортеневского сражения 1317 года // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997.
- Коновалова И. Г.* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1990 год. М., 1991.
- Конявская Е. Л.* Повести о Шевкале // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988.
- Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. М., 1995.
- Куликовская битва 1380 г.: Указатель литературы // Куликовская битва. М., 1980.
- Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.
- Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра» // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18.
- Кучкин В. А.* Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6.
- Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Кучкин В. А.* Договор Калитовичей (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984.
- Кучкин В. А.* К датировке «Задонщины» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985
- Кучкин В. А.* К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989.

- Кучкин В. А.* Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993.
- Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. М., 1990. Вып. 1.
- Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XII—XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974.
- Кучкин В. А.* О термине «дети боярские» в «Задонщине» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1997.
- Кучкин В. А.* Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1.
- Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 9.
- Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.
- Кучкин В. А.* Последний договор Михаила Ярославича Тверского // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997.
- Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 54—59.
- Кучкин В. А.* Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.
- Кучкин В. А.* Тверской источник Владимирского полихрона // Летописи и хроники: 1976 г. М., 1976.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV в. М., 1984.
- Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996.
- Кучкин В. А., Флоря Б. Н.* О dokonчании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979.
- Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1898.
- Лурье Я. С.* Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48.
- Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40.
- Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. СПб., 1994.
- Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
- Лурье Я. С.* Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997.
- Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение центра. Л., 1929.
- Назаров В. Д.* Конец золотоордынского иго // Вопросы истории. 1980. № 10.

- Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России: XII — начало XX в. М., 1975.
- Назаров В. Д.* Русь накануне Куликовской битвы // Вопросы истории. 1978. № 8.
- Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.
- Назаров В. Д.* Ярлык Хаджи-Герая Казимиру IV и русско-литовские отношения // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988.
- Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969.
- Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. VII сер. Отд. гуманитарных наук. 1930. № 9–10.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
- Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа: Последняя четверть XV — первая половина XVI в. М., 1990.
- Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 2. М., 1973.
- Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского пед. ин-та. Красноярск, 1958. Т. 13, вып. 2.
- Павлов П. Н.* Решающая роль борьбы русского народа в окончательном освобождении Руси от татарского ига // Учен. зап. Красноярского пед. ин-та. Красноярск, 1955. Т. 4. Вып. 1.
- Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981.
- Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
- Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1913. Ч. 1.
- Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Пономарев Г.* Значение Бортеневского сражения в судьбе тверского князя Михаила Ярославича // Михаил Ярославич, великий князь тверской и владимирский. Тверь, 1995.
- Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
- Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940 (переиздание — СПб., 1996).
- Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII в. М., 1994.
- Рудаков В. Н.* Поведение Дмитрия Донского в оценке автора «Повести о нашествии Тохтамыша» // Проблемы источниковедения истории книги. М., 1997. Вып. 1.

- Салмина М. А.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. 32.
- Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // Труды отдела древнерусской литературы. М., 1979. Т. 34.
- Салмина М. А.* Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1970; Т. 25.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пг., 1915.
- Селезнев Ю. В.* «Едигеева рать» 1408 г.: ордынская политика Василия I на рубеже XIV–XV вв. и ее результаты // Новик. Воронеж, 1999. Вып. 2.
- Семенов Л. С.* Хронология путешествия Афанасия Никитина // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986.
- Синицына Н. В.* Автокефалия русской церкви и учреждение Московского патриархата (1448–1589 гг.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Скрынников Р. Г.* История Российская IX–XVII вв. М., 1997.
- Скрынников Р. Г.* Куликовская битва: проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1. М., 1975; Т. 15. М., 1989.
- Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2–3. М., 1988–1989.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895.
- Ставиский В. И.* «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988.
- Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. М., 1959.
- Толочко О. П.* З історії політичної думки Русі XI–XII ст. // Український Історичний журнал. 1988. № 9.
- Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2.
- Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Турилов А. А.* Книга раздачи «поминков» при хиротонии ростовского архиепископа Тихона (1489 г.) // Древнерусское и поствизантийское искусство: Вторая половина XV — начало XVI века. М., 2005.
- Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса. Казань, 1979.

- Усманов М. А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханов Джучиева улуса // *Актовое источниковедение.* М., 1979.
- Фаизов С. Ф.* Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси — России с Золотой Ордой и Крымским юртом (к вопросу о типологии связей) // *Отечественные архивы.* 1994. № 3.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевая орда в улусе Джучи // *Вести. МГУ.* Сер. История. 1970. № 5.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Нижегородского княжества. М., 1989.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Феннелл Дж.* Кризис средневековой Руси: 1200—1304. М., 1989.
- Фетищев С. А.* К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV — начала XV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб., 1994. Т. 25.
- Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // *Куликовская битва.* М., 1980.
- Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // *Проблемы исторической географии России.* М., 1982. Вып. 1.
- Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI вв.: Политическая и культурная деятельность // *Руско-балкански културни връзки през средновековието.* София, 1982.
- Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // *Славяноведение.* 1993. № 2.
- Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. // *Славяне и кочевой мир: средние века — раннее новое время.* М., 1997.
- Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986.
- Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.
- Хорошкевич А. Л.* Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // *Отечественная история.* 1994. № 3.
- Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.
- Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1948. Ч. 1.
- Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: структуры землевладения. М., 1998.

- Чернышов А. В.* Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв. Тверь, 1996.
- Шабульдо Ф. М.* Галицко-Волынское княжество и Тырновская Болгария на пути к политическому сотрудничеству в начале XIV в. // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. Киев, 1990.
- Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
- Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1.
- Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2.
- Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991.
- Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV веков. М., 1991.
- Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.
- Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин В. Л.* О «черном боре» в Новгороде в XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Янин В. Л.* О дате Новгородской Синодальной Кормчей // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3.
- Chernavsky M.* Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory // The Structure of Russian History: Interpretive Essays. N. Y., 1970.
- Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // Manzikert to Lepanto: the Byzantine World and the Turks. 1071–1571. Amsterdam, 1991.
- Croskey R. M.* The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // Slavic Review. 1984. № 2.
- Crummey R. O.* The Formation of Muscovy: 1304–1613. L.; N. Y., 1987.
- Fennell J. L. I.* Ivan the Great of Moscow. L., 1959.
- Fennell J. L. I.* The Emergence of Moscow: 1304–1959. L., 1968.

- Fennell J. L. I. The Tver Uprising of 1327: A Study of the Sources //* Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1967. Bd. 17. H. 2.
- Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985.*
- Halperin Ch. J. The Russian Land and the Russian Tsar // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1976. Bd. 23.*
- Halperin Ch. J. The Tatar Yoke. Columbus (Ohio), 1986.*
- Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptszak. Pest, 1940.*
- Hartog L. de. Russia and The Mongol Yoke: The History of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. L.; N. Y., 1996.*
- Iambor P. Atacurile Cumano-Tatare asupra Transilvaniei in a doua jumătate a veacului al XIII-lea // Anuarul institutului de istorie si arheologie Cluj-Napoca. Cluj-Napoca, 1974. T. XVII.*
- Keenan E. The Yarlyk of Axmed-xan to Ivan III // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1969. Vol. 12.*
- Kolankowski L. Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagellonow. Warszawa, 1930.*
- Koneczny F. Sprawy z Mengh-Girejem // Ateneum Wilienskie. Wilno, 1927. Roczn. IV.*
- Kuczyński S. Ziemia chernihowsko-siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.*
- Lenhoff G. Unofficial Veneration of the Danilovichi in Muscovite Rus' // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание / Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 (UCLA Slavic Studies, New Series. Vol. III). M., 1997.*
- Meyendorff I. Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the XIV-th Century. Cambridge, 1981.*
- Nitsche P. Die Mongolenzeit und der Aufstieg Moskaus (1240–1538) // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1981. Bd. I/1.*
- Noonan Th. S. Forging a National Identity: Monetary Politics During the Reign of Vasilii I (1389–1425) // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание / Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 (UCLA Slavic Studies. New. Series. Vol. III). M., 1997.*
- Roublev M. Le tribut aux Mongols d'après les testaments et accords des princes russes // Cahiers du monde russe et soviétique. P., 1966. T. 7. № 4.*
- Silfen P. H. The Influence of the Mongols on Russia: A Dimensional History. N. Y., 1974.*
- Spuler B. Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland. 1223–1502. Leipzig, 1943.*
- Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953; 2-е изд.: New Haven, 1966.*

- Vodoff W.* Quand a pu être composé le Panegyrique du grand prince Dmitrii Ivanovich, tsar' russe? // Canadian-American Slavic Studies. Toronto, 1979. Vol. XIII, № 1–2.
- Vodoff W.* Remarques sur la valeur du terme «tsar» appliqué aux princes russes avant le milieu du XVe siècle // Oxford Slavonic Papers. New series. Oxford, 1978. Vol. XI.
- Zdan M.* Stosunki Litowsko-tatarskie za czasow Witolda // Ateneum Wileadoc. Wilno, 1930. T. 7.

Содержание

Введение	5
Глава первая. Между Сараем и Исакчой: Даниил Александрович (70-е гг. XIII в. — 1303)	11
Глава вторая. Ослушник двух ханов: Юрий Данилович (1303—1325)	38
Глава третья. Расчетливый вассал: Иван Данилович (1325—1340)	54
Глава четвертая. Приращение сил: Семен Иванович (1340—1353)	63
Глава пятая. Сохранение позиций: Иван Иванович (1353—1359)	72
Глава шестая. К победам военным и дипломатическим: Дмитрий Иванович (1359—1389)	75
Глава седьмая. Отцовская стратегия, собственная тактика: Василий Дмитриевич (1389—1425)	115
Глава восьмая. В преддверии решающих перемен: Василий Васильевич (1425—1462)	137
Глава девятая. Обретение суверенитета: Иван Васильевич (1462—1505)	149
Заключение	180
<i>Приложение I. А. Д. Горский. Отражение русско-ордынских отношений в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV — начала XVI в. . . . .</i>	<i>184</i>
<i>Приложение II. Ярлык Ахмата Ивану III. . . . .</i>	<i>188</i>
<i>Примечания . . . . .</i>	<i>199</i>
<i>Список сокращений. . . . .</i>	<i>273</i>
<i>Библиография . . . . .</i>	<i>274</i>

Горский А.
Г70 Москва и Орда / Антон Горский. — М.: Ломоносовъ. — 2016. — 296 с. —
(История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-304-9

Книга Антона Горского охватывает два с половиной столетия — от появления в 70-х годах XIII века Московского княжества до прекращения в начале XVI века существования Большой Орды. Разителен контраст между положением этих двух государственных образований в начале и в конце их одновременного существования. В конце XIII века с одной стороны — небольшое княжество в бассейне реки Москвы, с другой — огромная держава, раскинувшаяся в степях от Дуная до Иртыша. В начале XVI столетия княжество стало крупнейшим государством Европы, а великая держава исчезла, оставив после себя несколько десятков тысяч мечущихся по степи людей. В книге последовательно излагается история московско-ордынских отношений и в неожиданном ракурсе — исключительно на основе русских, ордынских, литовских, крымско-татарских, арабских и персидских источников — показываются узловые моменты русской истории, в том числе обстоятельства освобождения от ордынской зависимости.

Антон Горский — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до XIX века исторического факультета МГУ.

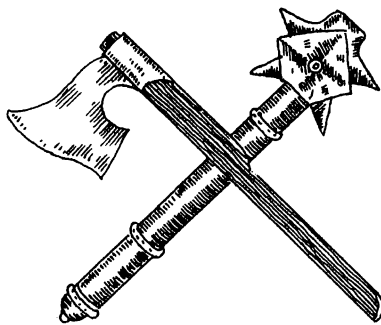
УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 43

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Антон Горский

Москва и Орда

Редактор С. Нащокин
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 11.11.2015.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13,5. Тираж 1000 экз. Зак. 6793.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499)270-73-59

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИВЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ

- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ в Древней Руси и МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН легендарный и ВАВИЛОН исторический
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ и зоология мифических животных
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО в СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ и УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА о ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ и НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО о СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ и НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ в БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ КАРЛ ФИЛИПП, или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ в МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 60 Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
- 61 Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
- 62 Константин Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича
- 63 Виктор Калашников. Русская демонология
- 64 Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. Сюнну, предки гуннов, создатели первой степной империи
- 68 Константин Иванов. Трубадуры, труверы, миннезингеры
- 69 Галина Шебалдина. Заложники Петра I и Карла XII
- 70 Тамерлан — покоритель Азии
- 71 Василий Смирнов. Крымское ханство в XVIII веке
- 72 Яков Канторович. Процессы о колдовстве в Европе и Российской империи
- 73 Татьяна Георгиева. Русская повседневная культура
- 74 Александр Васильев. Византия и крестоносцы. Падение Византии
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простой еды
- 76 Геннадий Левицкий. Великое княжество Литовское
- 77 Василий Веретенников. История Тайной канцелярии Петровского времени
- 78 Олег Ивик. История и география загробного мира
- 79 Константин Иванов. Средневековые замок, город, деревня и их обитатели
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. Лики Срединного царства
- 81 Петр Черкасов. Кардинал Ришелье
- 82 Василий Бартольд. Тюрки
- 83 Древние германцы
- 84 Ирина Опимах. Живописные истории

- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВонию
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. ГУННЫ
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- 98 Илья Кораблев. ГАННИБАЛ
- 99 Дмитрий Боровков. ВЛАДИМИР МОНОМАХ,
КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ
- 100 Петр Черкасов. ШПИОНСКИЕ И ИНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ
- 101 Владимир Горончаровский. РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ:
ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ
- 102 Виктор Бердинских. ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ
- 103 Ауртни Бергманн. ТОРВАЛЬД СТРАННИК
- 104 Геннадий Коваленко. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
В ИНОСТРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ
- 105 Людмила Ивонина. ДРАМА ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ
- 106 Игорь Тантлевский. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ
- 107 Станислав Чернявский. АНТИОХ ВЕЛИКИЙ, «ЦАРЬ АЗИИ»
- 108 Георгий Вернадский. ЗВЕНЬЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
- 109 Владимир Соколов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ
- 110 Антон Горский. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ
- 111 Вера Курская. ИСТОРИЯ ЛОШАДИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Антон Горский

Москва
и Орда

Книга Антона Горского охватывает два с половиной столетия — от появления в 70-х годах XIII века Московского княжества до прекращения в начале XVI века существования Большой Орды. Разителен контраст между положением этих двух государственных образований в начале и в конце их одновременного существования.

В конце XIII века с одной стороны — небольшое княжество в бассейне реки Москвы, с другой — огромная держава, раскинувшаяся в степях от Дуная до Иртыша. В начале XVI столетия княжество стало крупнейшим государством Европы, а великая держава исчезла, оставив после себя несколько десятков тысяч мечущихся по степи людей. В книге последовательно излагается история московско-ордынских отношений и в неожиданном ракурсе — исключительно на основе русских, ордынских, литовских, крымско-татарских, арабских и персидских источников — показываются узловые моменты русской истории.

Антон Горский — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до XIX века исторического факультета МГУ.

ISBN 978-5-91678-304-9

9 785916 783049